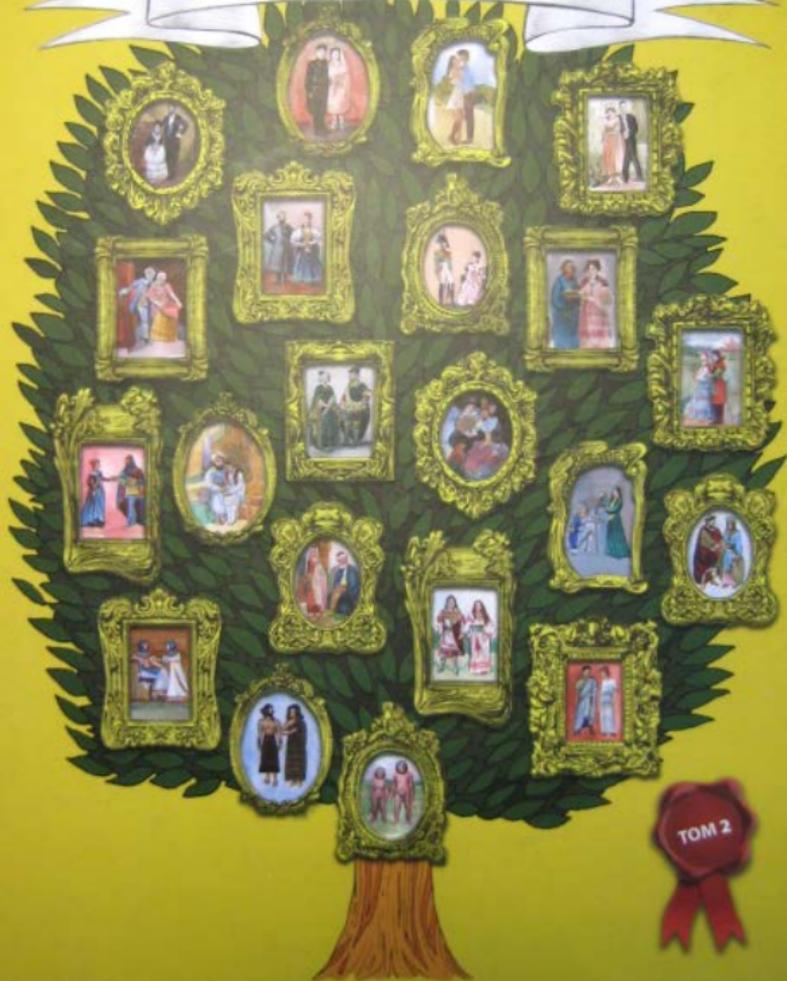

11 — 19 - 1
435 - 2 -

Анатолий Осницкий

ТОТ

ИСТОРИЯ СЕМЬИ И БРАКА

ТОМ 2

Содержит нецензурную лексику

11 19 - 1
435

Анатолий Осницкий

ИСТОРИЯ СЕМЬИ И БРАКА

Опыт исследования состояния
института семьи в историческом
и современном аспектах

ИСТОРИЯ СЕМЬИ И БРАКА

Том 2

Состояние института семьи и брака
в эпоху Средневековья и Возрождения

Библиотека группы
АРХИВЫ. БИБЛИОТЕКИ. ГЕНЕАЛОГИЯ
<https://vk.com/infogen>

Копируем по вашему заказу
документы, книги,
газеты в архивах, музеях,
библиотеках

Санкт-Петербург
РЕНОМЕ
2020

40-2

УДК 173
ББК 88.52
0-75

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМ. В. И. ЛЕНИНА

Художник-иллюстратор
Елена Крикленко

Осницкий, А. В.

0-75 История семьи и брака. Опыт исследования состояния института семьи в историческом и современном аспектах / Анатолий Осницкий. — Т. 2 : Состояние института семьи и брака в эпоху Средневековья и Возрождения. — СПб. : «Реноме», 2020. — 445 с. : ил.

ISBN 978-5-6041351-0-5

ISBN 978-5-00125-268-9 (т. 2)

Книга кандидата психологических наук А. В. Осницкого посвящена анализу состояния межличностных отношений и развитию института семьи и брака в Средние века и в эпоху Ренессанса. В ней рассматриваются проблемы динамики формирования супружеских отношений, воспитания детей, формы добрых и внебрачных связей.

Издание адресовано психологам, историкам, этнографам, а также широкому кругу читателей.

УДК 173
ББК 88.52

Ограничение по возрасту 18+

ISBN 978-5-6041351-0-5

ISBN 978-5-00125-268-9 (т. 2)

© А. В. Осницкий, 2020

© Е. А. Крикленко, иллюстрации, 2020

© Оригинал-макет. ООО «Реноме», 2020

Посвящается милым дамам,
мечтающим о личной независимости,
самостоятельности и автономности

Поднятые в книге Анатолия Осницкого темы исторического развития семейных и брачных отношений в Средние века и в эпоху Возрождения поражают своей актуальностью. История повторяется, и сегодня семья, как и прежде, пытаются загнать в рамки государственных циркуляров и догматов церковного влияния. Исследование, предпринятое автором, с ясной определенностью показывает, что такие попытки внешнего регулирования супружеских и родительских отношений до добра не доводят. Современный тяжелый кризис института семьи и брака имеет свою давнюю историю.

В книге представлен широкий спектр добрачных и брачных взаимоотношений людей в те далекие времена. Рассмотрены различные аспекты семейных отношений, включающие вступление в брак, бытовой уклад жизни, традиции воспитания детей, реакции на кризисы и формы разводов. Автор, используя обширный этнографический материал, правдиво, без цензурных прикрас показывает обычаи и нравы людей в различных этнокультурах.

Прочитав этот труд, я ясно осознал всю мифологичность своих прежних представлений о жизни и отношениях людей в прошлые времена.

Алексей Росляков, психолог

В книге широко раскрываются особенности семейных взаимоотношений в разных культурах эпохи Средневековья и времени Ренессанса. Особое внимание уделяется динамике влияния церковных традиций и социально-политических обстоятельств на семейные ценности и структуру отношений. Книга позволила мне лучше разобраться в мотивации некоторых поступков и убеждений людей, да и своих тоже.

Хочу выразить свою благодарность Анатолию Викторовичу за его книгу, и за помощь, оказанную мне на курсе психотерапии. После его консультаций я смог качественно изменить свои жизненные ориентиры и приобрести много полезных навыков.

Спасибо большое! С нетерпением жду выхода новых книг и видеовыступлений на Вашем YouTube-канале.

Сергей Аверченков, инженер

Мне, художнику-иллюстратору первого тома «Истории семьи и брака», конечно же, было интересно ознакомиться с содержанием второго тома. Все темы, заложенные в первой книге, нашли здесь свое продолжение. Из обширных и подробных описаний, посвященных истории семьи и брака в Европе, арабском мире и Древней Руси, особенно меня впечатлили последние. Не сомневаюсь, что читателям будет интересно узнать малоизвестные исторические факты об отношениях наших предков в семье и за ее пределами. В книге рассказывается о проблемах взаимоотношений супругов, родителей и детей, описываются нравы людей эпохи Средневековья и Возрождения. Особенно хочется отметить удачное сочетание исторических фактов, цитат из древних источников и взглядов разных ученых на проблему становления семьи. Для меня было большим удовольствием читать эту книгу, и я смог по-новому взглянуть на современные отношения в браке и вне его. Уверен, что она будет интересна не только специалистам в области психологии, истории и этнографии, но и самому широкому кругу читателей.

Богдан Чернышев, художник

Книга понравилась. Доступным и ясным языком раскрывается один из важнейших аспектов жизни, который мной до прочтения воспринимался более однобоко. Так же как музыкальное произведение может открыть слушателю гораздо больше красоты, глубины и смысла, если обратиться к самой структуре музыки, ее мелодическому и гармоническому наполнению, которое, постоянно меняясь, сохраняло традиции. Так и в этом случае: интересные факты из прошлого о становлении семьи, различных ее формах, динамике и причинах изменения человеческих отношений и бытового уклада помогают лучше осознать себя в современных условиях жизни. Прочитав эту книгу, я совершенно убедилась в том, что знания в области истории семейных отношений способствуют обретению гармонии в делах и мыслях.

*Виктория Васильева,
студентка вокального отделения СПбГУ*

Книга завораживает уникальностью собранной информации, которая позволяет получить исчерпывающие ответы на вопросы о зарождении современных семейных отношений, раскрыть первопричину существующих в наше время проблем института семьи, провести параллель между тем, что было тогда, и тем, что происходит сейчас. Мне как специалисту, занимающемуся решением семейных конфликтов, книга сможет помочь лучше понимать отношения между супругами и, как следствие, повысить эффективность разрешения семейных проблем. Книга, как мне кажется, будет интересна не только массовому читателю, но и профессионалам, работающим в сфере межличностных отношений.

Михаил Ярцев, главный эксперт Центра медиации
Санкт-Петербургского государственного университета

Семейные отношения — тема настолько же популярная, насколько и таинственная, несмотря на множество трудов, написанных по этой теме.

Серия книг Анатолия Осницкого, психолога и священника, важна тем, что (едва ли не впервые) в ней дан системный исторический обзор того, как изменялись отношения в семье и к семье на протяжении тысячелетий истории. И очень важно, что полнота исторической картины предстает в труде, который написан хорошим современным языком. Надеюсь, это смогут оценить многочисленные читатели.

Григорий (Михнов-Вайтенко),
епископ Апостольской православной церкви

Часть I

Семейные отношения эпохи Средневековья в странах Западной Европы

Меровинги, Каролинги, Капетинги

С середины III века в Европе началась эпоха великого переселения народов. На протяжении пяти столетий народы Северного полушария непрерывно мигрировали на юг. Основными причинами возникновения этого движения были изменения климатических условий — начало глобального похолодания, обозначаемое как малый ледниковый период, увеличение численности населения среди варварских племен и формирование основ государственности в виде создания военно-экономических племенных союзов, способных к захвату новых территорий.

В 239 году плчища готов вторглись в пределы Римской империи. Вслед за ними начались регулярные нашествия саксов, франков, вандалов и других племен. Римские легионы долгое время отражали натиск варваров, но в конце концов, в 378 году, в сражении при Адрианополе, император Валент потерпел крупное поражение от готов под предводительством Фритигерна. В августе 410 года вестготы, возглавляемые Аларихом, захватили и разграбили Рим. Несколько лет спустя, в январе 414 года, преемник Алариха — Атаульф — женился на сестре римского императора Гонория — Галле Плацидии, которая была заложницей у готов еще со времен осады Рима. Своей невесте король подарил пятьдесят чаш с драгоценными камнями, награбленными в Риме. Их брак оказался недолгим. Овдовев в 415 году, Галла Плацидия была вскоре выдана братом за успешного полководца Флавия Констанция. Впоследствии она получила титул Августы (императрицы) и правила землями Западной Римской империи от имени своего малолетнего сына Флавия Плацида Валентиниана. В 418 году император Гонорий предоставил вестготам для поселения земли на юге Галлии. Так появилось первое варварское Вестготское

королевство, которое вскоре захватило все земли в Галлии и на территории Испании.

4 сентября 476 года предводитель германских племен Одоакр принудил последнего римского императора Ромула Августа отречься от престола. Западная Римская империя, процветавшая 12 веков, перестала существовать. Вместе с ней закончилась и эпоха Античности. Так во второй половине V столетия наступило время Средневековья.

Племена варваров были разделены и образовали множество мелких королевств. Наиболее влиятельным и могущественным было королевство салических франков во главе с Хильдериком, считавшимся сыном легендарного короля Меровея, от имени которого происходит название династии Меровингов. До провозглашения себя королем, приблизительно в 457 году, Хильдерик служил в легионах Римской империи. Территория его владений занимала север современной Франции и Бельгии с центром в городе Турне. Средневековый историк франков святой Григорий Турский характеризовал Хильдерика как человека храброго, но чрезмерно развратного.

«Когда Хильдерик был королем над франками, он, отличаясь чрезмерной распущенностью, начал развращать их дочерей»¹. За соращение дочерей франков он был лишен королевской власти и вынужден был бежать в Тюрингию, под защиту короля Базина, прихватив с собой половину золотого запаса королевства. Через некоторое время салические франки, недовольные властью римлян, вновь позвали Хильдерика на королевский трон, и тот вернулся, вместе с влюбленной в него женой тюрингского короля Базинной. По легенде, она сама попросила его руки и приблизительно в 463 году вышла за него замуж. Судя по всему, эта женщина обладала чрезмерным честолюбием и тщеславием. Григорий Турский писал о ней: «Базина, о которой мы упоминали выше, оставив мужа, пришла к Хильдерiku. Когда Хильдерик, озабоченный этим, спросил о причине ее прихода из такой далекой страны, говорят, она ответила: "Я знаю твои доблести, знаю, что ты

очень храбр, поэтому я и пришла к тебе, чтобы остаться с тобой. Если бы я узнала, что есть в заморских краях человек достойнее тебя, я сделала бы все, чтобы с ним соединить свою жизнь»². Хильдерик с радостью женился на ней. От этого брака у них родился сын, которого Базина назвала Хлодвигом.

Впоследствии Хлодвиг стал наследником трона и сумел объединить земли Галлии под своей властью. Будучи единовластным правителем франков, он получил официальное признание со стороны правителя Восточной Римской империи Анастасия I, пожаловавшего ему титул почетного консула с правом использования имперской символики. Столицей новообразованного королевства он сделал Париж.

Хлодвиг I женился рано. Имя его первой жены неизвестно, но Св. Григорий Турский упоминал, что от этого брака у короля родился сын Теодорих³. Приблизительно около 485 года Хлодвиг женился во второй раз. Его избранницей стала дочь одного из франкских королей, скорее всего, короля рипуарских франков Сигиберта Хромого. В 493 году он женился на дочери короля Хильперика II бургундской принцессе Хродехильде, которая была христианкой и настойчиво просила супруга признать Христа своим владыкой. Король не желал отходить от веры предков и не внимал ее уговорам. Однако, как свидетельствует Св. Григорий Турский, в 496 году в битве под Тольбиаком с превосходящими силами алеманнов Хлодвиг уверовал и просил заступничества у единого христианского Бога. В результате предпринятой после молитвы отчаянной атаки франки обратили противника в бегство и одержали победу⁴. В 498 году епископ Реймский Ремигий крестил Хлодвига I с тремя тысячами его воинов. Крещение короля, безусловно, способствовало укреплению его власти и обеспечивало ему как поддержку ортодоксально-никийского духовенства, так и благожелательное отношение галло-римского населения.

¹ Там же.

² Там же. С. 49.

³ Там же. С. 41.

⁴ Там же. С. 41.

¹ Григорий Турский. История франков. М., 1987. С. 41.

Умер Хлодвиг в Париже в 511 году, оставив все свои земли в наследство сыновьям. Сын от первого брака унаследовал земли Реймса, сыновья от брака с Хродехильдой разделили между собой остальные территории огромной франкской империи. Хлодомир сел в Орлеане, Хильдеберд — в Париже и Хлотарь — в Суассоне.

Раздробление некогда единого государства на суверенные части неизбежно приводило к территориальным претензиям и междоусобным войнам, которые в течение последующих 250 лет непрерывно происходили внутри меровингской династии. Властные франкские государи для укрепления своей военной мощи раздавали завоеванные земли своим приближенным соратникам. Во главе этих рыцарей стоял особый управляющий, доверенное лицо короля — майордом (лат. *maior domus* — «старший в доме»). В результате междоусобных войн экономическое и политическое могущество майордомов постоянно возрастало, что, естественно, приводило к ослаблению королевской власти. Былое единство и могущество франкских государей было ненадолго восстановлено в начале VII века при правлении королей Дагоберта и Хильдерика II, однако после смерти последнего все вновь пришло в упадок. Последние правители франков получили прозвище «ленивых королей», поскольку реальную власть они полностью передали своим майордомам.

Одним из таких влиятельных майордомов был талантливый военачальник Карл Мартелл, который родился от связи Пипина Геристальского и его наложницы Альпаиды.

Отец Мартелла был знатным и влиятельным майордомом двора Теодориха III, одного из последних королей династии Меровингов. Мать была незнатного происхождения, но Пипин питал к ней глубокие и нежные чувства. Поскольку Карл являлся незаконнорожденным ребенком, он не имел права на отцовское наследство. Само его имя, происходившее от тевтонского *karal* — «мужчина», обозначало принадлежность к низшему классу свободных людей или даже статус рабов. Однако этот сын простолоудинки покрыл себя такой славой, что его имя стало одним из самых популярных в королевских семьях Европы.

После смерти Пипина в декабре 714 года наследником стал его шестилетний внук, а честолюбивая вдова Плектруда была объявлена регентшей при малолетнем правителе. Сосредоточив в своих руках всю власть в королевстве, она во избежание претензий со стороны пасынка заточила его в тюрьму без всяких объяснений. Однако вскоре среди придворных, недовольных ее правлением, началась смута, переросшая в народное восстание, и Карл, воспользовавшись беспорядками в городе, бежал из тюрьмы. Через некоторое время ему удалось, пользуясь именем отца, собрать внушительное войско и захватить резиденцию Плекруды, отняв у нее бразды правления и государственную казну. Та, не пережив потерю власти и богатства, скоропостижно скончалась, а Карл стал некоронованным полновластным хозяином страны. Он сумел вновь объединить и даже расширить территории франкского государства. В битве при Пуатье он наголову разбил исламское войско под командованием наместника провинции аль-Андалус Абдур-Рахмана ибн Абдаллаха.

В течение двадцати пяти с половиной лет Мартелл властвовал над всеми землями франков. Для укрепления государства Карл конфисковал часть церковных земель и в качестве бенефиция — пожизненного пользования — обязательством несения королевской военной службы — раздал их своим приближенным. Так среди франков стали устанавливаться феодальные отношения.

Карл был дважды женат. От первой законной супруги Ротруды у него было трое детей — сыновья Карломан, Пипин и дочь Хильтруда. Вторая супруга Свангильда была привезена Карлом из баварского похода в качестве военного трофея и после смерти Ротруды заняла ее место. От второго брака родился сын Грифон. От наложниц были рождены бастарды: Иероним, Бернар, Жером, Реми, Ландрада и Альда. После смерти Мартелла в 741 году земли франков были разделены между Карломаном, Пипином и Грифоном, причем большая часть территорий досталась детям от первой жены — Карломану и Пипину.

Вполне естественно, что в таких обстоятельствах возникли территориальные претензии, которые привели к междоусобной войне.

Обделенный Грифон, подстрекаемый своей матерью Свангильдой, овладел городом Лаудун (Лан) и потребовал себе равной доли с братьями. Карломан и Пипин осадили город, принудили Грифона сдаться и заточили его в Арденнский замок.

В 742 году Карломан и Пипин напали на герцогство Алемания. Упорная война продолжалась три года. Наконец, в 746 году Карломан вступил с алеманнами в переговоры и с помощью измены взял всю их армию в плен. Герцог Алемании Теобальд был захвачен и приговорен к смерти. Вслед за тем в Каннштадте Карломан велел тысячами убивать его приверженцев. Вся Алемания была опустошена, однако после всех этих злодеяний власть перестала привлекать Карломана. В 747 году он постригся в монахи, свои земли и управление государством передал брату.

Пипин Короткий, несмотря на малый рост, был не только хребцом, как его отец, но и весьма искусным политиком. Он успешно подавлял смуты и мятежи, поддерживал и защищал интересы церкви, предоставляя Ватикану военную помощь. В свою очередь, папа римский благословил восхождение Пипина на франкский престол и под страхом отлучения от церкви запретил избирать королей из какого-либо другого рода.

Еще в первой половине 740-х годов (точная дата неизвестна) Пипин женился на дочери графа Хариберта де Лаона — Бертраде Лонской по прозвищу «Большая нога». Прозвище она получила из-за врожденной косолапости, одна нога у нее была короче другой. От этого брака родилось девять детей. 28 июля 754 года в аббатстве Сен-Дени Пипин Короткий вместе с женой и двумя сыновьями, Карлом и Карломаном, были коронованы папой Стефаном II.

Супружеские отношения не были безоблачными, и одно время, по неизвестным нам причинам, Пипин хотел развестись с Бертрадой и жениться на некоей женщине по имени Англа, дочери Теодрады, но этому решению короля воспротивился папа и брак был сохранен.

Пипин Короткий правил Франкским государством 27 лет. Из них 10 лет как майордом и 17 — как король. Умер он 24 сентября

768 года от водянки. Перед смертью, созвав духовенство и вельмож в аббатстве Сен-Дени, он разделил королевство между двумя сыновьями, Карлом и Карломаном.

Бертрада после смерти мужа стала королевой-матерью и имела большое влияние на своих сыновей. Оказывая им помощь в управлении государством, она в какой-то степени определяла проводимую ими политику. Несмотря на старания матери, ее сыновья не ладили между собой. Опасаясь друг друга, они старались заручиться поддержкой соседних владетельных государей. Дабы не допустить сговора между Карломаном и королем лангобардов Дезидерием, Карл по совету матери женился на его дочери Дезидерате. Это был политический брак, новая супруга была безвольной, некрасивой, и к ней Карл чувствовал лишь плохо скрываемое отвращение. К тому же ему пришлось отправить в монастырь свою первую жену Химильтуду, от которой он имел сына, Пипина Горбатого.

Карл укрепил свои позиции, но взаимные претензии родственников продолжали усиливаться. Они вполне могли бы закончиться братоубийственной войной, но в декабре 771 года Карломан неожиданно умер и Карлунаследовал его земли. После смерти брата Карл не видел больше необходимости поддерживать союз с лангобардским королем и отправил Дезидерату обратно к ее отцу. Вскоре он познакомился с тринадцатилетней красавицей Хильдегардой, дочерью графа Герольда I из Виннгау. Карл без памяти влюбился и женился на ней. Хильдегарда была жизнерадостной и страстной женщиной, она сопровождала мужа во всех его походах, разделяя с ним все тяготы военной жизни. Своими преданностью, терпением, умом и нежной любовью она оказала значительное влияние на своего супруга.

В этом счастливом браке Хильдегарда родила мужу девяти детей: сыновей Карла, Пипина, Людовика, Лотаря и дочерей Аделаиду, Ротруду, Берту, Гизелу, Хильдегарду. Через двенадцать лет счастливого замужества она умерла, не выдержав тягот походной жизни, которую она разделяла вместе с Карлом. Вместе с ним вся страна оплакивала ее кончину.

Хильдегарда сопровождала мужа во всех его походах

Несмотря на тяжелую утрату и пытаясь восполнить ее, сорокаоднолетний король через несколько месяцев женился на восемнадцатилетней Фастраде, дочери тюрингского графа Радульфа, и в скором времени попал под ее влияние. К сожалению, новая супруга не обладала качествами Хильдегарды. Высокомерная, властная, ревнивая, завистливая и жестокая, она настраивала Карла против тех, кто был ей неприятен, и без всякой причины подвергла гонениям честных людей. Коварство Фастрады и ее дурное влияние на короля породили заговор против правящей четы. Зимой 792 года заговорщики объединились вокруг Липина Горбатого и собирались убить короля и королеву, и лишь случайность помешала осуществлению их плана. От дьякона церкви Святого Петра в Регенсбурге Фардульфа, подслушавшего заговорщиков, Карл узнал о грозящей опасности. Сторонников Липина казнили, его самого жестоко избили, постригли в монахи. Однако эти события встревожили короля, и он стал остерегаться советов

супруги. В 794 году во время церковного синода во Франкфурте-на-Майне Фастрада скончалась от неизвестной болезни. В том же году пятидесятидвятилетний Карл женился на четырнадцатилетней графине Лиутгарде Алеманской. Это была достойная женщина, она обладала благородством, трудолюбием и красотой. Король, несмотря на свой возраст, был красивым и обаятельным мужчиной, и юная Лиутгарда влюбилась в него, а он испытал рядом с пятой женой вторую молодость. К нему вернулись былой оптимизм и жизненная сила.

Счастливый в любви, Карл добился больших успехов и в управлении страной. Будучи талантливым полководцем, храбрым воином и незаурядным политиком, Карл значительно увеличил и укрепил территории Франкского государства. Еще в 774 году он, с благословения папы римского, занял Ломбардию и присоединил ее к своему королевству. Позднее, подавив восстание саксов на севере, он стал полноправным хозяином их земель, а в 796 году, одержав победу над потомками гуннов аварами, расширил территорию своего государства и на востоке. При его правлении Франкское королевство включало в себя все земли Западной Европы. В 800 году папа Лев III провозглашает Карла императором с титулом «Великий».

Кроме расширения внешних границ Карл Великий большое внимание уделял внутреннему благоустройству своего обширного государства. Он создал весьма эффективную административную систему, разделил страну на области и назначив туда своих наместников.

Для своего времени Карл был весьма образованным человеком. Помимо родного языка — германского диалекта, он прекрасно знал разговорную и классическую латынь, постоянно учился и способствовал распространению грамотности. Как дальновидный политик он прекрасно понимал значение образования для развития государства и в 789 году приказал создать сеть школ, чтобы «дети могли научиться читать».

Карл Великий начал менять обычай наследования среди франков и утверждать принцип примогенитуры — передачи отцовских владений старшему сыну. После смерти императора в 814 году

в соответствии с его волей преемником франкского трона стал его старший сын Людовик I Благочестивый. Унаследовав трон отца, он успешно продолжал политику Карла Великого, сохранив единство и целостность Франкской империи. Это давалось Людовику нелегко, и в последние годы жизни ему пришлось ради этого воевать с собственными детьми. Централизованное управление огромной территорией оказывалось все менее эффективным, а короли, находившиеся в вассальной зависимости от императора, обрели все большую экономическую и военную силу. Со временем они стали претендовать и на политический суверенитет. Вследствие этих процессов империя постепенно погружалась в глубокий социально-экономический и политический кризис, который после смерти Людовика Благочестивого в июне 840 года привел к ее распаду на несколько государств. При разделе империи по Верденскому договору 843 года образовались три независимых королевства: Западно-Франкское (Франция) во главе с Карлом II Лысым, Восточно-Франкское (Германия) во главе с Людовиком II Немецким и Среднее (Италия), доставшееся Лотарю. В дальнейшем в этих государствах происходили постоянные разделы и переделы земель, королевства все больше дробились и обособлялись.

Ослаблением централизованной власти на территории бывшей Франкской империи воспользовались племена викингов. На своих небольших судах (драккарах) в 843 году они поднялись вверх по Сене и заняли Париж. Тогда Карлу Лысому удалось откупиться от викингов, и те покинули Францию. Однако в 885 году их двадцатитысячное войско на 700 драккарах снова осадило Париж. Командующий городским гарнизоном граф Эд в течение года защищал столицу, и викинги так и не смогли завоевать ее. Дворянство, недовольное правлением Карла Толстого, избрало королем Эда. Рост экономического могущества феодалов на местах ослаблял королевскую власть, и в 893 году архиепископ Фулькон в Реймсе помазал на царствование четырнадцатилетнего короля Карла Простоватого, сына Людовика Заики из прежней династии. С его коронацией во Франции вновь продолжилось правление Каролингов. Последующие потомки Карла Великого

не были успешными правителями, и в 983 году их сменила новая династия, основанная Гуго Капетом.

Прозвище «Капет» было образовано от латинского слова *capra*, обозначающего головной убор аббатов. Его отца Гуго Великого и его самого называли так потому, что они были светскими аббатами⁵ ряда монастырей — таких как Сен-Жермен-де-Пре, Сен-Дени, Сен-Мор-де-Фоссе и других.

Капетинги утвердились на французском престоле и правили страной до 1328 года. При них начала складываться классическая система феодальных отношений между сеньорами и вассалами, когда последние находились под покровительством и защитой первых. Сеньоры давали своим вассалам лены — земельные владения вместе с крестьянами. Вассалы, в свою очередь, обязаны были служить своему сеньору в его войске, платить дань и хранить верность и преданность. Владения сеньора передавались по наследству его детям, и вассалы присягали на верность наследникам. При Капетингах в результате ленного землевладения Франция состояла из ряда небольших, относительно самостоятельных территорий — доменов, где полными хозяевами были сеньоры. Королевский домен занимал территорию между Компьеном и Орлеаном. Однако Гуго Капету удалось объединить под своим началом всю территорию государства. Король стал главным сеньором Франции, и ему должны были подчиниться все остальные. Гуго установил правила наследования королевской власти, при которых престол занимал старший сын короля. Эта традиция наследования способствовала дальнейшему объединению и усилению Франции. После смерти короля Гуго его место занял старший сын Роберт II.

Последним из прямых потомков Гуго Капета был Карл IV Красивый, затем их сменили Капетинги из семейства Валуа — от Филиппа VI до Генриха III, которые правили франками с 1328 до 1589 года. В 1589-м трон перешел к Генриху IV — первому королю из семейства Капетингов-Бурбонов. Бурбоны были последними королями в истории Франции.

⁵ Светские аббаты — феодалы, получавшие прибыль от аббатства, в повседневную жизнь которого они не вмешивались.

Утверждение христианской церковной идеи

Начиная с IV века в Европе происходили бурное развитие христианской религиозной идеи и повсеместное утверждение апостольской церкви. За первые четыре столетия новой эры из маленькой иудейской общины последователей Иисуса из Назарета она превратилась в мощную имперскую церковь. «Симфонический» союз церкви и государства привел к определенному и весьма важному изменению форм и содержания этих социальных систем. Наиболее тяжело и, даже можно сказать, трагически эти изменения отразились на церкви. Сливаясь с государством, получая от него социальную поддержку и экономическое обеспечение, новая церковь, призванная проповедовать идеи любви, добра и творческого созидания, стала превращаться во властный директивный социальный институт со своим управленческим аппаратом, исполняющий государственную функцию идеологического влияния, контроля и регулирования жизнедеятельности людей. Святое служение Царю Небесному стало постепенно заменяться служением царям земным и самой себе как власти духовной.

Получив в Риме статус государственной религии, христианская доктрина в ее церковно-государственной форме стала быстро распространяться среди варварских народов. Уже к 883 году один из образованных варваров по имени Ульфилас создал готскую письменность и перевел на готский язык Библию. Столкновение христианства с римскими и варварскими языческими традициями породило в раннем Средневековье массу различных и весьма противоречивых учений. Ортодоксальные христианские богословы направляли свои усилия на выработку основных единых догматов новой церкви, которые бы могли успешно решать как теологические и эзотерические проблемы, так и регулировать вопросы повседневной жизни новообращенных христиан. В этой последней сфере отцы церкви должны были переосмыслить и преобразовать положения римского брачного права и семейные обычаи варварского мира в соответствии с христианскими нормами.

В мирской жизни, несмотря на весьма значительное влияние христианских идей, население новых формирующихся европейских государств больше опиралось в своих семейных отношениях на старые традиции и обычаи предков. Порой новый культ смешивался с прежними языческими верованиями. Восприятие новых христианских святых мало отличалось от понимания мистических сил прежних языческих идолов. Похожим было и обращение с ними. Так, виноградари Франконии в неурожайные годы наказывали побоями изображение святого Урбана. Элементом скульптурных изображений святых Жила Котентенского, Рене Анжуйского и Гиньоля являлись большие детородные члены, и бесплодные женщины отщипывали от их деревянных фаллосов кусочки и настаивали на них вино. В некоторых местах, если святые заступники не оправдали ожиданий, их статуи топили в воде или запирали в темные чуланы, отказывая им в почитании. Многие языческие праздники сохранились в новом христианском облики. Так, например, праздник Сретения Господня совмещался с римским огненным шествием, а из летнего солнцестояния возникло почитание Иоанна Крестителя.

Вообще в Средневековье перекочевало немало брачных и внебрачных обычаев и традиций Древнего мира. Нормализация семейных отношений стала одной из важнейших функций и миссий христианства. В связи с этим необходимо отметить, что, несмотря на все различия, взгляды на брак в римском, варварском и христианском мирах во многих аспектах совпадали. Так, например, всеми признавались необходимость экзогамии, запрет ищеста и первостепенное значение семейной ячейки. Все сходилось в признании более высокого статуса мужчины и власти мужа как главы домохозяйства.

В таких условиях церкви необходимо было выработать точные и вполне внятные установки для изменения мировоззрения и сознания людей. В повседневной, обыденной жизни эта проблема касалась, прежде всего, освоения христианских основ и нового понимания принципов семейных отношений. Богословы пытались определить новую сущность брака, осознать, что он из себя представляет. Утверждая христианские идеи, отцы церкви

пытались на основе разумной общности с прежним языческим опытом выработать новые канонические основы брака.

Не о плотском думайте, но спасайте душу!

Проблема, однако, заключалась в том, что и в текстах Священного Писания новой церкви не было столь необходимого однозначного единства по этому вопросу. В Ветхом Завете брак и сексуальные отношения мужчин и женщин рассматривались как естественное и благое состояние, поскольку это было исполнением Божьей воли. «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю...» (Быт. 1: 27–28). Новый же Завет, напротив, приписывал высшую ценность целомудрию и отрицал какую-либо благодатность сексуальных отношений. Полезность брака в Новом Завете рассматривалась как неизбежная уступка

человеческой слабости, неспособной противостоять сексуальному зову похотливой природы. Ветхозаветная «Песнь песней» утверждала ценность плотской человеческой любви, тогда как Новый Завет объявлял сексуальность грехом: «...всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем» (Мф. 5: 28). Ветхий Завет формально запрещал прелюбодеяние и инцест, но его персонажи имели по несколько жен и наложниц. Отсутствие единых требований просматривалось и в вопросах, касающихся прав и обязанностей супругов, и в вопросах расторжения брака. Согласно Ветхому Завету, муж мог развестись с женой в любое время по своему желанию, тогда как Новый Завет не только одобрял моногамию, но объявлял брачные узы нерасторжимыми. Оправданием развода могла служить лишь супружеская измена. В Евангелии от Матфея сказано: «...кто разведется с женою своею не за прелюбодеяние и женится надругой, тот прелюбодействует» (Мф. 19: 9). Если Ветхий Завет утверждал примат мужа над женой, то новозаветные предписания предполагали относительное равенство полов и одинаково осуждали проступки любого из супругов. Об этом есть свидетельства в Евангелии от Марка: «Кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее; и если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует» (Мк. 10: 11–12).

В основе церковных положений о браке лежало учение Св. апостола Павла, изложенное в его посланиях. Поводом к написанию Послания к коринфянам послужило то, что в их христианской общине допускались сексуальные отношения, греховные с точки зрения церкви. В частности, у них был обычай, позволявший детям вступать в половую связь со своими мачехами. Апостол Павел считал необходимым предостеречь членов общины и обратился к ним со словами: «А о чем вы писали ко мне, то хорошо человеку не касаться женщины. Но, во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа. Муж оказывай жене должное благорасположение; подобно и жена — мужу. Жена не властна над своим телом, но муж; равно и муж не властен над своим телом, но жена. Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а потом

опять будьте вместе, чтобы не искушал вас сатана невоздержанием в вашем. Впрочем, это сказано мною как позволение, а не как повеление. Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе. Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Кор. 7: 1–5). Таким образом, святой апостол Павел почитал брак за неизбежное зло, но гораздо меньше, чем зло греховности в прелюбодеянии и блуде.

Конечно, подобные предписания разительно отличались от римских и варварских понятий о семье. В противоположность древним представлений о браке, который воспринимался как средство для решения имущественных вопросов и сексуальных потребностей, христианство предлагало более возвышенные идеальные побуждения. Блаженный Августин полагал, что брак должен рассматриваться как мистическое таинство и вечный союз, включающий в себя три основных компонента: веру, потомство и священные узы, связывающие не только два лица, но два рода. В соответствии с учением Августина церковью запрещались брак между родственниками по крови и по браку, а также инцест. Также запрещался конкубинат и все другие виды полигамии. Развод осуждался в соответствии со Священным Писанием: «...что Бог сочел, того человек да не разлучает» (Мф. 19: 6). Один из ранних отцов церкви — миланский архиепископ Св. Амвросий — в IV веке писал: «Не ищите развода, потому что вам не будет позволено жениться во второй раз, пока жива ваша жена... Это грех прелюбодеяния... И не думайте, что искать вашему греху оправдания в законе»⁶.

Такого же мнения придерживался и крупнейший богослов IV века святой Иоанн Златоуст. Уподобляя брак рабству, он писал: «Господь не предоставляет мужу власти изгонять жену из дома; а Павел лишает его власти и над собственным телом, передавая всю власть над ним жене и подчиняя его больше купленному раба. Рабу часто можно бывает получить совершенную свободу,

если он будет в состоянии, собрав довольно серебра, внести за себя плату господину; а муж, хотя бы имел жену несноснейшую из всех, обязан переносить рабство и никак не может найти освобождения от него и выхода из этого подчинения». При этом богослов никак не отрицает ценности брака: «Брак есть добро, потому что сохраняет мужа в целомудрии и не допускает погибнуть уклоняющемуся в прелюбодеяние. Посему не оуждай брака; он приносит большую пользу, не позволяя членам Христовым сделаться членами блудницы, не попуская святому храму быть оскверненным и нечистым. Он есть добро, потому что укрепляет и исправляет готового пасть... Брак дан для деторождения, а еще более для погашения естественного пламени»⁸.

Таким образом, семейные отношения с точки зрения христианства были призваны регулировать внутренние душевные состояния людей и их доброе и праведное поведение. Несмотря на то, что брак высоко ценился церковью, осуждение разводов в реальной жизни не было очень строгим и грех этот относился к числу простительных. Правда, распространялась подобная снисходительность только на мужчин. Так, например, выдающийся богослов Василий Великий утверждал, что: «от неверного мужа не повелено различать жене, а пребывать с ним, по неизвестности, что последует. "Что бо веси, жено, аще мужа спасиши?" (1 Кор. 7: 16). ... жена, оставившая своего мужа, есть прелюбодейца, если перешла к другому мужу, а муж оставленный достоин снисхождения, и сожительствующая с ним не осуждается»⁹.

Поскольку христианская доктрина признавала одним из главных оправданий сексуальных отношений в браке производство потомства, церковь резко осуждала аборты, детоубийство и любые виды контрацепции. «Церковь не только защищала аутробные

⁷ Иоанн Златоуст. Книга о девстве // Полное собрание творений: в 12 т. Т. 1, кн. 1. М., 1991. С. 318–319.

⁸ Там же. С. 311, 316.

⁹ Правила Св. Василия Великого. Первое каноническое послание к Амфилохию Иконийскому. Пр. 9 // Правила Святых Апостолов и Вселенских соборов с толкованиями. URL: https://azbyka.com/otcchniki/Nikodim_Milash/pravila-svyatyyh-apostolov-i-vselenskih-soborov-s-tolkovanijami/ (дата обращения: 28.01.2020).

⁶ Цит. по: Лис Ф. и Дж. Брак и семья в Средние века. М., 2002. С. 51.

плоды и младенцев от абортот и оставления на произвол судьбы, но и ограждала детей от дурного обращения. Она осуждала практику продажи детей в рабство и обращала внимание верующих на библейские примеры добрых и любящих родителей юного на Самуила, Даниила, святых младенцев и Христа-ребенка. ... Родительская, как и супружеская, любовь была существенной частью церковного вероучения»¹⁰.

Признавая вынужденную необходимость брака, святой апостол Павел призывал к супружеской любви и полагал, что семья должна жить по образцу церкви. В Послании к ефесянам он отмечал: «... повинуся друг другу в страхе Божием. Жены, повинуйтесь своим мужьям, как Господу, потому что муж есть глава жены, как и Христос глава Церкви, и Он же Спаситель тела. Но как Церковь повинуете Христу, так и жены своим мужьям во всем. Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил церковь... Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа» (Еф. 5: 21–33). То, что апостол ничего не говорил о детях, как бы игнорируя заповедь «плодитесь и размножайтесь», объясняется тем, что первые христиане в то время жили в ожидании скорого пришествия Иисуса Христа, Страшного суда и конца света. Поскольку эти события должны были вот-вот наступить, рождение детей и сами сексуальные отношения становились бессмысленными. Иоанн Златоуст в IV веке уверял, что у христиан не должно быть потребности в продолжении рода: «Когда еще не было надежды на воскресение, но господствовала смерть и умиравшие думали, что после здешней жизни они погибнут, тогда Бог давал утешение в детях... Когда же, наконец, воскресение стало при дверях и нет никакого страха смерти, но мы идем к другой жизни, лучшей, нежели настоящая, то и забота о том сделалась излишнею...»¹¹.

Жизнь людей, согласно церковной доктрине, была нацелена на ожидание грядущего Страшного суда и на подготовку к нему.

¹⁰ Гас Ф. и Дж. Брак и семья в Средние века. С. 51–52.

¹¹ Цит. по: Ивик О. История сексуальных запретов и предписаний. М., 2011. С. 209–210.

Целью и смыслом жизни человека были провозглашены личное спасение души и борьба с грехом. Конечно, одним из фундаментальных источников греховности рода человеческого признавалась сексуальность, которая оказывала мощнейшее влияние на жизнь людей и состояние их семейных отношений.

Еще в I веке Плиний Младший активно выступал за обуздание сексуальных страстей и утверждал, что половые отношения даже в браке могут быть оправданы, если происходят исключительно ради деторождения. Его современник иудейский философ Филон Александрийский осуждал плотские страсти мужчин и женщин, состоящих в браке и попирающих сакральное целомудрие. «Св. Ефрем Сирийский в четвертом веке считал, что супружеские пары после крещения должны прекратить всякие сексуальные отношения. Его младший современник Блаженный Августин утверждал, что безбрачие гораздо желаннее брака, а живший в третьем веке теолог и один из отцов Восточной церкви Ориген оскотил себя, дабы избежать плотского греха. Святой Иероним Стридонский проповедовал идею о том, что: «Кто любит свою жену слишком пылко, совершает прелюбодеяние»¹².

Подобные взгляды на телесную природу человека, отрицавшие и подавлявшие естественную сексуальность, вполне могли исходить от невозможности церкви осуществлять тотальный контроль над чувствами, мыслями и отношениями людей. Гораздо проще было прибегнуть к запретам, которые, в первую очередь, должны были быть наложены на сексуальные отношения духовенства.

Утверждение celibата

Первоначально, начиная с времен первохристиан, избираемое общинами священство мало отличалось от других людей в вопросах брака. Как правило, они все были женаты и имели детей. Однако, следуя учению апостола Павла о преимуществах

¹² Цит. по: Бальхар А. Любовь и секс в Средние века. М., 2012. С. 30.

целомудрия, церковь уже в III веке запретила священникам вступать в брак, но при этом считала возможным рукоположение в сан женатых мужчин. Таким образом, значительная часть служителей церкви были семейными людьми и жили со своими женами и детьми, что входило в явное противоречие с учениями отцов церкви о греховном содержании сексуальности. Преодолению этого противоречия были посвящены решения многих церковных соборов. Так, Поместный собор 306 года в испанской Эльвире постановил, что священники и епископы, как женатые, так и неженатые, должны воздерживаться от сексуального общения с женщинами. В церкви начались яростные споры и брожение умов по данному вопросу. В результате Вселенский Никейский собор 325 года в составе 318 епископов отменил эльвирские решения об обязательном целомудрии священства.

Цelibат остался делом желательным, но сугубо добровольным. Однако богословские споры вокруг этой проблемы не утихали. Защитники безбрачия в Западной церкви, ссылаясь на 1-е Письмо апостола Павла к коринфянам, объявляли сексуальность грехом, а брак — вынужденной уступкой человеческой слабости: «... Хорошо человеку не касаться женщины. ... Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Кор. 7:1,9). Соответственно, священнослужители, призванные на борьбу с грехом, должны воздерживаться от сексуальных отношений и не вступать в брак. Святые отцы Восточной церкви не поддерживали идею целибата и опирались в данном вопросе на Письмо апостола Павла к Титу, в котором было ясно зафиксировано право епископа и клира на семейную жизнь: «...если кто непорочен, муж одной жены, детей имеет верных, не укоряемых в распутстве или непокорности. Ибо епископ должен быть непорочен...» (Тит. 1: 6, 7). Противники целибата ссылались на Божественную мудрость творения человеческой природы и не желали идти против нее. Так, например, епископ Птолемаидский Синесий в начале V века открыто заявлял, что не будет воздерживаться и тем более разводиться со своей супругой. Свою позицию он объяснял так: «Бог, закон и священная рука Феофила дали мне жену. И теперь я прямо и открыто

перед всеми заявляю, что я не хочу ни разлучиться с нею, ни жить с нею тайком, как будто в неопозволенной связи. Первое противно благочестию, второе — законам; но я желаю иметь от нее много прекрасных детей»¹¹.

Споры по проблеме канонического утверждения целибата продолжались до середины VI века, когда четвертый Орлеанский собор 541 года постановил, что женатым духовным лицам в сане епископа категорически запрещается интимная близость с их женами. Соборное мнение церкви сводилось к тому, что образ жизни высшего духовенства должен разительно отличаться от образа жизни их паствы. Иерархи, подобно ангелам небесным, должны отречься от половых потребностей своего тела и пребывать в непрерывном духовном возрастании. По сути, это была пришедшая из римского языческого мировоззрения идея об обязательном целомудрии жрецов, которая, с одной стороны, породила социальный раскол между церковнослужителями и их прихожанами, а с другой стороны, заложила основы многовековой борьбы с якобы греховной природой человека. Прекрасно понимая, что эта борьба с базовыми человеческими потребностями дело непростое, тот же собор постановил: при каждом женатом иерархе постоянно должен находиться клирик, повсюду следующий за ним и ночующий в его комнате. Введение епископского целибата заставило иерархов либо полностью расставаться со своими женами, либо жить с ними под одной крышей и официально воздерживаться от сексуальных отношений. Такое положение дел создавало массу проблем внутри церкви и вне ее, поскольку целибатным запретам противились не только священнослужители, но и их жены.

Историк раннего Средневековья святой епископ Григорий Турский сообщал в своих трудах, что епископ Клермонский Урбик, подчиняясь решениям Орлеанского собора, свою жену отправил в монастырь и жил отдельно от нее. Однако женщину обуяла тоска по мужу, и однажды ночью она отправилась к нему в епископский дворец.

¹¹ Цит. по: Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви : в 4 т. СПб. (Петроград), 1907—1918. Т. III. 1913. С. 145.

родителей. Спустя много дней, когда ее родственники узнали о случившемся, они немедленно поспешили отомстить за позор своего рода. Найдя этого клирика, они связали его и заключили под стражу, а женщину сожгли»¹⁷. Впоследствии этого клирика выкупил и освободил епископ Этерий. Он спас его от неминуемой гибели и даже сделал учителем для городских детей.

Духовные власти упорно боролись с проявлениями плотского греха, как в своих рядах, так и среди мирян. Однако эта борьба не приносила какого-либо значительного успеха. А тому же на рубеже тысячелетий церковь переживала политический и теологический кризисы. Первый выражался в нарастающем противостоянии интересов Восточной и Западной частей Священной Римской империи. Богослужебные традиции в этих землях значительно отличались друг от друга. Серьезные разногласия имелись и по вопросам сексуальной жизни священнослужителей. В результате возникших противоречий в 1054 году произошел великий раскол христианской церкви на западную, Римско-католическую, и восточную, Греко-православную, ветви.

Теологический кризис был вызван так и не случившимся концом света со вторым пришествием и Страшным судом. Небеса не разверзлись, мир не погиб, и люди так и не дождались обещанного избавления и спасения. При этом за первую тысячу лет церковь в союзе с государственной властью приобрела большой социальный-политический авторитет и экономическое могущество. Если в 500 году церковь могла только протестовать и увещевать, то в 1000 году она могла угрожать и распоряжаться. Для этого ей пришлось сначала провести некоторые этические реформы в своих рядах. Несмотря на то, что брак для священнослужителей считался крайне нежелательным, а для высшего духовенства недопустимым, многисвященники, с одобрения своих прихожан, женились или содержали наложниц. В 1049 году папа Лев IX осудил брак среди духовенства, а в 1074-м папа Григорий VII Гильдебранд на соборе в Риме утвердил все отмененные постановления прежних соборов о безбрачии духовенства. Постановлениями

Римского собора священникам, состоящим в браке или содержащим наложниц, было запрещено входить в церковь.

Против этих постановлений в церкви разгорелась нешуточная борьба. В том же году в Париже собрался Собор епископов, который отверг папские распоряжения Григория VII, признав их совершенно неразумными, поскольку они содержали требование подвига, превышающего человеческие силы. В своих епархиях некоторые епископы отказывались объявить папские распоряжения пастве и подчиненному им духовенству. Тогда папа с помощью монашеских орденов и легатов, настраивающих прихожан против непокорного духовенства, подавил всякое сопротивление и заставил священнослужителей большинства западноевропейских государств подчиниться его решению. Латеранский Вселенский собор 1123 года принял постановление о том, что священнический сан является непреодолимым препятствием для вступления в брак и наоборот — семейные отношения не допускают принятия сана. Каноны запрещали священникам, диаконам, иподиаконам и монахам иметь жен и наложниц. Им также запрещалось использовать в домашнем хозяйстве женщин. Все существующие браки духовенства аннулировались, а духовные лица, вступившие в брак, подвергались взысканиям в форме покаяния.

Такие насильственные и противоестественные ограничения в среде церковного сообщества неизбежно должны были порождать у служителей церкви стремления контролировать и вмешиваться в сексуальные отношения своей паствы. Следует отметить, что церковь достигла некоторых успехов в своей долгой борьбе против традиционной сексуальной свободы мужчин. Однако... «Постоянное осуждение прелюбодеяний и внебрачных связей не увенчалось прекращением этой традиционной практики и даже не привело к сколько-нибудь осязательным результатам. Тем не менее на протяжении X века церкви удалось привить свои представления о морали и браке светскому законодательству»¹⁸. Внутри же христианского мира в связи с противоестественной асексуальной

¹⁷ Григорий Турский. История франков. С. 181.

¹⁸ Гисф. и Дж. Браки: семья в Средние века. С. 129

церковной позицией называли серьезные бытовые и богословские проблемы.

Одним из предвестников будущего протестантизма был средневековый французский философ-схоласт, теолог, поэт и музыкант Пьер Абеляр. Он, в частности, утверждал, что Бог может быть полностью познан с помощью человеческого разума, а божественная троичность может быть доказана рационально, без чуда откровения. Его философские труды заложили основы теории концептуализма.

Рожденный и воспитанный в рыцарской семье, получивший прекрасное образование, Абеляр был богат и знаменит. Уже в возрасте двадцати трех лет он стал преподавать философию и теологию в Мелёне, Корбее и Сен-Женевьеве. К тому же он был необычайно хорош собой, обладал изысканными манерами и пользовался большим успехом у женщин. В 1117 году Пьер Абеляр познакомился с племянницей каноника Фульбера Элоизой, с авившейся необычайной красотой и умом. Семнадцатилетняя девушка была выпускницей духовной обители и в совершенстве овладела несколькими иностранными языками. Помимо академических латыни и древнегреческого, Элоиза читала на древнем иврите. Она поразила известного философа своими глубокими познаниями и разумными суждениями. Очарованный ею, Абеляр предложил Фульберу стать домашним учителем его племянницы. Совместные занятия Пьера и Элоизы достаточно быстро привели к тому, что учитель воспыпал страстью к своей ученице, и та ответила ему полной взаимностью.

Они стали любовниками и безудержно наслаждались своим счастьем. Неудивительно, что вскоре Элоиза забеременела. О ее тайной греховной связи с учителем узнал дядя Фульбер. Назревал нешуточный скандал. Абеляр ночью похитил возлюбленную и в одеянии монахини отправил ее в Бретань к своей сестре. Там она родила сына, которого назвала Астролябий. Фульберу ничего не оставалось, как дать согласие на брак. Влюбленные повенчались, но, опасаясь людской молвы, продолжали жить по-прежнему. Элоиза поселилась в монастырской келье, где Пьер часто навещал ее.

Однако вскоре, не желая препятствовать Абеляру в получении им духовных званий, Элоиза отказалась от брака и вернулась в дом дяди. Фульбер же истолковал ее возвращение как предлог для продолжения любовных интриг Абеляра. Желая отомстить ему и преградить путь к высоким церковным должностям, он нанял нескольких головорезов, которые ночью проникли в дом Абеляра и насильно кастрировали его. Весть о преступлении быстро распространилась по Парижу. Нанятые разбойники были схвачены и отправлены на каторгу, а у Фульбера конфисковали все имущество, кроме того, он лишился духовного сана.

Такой жестокий удар судьбы надломил дух философа, и он уединился в монастыре Сен-Дени, а Элоиза, которая до этого не думала о принятии пострига, восприняла случившуюся в жизни супруга трагедию как верный знак к монашескому покаянию. Она приняла постриг в Аржантельском монастыре Святой Марии. В двадцать восемь лет она стала настоятельницей этого монастыря и аббатисой обители Параклет. Элоиза писала проникновенные письма своему возлюбленному супругу и учителю, и Абеляр подробно отвечал на ее послания до самой своей смерти.

После его кончины в 1142-м Элоиза еще 22 года оставалась аббатисой своего монастыря, свято храня память об Абеляре. Она скончалась 3 мая 1164 года в возрасте 63 лет. Ее похоронили в Париже, на кладбище Пер-Лашез, рядом с возлюбленным супругом. Их сын Пьер Астролябий, воспитанный младшей сестрой отца Денизой, получил впоследствии место каноника в Нанте.

Борьба с ересями и плотскими грехами

Греховные отношения людей в ожидании конца света, второго пришествия и Страшного суда сподвигли Римско-католическую церковь отчаянно бороться с грехом похоти и прелюбодеяния. И для такой борьбы с дьявольскими искушениями были найдены все основания. Священники повсюду видели, как люди, ориентируясь на древние обычаи, предавались разврату и не следовали

своему христианскому долгу. Особенно ярко это проявлялось в Исландии, где христианство стало проповедоваться и внедряться значительно позднее, чем в странах континентальной Европы и на Британских островах. Сексуальность там не осуждалась, девственность не имела большого значения, а внебрачные отношения были чрезвычайно распространены. Наряду с этим существовали многобрачие и право на развод по инициативе любой стороны.

В процессе церковной борьбы с грехом и обузданием мужской сексуальной распущенности виновными оказались женщины. Давы держать мужчин в страхе Божьем, представительницы прекрасного пола объявлялись преддверием ада и порождением всех несчастий людей, пришедших через прародительницу Еву. Ева, сотворенная из ребра Адама, совратила мужа своего наслушание заповеди Божией. Другая женщина — раба-придверница, упоминающаяся в Евангелии от Иоанна, склонила апостола Петра отречься от Христа.

Епископ Реннский Марбод утверждал, что женщины по сути своей искусительницы и колдуньи, «корни всякого зла» и «дочери всех грехов». Хильдеберт Лаварденский¹⁹ писал: «Женщина создание хрупкое, она постоянно лишишь в преступлении и всегда несет с собой вред. Женщина — это ненасытное пламя, высшая мера безрассудства, враг, который всегда поблизости, который учится сам и наставляет других всевозможным способом совершать дурное. ... Всеядная во грехе, она позволяет любому пользоваться собой. Хищница, охотящаяся на мужчин, она, в свою очередь, становится их добычей»²⁰. По мнению служителей церкви, эти несчастные должны были испытывать чувство стыда при одной только мысли, что они родились женщинами и должны были жить в состоянии непрерывного покаяния. Они должны были стыдиться своего платья, поскольку оно напоминает им об их падении. В особенности им следовало стыдиться

своей красоты, ибо красота есть мощное оружие в руках дьявола. Опаснее всего женщины, осознающие свою красоту и пользующиеся ею для совращения мужчин и усиления зла в мире «Отцы-пустынники предупреждали, что Дьявол любит являться в образе красивой женщины»²¹. О «коварстве» таких женщин повествовала история одной монахини из монастыря Святого Гильберта в Уоттоне.

«Пав с молодым каноником, который был духовным наставником сестер, она поняла, что беременна. Другие сестры, боясь, как бы на орден не пала немилость, дали любовнику лестницу. Он бежал, был схвачен и привезен назад в Уоттон, где в присутствии других сестер несчастная была принуждена кастрировать своего любовника»²².

Несчастная была принуждена кастрировать своего любовника

¹⁹ Хильдеберт Лаварденский (1056–1133) — средневековый латинский поэт.
²⁰ Цит. по: Дамрен Ж. Глазами Церкви // История женщин на Западе: в 5 т. СПб., 2005–2015. Т. 1. Молчание Средних веков. 2009. С. 31.

²¹ Лэрмит-Лехмерк П. Феодальный строй // История женщин на Западе. Т. 2. С. 224.

²² Там же.

Стал ли этот каноник жертвой красоты «коварной соблазнительницы» или пострадал от собственной похоти — неизвестно, но для современников вывод был однозначен: бес в образе красотки совратил его и нанес невосполнимый урон.

Обвинения женщин в сексуальном соблазнении мужчин касались не только внебрачных связей, но затрагивали и отношения добродетельных супругов. Так, пенитенциалии Св. Финниана Клонардского напоминали женам, что брак без воздержания незаконен и является грехом, поскольку Господь разрешил его не для удовлетворения плоти, а лишь для рождения детей. Воздержание полагалось во время церковных постов, в субботу и воскресенье, весь период беременности жены и в течение 40 дней после родов. Папа Григорий I осуждал молодых матерей, которые после родов ради сохранения красоты и возвращения к сексуальным удовольствиям не сами кормили грудью своих детей, а нанимали для этого других женщин-кормилиц. В борьбе с угрозой соблазна женской красотой и плотской прелестью архиепископ Кентенберийский Теодор в своих пенитенциалиях запрещал мужьям смотреть на своих обнаженных жен. Самонов и кафедр духовенство проповедовало, что достопочтенная и верная супруга должна была быть скромной и набожной, не имеющей никаких желаний и во всем послушной мужу.

Церковная борьба с греховной плотской природой человека не приносила ожидаемого эффекта и была явно мало результативной. К началу II тысячелетия в христианском мире наступило время больших сомнений, породивших множество ересей. Уже в XI–XII веках протестные тенденции нашли свое выражение в таких религиозных движениях, как гностицизм, адамитство, пикардистов, манихейство, альбигойство и другие, отклонявшихся от догматического учения официальной церкви. Эти отклонения касались не только вопросов вероучения, но и правил регулирования реальной повседневной жизни. Так, например, гностицизм проводили четкую границу между Богом и миром, добром и злом, духом и телом. Пропась между Высшей Божественной сущностью и человеком настолько огромна и непопостижима, что телесная жизнь последнего не имеет какого-либо

существенного значения. Исходя из этого, гностики не имели ничего против различных видов сексуальных отношений, включая и нетрадиционные. Следуя учению апостола Павла, они полагали, что лучше удовлетворять плотские желания, чем изнемогать и мучиться от страстной похоти. Еще более рьяно против насаждаемой церковью асексуальности выступали еретические секты адамитов-тюропинов и пикардистов. Адамиты «официально практиковали внебрачное сожитие, ходили — в зависимости от местности и времени года — то одетыми, то нагими, однако, даже будучи одетыми, отказывались прикрывать половые органы. Они считали эти части тела особым даром Бога, а потому даже половой акт осуществляли прилюдно»²³. Пикардисты также исповедовали принципы абсолютной наготы и свободы интимных отношений. «Почувствовалась вожделение к определенной женщине, пикардист обращался к главе секты со словами: "На эту возгорелся мой дух". После чего тот давал ему разрешение на совокупление, напутствуя словами Ветхого Завета: "Плодитесь и размножайтесь"²⁴. Альбигойцы, или, как их еще называли, катары, также признавали беспорочность сексуальной свободы и доступности, поскольку стремились освободить подавленные природные импульсы человека. Они явно противопоставляли себя католической церкви и ее ограничительному вероучению.

Суровая и беспощадная борьба с ересями велась папами на протяжении всего Средневековья. В 1209 году папа Иннокентий III организовал крестовый поход против катаров, который продолжался двадцать лет и закончился полным физическим истреблением жителей Южной Франции.

Следствием борьбы с ересями стало и учреждение в 1229 году святой инквизиции — карательной церковной организации, охраняющей «чистоту веры», которая просуществовала вплоть до XIX столетия. Инквизиция, пребывая в лоне церкви, больше интересовалась проделками дьявола, чем промыслом Божиим

²³ Балхугуэ А. Любовь и секс в Средние века. С. 272

²⁴ Там же. С. 272–273.

Черт в народном сознании представлялся в виде существа, покрытого шерстью, с рогами и копытами. Он обладал огромной силой и властью, мог менять свой внешний облик и преображаться в животных или людей. Его основной целью было подчинение себе человека через овладение его душой. Однако при всех дьявольских кознях вина возлагалась на человека, поскольку считалось, что завладеть его душой черт мог только на основании их обоюдного согласия. Заклячая союз с дьяволом, человек разрывал свою связь с Христовой церковью и за богоотступничество подлежал смерти. В результате население средневековых европейских государств с подачи церкви, которая обладала непререкаемым авторитетом, стало больше верить в злого дьявола, чем в милосердного Бога.

Вследствие асексуальности церковных догматов главными жертвами и, соответственно, пособниками нечистой силы стали женщины. Богословы именовали их сосудами греха и вратами ада. Правдивость своих убеждений они подкрепляли текстами Священного Писания. Так, в Книге премудрости Иисуса, сына Сирахова сказано: «Нет ничего хуже злобы женщины. Соглашусь лучше жить со львом и драконом, нежели жить со злой женой. ... Всякая злость мала в сравнении со злостью жены; жребий да падет на нее. ... Досада, стыд и большой срам, когда жена будет преобладать над своим мужем. Сердце унылое и лице печальное, и рана сердечная — злая жена» (гл. 25). Подтверждение этому находится и в Книге Экклезиаста: «Я нашел, что женщина горче смерти, она — петля охотника. Ее сердце — тенета, а ее руки — оковы. Кто угождает Богу, тот ее избегает. Грешник же будет ею уловлен» (гл. 7), «Нет гнева большего гнева женщины» (гл. 25). В знаменитой книге «Молот ведьм» Яков Шпренгер и Генрих Инститорис приводят в качестве доказательства порочной природы женщин слова святого Иоанна Златоуста: «Разве женщина что-либо иное, как враг дружбы, неизбежное наказание, необходимое зло, естественное искушение, вожделенное несчастье, домашняя опасность, притяжная поруха, изъяс природы, подмываемый красной краской? Если отпустить ее является грехом и приходится оставить ее при себе, то по необходимости надо

ожидать муку. Ведь, отпуская ее, мы начинаем прелюбодействовать, а оставляя ее, имеем ежедневные столкновения с нею»²⁵. К поучению Св. Иоанна они добавляют слова Притчей Соломоновых: «Красивая и беспутная женщина подобна золотому кольцу на носу у свиньи» (гл. 11). По мнению авторов «Молота»; «женщина более алчет плотских наслаждений, чем мужчина, что видно из всей той плотской скверны, которой женщины предаются. Уже при сотворении первой женщины эти ее недостатки были указаны тем, что она была взята из кривого ребра, а именно — из грудного ребра, которое как бы отклоняется от мужчины. Из этого недостатка вытекает и то, что женщина всегда обманывает, так как она лишь несовершенное животное»²⁶. Совокупность слабостей и недостойности предает женщин в руки дьявола и направляет их на путь колдовства. «Относительно того, какие женщины преимущественно занимаются колдовством, надо сказать следующее. Среди скверных женщин господствуют три главных порока, а именно: неверие, честолюбие и алчность к плотским наслаждениям. Эти-то женщины и предаются чародействам. Последний из указанных пороков особенно распространен среди подобных женщин. Согласно Экклезиасту, он ненастичен. Поэтому чем более честолюбивые и иные женщины одержимы страстью к плотским наслаждениям, тем безудержнее склоняются они к чародействам»²⁷.

Естественно, что при таком отношении к женщинам — как к главным носителям и распространителям плотской греховности — в Европе началась эпидемия ведьмании, бесноватости и одержимости. Повсюду заработали церковные трибуналы и запылали костры, «спасающие» души еретиков и одержимых кесом ведьм. За четыреста лет существования инквизиции на кострах было сожжено живьем более 36 000 человек. Подавляющее большинство из них были женщины, и преимущественно красивые женщины. Яростная борьба церкви с созданной Богом

²⁵ Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. М., 1990. С. 122.

²⁶ Там же. С. 123.

²⁷ Там же. С. 127.

человеческой природой, с ее сексуальными потребностями имела все признаки сатанизма — от лицемерия, агрессии, злобы, разрушения человеческих отношений до уничтожения самой жизни. Будучи не в состоянии подавить человеческую сексуальность, церковь придавала ей крайне извращенные формы. В застенках инквизиции сексуально привлекательные обнаженные женщины жестоко и сладострастно истязались мужчинами, вымещавшими на них свою злобу, порожденную запретами «плотского греха».

В костелах, кирхах и соборах целибатные священники, удалившись в исповедальную кабинку, расспрашивали мужчин и женщин о подробностях их интимной жизни. Выяснение этого было их обязанностью и пастырским долгом. Начиная с VI века в обиход церковной жизни стали входить так называемые пенитенциалии — покаянные книги с перечнями вопросов, которые священники должны были задавать прихожанам на исповеди для выяснения, насколько те следуют в своей жизни церковным предписаниям. Особое внимание в этих книгах уделялось рассмотрению плотской греховности. В частности, к таковой относились все виды «неестественной» близости, допускавшие отклонения от «правильного» положения — женщина, лежащая на спине с широко раздвинутыми ногами, согнутыми в коленях, и мужчина сверху. Такая позиция считалась наиболее благоприятной для зачатия. Если мужчина входил в вагинальное отверстие сзади, это осуждалось и требовало многолетнего покаяния и длительного поста. Анальное соитие приравнивалось к скотоложству и влекло за собой лишение жизни. Онананизм карался воздержанием от мяса — в течение четырех дней для мужчин и более года для женщин. Самое строгое наказание ожидало за оральный секс, считавшийся «наихудшим из зол». Семяизвержение в рот влекло за собой покаяние в течение всей оставшейся жизни.

Для выяснения степени греховности таким подробным вопросам подвергались как мужчины, так и женщины. Последние подвергались им особенно тщательно. Нетрудно себе представить, что происходило в головах священников и исповедниц, когда те беседовали один на один в замкнутом помещении об

особенностях интимной жизни. Очевидно, что сексуальное возбуждение устремляло их от слов к делу. «Злоупотребления в исповедальной кабинке были таковы, что потребовалась официальная реакция духовных властей. В 1322 году церковный собор в Оксфорде запретил священникам выслушивать исповедь женщин в темном месте»²⁸.

Все раннее Средневековье и вплоть до XIII века многие священники, давшие обет безбрачия, с одобрения общин жили с наложницами, и прихожане были тому рады, поскольку боялись, что одинокие святые отцы могут добраться до их жен и дочерей. В VIII столетии Св. Бонифаций отмечал, что «было весьма обычным делом найти клириков с несколькими любовницами на каждую ночь»²⁹. На таких священников накладывалась двухгодичная епитимия или их ждало тюремное заключение, а их любовницы подвергались монастырскому заточению. Однако и в монастырях не все было праведно. Они оказались отнюдь не далекими от мирских соблазнов обитателями. Предпринятые церковными властями в 1484 году проверки женских монастырей в Ульме и Зефлингене позволили обнаружить в кельях роскошные светские платья и множество развратных любовных писем. Большинство монашек оказались беременными.

Церковные иерархи во главе с папами тоже не стояли в стороне от общецерковных проблем, порожденных попытками подавления природных сексуальных импульсов. В конце I тысячелетия, в 955 году, папский престол занял Иоанн XII. Став понтификом в семнадцатилетнем возрасте, он предстал открытому разврату. В папском дворце, окруженный многочисленными наложницами, он имел продолжительную кровосмесительную связь с матерью и двумя сестрами. Он насиловал и растлевал малолетних девочек. Красивые женщины боялись показываться на улицах Рима, поскольку подвергались риску быть похищенными и изнасилованными сладострастным папой. В 963 году он

²⁸ Бильхук А. Любовь иSEX в Средние века. С. 333.

²⁹ Фоне-Вальш С. Женщины от V по X век // История женщины на Западе Т. 2. С. 196.

погиб от руки мужа своей любовницы, когда тот застал его в погреб со своей женой. Не меньшим распутством и коварством знаменит и папа Бенедикт IX, восшедший на престол в 1033 году, будучи десяти лет от роду. Папа Климент V с 1305 по 1314 год открыто жил в Авиньоне с красавицей графиней Перигор. Его приемыш Иоанн XXII ввел денежные тарифы на отпущение любых грехов. В конце XV века папа Сикст IV открыл в Риме множество публичных домов, получая от них немалый доход. Ну и конечно, наибольшую известность приобрел своим развратом папа Александр VI Борджиа, устраивавший в Ватикане прилюдные состязания в сексуальной потенции, для которых приглашались лучшие проститутки Рима.

Следует отметить, что с благословения римских понтификов в Европе широко распространилась легальная проституция. Епископы, аббаты, ксендзы, кюре и падре заводили на своих землях публичные дома. Районы, где они находились, именовались весьма романтично. В Нюрнберге существовал «Женский переулок», во Франкфурте-на-Майне — «Женский закоулок», в Вене были «Закоулок девственниц» и «Женская слобода», в Берлине — «Закоулок роз» и так далее. Делалось все это, конечно, с самыми благочестивыми намерениями и ради благих целей. «Распутницы», «гулящие бабы», «общие дочери» и прочие в глазах общества, конечно, признавались людьми грешными, но необходимыми для предотвращения еще большей греховности и защиты чести приличных дам. Их служение эросу строго регламентировалось и находилось под контролем городских или церковных властей. Так, например, всем «свободным дочерям» была «строго запрещена работа в первую половину дня и в кануны воскресений и в праздников, а также в страстную пятницу и во время всех постов»³⁰.

Легализация проституции и контроль над нею принесли немалые доходы светским и церковным властям. Архиепископ Майнский и епископ Страсбургский в 1309 году разрешили открывать в своих епархиях публичные дома, от которых получали

³⁰ Балхус А. Любовь и секс. Средние века. С. 196.

до двадцати тысяч дукатов в год. Папа Сикст IV открыл в Риме множество публичных домов под названием «арендная плата». Сменивший его Джованни Мария Чокки дель Монте, нареченный папой Юлием III, довел количество легальных проституток в Вечном городе до сорока тысяч. В Авиньоне в 1347 году под покровительством ордена Святой Марии Магдалины был учрежден публичный дом в виде монастыря. Насельниками этого «монастыря» были падшие молодые женщины, не желавшие менять свой образ жизни. Доступ к ним был разрешен только приличным и достопочтенным горожанам с позволения «настоятельницы». Правила «монастыря» запрещали посетителям обижать барышень, те, в свою очередь, обязаны были еженедельно проходить медицинское обследование у врача в присутствии «настоятельницы».

Дозволяя легальную проституцию, светские и церковные власти, с одной стороны, пытались ограничивать и держать это греховное явление под своим контролем, имея при этом немалый доход. С другой стороны, они старались защитить и укрепить устои брака и семьи, недопуская в публичные дома женатых мужчин и препятствуя соращению невинных девушек.

Брак и создание семьи

Семья в Средние века строилась не на влюбленности, а на более надежной экономической основе. Брак носил исключительно договорной, условный характер во имя семейных интересов двух родов и заключался, как правило, когда молодые люди, предназначенные друг другу, были еще детьми. Минимальный брачный возраст составлял для мужчин 14 лет, а для женщин — 12. По сути, брак был сделкой двух родительских семей, взаимной куплей-продажей свойственного союза. За известой давалось приданое, а со стороны жениха преподносились подарки в виде «дара невесте» перед свадьбой и «утреннего дара» после брачной ночи.

Выдающийся теолог и знаток канонического права папа Александр III (1159–1181) полагал, что заключение брака должно происходить в церкви или, по крайней мере, в присутствии священника. Пытаясь реализовать свои убеждения на практике, он вскоре обнаружил, что введение подобных правил аннулировало бы большую часть браков во всем христианском мире. Очевидно, что брак в средневековой Европе заключался менее церемонным образом. В те далекие времена люди женились и играли свадьбы согласно древним, достаточно свободным, обычаям. Вопросы брака у европейских народов регулировались договорами между главами родительских семейств.

Поскольку обряд бракосочетания еще не был церковным таинством, то совершался он по обычаю «разделения ложа», когда обнаженные жених и невеста в присутствии свидетелей ложились в постель и те накрывали их одним одеялом. В некоторых местностях существовал обычай сексуальной поддержки молодоженов свадебными гостями, которые перед дверью супружеской спальни громко пели эротические свадебные песни, сыпали непристойными остротами и шутками, а затем вбежали в спальню, срывали с молодых одеяло и с триумфом вытаскивали их из постели, угощали вином и жареной «свадебной курицей».

Решение о заключении брака и создании семьи принималось главами семейств, которые не особенно считались с мнениями жениха и невесты, и последние пытались повлиять на судьбу с помощью элементов любовной магии. В определенные «приметные дни» влюбленные юноши и девушки, желающие выйти замуж, устраивали гадания, привороты и заговоры. «Приметными днями» считались Иванов день в июне, Андреев день в ноябре, ночь на Фому Неверующего в декабре, сочельник, День святого Сильвестра в канун Нового года и утро Пасхи и Троицы. Обряды проводились, как правило, ночью или на рассвете, в одиночестве и обязательно в полной наготе. Заговор надо было повторить три раза. При проведении обряда использовались напитки и продукты, обладающие магическими свойствами, а также кровь, волосы или одежда желанных возлюбленных. Если магические процедуры были «успешными», вскоре наступало время свадьбы.

Полное заключение брака осуществлялось в четыре этапа. На первом молодые в кругу родичей давали согласие на брак и скрепляли его объятием и поцелуем. Затем следовала вышеописанная процедура утверждения данного соглашения посредством полового акта. В швабских землях существовал обычай, согласно которому, жених и невеста, живущие в разных деревнях, «в первый день после обручения шли навстречу друг другу по проселочной дороге, а на месте встречи совокуплялись»⁴. На третьем этапе родственники со стороны жениха и невесты заключали договор, предусматривающий экономические, бытовые и правовые условия перехода молодой жены в род мужа. Договор скреплялся клятвой и рукобътием. С течением времени подобные договоры стали записываться и составлялись в присутствии свидетелей. Четвертый этап представлял собой обряд оставления женой рода отца и переход в род мужа. Перед входом в новый дом молодой жене мыли ноги и опрыскивали этой водой всех присутствующих, всю домашнюю утварь, постель и скот. Затем ей завязывали глаза и подводили к дворовым хозяйственным постройкам, где новая хозяйка должна была коснуться ногой каждой двери. Закончив обход двора, ее осыпали различными плодами. Перед входом в дом все присутствующие набрасывались на нее и начинали отчаянно хлестать прутьями, дабы сообщить ей плодovitость кустов и деревьев.

Такая последовательность обрядов, при которой договор родственными сторонами заключался после практического осуществления брака, свидетельствует о том, что сексуальные отношения жениха и невесты, хоть и были необходимым элементом, все же оказывались недостаточны для полноценного создания новой семьи. Также и отсутствие целомудренности у невесты в раннем Средневековье не было препятствием для заключения брака.

Церковь не могла не считаться с данными древними традициями. Попытки каким-либо образом примирить эти обычаи с установками христианской доктрины предпринимались в XII веке известным болонским монахом-богословом и каноником Джованни Грациано, а также философом-схоластом и богословом Петром Ломбардцем.

⁴ Бальхайд А. Любовь и секс в Средние века. С. 168

Молодой жене завязывали глаза и подводили ее к дворовым хозяйственным постройкам

Грациано, опираясь на тексты Священного Писания о том, что «прилепится жена к мужу своему и будут два во едину плоть», утверждал, что акт физического соединения мужчины и женщины придает совершенство отношениям и венчает их брак. «Там, где должно быть единение тел, должно быть и единение духа»³¹. Молодая пара, наслаждающаяся плотским соитием и ощущающая духовную привязанность друг к другу, «должна быть названа не развратниками, а супругами»³². Эти положения каноника логично увязывались с теорией христианской этики, но плохо согласовывались с практическими реалиями жизни. Далеко не всегда можно было отличить тайный неформальный брак от различных форм легкомысленных сексуальных связей, которые были столь характерны для древнего периода варварства и распада Римской

³¹ Цит. по: Пис Ф. и Дж. Брак и семья в Средние века. С. 151.
³² Там же. С. 152.

империи. Следуя учению Грациано, и другие представители духовенства пытались легализовать сексуальные отношения посредством проведения в жизнь идеи тайнобрачия³⁴.

В отличие от своего болонского коллеги, парижский епископ Петр Ломбардец полагал, что сексуальное соитие не является достаточным для подтверждения истинности брака. По его мнению, такое положение ставило бы под сомнение достоверность семейных уз Иосифа и Марии. Ломбардец выдвинул тезис о необходимости «согласия в настоящем», подтверждающего реальные отношения мужчины и женщины как мужа и жены. Слова о таком согласии должны были произноситься недвусмысленно в присутствии свидетелей. Учение Дж. Грациано, дополненное положениями Ломбардца, никоим образом не противоречило древним обычаям германцев и положениям римского права.

Во времена раннего Средневековья все еще существовал древний обычай похищения невест из чужого рода. Понравившуюся девушку похищали насильно или по взаимному согласию, вступали с ней в половые сношения, а затем уже несли выкуп ее семье и договаривались об условиях ее перехода в род мужа. Надо отметить, что обычай добывания жен посредством их похищения просуществовал достаточно долго, чему есть подтверждения в законодательных актах второй половины Средневековья. Так, городской устав Гамбурга 1270 года определял: «...похититель остается безнаказанным, если его жертва — не одетая девушка старше шестнадцати лет — дала на это свое согласие. Однако для того, кто похитит более юную девушку, пусть и с ее разрешения, или девушку постарше, но против ее воли, предусмотрена смертная казнь»³⁵.

Со временем древняя традиция похищения невест утрачивала свое значение и заменялась выкупом по предварительному согласию семей. Этому способствовало и то, что за прет на добрых сексуальные отношения между молодыми людьми не был

³⁴ Тайнобрачие — тайное совершение священником (обычно за выкуп) обряда венчания.

³⁵ Бильхус А. Любовь и sex в Средние века. С. 126.

таким уж строгим. Так, например, во многих странах Европы надолго закрепился обычай сексуальных отношений молодежи в виде праздничных эротических оргий, а также «гостевых» и «пробных» ночей. Последние широко практиковались в крестьянской среде.

Как только деревенская девушка достигала половой зрелости и за ней начинали ухаживать парни, она позволяла своему избраннику посещать ее по ночам, проникая в дом через окно под крышей. Сначала это были «гостевые ночи», которые возможны только по воскресеньям или праздникам. Юноше позволялось лишь проникнуть в спальню девушки и поговорить с ней. Постепенно «гостевые ночи» превращались в «пробные», когда молодые люди предавались сексуальным страстям. В Швейцарии этот обычай назывался «сходить погулять», в Баварии — «пооконничать», в Швабии — «заделать шов». Такие тайные посещения продолжались до тех пор, пока обе стороны не убеждались в своей пригодности к браку или пока девушка не забеременет. Только после этого крестьянский парень официально сватался, и помолвка, а потом свадьба быстро следовали друг за другом. Если «пробные ночи» не удовлетворяли молодых людей, они расставались. При этом молодая женщина не считалась опозоренной и могла начать новые встречи с другим претендентом. Опасность для ее репутации возникала в случае частой смены партнеров. Тогда община могла заподозрить женщину в наличии у нее каких-либо скрытых изъянов.

Среди городского бюргерства и дворянства этот древний обычай был распространен в меньшей степени, однако исторические документы свидетельствуют, что и в этих сословиях иногда прибегали к подобным проверкам. Примером тому может служить устроенное в 1378 году и длившееся в продолжение шести месяцев «испытание» отношений между графом Иоганном IV Габсбургским и Герцлаудой фон Раппольдштейн. «Испытание» окончилось безуспешно, так как, по заявлениям дамы, граф Габсбургский в продолжение полугодия ни разу не проявил признаков своей мужественности. Этот отрицательный результат был документально оформлен, и бумага передана госпоже фон

Раппольдштейн — очевидно, для того, чтобы не уронить ее честь в глазах других возможных претендентов³⁶. Известно также и о «пробных ночах» императора Германии Фридриха III, которые он проводил с португальской принцессой Элеонорой. «Родственники принцессы согласились на подобную процедуру только после того, как папа Пий II дал на то свое высочайшее благословение и написал, что эта церемония обычна для всех немецких князей»³⁷.

Необходимость подобных проверок объяснялась основными задачами, стоящими перед семьей как основой жизнедеятельности людей того времени. Целями создания семьи были увеличение и укрепление имущественных ресурсов рода и воспроизводство потомства. «Пробные», «гостевые» ночи и добрые испытания обеспечивали, прежде всего, гарантии возможностей детопроизводства. Однако подобными «пробными» отношениями стали злоупотреблять, и церковь стала категорически пресекать этот обычай.

С течением времени церковь все больше вмешивалась в брачные отношения своей паствы. Новые христианские представления о семье все сильнее соперничали с древними варварскими обычаями. Прежде всего, это касалось вопросов допустимости инцеста, эндогамии и полигамии. Церковь категорически отрицала такую возможность и на каждом соборе объявляла браки между родственниками и свойственниками кровосмесительным грехом. В канонах святого Патрика содержалось библейское обоснование данной греховности: «Поскольку Господь Бог сказал: "и да будут двое одной плотью" (Мф. 19: 5): поэтому жена твоего брата — твоя сестра»³⁸.

Духовенство осуждало кровосмесительные браки, широко распространенные в британских королевствах. «Папа Григорий I, отвечая Св. Августину Кентерберийскому и осуждая брак между кузенами и кузинами, отчимами и мачехами, шуринами и золовками, придерживался значительно более строгих взглядов

³⁶ Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Эпоха Ренессанса. М., 1993, С. 230

³⁷ Бальдух А. Любовь и секс в Средние века. С. 124–125

³⁸ Цит. по: Гисф Ф. Д. Ж. Брак и семья в Средние века. С. 64.

и утверждал, что многие англы находятся "в незаконном браке" и должны страшиться тяжести суда Божия³⁹. Однако, несмотря на предостережения и угрозы со стороны церковных властей, британские короли продолжали сочетаться браком со своими родственниками. Так, например, король Нортумбрии Освальд (634–642) женился на своей двоюродной сестре Энфлэд, его современник король Кентский Эдбальд после смерти отца женился на своей мачехе. Также поступил в 858 году его потомок Этельберт (855–865), женившись на своей мачехе, французской принцессе Юдифи. Король Мерсии Этельбальд (716–757) вообще никогда не вступал в законный брак и жил со своими многочисленными наложницами.

Влияние церкви на вопросы брака в раннем Средневековье было весьма незначительным. В Византии, например, только в VI веке утвердилось правило благословения патриархом брачных союзов императорской четы. Начиная с VIII столетия и другие новобрачные могли, по своему желанию, получить церковное благословение на брак. Жених и невеста вставали перед алтарем, священник читал короткую молитву и поздравлял молодоженов. Следует отметить, что и этот простой обряд был доступен не всем. Так, например, благословение не могли получить люди, уже живущие вместе какое-то время, поскольку находились в «греховном блуде». Церковь отказывала в благословении вдовцам и вдовам. Патриарх Константинопольский Св. Никифор Исповедник предписывал им: «Если вдовец хочет жениться на вдове, он должен приготовить пир, и позвать на него десять соседей, и в их присутствии объявить: "Знайте, господа и братья, что я беру эту женщину за супругу", а никакого обряда не допускается»⁴⁰.

В самом конце IX века император Лев VI Мудрый издал указ об обязательном церковном благословении для всех вступающих в законный брак. Правда, при этом он сам же попал в очень шекотливое положение, поскольку был женат на вдове и это уже был его третий брак, что с точки зрения церкви считалось

противозаконным и не подлежало святому благословию. Надо отметить, что императору Льву не везло в браке. От трех своих жен, последовательно сменявших друг друга, он так и не получил наследника. Задумав жениться в четвертый раз, он столкнулся с непримиримой позицией церкви. Патриарх Константинопольский Николай Мистик категорически отказался венчать этот брак. Свой отказ он обосновывал положениями Св. Григория Богослова о браке: «Первый (брак) есть закон, второй — снисхождение, третий — беззаконие. А кто преступает и сей предел, тот подобен свинье»⁴¹.

Это не остановило императора, и он стал открыто жить с Зоей Карбонопсиной, которая родила ему сына. Однако, чтобы ребенок стал законным наследником трона, требовался законный брак, на который патриарх никак не соглашался. В результате венчание было совершено без его ведома придворным священником Фомой. Разгневанный патриарх запретил Льву посещать церковь Божию, а тот в ответ отстранил Николая Мистика от патриаршества, сослал его в Галакренский монастырь, а на его место поставил игумена Евфимия. Новый глава церкви снял наложенный запрет и признал брак законным, а сын Льва и Зои впоследствии стал императором Константином Багрянородным.

Так, в результате длительной и упорной работы по преодолению противостояния и поиску компромиссов, церкви постепенно удавалось регулировать вопросы заключения брака нормами канонического права. Безраздельное господство отцов и мужей, столь характерное для эпохи Древнего мира и начала Средневековья, стало подвергаться серьезным ограничениям. В частности, церковь ставила вопрос о необходимости обоюдного согласия жениха и невесты на их брак, что вызывало крайнее неудовольствие родителей, привыкших по своей воле определять будущее детей. Запрещение браков с родственниками до седьмого колена возмущало аристократическую знать, поскольку значительно ограничивало возможности образования семейных династических союзов

³⁹ Цитг. по: Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского: в 2 т. Т. 1. СПб. 1912. С. 514.

⁴⁰ Гисф. в Дж. Браки семья в Средние века. С. 117.

⁴¹ Цитг. по: Ивко О. История разводов. М., 2010. С. 121.

Стараниями духовенства к концу I тысячелетия идея брака как церковного таинства стала овладевать сознанием людей. Однако участие церкви в брачной церемонии еще долгое время было необязательным и никак не влияло на признание брака действительным. Получение свадебного благословения от священнослужителя было скорее исключением, чем правилом. Лишь к концу Средневековья, в XV веке, церковные обручение и венчание стали общепризнанной нормой, а постановление об обязательном церковном обряде, делавшее брак вполне законным, было принято в начале эпохи Ренессанса, на Тридентском соборе 1545–1563 годов.

Обручению предшествовал «выход невесты»

В знатных и состоятельных семьях обручению предшествовал «выход невесты» — своеобразная форма помолвки, где жених и невеста в сопровождении родственников и друзей торжественно шествовали по улице, демонстрируя свое единство. В некоторых

землях перед молодыми несли меч — символ власти мужа над жизнью жены. Позднее к этим обрядам добавилось церковное оглашение за две-три недели до свадьбы. В эти дни любой человек, имеющий основания для протеста против ожидаемого бракосочетания, мог публично заявить об этом. Такими основаниями могли быть импотенция, наличие другой семьи, состояние в сане священника или под обетом целомудрия, а также кровное родство будущих супругов. Дискредитировать брак могли его заключение в результате похищения невесты, убийства будущим супругом предыдущего, состояние свойства или нарушение публичной благопристойности. За обручением обыкновенно следовал пир в доме невесты, сопровождавшийся танцами и попойкой. Иногда праздничное застолье проводилось в ратуше или монастыре. О последнем свидетельствует тот факт, что в 1485 году епископ Нюрнбергский запретил какие бы то ни было празднества в монастырях своей епархии.

Время свадьбы, как правило, наступало поздней осенью после сбора урожая. Накануне происходило торжественное шествие невесты в баню, где она с подругами детства танцевала и пирувала. День свадьбы обычно назначался на четверг или пятницу. Церковное бракосочетание совершалось обыкновенно днем после обедни. Жених и невеста прибывали в церковь отдельно друг от друга. Жених ехал верхом на коне, окруженный своими друзьями. Перед ними шли музыканты с флейтами, скрипками, трубами и барабанами. Невеста в красном атласном платье, в расшитом серебром поясе и в легком венце, осыпанном жемчугом, ехала в карете с подругами и шаферами. Карету везла четверка богато убранных лошадей. Кортж также сопровождал оркестр. Когда процессии приближались к храму, окрестности оглашались колокольным звоном.

В храме перед алтарем священник читал венчальные молитвы и спрашивал молодых, хотят ли они быть вместе и переживать вместе все горести и радостные события перед Богом. Получив утвердительные ответы, он проводил молебен, просящий для молодых совершенной любви, одинаковых мыслей, беспорочной жизни и рождения детей. В завершение свадебной церемонии

2019626659

святий отец соединял руки молодоженов со словами: «Я соединяю вас в супружество во имя Отца, и Сына, и Святого Духа».

Выйдя из церкви, молодые направлялись к дому тестя, где слуга подавал им на подносе кувшин вина и стакан. Наполненный вином стакан обходил по кругу всех присутствующих гостей и переходил к молодому мужу, а за ним и к новобрачной. Выпив вино, она перебрасывала кубок через голову. Один из шаферов снимал шляпу с мужа и покрывал ею голову молодой жены, облекая ее властью хозяйки дома. Она первая входила в дом, а за ней следовали и все остальные. В доме молодые принимали поздравления и свадебные подарки. Дамы подходили к невесте, мужчины — к жениху. Во время поздравлений и подношений играла музыка и пелись песни. Барабанный бой возвещал время свадебного застолья.

Долгота и пышность пиршества зависели от состоятельности семей жениха и невесты. Так, в 1475 году в церкви Святого Мартина правящий герцог Баварии-Ландсхута Людвиг IX Богатый женил своего сына Георга на дочери польского короля Казимира IV Хедвиге. Жених и невеста впервые увидели друг друга во время венчания. Этот брак был сугубо политическим договором между их венченосными родителями в интересах двух стран. Отца жениха не зря называли Людвигом Богатым. Пышность и величественность этой свадьбы описаны во множестве летописей. Для свадебного стола было приготовлено 323 быка, 285 свиней, 1133 венгерских барана, 625 новорожденных агнят и 1537 барашков, 490 телят, 11 500 гусей и 40 000 кур. В результате празднество обошлось в 60 тысяч гульденов.

Угощения на свадебных пирах могли быть самыми разнообразными, однако главная роль отводилась пирогу, приготовленному невестой. После того как новобрачная разрешила свое кулинарное творение, объявлялось, что «появилась хозяйка дома». Эта традиция зародилась в Англии и позднее распространилась по всей Европе. Также в Англии существовал обычай, согласно которому все гости должны были принести с собой сладные булочки, которые складывались в огромную гряду, а жених с невестой пытались поцеловаться поверх нее. Поверье гласило, что если они преодолевают последнюю преграду, то их совместная жизнь

будет счастливой и богатой. Позднее, в XVII веке, во время правления Карла II Стюарта, эта гора булочек превратилась в большой многоярусный свадебный торт.

После застолья начинались танцы, продолжавшиеся до полуночи, когда невесту в сопровождении родных, шафера и гостей отводили в опочивальню. Там шафер усаживал молодую жену и снимал с ее левой ноги башмачок, который передавался потом одному или нескольким холостякам, бывшим на свадьбе. Надо предполагать, что этим подарком высказывалось пожелание, чтобы получающий его поскорей оставил холостую жизнь. Наутро после брачной ночи, если молодая супруга оказывалась девственницей, муж подносил ей утренний дар, который, как правило, представлялся в виде земельных наделов или в соответствующем денежном эквиваленте.

Подобные церемониальные шествия и пиры могли позволить себе лишь феодалы и богатые горожане. Сельские свадьбы крестьян не были столь пышными и сохраняли древние языческие традиции, сочетая их с новыми церковными требованиями. Так, например, в Верхнем Пфальце шаферы гнали невесту к церкви березовыми прутьями.

На свадьбах крестьян, живших на земле феодала, брачное ложе невеста по требованию своего господина могла разделить с ним, а не с венчанным супругом. Такое положение определялось *ius primae noctis* — древним обычаем, дающим феодалу право на дефлорацию невест своих подданных в их первую брачную ночь. Это было именно его право, а не обязанность, поэтому он мог отказаться от своих прав или реализовать их чисто символически, поставив ногу на брачное ложе и перешагнув через лежащую на нем невесту.

На другой день после свадьбы устраивался завтрак, главным блюдом которого была яичница, украшенная цветами и фруктами, к столу подавались различные печенье, овощи, сыр и вино. В зажиточных и богатых семьях молодые обменивались подарками, а родители невесты одаривали гостей и слуг, посылали деньги и пищу беднякам, сторожу главной городской башни, слугам при ратуше, учителю жениха, банщику, палачу и могильщику.

В завершение свадебных торжеств новобрачных отводили в их собственный дом или, согласно брачному договору, выделяли им покой в доме отца невесты. В одном из таких договоров было записано, что бюргер из Франкфурта по фамилии Волкер помолвил свою дочь за Адольфа Кноблауха и обязался содержать молодых в своем доме, на своем иждивении, целых четыре года после свадьбы. В случае нарушения данных обязательств Волкер должен был уплачивать им по 50 гульденов в год в продолжение того же самого периода времени.

Кроме всех вышеперечисленных форм создания семьи существовала еще одна возможность заключения брака, где инициатива и решающее слово принадлежали исключительно женщине. В исторических исследованиях такие бракосочетания часто определяются как «свадьбы под виселицей». В соответствии с древними обычаями преступника, приговоренного к смерти, могла спасти девушка, которая прямо на месте казни просила отдать ей этого человека в мужья. Как правило, в таких случаях осужденный освобождался от судебного преследования и становился полноправным членом сообщества. Исследователь европейского судопроизводства в эпоху Средневековья доктор исторических наук Ольга Игоревна Тогоева приводит в своей монографии ряд подобных правовых казусов.

Так, например, в 1349 году во время казни супругов Колена Пти и его жены Авелины последняя уже с веревкой на шее стала активно выгораживать мужа и брать всю вину за преступление на себя. Она кричала, что муж невиновен, что он достойный человек и участвовал в краже исключительно по ее настоянию. Как только она испустила дух и тело ее безвольно повисло над эшафотом, из толпы зрителей вышла девушка по имени Алисон, дочь Симона Суира из Суасона, и потребовала отдать ей только что овдовевшего Колена в мужья. Осужденного на смерть отпустили обратно в тюрьму, где он вскоре дождался решения королевской канцелярии, в котором сообщалось: «Мы прощаем этого Колена нашей особой милостью и всей полнотой нашей королевской власти и освобождаем его [от ответственности] за это преступление и от любого уголовного и гражданского

наказания... Мы восстанавливаем его доброе имя и репутацию, [возвращаем ему] все имущество, учитывая, что, согласно общему мнению, упомянутая Алисон является невинной девушкой, ведущей достойную жизнь, а также ее намерение взять этого Колена в мужья»⁴². Иногда преступника могли отпустить вместе с его новоявленной невестой даже и без заключения брака. «Так поступил, в частности, судья Робер де Гранси в 1376 году, освободивший прямо на месте казни Жана де Куртеле, которого обвиняли в многочисленных кражах и тайных сношениях с англичанами и которого попросила к себе в мужья некая «невинная девушка» по имени Этьенет де Лешассень»⁴³. В 1421 году Жан Руаго был обвенчан со своей спасительницей буквально под виселицей присутствовавшим на месте казни священником, а пришедшие на казнь зрители собрали молодоженам некую сумму денег «для обеспечения их брака». В 1424-м девушка подала просьбу о свадьбе с только что приговоренным к смерти Жиле де Луатреном прямо в зале суда, не дожидаясь казни. Суд Парижа удовлетворил ее просьбу. Отмена смертной казни в связи с неожиданным предстоящим браком была основана на древних традициях обычного права, но производилась по решению суда и утверждалась королевским указом о помиловании.

Ответственность в таких случаях за выполнение своих намерений по созданию семьи возлагалась на жениха и невесту.

Семейные отношения

Семейные отношения в разное время и в разных странах средневековой Европы заметно отличались друг от друга. Различия наблюдались не только во временных и территориальных аспектах, но и в социально-экономическом состоянии и образе жизни разных сословий.

⁴² Цит. по: Тогоева О. И. Дела плоти. Именная жизнь людей Средневековья в пространстве судебной полемики. М.: СПб., 2018. С. 110–111.

⁴³ Там же. С. 107–108.

Так, в раннем Средневековье в семи королевствах Британских островов гендерные отношения формировались на основе крайне противоречивого влияния древних традиций и новых требований христианской церкви. Надо сказать, что процесс христианизации здесь начался гораздо позже, чем в государствах континентальной Европы. В результате даже в VII веке христианские святые почитались у англосаксов наравне с языческими богами. Историк того времени бенедиктинский монах Св. Беда Достопочтенный⁴⁴ писал о случаях, когда некоторые христианские королевства временно возвращались к языческой вере. В значительной степени это объяснялось тем, что на Британских островах достаточно долго сохранялись свободные сельские общины, где экономический уклад жизни и отношения регулировались древними языческими обычаями.

Основу таких объединений составляли свободные крестьяне — керлы. В пределах общины они владели гайдой — значительным участком земли, достигавшим 120 акров. Гаيدا являлась наследственным наделом большой семьи, где братья, их сыновья и внуки вели хозяйство совместно. Отношения внутри общины были относительно свободными и равными. Женщины не были унетаемы и имели почти такие же права, как и мужчины. Вдовы получали наследство наравне с детьми и близкими родственниками, а дочери имели равную долю с сыновьями. Так, например, король Уэссекса Альфред Великий (871–899) завещал свои земли всем детям как мужского, так и женского пола, с условием, что

⁴⁴ Св. Беда Достопочтенный (672–735) — монах бенедиктинского монастыря Святых апостолов Петра и Павла в англосаксонском королевстве Нормбрия. Написал около 40 трудов на латинском языке, посвященных разнообразным вопросам богословия, церковной жизни, риторики и грамматики. Автор одной из первых книг по истории Англии под названием «Церковная история народа англов». На Ахенском соборе 836 года был провозглашен «достопочтенным и удивительным учителем современности», почитался таким же непревзойденным авторитетом, как и ранние отцы церкви. В 1899 году был канонизирован папой Львом XIII как Учитель Церкви. В 1978-м Св. Беда был канонизирован митрополитом Антонием (Баумом) и является местночтимым святым Сурожской епархии Русской православной церкви.

наследники впоследствии могли выкупить долю наследниц. Права женщин охранялись законом. В начале VII века в судебнике короля Кента Этельберта I (591–616) было прописано, что жена, родившая мужу ребенка, наследовала половину его имущества.

Парная нуклеарная семья в то время еще не сформировалась как самостоятельная единица, и все важные вопросы жизнедеятельности общины решались сообща всеми родственниками. Нормы межличностных и сексуальных отношений распространялись, прежде всего, на членов большой семьи и не были строго обязательны по отношению к представителям других общин. В отношении чужаков правила морали не действовали. Об этом свидетельствуют записи судебных книг, где поминаются такие сексуальные преступления, как изнасилования и соращения. Англо-саксонское законодательство устанавливало различные формы наказаний за подобные деяния. В основном это были штрафы — вергельды⁴⁵, которые назначались в соответствии с социальным статусом пострадавшей женщины.

Так, закон короля Кента Этельберта обязывал человека, который спал со служанкой знатного человека («чашницей»), выплатить вергельд в 20 шиллингов, со служанкой керла — 6 шиллингов; за сношение с рабыней предусматривались меньшие штрафы. Законы короля Уэссекса Альфреда Великого содержали целую шкалу различных вергельдов для мужчин, соблазняющих чужих жен. Если человек напал на женщину, имеющую статус керла, он выплачивал штраф самой женщине, и размер штрафа зависел от тяжести преступления: 5 шиллингов — если он схватил ее за грудь, 10 — если поволил ее, но не изнасиловал, 60 шиллингов — если изнасиловал. За изнасилование рабыни керла полагались штраф в размере 60 шиллингов королю и выплата

⁴⁵ Вергельд (нем. *Wergeld* — «цена человека», *Werg* «человек» + *Gelt* «цена») первоначально компенсация за убийство свободного человека, освобождавшая преступника от кровной мести со стороны родственников покойного. Впоследствии вергельд использовался как штраф и за другие преступления и был платой за примирение родом пострадавшего.

5 шиллингов керлу. Сама женщина не получала ничего. Если же насильник был рабом, его кастрировали. Сексуальные домогательства в отношении монахини — хватание за одежды или за грудь «без ее разрешения» — карались двойным вергельдом. Обрученная девушка выплачивала за добрачную связь штраф, равный ее вергельду. Если эта девушка принадлежала к классу керлов, то штраф выплачивался скорее крупным рогатым скотом, нежели деньгами, причем штраф шел «поручителю», родственнику жениха и друзьям, которые свидетельствовали брачное соглашение⁴⁶.

В континентальной Европе, во времена Карла Мартелла и Пипина Короткого, феодальная семья также обладала достаточно большой свободой и относительным равенством ее членов. Это в первую очередь сказывалось на наследовании их имущества. Исследователи средневекового быта Фрэнсис и Джозеф Гис так писали об этом времени: «Сыновья, уже в раннем возрасте освоившиеся от власти отца, могли по желанию распорядиться унаследованным имуществом. Мужья и жены контролировали свои собственные поместья и могли продать их, не советуясь друг с другом; вдовья часть патримонии⁴⁷ мужа поступала в полное владение жены, и она свободно распоряжалась ею. Родственники, не входившие в супружескую семью, не могли никоим образом помешать продаже земли или ее дарению»⁴⁸.

Такое справедливое распределение родительского имущества между детьми постепенно приводило к разорению. С каждым новым поколением земельный надел, получаемый наследниками, сокращался, и потомки богатых и знатных родов понижали свой социальный и экономический статус, превращаясь в мелкопоместную знать. Данный процесс обнищания привел к тому, что к началу X века в «Салической правде» был законодательно

введен принцип примогенитуры — ограничения наследования родительского имущества, социального статуса и титула. Данный закон предполагал, что единственным наследником феода мог быть лишь один из сыновей, назначаемый отцом. Избранный наследник не мог жениться и иметь собственное домохозяйство, пока не умер его отец. Если же, по воле отца, он вступал в законный брак, то должен был жить с семьей в родительском доме, не имея своего имущества.

Впоследствии принцип примогенитуры стал распространяться исключительно на старшего сына. Все остальные его братья были вынуждены либо служить при его дворе, либо уходить в монастырь и делать священническую карьеру, либо становиться странствующими рыцарями — наемниками при чужих дворах. Создать семью, не имея собственных средств к существованию, было для них весьма проблематично. Эти юные рыцари соединялись в небольшие отряды и пускались в странствия в поисках лучшей доли. Жизнь их была наполнена буйством, где удовольствие смешивалось с насилием, а смерть являлась обычным делом. Большинство из них растратили свои лучшие годы в турнирах и войнах, охоте, кутежах и разврате. Умирали они, как правило, молодыми. Судьба дочерей зависела от того, удастся ли родителям выдать их замуж, а это было нелегкой задачей. Вследствие того, что примогенитура значительно сократила число мужчин, обладающих средствами для семейной жизни, невестам требовалось иметь весьма достойное приданое. Покупка мужей стоила очень дорого и не всем оказывалась по карману. Если же дочерей было несколько, на «семейное счастье» все они претендовать не могли. Выходом из положения в таком случае был монашеский постриг, за что тоже часто следовало платить монастырю, чтобы обеспечить дочери достойное содержание в его стенах. Женские монастыри не могли удовлетворить все возрастающую потребность в новых местах, и непристроенные юные дамы оставались старыми девами в родительском доме, перешедшем к одному из их братьев.

⁴⁶ Гис Ф. и Дж. Брак и семья в Средние века. С. 125—126.

⁴⁷ Патримония — наследственное родовое имущество.

⁴⁸ Гис Ф. и Дж. Брак и семья в Средние века. С. 135—136.

Рыцарские нравы и куртуазная любовь

Таким образом, в средневековой Европе начиная с XI века количество семей относительно стабилизировалось, и одновременно с этим стала неуклонно расти масса свободных мужчин и женщин, не вступивших в брачные отношения. Конечно, такое положение не могло не вызвать определенной социальной напряженности, которая выражалась в междоусобных конфликтах, грабежах, разбоях и различных формах сексуального насилия. Разбойничьи банды рыцарей рыскали по дорогам средневековой Европы, грабя купеческие обозы и разоряя беззащитные деревни. Крупные феодалы занимались поборами со всех проходящих или проезжающих по их землям, а иногда прибегали к откровенному грабежу. Кроме того, они часто совершали военные набеги на земли соседних феодалов с целью захвата имущества.

В таких условиях жизни нравственные воззрения рыцарей должны были отличаться бесконечной грубостью и низменностью. Их нравы и взгляды на сексуальные отношения оправдывали любую агрессию и не имели никаких сдерживающих факторов. Любая беззащитная женщина, попавшая к ним в руки, — все равно, была ли она девочкой-подростком или уже пожилой матерью семейства, — подвергалась насилию всей банды, начиная с господина и заканчивая его слугами. Точно так же рыцари поступали с женами и дочерьми других феодалов, поместья и замки которых им удавалось захватить.

Церковь предпринимала попытки сдерживать агрессию, постоянно подпитываемую экономической несостоятельностью и половой неудовлетворенностью одиноких людей. Духовные власти пытались активно противостоять подобным явлениям, видя в них происки сатаны, который вводит людей во искушение через их жадность и необузданные сексуальные потребности.

Мощным орудием борьбы с непокорными феодалами была анафема — церковное проклятие и вечное отлучение от церкви,

которое влекло за собой страшные, непоправимые социально-экономические последствия. Ярким примером тому может служить история императора Священной Римской империи Генриха IV, который отказался признать власть папы Григория VII. В ответ римский понтифик отлучил императора от церкви и объявил его правление незаконным. Этим тут же воспользовались многие вассалы императора и подняли против него восстание. Осознав тяжесть своего положения, Генрих принял покаяние, надел власяницу и босой отправился в Каноссу, где в то время находилась резиденция папы. У ворот крепости Генрих в рубище под дождем в посте и молитве три дня ожидал разрешения папы на аудиенцию. Григорий VII простил императора и призвал его вернуться в лоно церкви. Причастившись в соборе Святого Николая, Генрих вновь обрел прежнюю императорскую власть.

Таким образом, любой барон, граф, герцог и даже король, преданный анафеме, не мог чувствовать себя в безопасности. Лишенный церковного покровительства и, соответственно, духовного попечения сюзерен, его семья и прислуга тут же становились добычей других феодалов и даже своих вассалов и крестьян. Вполне понятно, что подобные методы борьбы за нравственность не приносили желаемого результата, поскольку, наказывая за преступления одних, священнослужители тут же провоцировали на такие же преступления других. Да и сами церковные иерархи, будучи крупными феодалами, часто использовали духовную власть для укрепления своего экономического могущества.

Очевидно, что на нравственные пороки и изъятия было невозможно эффективно влиять лишь исключительно духовными средствами. Одни только проповеди с пламенными призывами к братской христианской любви мало способствовали искоренению зла в развращенных душах безземельных рыцарей. Для их духовного преобразования требовалась некая практическая деятельность, освященная благородной идеей. Частично эту проблему стали решать Крестовые походы за освобождение Иерусалима, захваченного мусульманами.

26 ноября 1095 года папа Урбан II на Клермонском соборе обратился к христианским монархам с призывом посвятить свои жизни освобождению от неверных Святой земли и Гроба Господня. Речь папы имела огромный успех, и многие рыцари тут же дали обет идти против мусульман. Они нашли себе на плечи кресты, вооружились и уже в следующем, 1096 году отправились в первый крестовый поход. Религиозная идея этого движения затмила собой его политическую составляющую, которая на двести лет обеспечила отток разбойничавших безземельных рыцарей за пределы европейского континента.

Крестовые походы, конечно, не могли полностью изменить аморальный образ жизни феодалов. Насилие, жестокость, вымогательство и разбой по-прежнему оставались частью их ремесла. Однако осознание себя как благородных освободителей и защитников христианских святынь, а также знакомство с достижениями культуры арабского Востока способствовали формированию новых рыцарских добродетелей. Мужчины стали регулярно мыться и следить за чистотой тела, одеваться в изысканные наряды, упражняться в искусстве пения и танца. Благодаря распространившемуся поклонению образу Пресвятой Девы Марии возник культ прекрасной дамы, служение которой постепенно формировало идеалы и нормативы «рыцарской любви». В песнях трубадуров изысканно воспевались красота тела возлюбленной дамы, экзальтированные прикосновения и объятия, в которых нет и намека на сексуальное возбуждение и удовлетворение страсти.

Церковь, считая половые отношения изначально нечистыми и греховными, также старалась внедрять в умы людей идею о поэтическом и возвышенном чувстве к женщине как некоему недоступному, почти неземному идеалу. Соответственно, любовь к прекрасной даме могла быть исключительно платонической и романтической. Обожаемая рыцарем прекрасная дама, предмет его тайных вожделений, непременно должна была быть выше его социального статусу и желательно замужней. Ей он в потаенной глубине своего сердца посвящал ратные подвиги и победы

на турнирах. Она же в ответ на все его старания изображала равнодушные, холодность и неприступность. Таковы были правила куртуазной любовной игры.

В реальной жизни любовь к прекрасной даме была не более чем стремлением одинокого рыцаря к вульгарному адюльтеру с женой своего сюзерена. И сама жена сюзерена, вследствие того, что ее брак покоился исключительно на условности, отражающей интересы родительской семьи, была часто не прочь утешиться в объятиях любовника.

Такое поведение женщины нисколько не противоречило правилам возвышенной любовной романтики. Дама, получив достаточное количество знаков внимания со стороны пылкого поклонника, должна была уступить ему, поскольку любовь создана Богом и пренебрегать ею было недостойно, несправедливо и грешно.

Откачаться на чистое чувство

Известный немецкий миннезингер⁴⁹ конца XII века Вальтер фон дер Фогельвейде утверждал мысль о том, что «женщина должна отвечать на чувство чувством, ибо что за любовь без ответной любви, и всякая любовь должна быть вознаграждена. Добиться этой награды — истинная задача неутомимого рыцаря»⁵⁰.

Этот идеал романтической любви, превосносимый и освящаемый в балладах, не имел, да и не мог иметь никакого отношения к семейным узам. Рыцарь не мог жениться на своей возлюбленной, поскольку он был лишен наследства и не имел средств к обеспечению семьи. Рыцарь-феодал, имевший свое домохозяйство и женившийся вследствие экономических или политических соображений, также, следуя моде, мог изнывать от любви к прекрасной даме, совершать подвиги, прославляя ее имя, в то время как его жена, находясь в родовом замке, управляла имением и, возможно, утешалась любовью другого рыцаря.

Конечно, замужняя женщина могла предаваться таким утехам только тайно, поскольку семейные отношения в эту эпоху определялись строгими и суровыми обычаями. Подобная противоречивая сущность отношений порождала ментальное противоборство между стремлением к возвышенной, чувственной куртуазной любви и страхом наказания за нарушение норм христианской морали. В позднее Средневековье это противоречие породило тип возвышенных чувств и идеализированных отношений, которые не могли реализоваться и быть удовлетворены. Замечательным примером тому была история страданий Данте от безответной любви к Беатриче.

1 мая 1274 года девятилетний Данте Алигьери с родителями был в гостях у влиятельного флорентийца Фолько деи Портинари. Там он впервые увидел его дочь — восьмилетнюю Беатриче. Девочка произвела на него сильнейшее впечатление. Она излучала неподдельную доброту и вся сияла внутренним светом благодати. Спустя девять лет Данте увидел ее снова. Беатриче в ослепительно

⁴⁹ Миннезингеры (нем. *Minnesinger* — певец любви) — немецкие рыцарские поэты-певцы, искусство миннезингеров возникло в XII веке под влиянием провансальских трубадуров.

⁵⁰ Балзуз А. Любовь и век в Средние века. С. 38.

белом платье шла по улице в сопровождении двух старших дам. Поэта настолько поразил ее облик, что в восхищении он задрожал от восторга и сладостного чувства. Дама заметила его и доброжелательно поприветствовала. Возможно, с ее стороны это была простая вежливость, но Данте оказался на вершине блаженства. Позже он написал об этом событии:

Амор явился. Не забыть мне, нет,
Тот страх и трепет, то очарованье!
Мое, ликуя, сердце он держал.
В его объятьях дама почивала,
Чуть скрыта легкой тканью покрывал,
И, пробудив, Амор ее питал
Кровяным сердцем, что в ночи пылало,
Но, уходя, мой господин рыдал⁵¹.

В то время Беатриче уже была замужем за богатым флорентийским банкиром Симоне деи Барди, но для влюбленного юноши это было совершенно не важно. Его чувство к Беатриче абсолютно совпадает со свойственной тому времени концепцией куртуазной любви — тайной, безответной и полной восхищения.

Страсть, бушующая в сердце Данте, была настолько сильна, что один лишь образ прекрасной Беатриче, возникавший в его воображении, вызывал у него трепет и лишал сил. Данте болел любовью. Друзья тревожились, видя его состояние. Они просили назвать имя его возлюбленной, но он галантно отказывался открыть свою тайну. В конце концов, опасаясь догадливости друзей и возникновения сплетен, он решил обмануть их, сказав, что влюблен в совершенно другую девушку. В глубине души он все же надеялся, что сердце обожаемой Беатриче откликнется на его пылкую страсть, но она проявляла к нему полное безразличие. От горя он чуть не потерял рассудок, замкнулся в себе, перестал общаться с людьми.

⁵¹ Алигьери Д. Влюбленным душам / пер. Н. И. Голенищева-Кутузова // Западно-европейский сонет XIII—XVII веков: поэтическая антология. Л., 1988. С. 62.

Еще раз они встретились на свадьбе общих знакомых. Данте хотел заговорить с Беатриче, но так сильно засмутился, что смог лишь промочить что-то невнятное. Присутствующие подняли его лишь смеясь. Смеялся над ним и его возлюбленная Беатриче. Осмеянный и униженный поэт удалился и поклялся никогда больше не искать с ней встречи. В своем добровольном заточении он писал сонеты, посвящая их своей прекрасной даме.

Шло время, Данте страдал, а судьба приготовила ему еще один удар. 8 июня 1290 года Беатриче умерла в возрасте 24 лет. Данте тяжело переживал ее смерть, он горько рыдал, но через пару лет женился по расчету на донне Джемме из аристократического рода Донати. В этом браке у него родилось трое детей — Пьетро, Якопо и Антония.

Младшему современнику Данте, жившему в XIV веке, Франческо Петрарке пришлось пережить такую же историю безответной любви. 6 апреля 1327 года этот двадцатидвухлетний бедный монах был на пасхальной мессе в маленькой авиньонской церкви Святой Клары. Там он встретил шестнадцатилетнюю Лауру де Нов. Девушка поразила его своей красотой. От лучезарного сияния ее глаз у Франческо перехватило дух. Он влюбился с первого взгляда, влюбился страстно, безумно и безнадежно. Правда, в отличие от неземного возвышенного чувства Данте, его любовь была вполне земной и стремилась к физическому обладанию. Будучи монахом, он не чурался женщин и впоследствии имел двух незаконнорожденных детей. Однако Лаура была совершенно безучастна и не оказывала ему никаких знаков внимания, оставалась холодной и недоступной. В отчаянии Петрарка писал стихи, где чередовались метафоры льда и пламени. Двадцать один год он страдал от этой неразделенной любви. Жизнь была ему не в радость, что нашло свое отражение в трактатах «О презрении к миру» и «О презрении к жизни». В них Петрарка излагал идею о том, что счастье невозможно обрести в земной жизни. В этом мире все временно, нестабильно, все изменяется и уходит, а истинное счастье можно обрести только в вечном и неизменном. Счастье достижимо лишь после смерти в соединении с Богом, для чего свою земную жизнь следует посвятить добродетели. Через некоторое время судьба

предоставила автору возможность реально пережить то, что он излагал в качестве теоретических постулатов.

В начале 1347 года в Италии разразилась эпидемия бубонной чумы — «черной смерти», унесшей миллионы человеческих жизней. Эпидемия была воспринята как кара Божья за моральный разврат и нарушение заповедей. Церковь призвала забыть о мирских наслаждениях, думать о быстротечности жизни и неминуемости Страшного суда.

19 мая 1348 года Петрарка получил страшное известие от своего друга Людвиг фон Кемпена — Лаура умерла. Поэт обезумел от горя, сердце его было разбито. В отчаянии он писал:

Уходит жизнь — уж так заведено, —
Уходит с каждым днем неудержимо,
И прошлое ко мне непримиримо,
И то, что есть, и то, что суждено.

И позади, и впереди — одно,
И вспоминать, и ждать невыносимо,
И только страхом Божиим объяснимо,
Что думы эти не пресек давно.

Все, в чем отраду сердце находило,
Сочту по пальцам. Плаванью конец:
Ладье не пересилить злого шквала.
Над бухтой буря. Порваны ветрила,
Сломалась мачта, изнурен гребец,
И путеводных звезд как не бывало⁵¹.

Смерть Лауры со всей ясностью показала Петрарке всю тщетность и бессмысленность мирских желаний. Безумную сексуальную страсть, довлеющую над ним в юности, сменила духовная память о возлюбленной, ушедшей в иной, вечный мир. Петрарка

⁵¹ Петрарка Ф. Сонеты на смерть Мадонны Лауры CCLXXII / пер. Е. Соловьевича // Лирика. М., 1980. С. 180..

по-прежнему продолжал любить свою Лауру и грезил о соединении, но уже не с телом, а с Душой.

Истории любви двух великих поэтов — Данте и Петрарки — представляют собой яркие примеры чувственной экзальтации, порожденные яростной борьбой церкви с естественной сексуальной природой человека. По сути, эти переживания великих поэтов не имеют никакого отношения к любви. Оба они были влюблены лишь в свое чувство, возвышенно страдали и упивались жалостью к себе. При этом в своей реальной жизни эти два великих предтечи Возрождения оставались людьми из плоти и крови, трудились, занимались политикой, общались с женщинами и имели детей. Однако в своих глубоких теоретических размышлениях оба пришли к невозможности обретения счастья в земной жизни, в ее относительной бессмысленности, и к ожиданию смерти.

Таким образом, церковная трактовка христианской идеи гораздо больше способствовала уходу от мира, чем его преобразению. В результате в конце Средневековья перед человечеством встал глобальный вопрос, сформулированный позже У. Шекспиром: «Быть или не быть?». Последующая эпоха — Ренессанс — ответила на него положительно, поскольку идеологические доктрины духовенства не совпадали с естественными потребностями людей, и это привело в дальнейшем к реформации церкви.

Супружеские обязанности

Уже начиная с X века жены считались лишь полезным имуществом. Вся собственность, имевшаяся у них до брака, и сами они полностью переходили в распоряжение мужей. Обычай и моральные нормы определяли женскую любовь и добродетель в верности, смирении, кротости и послушании супругу. Христианская доктрина утверждала, что семейные отношения соединяют мужа и жену в единстве и нераздельности их существования. Вступлением в брак, освященный церковью, они принимали обет

любви, верности и заботы друг о друге до конца дней своих. Эта идея супружеского единства не была лишь красивой фразой, она реализовывалась в конкретных бытовых, хозяйственно-экономических и социальных условиях жизни.

Ярким примером тому служит история осады города Вайнберга в 1140 году войсками короля Лотарингии, Швабии и Франконии Конрада III Гогенштауфена. После нескольких дней кровопролитных, но безуспешных штурмов Конрад, раздраженный упорством осажденных, приговорил к смерти всех мужчин в городе. Перед решающим штурмом он разрешил покинуть крепость женщинам и гарантировал им жизнь. Он также разрешил им взять с собой все ценности, которые они могли унести.

Когда ворота города открылись, король увидел выходящих из города женщин, несущих на своих плечах мужей. Конрад III был весьма удивлен и поражен происходящим, но свое обещание сдержал, сказав, что король своему слову не изменяет.

Подвиг жительниц Вайнберга символизировал собой не только единство и верность в семейных отношениях, но и ту реальную тяжесть, которая возлагалась на женщин супружескими обязанностями. Прежде всего, добродетельная жена обязана была рожать и заботиться о детях. Конечно, рожать следовало, в первую очередь, мальчиков, поскольку они являлись наследниками семейного имущества, а в среде аристократии еще и родового имени, и титула. Медицинские каноны того времени утверждали, что жизнь ребенку дает отец, а мать предназначена лишь для вынашивания и появления на свет отцовского творения. Правда, следуя этому канону, на мужчин возлагалось и бремя ответственности за пол ребенка. Желая иметь наследников, мужья прибегали к различным ухищрениям для рождения сыновей. Так, например, в немецких, английских и испанских манускриптах того времени упоминался один из надежных способов зачатия мальчиков. Для достижения заветной цели будущему отцу рекомендовалось покрасить свое правое яичко в белый цвет и надеть на правое бедро повязку из белой ткани.

Также на супругу кроме акта деторождения возлагалась обязанность управлять домашним хозяйством и распоряжаться

слугами, не посягая при этом на бесспорное господство мужа. Как хранительница домашнего очага жена могла прясть или ткать, убираться и следить за порядком, заботиться о домашних животных, быть гостеприимной хозяйкой для гостей и друзей мужа. При этом она не могла распоряжаться деньгами и заключать имушественные договоры. Основным ее долгом было любить и почитать своего супруга, непрерывно рожать детей, наставлять и осуществлять нравственный контроль в доме. По мнению французского исследователя истории средневековой философии Сильваны Веккью: «Обыденные женские обязанности состояли не столько в том, чтобы организовать работу слуг, сколько в том, чтобы предотвращать разврат среди служанок и слуг, следить за их повседневным поведением и подавлять первые признаки похоти или распущенности»⁵².

Осуществляя нравственный контроль, хозяйка дома тем самым выполняла и свои материнские обязанности, поскольку ее главной задачей в этой сфере было сохранять чистоту и непорочность дочерей, держать их подалше от дурного общества и непристойных развлечений. Сохранение девственного целомудрия дочерей было исключительной привилегией и ответственностью матери. Она была обязана обеспечить это даже в том случае, если сама не обладала качествами высокой нравственности. Так, Фидилп Наваррский отмечал, что порочная женщина может быть лучшей матерью, чем добродетельная жена, потому что она может распознать в своих дочерях признаки того безумства, что испытывала сама.

Кроме контроля над сексуальностью дочерей матери, вне зависимости от их социального статуса, должны были заботиться об обучении дочерей слову Божьему, основам молитвенного правила, рукоделию и ведению домашнего хозяйства. За остальное образование детей — освоение грамоты, изучение латыни и наук — отвечали отцы. Их прерогативой было также и воспитание сыновей, когда те выходили из малолетнего возраста.

В сфере интимной близости муж был наставником и господином своей жены, полновластным хозяином ее тела. Душа женщины принадлежала Богу, а тело — мужу. При этом муж мог претендовать на ее тело гораздо больше, чем она на его. Исполнение супружеского долга полностью определялось и регламентировалось мужем. Церковные каноны и общественное мнение ставили жену в полное подчинение мужу и зависимость от его желаний. Единственным общепризнанным исключением была необходимость отказывать мужу в «противоестественных» греховных сексуальных сношениях. Во всем остальном женщина была в его абсолютной власти. Муж был обязан поддерживать свою жену и предоставлять ей все необходимое для жизни. Он же и определял, что действительно нужно супруге, а что является ее необоснованной прихотью. Он также косвенно был ответственен за поведение жены, и без его разрешения она не могла использовать наряды, делать прически и прихорашиваться, используя косметику. Честь семьи зависела от ее хорошей репутации.

О высокой степени зависимости женщин в семье говорит факт сохранения в раннем Средневековье древнего обычая гетеросексуального гостеприимства. Хозяин замка, принимая высокого гостя, нередко после обильного угощения предлагал ему свою супругу, что считалось проявлением особого уважения и почитания. Отказ от такого предложения мог быть воспринят как жесточайшая обида и оскорбление хозяина.

Церковь с явным неодобрением относилась к этим языческим традициям и полагала, что христианские рыцари должны укреплять свою веру в постах, молитвах и крестовых походах, а не в развлечениях с чужими женами. При этом духовные власти никак не способствовали изменению статуса женщин как абсолютной собственности своих мужей. Волею того, церковь, при определенных условиях, оправдывала поведение мужей, предлагавших своих жен другим мужчинам. Такое сексуальное сводничество разрешалось и даже предписывалось правовыми уложениями в случае выраженной импотенции супруга. «Если мужчина не может сам произвести потомство, женщина обязана воспользоваться заменой, противно ей это или нет, нравится ей суррогатный муж

⁵² Веккью С. Хорошая жена // История женщин на Западе: в 5 т. СПб., 2005-2015. Т. 1: Молчание Средних веков. 2009. С. 125-126.

или нет. Она должна лечь и позволить совершить над собой то, что необходимо для исполнения ее долга»⁵⁴. Супруг же, страдающий половым бессилием, должен был перенести свою жену через девять заборов, затем созвать соседей и просить их о помощи, поскольку сам он оказать ее супруге не в состоянии. Этот унижительный обряд был необходим для сохранения доброго и честного имени жены, поскольку сама она со своей проблемой обратиться к кому-либо из соседей не могла, так как это было бы супружеской изменой. Если среди соседей не находилось желающих прийти на помощь, муж посылал жену на ближайшую ярмарку, дабы там она нашла себе какого-либо мужчину для исполнения супружеского долга. Спасало ее от бесчестия то, что она вступала в сексуальные отношения с неизвестным ей мужчиной, безропотно исполняя волю супруга — своего господина и наставника.

Так, жизнь замужних женщин полностью зависела от расположения к ним мужей, и это всячески поддерживалось как светскими, так и церковными властями. Воля отца или мужа была непреложным законом, а ее нарушение каралось жестокой расправой вплоть до лишения жизни. Физические наказания со стороны главы семейства были обычным делом. В судах жены были бесправны и не могли себя защищать.

Устав города Вильфранш (Гасконь) разрешал горожанам бить своих жен, при условии не доведения побоев до смерти. В Италии того времени весьма популярной была поговорка: «Хороша ли женщина, плоха ли, ей надо отведать палки». Воспитание детей также не обходилось без регулярного битья палкой или розгами. Это был традиционный, проверенный временем способ добиваться почтительного отношения к мужу и отцу.

Церковь, с одной стороны, поддерживала и одобряла такой порядок вещей в семейных отношениях, а с другой, — осознавая способность женщин оказывать значительное влияние на умонастроение мужчин, — использовала жен для склонения мужей к признанию христианских ценностей и принятию богоугодного добродетельного образа жизни. На проповедях святые отцы внушали своим прихожанкам: «Каждая жена должна нежно

разговаривать со своим мужем в спальне, обнимая его. Если он жесток, неумолим или угнетает бедных, она должна убедить его иметь сострадание. Если он разбойник, она должна осудить его разбой. Если скуп, она должна уговорить его быть щедрым и по-немногу раздавать милостыню, используя общие деньги»⁵⁵.

О таком богоугодном поведении свидетельствует история жены графа Леофрика (968–1057) — леди Годивы. Она была доброй, милосердной и необычайно красивой женщиной. Супруг же ее был суров и жаден, постоянно облагал непосильными налогами жителей города Ковентри. Из сострадания к людям графиня несколько раз умоляла мужа снизить налоги. Устав от ее настойчивости, Леофрик поставил условие: если жена согласится проехать верхом на коне по улицам города обнаженной, то он отменит введенные налоги. Леди Годива сняла одежду и выехала в город. В это время все жители закрыли свои ставни, дабы не смущать милостивую графиню.

Леди Годива сняла одежду и выехала в город

⁵⁴ Блэдлок А. Любование в Средневековье, С. 141.

⁵⁵ ВелкьюС. Хорошая жена. С. 120.

Подвиг Годивы остался на века в памяти благодарного народа, а Леофрику пришлось сдержать свое обещание.

Женская красота в браке почиталась добродетелью. Супруга должна была быть привлекательной, чтобы муж не стал жертвой похоти с другими недостойными женщинами. При этом стремление к интимной близости со стороны жены должно было быть сдержанным, поскольку если она будет излишне желанна, то будет грешить, разжигая в муже плотские страсти.

Церковный брак декларировал законную половую связь супругов, их равенство в притязаниях на взаимную супружескую верность. Взаимное обладание телами подразумевало и отношения, защищенные взаимной верностью. При этом требования к верности жен были намного жестче и суровее, чем аналогичные требования к мужьям. Целомудрие и верность жены, находящиеся под контролем мужа, были важны для него, поскольку ничто иное не могло гарантировать ему законного отцовства. Однако поскольку тотальный контроль со стороны мужей был невозможен, то жены почти всегда находились под подозрением в измене из-за их греховной сущности и сексуальной невоздержанности. Человек, заставший свою жену, дочь или сестру с другим мужчиной «за закрытой дверью или под одним одеялом», мог наказать их по своему усмотрению. Таковы были нравы, поддерживаемые церковью и законом.

Внебрачные отношения

Объявляя женщин источником зла и унижая их достоинство в семейной жизни, духовная и светская власти провоцировали их на месть, которая выражалась в коварном обмане — систематическом желании сделать своих мужей отцами чужих детей. Женщины были готовы к протесту и стремились преодолеть ограничения семейной жизни, получая желанные радости «на стороне». Обретению таких радостей в первую очередь способствовала мода на куртуазную рыцарскую любовь.

Любовь и служение даме сердца заключались в том, чтобы доставлять друг другу тайные наслаждения, полнота которых будет заключаться в том, что дама забеременеет от своего рыцаря. Такое доказательство любви составляло, без сомнения, вину гордость осчастливленных рыцарей и, вероятно, тайное желание многих дам.

Обман в средневековой феодальной семье был, как прав ло, взаимным, с той лишь разницей, что для жены он считался совершенно недопустимым преступлением, а для ее супруга часто был лишь снисходительным проступком. В раннем Средневековье мужья вообще могли изменять своим женам на законных основаниях, поскольку еще в III веке римский епископ Каллистус официально санкционировал конкубинат, а в 400 году собор в Толедо разрешил его как постоянную моногамную половую связь. Таким образом, в те времена конкубинат пользовались и духовенство, которому брак был запрещен, и светские власти, заинтересованные в притоке новых подданных.

Для феодалов, живших в родовых поместьях, семья была лишь внешней организационной формой их будничной жизни. Помещение в замке, где жили и работали служанки, было в большинстве случаев и их гаремом. Таково же было и отношение рыцарей к своим вассалам. Они имели право делать с женами и дочерьми своих подданных все, что хотели. Если феодалу нравилась какая-либо женщина из числа его подданных, то и что не могло ему помешать удовлетворить свое желание. И известное *ius primae noctis* (право первой ночи) в этом отношении было не более как элементом «естественного права», вытекавшего из понятий собственности. Об этом красноречиво свидетельствуют факты перехода права дефлорации вместе с переходом феодального имущества от одного господина к другому. Так, например, известен случай, когда монах Сент-Феобарт купил у местного феодала деревню, а вместе с ней и право первой ночи. Монахи с благословения настоятеля с отменным усердием выполняли новое послушание, пока его не отменил епископ Тулузы.

Изысканные, утонченные ухаживания придворного рыцаря за прекрасной дамой — женой своего сюзерена — тоже нередко

приводили к кратковременным внебрачным сексуальным связям. Такие романтические отношения, с одной стороны, удовлетворяли пылкие страсти любовников, а с другой стороны, повышали чувство собственной значимости рыцаря и реализовывали месть жены по отношению к своему постылому мужу.

Понятно, что ревнивые мужья-феодалы пытались любимы средствами предотвратить возможные измены своих законных жен. Свои собственные измены супружескому долгу они не воспринимали как нечто ужасное и часто вообще не были склонны связывать свои похождения с серьезными чувствами. Близость с другими женщинами воспринималась ими не более чем безобидная шалость — физиологический акт, а вот измена их жен уже расценивалась как ужасное преступление против Божьего закона и мирового порядка. Возможность измены со стороны законной супруги воспринималась мужем как реальная угроза своему родовому воспроизводству, как агрессия и посягательство на собственность и будущее состояние.

Данные мужские опасения породили одно из самых изумительных изобретений Средневековья — пояс целомудрия в виде набедренного металлического каркаса, который запырался на замок.

Первые упоминания об этих приспособлениях встречаются уже в поэмах и балладах XII столетия, а в 1405 году некий Конрад Кайсер в своем манускрипте о фортификационных сооружениях впервые публикует зарисовку пояса верности, который он видел во Флоренции. Сохранилась надпись к этому рисунку: «Это пояс флорентийских дам, железный и крепкий, закрывается спереди». Женщины носили эти пояса как защиту от сексуальных домогательств, гарантирующую супружескую верность во время вынужденной разлуки с мужем.

По наиболее распространенной версии, первым изобретателем этого пояса был Франческо II — синьор Падуи в 1388–1405 годах, который, отправляясь в военные походы, замыкал его на своей жене. По другой версии, эти устройства делались в Венеции, но большинство поясов изготовлялось в Бергамо, поэтому они назывались не только «венецианскими решетками», но

и «бергамскими замками», и в то время было в ходу выражение «запереть свою жену или любовницу на бергамский лад»⁵⁶.

Конечно, этот инструмент использовался далеко не всеми. Подобное отношение к фамильной чести и супружеской верности было характерно лишь для феодальной знати. Основной массе населения средневековой Европы такие изделия были недоступны, да и не нужны. За верностью своих жен должны были следить мужья, принимая соответствующие меры для охраны семейной чести. Лучшим средством для этого считался страх супруги перед своим мужем и господином. Благо такие отношения активно пропагандировались церковью: «Жена да убоятся своего мужа» (Еф. 5: 33). «Муж, заподозривший жену в том, что она поощряла ухаживания, наказывал ее сам, причем битье жены было санкционировано как народным обычаем, так и каноническим правом»⁵⁷.

В такой ситуации любовники могли прибегать к древней традиции — похищению жен, которое нередко происходило по обоюдному согласию. При такой имитации похищения женщина не могла считаться виновной, поскольку стала жертвой насилия. О распространенности данного явления свидетельствуют исторические документы, отражающие правовые нормы.

Так, в «Салической правде» VI века отмечалось: «Если кто... уведет жену от живого мужа, присуждается к уплате... 200 солидов»⁵⁸. Позднее к этой статье было добавлено требование обязательного возвращения похищенной мужу. «Аламандская правда» VII века предусматривала за увод чужой жены штраф в 80 солидов и возвращение ее мужу. Если же похититель не желал возвращать женщину, то должен был заплатить штраф в 400 солидов.

К XI веку, под влиянием норм христианской морали, наказания за супружеские измены были ужесточены. По законам короля Дании, Англии и Норвегии Кнуда Великого, совершившая прелюбодеяние женщина становилась «общим позором,

⁵⁶ Более подробное описание пояса верности см. в части II, глава «Семейные отношения».

⁵⁷ Гисф. и Дж. Брак и семья в Средние века. С. 171.

⁵⁸ Цит. по: Ивкс О. История разводов. С. 136.

и ее законный супруг должен получить все, чем она владеет, а она должна потерять нос и уши»⁵⁹. При этом сам король состоял в браке с двумя женами. Будучи женат на Эльфгифу Нортгемптонской, он, для закрепления своих прав на трон, женился и на вдове короля Англии Этельреда II Неразумного Эмме Нормандской.

По обычаю 11 закону муж, узнавший об измене своей супруги, мог выгнать ее из дома с четырьмя пфеннигами и веретеном. На большее она не могла претендовать даже в том случае, если имела богатое приданое. Если муж заставлял жену с любовником во время их интимной близости, то он имел право наказать их по своему усмотрению и даже убить обоих. Распространенной карой за адюльтер была кастрация любовника жены. Так, например, в 1353 году парламент Парижа рассматривал судебное дело о кастрации монаха, который был застигнут в постели своей любовницы ее мужем. В 1400 году некий экойе⁶⁰ Робер де Саль из Пуату застал свою жену в постели со своим слугой Мериго де Менем. Испуганный любовник в чем мать родила сбежал, выскочив в окно. Обманутый муж вместе с родственниками и другими слугами настиг обидчика и «с помощью маленького ножика отрезал этому Мериго пеннис и яички, говоря при этом, что не причинит ему никакого другого ущерба, кроме как в той части тела, с помощью которой он оскорбил его жену»⁶¹.

Кастрация прелюбодеев была нормой обычного и юридически закрепленного права в городах Италии, Франции, Германии и других европейских стран. Так, статьи «Салической правды» гласили: «Если раб причинит насилие чужой рабыне и вследствие этого преступления рабыня умрет, раб должен или уплатить господину рабыни 240 ден., что составляет 6 сол., или же должен быть кастрирован»⁶².

⁵⁹ Гисф. и Дж. Брак и семья в Средние века. С. 126.

⁶⁰ Экойе — оруженосец, благородный кавалер, не имеющий рыцарского достоинства.

⁶¹ Цит. по: Тейлор О. И. Дела плоти. Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве судебной полемики. С. 54.

⁶² Цит. по: Там же. С. 61.

Кастрация как достойная кара для прелюбодеев частично признавалась и Церковью. Правда, это наказание для грешников наступало уже на том свете, а если таковое случалось при жизни, то воспринималось как целенаправленная кара Божия. На фреске «Страшный суд» капеллы Скровень в Падуе Джотто ди Бондоне (1267–1337) изобразил пару, согрешившую прелюбодеем, висящую на суку дерева. Мужчина был повешен на веревке, привязанной к гениталиям, а женщина — на крюке, пронзающем вагину.

Немецкий монах и богослов, приор цистерцианского ордена Цезарий Гейстербахский (1180–1240) в своих «Диалогах о чудесах» упоминал о некоем монахе, убитом молнией во время грозы. Тело этого монаха было обнаружено совершенно неповрежденным, за исключением гениталий, которые были полностью сожжены. На этом основании было заключено, что он был грешным прелюбодеем и его постигла кара Господня.

Во многих странах средневековой Европы позорному наказанию за адюльтер подвергались не только мужчины, но и женщины. Им, как правило, отрезали нос, дабы они своей красотой не могли более привлекать взгляды мужчин и соображать их на греховные действия. Виновных женщин могли также подвергнуть публичной порке или даже убить вместе с любовником. В Византии, например, такое убийство не считалось преступлением.

Если муж относился снисходительно к распутному и недостойному поведению супруги, то он сам подлежал публичному унижительному наказанию — катанию по улицам города на осле, сдвяд задом наперед. Та же участь ждала мужей, терпящих побой от своих жен.

Другим распространенным публичным наказанием за супружескую измену был бег по городу в обнаженном виде неверной жены и ее любовника.

Суть этого наказания состояла в том, что мужчина и женщина, признанные виновными в адюльтере, должны были бежать через весь город по заранее установленному пути — от одних ворот до

других. Впереди них бежал глашатай, трубивший в трубу и призывавший жителей насладиться зрелищем. При этом бегущая вперед женщина держала в руках веревку, пропущенную у нее между ног, второй конец которой был привязан к гениталиям ее любовника.

Такое наказание доставляло немалые мучения женщине и самым серьезным образом угрожало мужскому достоинству ее любовника. Этим достигался эффект имитации кастрации, приводившей не только к унижению мужчины, но к символическому лишению его половой идентичности.

Такое наказание доставляло немалые мучения

Травмирование гениталий превращало его в женщину и, как следствие, к исключению из общества полноценных мужчин. К тому же такой «бег» мог сопровождаться публичным бичеванием, что способствовало усилению травматизации.

В отдельных, редких, случаях наказанием за измену вместо «бега» могла быть смертная казнь виновного в преступлении мужчины. Как правило, это происходило, когда любовником оказывался ученик или подмастерье, а его любовницей была жена мастера.

Так, в конце XIII века городским судом Тулузы был приговорен к казни через повешение ученик булочника за интимную связь со своей хозяйкой.

Женщин, неоднократно замеченных в непотребном поведении, могли казнить изощренным приспособлением, которое называлось «железная дева». На центральной площади города устанавливался металлический саркофаг с острыми шипами на внутренней поверхности. Блудницу помещали вовнутрь и при закрытии саркофага шипы пронзали ее тело, не задевая жизненно важных органов и продлевая мучения. Такие «железные девы» использовались в раннем Средневековье на Сицилии и в XIV веке в Нюрнберге.

Мужские внебрачные отношения были весьма распространенным явлением, поскольку для этого имелась масса возможностей. Кроме публичных домов и уличных проституток, мужчинам, да и одиноким женщинам, были доступны общественные бани, где они мылись и получали другие радости жизни совместно. Несмотря на то что папой Бонифацием еще в 745 году был издан запрет на общее купание мужчин и женщин, бани были чрезвычайно популярны, и в их посещении никто не видел чего-то безнравственного и недозволённого. Более того, субботние омовения воспринимались как неотъемлемая часть подготовки к воскресной мессе.

Ранним утром банщик трубил в рог, а его ученики с криками бежали по улицам, призывая горожан к купанию. Люди раздевались в своих домах и нагили по улицам и переулкам шли в бани. Лишь немногие знатные горожане приходили в купальни одетыми и раздевались уже там. Посетителей обслуживали опытные банщицы и банщики, которые мыли им спины, руки ноги, парили, обтирали и делали массаж.

Кроме общих парных и бассейнов к услугам посетителей были двухместные ванны, где мужчины и женщины могли наслаждаться обществом друг друга. Изображения таких ванн сохранились в бургундских миниатюрах. На стоящие в ряд ванны положена длинная и широкая доска, накрытая скатертью. На ней кувшины с вином, вазы с фруктами. Обнаженные мужчины и женщины сидят за этим общим столом, пьют и вкушают яства.

Публичная баня
(С гравюры 1470 г.)

После водных процедур горожане ложились отдохнуть в подготовленные кровати, и служанки охотно составили им компанию. Посетительницы позволяли мужчинам прислуживать им, и те с удовольствием исполняли все желания и прихоти дам. Тут допускались и легкий флирт, и назойливые приставания, и соблазнения. В таких банях, подобных римским термам, звучала

музыка, люди развлекались игрой в кости, песнями и танцами, не стесняясь своей наготы. Средневековая поговорка гласила: «Хочешь радости на весь день? Иди в баню».

Папский секретарь Поджо в 1417 году так описывая швейцарские бани в Бадене: «Можно пойти в какую угодно ванну и остаться там, болтать, шутить и веселиться, наблюдая за женщинами, входящими в воду и выходящими из воды. Никто не охраняет вход, никто не запирает дверь, никто не подозревает ничего неподобающего... Некоторые мужчины ходят туда ежедневно, окунаясь по три или четыре раза, и остаются там большую часть дня, распевая песни, попивая вино, танцуя в хороводе. Они поют даже сидя в ванне, при этом особенно приятно видеть девушек на выданье — у них красивые веселые лица, а обликом они напоминают богинь... Аббаты, монахи, священники живут тут в куда большей свободе, чем их собратья, купаются временами вместе с женщинами и украшают их венками, отставив в сторону религию. Все едины в желании бежать от печали, стремиться к веселию, ни о чем не думать, жить радостно и наслаждаться приятным»⁶³.

Естественно, что подобные эротические вольности все более превращали бани в дома любовных свиданий и удобные места для внебрачных связей. С конца XV века бани стали приобретать дурную славу, поскольку обслуживающий их персонал все более превращался в проститутку и сводников. Горожане и горожанки приходили туда со своими любовницами и любовниками, а одинокие посетители вытворяли с банщицами все, что им заблагорассудится.

Церковь в этом отношении явно демонстрировала двойные стандарты. С одной стороны, священники без зазрения совести пользовались сексуальными услугами молодых банщиц. Письменные источники конца XV — начала XVI века сообщают о запретах пускать в бани священников, желающих уединиться с девицами, но при этом считалось вполне допустимым, если банщицы

⁶³ Бальхус А. Любовь и секс в Средние века. С. 183—184

выделяли им отдельные комнаты для развлечения с развратницами. А с другой стороны, церковные соборы яростно осуждали греховный разврат, царивший в этих заведениях.

Светские власти также постоянно предпринимали меры для искоренения подобных видов легального разврата. В 1486 году король Кастилии и Арагона Фердинанд Католик издал указ, запрещающий использование *jus primae noctis*. Обращаясь к своим подданным, он писал: «Мы полагаем и объявляем, что господа (сеньоры) не могут также, когда крестьянин женится, спать первую ночь с его женой и в знак своего господства в брачную ночь, когда невеста легла в кровать, шагать через кровать и через упомянутую женщину; не могут также господа пользоваться против воли дочерью или сыном крестьянина, за плату или без платы»⁶⁴.

Конечно, королевский указ был издан с самыми благими намерениями, но он мало что изменил в реальных отношениях феодалов и крестьян. Как известно, рыцари для удовлетворения своих сексуальных потребностей не нуждались в ожидании крестьянской свадьбы и пользовались женами и дочерьми своих подданных, когда им заблагорассудится.

Внебрачные связи иногда приводили к временному или даже окончательному распаду семей. Таковым примером может служить жизнь герцогини Аквитанской и Гасконской, графини Пуатье, а впоследствии королевы Франции и Англии Алиеноры. Она родилась в 1124 году в одной из самых богатых и влиятельных семей Франции. Ее родителями были герцог Аквитанский Гильом X и Азнора де Шательро. В тринадцать лет, после смерти матери, отца и единственного брата, Алиенора осталась сиротой и наследницей крупнейшего состояния во Франции. По завещанию отца ее опекуном был король Людовик VI Толстый, который через два года выдал ее замуж за своего сына, наследного принца Людовика. Через несколько дней после их свадьбы Людовик VI Толстый скончался, его трон занял сын под именем Людовик VII,

а Алиенора стала королевой Франции. Она была необычайно красива, муж любил ее страстно, но она долго оставалась бездетной. Лишь в 1145 году она родила ему дочь Марию.

В 1147 году королевская чета отправилась в крестовый поход на Святую землю. Алиенора верхом на коне проделала около шести тысяч верст, неоднократно шла впереди войска перед сражениями, попадала в окружение и чудом избежала плена. Рыцари восхищались и преклонялись перед ней, каждый мечтал бытее любовником, и ходили упорные слухи, что некоторым это удавалось. Учитывая моду на куртуазную рыцарскую любовь, вполне вероятно, что это были не только слухи. Между августейшими супругами произошло разлолка, и в Париж они вернулись порознь. Вскоре они помирились, и в 1151 году в семье родилась еще одна дочь — Алиса.

В том же году Париж посетили зять короля Англии граф Жофруа Анжуйский и его семнадцатилетний сын Генрих. Алиенора без памяти влюбилась в молодого красивого графа. Несмотря на то, что Генрих был на одиннадцать лет моложе ее, на то, что она королева Франции, герцогиня Аквитании и Гасконии, а он всего лишь английский граф, она объявила мужу, что требует развода. Король пришел в негодование, но супруга заявила, что их брак недействителен, поскольку они находятся в кровном родстве в четвертой и пятой степени. Папа Евгений III признал ее требования законными, и 21 марта 1152 года брак был расторгнут. Через два месяца, 18 мая, Алиенора была обвенчана с графом Генрихом Плантагенетом. Она забрала с собой Аквитанию — как часть унаследованного имущества. Людовик же не стал горевать и тотчас женился на молодой герцогине Констанции Кастильской.

Через два года граф стал королем Англии Генрихом II. Вместе со своей супругой, теперь королевой Англии, он основал династию Плантагенетов. Алиенора родила ему восемь детей, один из которых потом стал королем Ричардом Львиное Сердце.

Естественно, что примеру Людовика и Алиеноры немедленно последовали и другие аристократические семейства. Количество разводов стало быстро возрастать.

⁶⁴ Ивико. История сексуальных запретов и предписаний. С. 246.

Развод

Несмотря на то что во времена Средневековья венчание и благословение молодоженов были делом необязательным и сугубо добровольным, отцы церкви стремились пробудить в нерадивых христианах должное уважение к таинству брака и настаивали на его нерасторжимости, так как в семье супруги — одна плоть. Короли, герцоги, маркграфы и все рыцарское сословие были против категорического запрета разводов. Они, опираясь на старые традиции, полагали, что муж, если захочет, может развестись со своей женой. Таковы были положения норм древнего римского и германского права.

Согласно германскому законодательству, мужчина имел право на развод со своей женой, если она была бесплодной или по состоянию здоровья не могла выполнять супружеские обязанности. В случае ее супружеской измены муж мог выгнать ее из дома или даже убить вместе с любовником. При всех этих условиях развод осуществлялся без выплаты каких-либо компенсаций супруге. Если же муж был готов отказаться от контроля над ее собственностью и выплатить разводную компенсацию, то ему вообще не требовалось никаких обоснований для расторжения брака. Так, в «Баварской правде» говорилось: «Если кто-либо свободный свою жену свободную, без всяких пороков, из ненависти, прогнал из дому, то должен уплатить 40 и 8 солидов родственникам. Женщине же должен уплатить приданое, согласно ее происхождению, и все то, что она принесла в дом из имущества своих родных, должно быть возвращено той женщине»⁶⁵. При этом, в отличие от мужа, жена не имела права на развод ни при измене супруга, ни при каких-либо других обстоятельствах. Исключением из этого общего правила было законодательство Ливонского ордена, на землях которого сохранялась абсолютная свобода расторжения брака, как для мужчин, так и для женщин. Если инициатором развода был муж, то он отдавал жене приданое и свадебный

⁶⁵ Цит. по: Ивч О. История разводов. С. 137.

подарок. Если инициатором была жена, то она могла забрать с собой только то, что принесла с собой из дома.

Учитывая эти древние обычаи и языческие законы, все старания церковных властей в раннем Средневековье были не более чем благими пожеланиями и имели рекомендательный характер. На практике существенных результатов они не давали. Во времена правления Меровингов разводы были допустимы повсеместно, а в бракоразводном праве была установлена следующая формула: «Поскольку между таким-то и такой-то, его женой, нет Божьего согласия, но между ними царят раздоры, и они в результате не могут договориться ни о чем, оба хотят расстаться, что они и сделали. Они решили, что каждый из них волен посвятить себя служению Богу в монастыре или заключить новый брак»⁶⁶.

При Каролингах церкви удалось несколько упрочить свои позиции в наведении порядка в семейных отношениях. Так, если короли и аристократы эпохи Меровингов почти сплошь были полигамны, то Каролинги уже имели только по одной жене. Правда, их моногамность, как правило, с лхвой компенсировалась конкубинатом.

Укрепляя брачные узы и утверждая порядок в семейных отношениях в соответствии с учением христианской церкви, духовные власти пытались всячески противодействовать какому бы то ни было разводу супругов. Уже в 506 году собор в Агде вынес постановление, что мужья не могут отвергать своих жен без предварительного рассмотрения данного вопроса епископом. Постановление соборов в Комьпене 757 года и в Вербери 768 года утверждали, что законный брак не может быть расторгнут без согласия обеих сторон и что муж, отвергнувший свою жену и женившийся вновь, подлежит длительной епитимье. Эти же соборы установили допустимые причины развода, к которым были отнесены проказа и заговор с целью убийства одного из супругов. Последнее преступление в те жестокие времена не было редкостью.

⁶⁶ Цит. по: Лис Ф. и др. Брак и семья в Средневековье. С. 69.

Впрочем, для обретения желанной свободы супругам было совсем не обязательно убивать друг друга. Достаточно было представить епископу доказательства невозможности сохранения брака в силу родственных связей мужа и жены, их состояния в кумовстве или других канонических нарушений. К такому можно было отнести брак посредством похищения невесты, отсутствие взаимного согласия, слишком юный возраст, неспособность исполнять супружеский долг или принесение обета, несовместимого с семейной жизнью. Развод был, кроме того, вполне допустим и в случаях вступления одного из супругов с разрешения другого в монашеские ордена и также при отдаче кого-либо из них в рабство. В последнем случае, когда один из супругов продавал себя в рабство, чтобы спасти семью от голодной смерти, другой не мог вступать в повторный брак.

С одной стороны, опираясь на евангельческое правило: «что Бог сочел, того человек да не разделяет» (Мф. 19: 6), церковные власти не признавали и не допускали разводов ни под каким видом. Но, с другой стороны, учитывая возможность грубых канонических нарушений, они могли признать брак действительным и объявить прошлую семейную жизнь греховным сожительством. Этим явным противоречием и пользовались супруги, желающие прервать свои отношения.

Однако поскольку духовенство не возражало против брачных уз, то при их заключении священники не особо строго смотрели на возможные к тому препятствия. Бывало и так, что священники в угоду политической необходимости закрывали глаза даже на явные и вопиющие нарушения канонического права.

Так, например, когда Наваррскому королевству понадобился союз с Арагоном, то пятилетнего наследника Гарсию Санчеса обручили с двадцатипятилетней дочерью графа Арагонского Андресготой. Через десять лет их обвенчали с всеобщего согласия церкви и народа. Никто не возражал против этого брака. Спустя несколько лет Наварре потребовался союз с Леонским королевством, и брак короля Гарсии I был признан незаконным. Андресготу сделали настоятельницей Айбарского монастыря.

а Гарсия Санчес обвенчался с леонской принцессой Терезой Рамирес.

Подобные интриги с разводами плелись не только по политической, государственной необходимости, но и ради сугубо личных интересов. При этом случалось, что коварство и корысть переходили все возможные границы морали и нравственности, доходя до смертоубийства.

Так, в середине VI века служанка и наложница меровингского короля Нейстрии Хильперика I Фредегонда хитростью и коварством развела его с законной супругой Авдоверой. Согласно легенде, Хильперик был в военном походе, когда его супруга родила дочь. Фредегонда посоветовала ей крестить младенца к возвращению мужа. В баптистерии епископ совершил обряд, но у купели некому было воспринять ребенка, и тогда коварная служанка посоветовала матери самой взять его на руки. Авдовера, не очень сведущая в церковных обрядах, последовала ее совету и тем самым стала крестной матерью своей дочери и кумой своего мужа.

Церковные каноны запрещали женщине брачный союз с отцом ребенка, которому она была крестной матерью. Когда король вернулся домой, его брак уже был признан недействительным. Хильперик у пришлось отправить Авдоверу в монастырь и искать себе новую невесту.

Его выбор остановился на дочери короля вестготов Галесвинте. Однако ее родная сестра Брунгильда уже была замужем за родным братом Хильперика Сигибертом, и поэтому король долго не получал от родителей невесты согласия на их брак. Ради женитьбы на Галесвинте он пожертвовал пятью городами и обещал расстаться с Фредегондой. Города Кагор, Бордо, Лимож, Беарн и Бигорр отошли вестготам, и в 567 году свадьба состоялась.

Своего обещания относительно Фредегонды король не выполнил и продолжал с ней отношения. Их не очень тайная связь возмущала законную супругу, а любовница всчески провоцировала ее на скандалы. Через год чувства Хильперика к Галесвинте сильно охладели, и он приказал слугам задушить ее во сне.

Хильперик ухаживает Авдоверу в монастырь

Св. Григорий Турский так описывает эти события: «Узнав об этом, король Хильперик, хотя у него уже было несколько жен, решил просить руки Галесвинты, сестры Брунгильды. Он сказал посланцу, что обещает оставить всех других жен, если только женится на королевской дочери равного с ним ранга. Отец Галесвинты поверил ему и послал к нему свою дочь с огромным приданым, поступив точно так же, как в свое время он отправлял Брунгильду.

Когда Галесвинта добралась до двора короля Хильперика, тот приветствовал ее, воздав великие почести, и сделал ее своей женой. Она также перешла в истинную веру и была помазана елеем. Он нежно любил ее, потому что она принесла с собой большое приданое. Однако вскоре они страшно поссорились, потому что король продолжал любить и Фредегунду.

Галесвинта не переставала жаловаться королю на оскорбления, которые ей приходилось терпеть. Она говорила, что он не выказывал ей никакого уважения, и просила, чтобы ей разрешили

вернуться домой, даже если это означало оставить все сокровища, которые она привезла с собой. Хильперик делал все что мог, пытаясь успокоить ее самыми изысканными заверениями и весьма искусно скрывая правду. В конце концов он велел одному из своих слуг удушить Галесвинту, так что однажды ее нашли мертвой в постели»⁶⁷.

Погоревав какое-то время, король женился на Фредегонде. Однако их брак не был счастливым. Сразу после смерти Галесвинты разгорелась длительная братоубийственная война между Брунгильдой и Фредегондой, которая вошла в историю как «война королей». Два родных брата, Хильперик и Сигиберт, вели в бой свои войска, пытаясь уничтожить друг друга. Фредегонда была коварной и жестокой женщиной. Ее наемниками был убит брат короля Сигиберт, по ее же приказу дочь Хильперика от Авдоверы, Базина, подверглась жестокому групповому изнасилованию, после которого умерла, вслед за ней были убиты и два ее брата — Мервей, женившийся на Брунгильде, и Хлодвиг — наследник Хильперика.

Впоследствии на королевство обрушились стихийные бедствия и эпидемии. От тяжелых болезней умерли во младенчестве четыре сына Хильперика и Фредегонды — Самсон, Хлодобрет, Дагоберт и Теодорих. Весной 580 года из-за непрекращающихся дождей вышли из берегов реки Рона, Соны и Луара и затопили земли, произведя огромные опустошения. Летом того же года буря с градом опустошила территорию Буржа; город Орлеан был наполовину уничтожен пожаром; в Бордо случилось сильное землетрясение, обрушившее часть городских стен.

Все эти беды, воспринимаясь как «гнев Божий», ненадолго успокоили ненавидимую всеми жестокою королеву. У нее возник серьезный конфликт с дочерью Ригунтой. Та стала упрекать мать в низком происхождении и довела ее до покушения на убийство. Пригласив дочь в подвал, где хранилась королевская казна, Фредегонда открыла перед ней сундук с сокровищами и предложила

⁶⁷ Григорий Турский. История франков. С. 97.

дочери взять все, что та пожелает. Когда Ригунта склонилась над драгоценностями, мать с силой опустила ей на голову тяжелую крышку сундука и стала душить ее. Дочь, задыхаясь, закричала, в комнату вбежали слуги и спасли принцессу.

Фредегонда была не только злой матерью — по сообщению хроник «Книги истории франков» она оказалась и неверной женой. Хильперик случайно узнал о ее греховной связи с графом Парижа Ландрихом (Ландериком) — майордомом королевского двора. Как-то рано утром король отправился на охоту в поместье Шель под Парижем, но неожиданно вернулся во дворец и зашел в покои королевы. Супруга, склонившись, мыла голову. «Он подошел к ней сзади, раздвинул ее чресла и овладел ею. Она же подумала, что это Ландерик, и сказала: «Что ты творишь, Ландерик?» — а затем, обернувшись, увидела, что это король, и сильно испугалась. Король очень опечалился и отправился на охоту»⁶⁸.

Изменница призвала к себе Ландерика и рассказала ему о случившемся. Любовники составили заговор, и вечером 27 сентября 584 года король франков Хильперик I, вернувшись с охоты, был злодейски убит наемником во дворе своего замка. Овдовевшая королева Фредегонда еще долго правила королевством от имени своего сына Хлотаря.

Король Хильперик вполне стоил своей супруги. Неслучайно Св. Григорий Турский называл его «Иродом и Нероном» своего времени. По словам историка: «Он часто опустошал и сжигал множество областей, и от этого не испытывал никакого угрызения совести... Был же он чревоугодником, богом его был желудок. Он считал, что нет ничего умнее его... Дела бедных ему были ненавистны. Святителей Господних он постоянно порицал, и нигде больше он не насмеялся и не подшучивал над епископами, как находясь у себя в доверительном кругу друзей»⁶⁹.

В то время, а именно в первой половине Средневековья, власть королей была более значительной, чем власть церкви.

⁶⁸ Хроники длинноволосях королей. СПб., 2006. С. 68.

⁶⁹ Григорий Турский. История франков. С. 188.

Существенных успехов в решении вопроса о разводе духовенство добились лишь в конце VIII века, когда король Карл Великий под давлением епископов издал ряд законов, запрещающих развод по любой причине. Его наследник король Людовик Благочестивый не только поддержал эти начинания отца, но и отказался от развода со своей женой Юдифью, когда она была обвинена в любовной связи с камергером короля маркизом Бернаром Септиманским. При нем церковные соборы установили канонические нормы, по которым супружеская измена уже не рассматривалась как уважительная причина для расторжения семейных уз. На практике действие церковных канонов становилось эффективным только после законодательного утверждения их королем.

Коренной перелом в этом противостоянии духовной и светской власти произошел в IX веке, во время бракоразводного процесса короля Лотарингии Лотаря II. Он хотел развестись со своей законной, но бездетной женой Теутбергой и жениться на дочери одного из фризских графов Вальдраде, с которой состоял в любовной связи и которая родила ему сына Гуго. Новый брак понадобился для утверждения сына законным наследником. Ради этого он заточил Теутбергу в монастырь, но ее брат Хукберт поднял мятеж, и Лотарю пришлось вернуть супругу на прежнее место. Тогда он обвинил законную супругу в измене и кровосмешении, и дело поступило в церковный трибунал. Был назначен «Божий суд», где супруге удалось полностью оправдаться. Не добившись удовлетворения в суде, король обратился за помощью к родственникам Вальтрады — архиепископам Гюнтеру Кёльнскому и Тито Трирскому. Те, желая помочь Лотарю, в январе 860 года собрали в Ахене поместный собор, который признал королеву виновной в греховной связи со своим братом Хукбертом. Теутбергу вновь отправили в монастырь, откуда ей удалось бежать, и она укрылась на западных землях, прибегнув к покровительству короля Карла Лысого. Этот поступок королевы позволил новому Ахенскому собору 862 года признать ее брак недействительным. 25 декабря король Лотарь II обвенчался с любимой Вальдрадой, которая стала королевой Лотарингии, а их сын Гуго — наследным принцем

Добиваясь справедливости и восстановления своих поправных прав, Теутберга обратилась за помощью к папе римскому Николаю I. Тот, рассмотрев дело, использовал его для укрепления церковной власти. Он отменил все решения Ахенских соборов, архиепископов Тито и Гюнтера лишил сана. Король и епископы не признали полномочий папы и потребовали суда кардиналов. В июне 863 года папа созвал новый собор в Меце под председательством своих легатов. Однако Лотарю удалось подкупить участников этого собора, и его брак с Вальдрадой был признан законным. В ответ в ноябре того же года папа собрал еще один собор в Риме, на котором вновь отменил все решения соборов в Ахене и Меце и лишил сана всех участников, принявших сторону короля. Противостояние духовной и светской власти усиливалось. Брат Лотаря, король Италии Людовик II, захватил папскую область и ввел свои войска в Рим. Это военное вторжение должно было бы устроить папу, но обстоятельства сложились иначе. Людовик тяжело заболел лихорадкой и, восприняв свой недуг как проявление гнева Господня, сам испугался не на шутку и быстро помирился с понтификом. Вслед за ним спешно принесли свои покаяния и все опальные епископы.

В августе 865 года легат папы Арсений прибыл в Лотарингию и привез с собой Теутбергу. Под угрозой отлучения короля от Церкви он заставил Лотаря вновь признать ее законной женой и королевой. Об этом было составлено письменное соглашение, которое подписал Лотарь и все епископы его королевства. Отправляясь обратно в Рим, папский легат взял с собой Вальдраду, чтобы та могла лично исповедовать свой грех и принести покаяние святому престолу. Так папа Николай I убедительно доказал превосходство духовной власти.

Однако противостояние не закончилось. Правдами и неправдами люди пытались отстаивать свое право на частную жизнь. Вальдрада, добравшись до Аугсбурга, получила послание от Лотаря с предложением вернуться. Усыпив бдительность Арсения, она сбежала. Папа отлучил грешницу от святой матери-церкви, и Вальдрада, приняв эту утрату, продолжила жить со своей

семьей — возлюбленным мужем и сыном, Теутберга вынуждена была покинуть Лотарингию и вновь бежать под защиту короля Карла II Лысого. Оттуда она писала папе Николаю и просила его о разводе, но понтифик оставался непреклонен и считал, что причин для расторжения брака нет.

Так Церковь в упорной борьбе с прежними традициями и старыми обычаями устанавливала свои, порой очень жесткие, правила семейных отношений. В пенитенциалиях содержались существенные ограничения по расторжению брака. Так, еще у преподобного Финниана Клонардского — ирландского миссионера, жившего в VI веке (495–589), — было записано, что «мужчина не должен разводиться со своей бесплодной женой, поскольку Господь все же может обойтись с ними, как с Авраамом и Сарой, т. е. дать им ребенка после многих лет брака»⁷⁰. В случае измены жены муж не должен был брать ее другую, пока не умерла первая, а если она покается и искупит свою вину, ему надлежало со всей набожностью и покорностью взять ее назад. За супружескую измену полагалась годичная епитимья с постом на воде и хлебе и запретом интимной близости. Брошенная жена не должна была снова выходить замуж. Ей полагалось в «терпеливом воздержании» ожидать, пока муж не вернет ее в семью. Пенитенциалий Теодора запрещал жене инициировать развод даже в случае регулярного прелюбодейства ее мужа. Однако она могла расторгнуть брак, если предоставляла бесспорные доказательства импотенции супруга. В этом случае она получала церковное благословление на новое замужество. Муж, оставленный женой по какой-либо другой причине, должен был терпеливо ожидать ее возвращения в течение пяти лет. По истечении этого срока он с разрешения епископа мог жениться вторично. Супругам, вступившим в повторный брак без согласования с епископом, полагались строгие посты по средам и пятницам и три сорокадневных поста в течение года. Такой же пост на протяжении семи лет полагался тем, кто женился в третий раз.

⁷⁰ Цит. по: Гисс Ф. и Дж. Браки семья в Средние века. С. 70.

Еще одним примером борьбы за наведение строгого порядка в сфере брачных отношений может служить история семейной жизни короля Генриха I, его супруги киевской княжны Анны Ярославны и их сына короля Франции Филиппа. Анна Ярославна не была верной женой, у нее были довольно длительные отношения с графом де Крепи де Валуа Раулем III, который был женат вторым браком на Элеоноре, графине Бранбургской.

Генрих жаловался папе римскому Николаю II на неверность своей супруги, и тот написал Анне увещательное письмо с требованием покаяться и прекратить греховное сожительство с графом де Валуа. В свою очередь, и жена графа Элеонора писала письма понтифику об изменах мужа. В общем, скандал разгорался нешуточный, и неизвестно, чем бы он закончился, но 4 августа 1060 года на пятьдесят втором году жизни скончался король Генрих I и грешная Анна Ярославна стала вдовой. От имени своего восьмилетнего сына вдовствующая королева управляла страной, и, конечно, усердно помогал ей в этом граф Рауль де Валуа. Филипп подрастал, и наступало время его самостоятельного правления государством.

Передача власти произошла весьма оригинальным способом. В 1062 году или чуть позже (точная дата неизвестна) во время охоты в окрестностях Санлиса граф де Валуа «похитил» королеву и увез ее в свой родовой замок, где они тайно овенчались. Отторгнутая жена графа отправилась в Рим к папе Александру II с жалобой на мужа-двоеженца. Понтифик, естественно, приказал Раулю расторгнуть брачный союз с Анной и жить с законной супругой. В ответ граф написал папе, что уважает его волю, однако не отступит от Анны, которую считает своей единственной настоящей супругой. Тогда папа отлучил графа от церкви. Ситуация становилась критической и могла бы закончиться плохо, но сын Анны король Филипп I встал на сторону матери и ее нового супруга. Чтобы не осложнять отношения с Римом, Анна отказалась от титула королевы Франции и стала графиней де Валуа. Официально она более не правила, но, как и раньше, помогала сыну в государственных делах.

В родовом поместье Валуа Анна и Рауль прожили в любви и согласии более десяти лет. Незадолго до смерти графа, в 1074 году, новый папа Григорий VII признал их брак законным.

Сын Анны и Генриха I Филипп I в 1072 году женился на графине Берте Фрисландской, сделал ее королевой Франции. На Двдцатом году своего брака он влюбился в жену графа Фулька Анжуйского Бертраду де Монфор. В порыве вспыхнувшей страсти Филипп отверг свою законную жену и заточил ее в замок Монтрей-сюр-Мер. Графиня Бертрада ради нового монархического брака согласилась бросить своего мужа, и в ночь на 15 мая 1092 года сбежала вместе с королем, инсценируя свое похищение.

Оскорбленный муж, покинутый Бертрадой, начал с королем войну, и к нему в качестве союзника присоединился граф Фландрский, ближайший родственник отвергнутой Берты.

Не обращая внимания на столь тяжелые последствия своей связи, Филипп и Бертрада овенчались. Для благословения второго брака им удалось собрать на свадьбу большую часть церковных иерархов королевства. Однако епископ Ив Шартрский ответил на приглашение короля категорическим отказом. В направленном Филиппу послании он изложил свою позицию так: «Ты не увидишь меня в Париже, как и твоязжена, о которой я не знаю, может ли она быть твоей женой. Я не приеду, пока не узнаю, установил ли общий совет, что ты и твоя супруга разделены на законных основаниях и что ты и та женщина, на которой ты хочешь жениться, можете на законных основаниях сочетаться браком»⁷¹. Свой отказ епископ дополнил увещанием о греховности похоти, недопустимости прелюбодеяния и напомнил королю, что у Адама, Самсона и Соломона были большие неприятности из-за женщин.

Столь принципиальная и смелая позиция стоила Иву двух лет заточения в замке Пуизе, что вызвало явное недовольство всего Французского духовенства и папы Урбана II, который в 1096 году отлучил короля от церкви. Напуганный Филипп поклялся прекратить свое греховное сожительство с Бертрадой, но, расставшись

⁷¹ Цит. по: Гис Ф. и Дж. Брак и семья в Средние века. С. 148-149

с ней, вскоре снова возобновил отношения и был еще раз отлучен от церкви. В 1104 году на соборе в Париже Филипп и Бертрада в очередной раз торжественно обещали не возобновлять своего сожительства и были вновь приняты в лоно церкви. Однако Бертрада осталась при дворе и жила с Филиппом I как с мужем до самой его смерти.

Противостояние светских и духовных властей по вопросам нерасторжимости брака длилось вплоть до времен Реформации, когда в 1545 году постановлением Тридентского собора практика разводов была окончательно осуждена церковью. Ответом на этот жесткий церковный запрет разводов стали появление у высших сословий родовых фамилий, гербов и создание генеалогических историй. Генеалогия, в случае надобности, могла помочь отыскать в каком-нибудь отдаленном поколении нужную родственную связь, которая делала существующие семейные отношения незаконными, и брак расторгался. Однако следует отметить, что разводы и повторные браки чаще всего происходили не из-за внезапно нахлынувшей любви, поскольку чувства в семейной жизни играли весьма незначительную роль. Потребность в новом браке, как правило, диктовалась экономическими или политическими интересами.

Заключение

Тысячелетняя эпоха Средних веков была в какой-то степени временем определения того, как европейская цивилизация будет развиваться в дальнейшем. Это было время перехода человечества к новому мировосприятию и мировоззрению. От первичного одухотворения сил природы, окружающей среды, выраженного в анималистических и языческих религиозных системах, человечество переходило к познанию единой Божественной сущности многообразия мира. Социально-экономическое развитие общества создало условия для утверждения культа единобожия,

выраженного в древнем Ветхом Завете иудеев и в благой вести Нового Завета христианства.

К V веку нашей эры посредством завоеваний новых территорий, создания могущественных империй, развития торговли и великого переселения народов человечество начало осознать идею единства мира и его общего устройства. Христианство проповедовало общность всех народов. В Послании к колоссянам Св. апостол Павел писал: «...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3: 11).

Идея христианства заключалась в том, что все люди — братья, призванные к жизни в любви и помощи друг другу. На этом была основана новая апостольская Церковь. В служении людям заключался смысл христианской жизни. Средневековье разделяло прошлое время язычества, где у каждого языка (этноса) были свой отдельный мир и отдельные духовные силы (боги), и будущее время единого общего мира и его единого Бога-творца.

И Божественные Заветы разделились на Ветхий и Новый, соединенные и исповедуемые идеей религий. При всем кажущемся противоречии священные тексты Нового Завета не отрицали Ветхий Завет. Христианская идея заключалась в том, чтобы развивать и совершенствовать Ветхий закон, превращая его исполнение в духовную потребность людей. Христос в Нагорной проповеди говорил: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5: 17). Однако это исполнение требовало вдумчивого понимания новой идеи и осознанного следования ей в делах и отношениях, ибо новое царство было «не от мира сего».

К сожалению, вместо многовекового постепенного освоения людьми этой великой духовной идеи Христа произошло быстрое и формально-механическое внедрение примитивно-дословного понимания писаний. Так, например, в Евангелии от Матфея сказано: «Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19: 24). При буквально-дословном понимании получается полная чушь. Кто же станет записывать

в игольное ушко двугорбое животное, да и богатому надеяться не на что и жить-то, по большому счету, не стоит. А ведь в Евангелии речь шла не о животном, а о материале — о нитке из верблюжьей шерсти, которая действительно достаточно груба и толста, и вдевать ее в иголку затруднительно. За таким буквальным пониманием написанного, естественно, следовало и исполнение ложно осознаваемых внешних обрядов.

Такая церковь, усиленная союзом с мощной деспотической силой государственного аппарата, безусловно, заключала в себе остреешие противоречия несовместимого сочетания христианской проповеди любви и жестоких тиранических реалий жизненной практики. Это христианство имело очень мало общего с Христом и его миссией. Церковно-государственное регулирование и контроль брачных отношений породили деспотически-патриархальный тип семьи, где страшный карающий Бог отражался в образе главенствующего жестокого мужа и отца.

В таких условиях семья утрачивала свою крепость и единство. В недрах этих противоречивых отношений зарождался будущий конфликт интересов, способный привести к гибели семьи, общества и цивилизации.

Часть II

Развитие института брака и семейных отношений в эпоху Ренессанса

Новая эпоха

В историографии эпохи Ренессанса (от итал. *Rinascimento*; *ri* — «снова» + *nasce* — «рожденный») принято считать это время возрождением античных традиций, возвратом к древним антропоцентрическим системам мировосприятия. Однако подобная общепринятая точка зрения при более внимательном рассмотрении может быть верна лишь отчасти. Никакого возврата к прежнему опыту и никакого возрождения древних традиций не было и не могло быть. Это было время глубокого духовного и ментального кризиса, сопровождавшегося мощными социально-экономическими изменениями. В это время начался переход от феодального общественного устройства к буржуазному. Стали формироваться национальные государства, между которыми устанавливались международные дипломатические отношения и развивалась торговля. Потребности формирующегося рынка, в свою очередь, стали причиной Великих географических открытий, развития науки и техники. Основы церковного мировоззрения перестали удовлетворять и, соответственно, не могли в новых условиях оставаться прежними регуляторами жизни людей.

Крестовые походы не увенчались успехом, продолжавшиеся междуусобицы, и особенно Тридцатилетняя война 1618–1648 годов, затронувшая в той или иной степени все европейские страны, породили острый дефицит человеческих ресурсов. Европа обезлюдела. Невольно закрадывалось сомнение в церковном учении о предопределенности человеческой жизни Божьей волей. Возникающие антиклерикальные настроения неизбежно порождали потребность в формировании новой мировоззренческой идеи.

В 1453 году под натиском османов пала Византия. Беженцы из восточных земель, направившиеся в Западную Европу, принесли с собой огромное количество папирусов, пергаментов и бумажных манускриптов античных авторов из разоренных императорских и монастырских библиотек. В Европе стал распространяться опыт языческой античности, утверждавший ценность человеческой жизни, красоту тела и радость плотских наслаждений. Однако реставрация язычества в христианских странах, даже весьма относительная, была невозможна. В результате возникло противоречивое и порой конфликтное смешение религиозного христианского мировоззрения с древним языческим представлением о стихийно-индивидуальной и гедонистической ориентации человека. Непримиримый конфликт данных тенденций способствовал бурному развитию гуманистической культуры, философии, науки и искусства. Это возрожденное стремление к наслаждениям позволило человечеству не только выжить, но и достигнуть новых высот цивилизации.

Светская культура и гуманизм¹ начали активно вытеснять из сознания людей средневековой религиозный фанатизм и слепую бездумную веру в церковные догматы. Полагаясь на свой интеллект, люди устремились к возможностям научно-естественного познания мира. Вождей воле и жесткой предопределенности жизни противопоставлялись сила человеческого разума и свобода его выбора. Человек пытался по-новому осознать самого себя и найти свое место в новых условиях противоречивого мира. Это, в свою очередь, породило неизбежность великой церковной реформации.

Эпоха Ренессанса породила таких гигантов мысли и творчества, как Леонардо да Винчи, Рафаэль Санти, Микеланджело Буонарроти, Галилео Галилей, Николай Коперник, Томас Мор, Никколо Макиавелли, Уильям Шекспир, Эразм Роттердамский, Мартин Лютер. Жан Кальвин и многих других, определивших дальнейшее развитие мировой культуры.

¹ Гуманизм — интеллектуальное движение, являющееся важным компонентом Ренессанса. Возникло во Флоренции в середине XIV века. Основной идеей гуманизма было утверждение природных сил и ценностей человеческой жизни в противовес церковному учению о примате духовности.

Исторические временные рамки этого периода для каждого европейского государства были различны. Так, например, в Италии он начался в XIII веке и продолжался четыреста лет. Зарождение Ренессанса в Англии традиционно относят ко второй половине XIV столетия, увязывая его с экономическими и социально-политическими изменениями, вызванными бурным ростом промышленности и расширением товарно-денежных отношений. Во Франции эпоха Возрождения началась лишь во второй половине XV и продлилась до середины XVII столетия.

В истории принято выделять период Проторенессанса (конец XIII — XIV век); Раннее Возрождение (XV век); Высокое Возрождение (конец XV — начало XVI века) и Позднее Возрождение (XVI—XVII века).

Возрождение гедонистических ценностей

Гедонистические² идеи Аристиппа (435—355 годы до н. э.) и Эпикура (341—270 годы до н. э.), провозгласившие целью и смыслом жизни достижение наслаждения, все больше овладевали умами людей. Благо развивающаяся экономика и торговля всячески способствовали этому.

В эпоху Ренессанса идеи гедонизма стали важным средством гуманистического утверждения ценности человека во всех его жизненных проявлениях. Они были средством выражения духовного протеста против церковно-догматической аскезы³.

² Гедонизм (от др.-греч. ἡδονή — «наслаждение», «удовольствие») — аксиологическое учение, согласно которому удовольствие является высшим благом и смыслом жизни, единственной конечной ценностью, тогда как все остальные ценности являются инструментарными, то есть средствами достижения Удовольствия.

³ Аскеза (от др.-греч. ἀσκησις — «упражнение»), или аскетизм — методика достижения духовных целей через упражнения в самодисциплине, самоограничении, самоотвержении, исполнении трудных обетов, порой включающих самонистязание.

Причиной возникновения и развития данной протестности стал глубокий ментальный кризис, возникший в конце Средних веков и ярко выраженный в творчестве Данте и Петрарки.

Церковь учила, что земная жизнь человека является низшей и извращенной формой реальности и лишь мир духовный, обретаемый со смертью тела, может быть подлинным источником истины и счастья. Человек может обрести свою истинную сущность, только освободившись от телесной формы, а заслужить эту награду можно было, лишь полностью отказавшись от земных искушений. Однако природная слабость рода человеческого явно мешала людям бесповоротно принять этот постулат. Они грешили, а потому и «черная смерть» — эпидемия бубонной чумы, охватившая Европу в XIV веке, — воспринималась ими как кара Господня. Чума со всей беспощадностью обнажала состояние хрупкости и беззащитности человеческой жизни. Люди осознавали, что живут в преддверии последних времен, и страх скорого и неминуемого Страшного суда подталкивал их к осознанию бренности земного существования.

Смерть торжествовала повсюду, боль и страдания способствовали забвению всех радостей жизни, приводили к отказу от мирских удовольствий. Размышляя о непредсказуемости и быстротечности своей жизни, люди должны были отречься от плотских наслаждений и устремиться к целомудрию и добродетели — как последней надежде обрести счастье в ином мире.

Однако сил, возможностей, а порой и желания вести добродетельный и целомудренный образ жизни у людей явно не хватало. Они продолжали грешить, а болезни, голод и войны все так же уносили сотни тысяч жизней. Непосредственная близость смерти создавала ощущение беспомощности и бессмысленности усилий для собственного совершенствования. Люди стали осознавать, что если их ждет неизбежный и скорый конец, а по их природной греховной сущности, скорее всего, еще и ад, то их явно недостаточные аскетические усилия в самоограничении и самоотречении не смогут спасти от «гнева Всевышнего» ни на этом, ни на том свете.

Естественным выходом из этого ментального кризиса стало возрождение гедонистического мировоззрения. Если смерть и вечные муки поджидают за каждым углом, то почему бы не насладиться всеми доступными прелестями жизни, пока это еще возможно? Жизнь может стать намного приятнее, веселее и радостнее, если наполнить ее утехами и удовлетворять любые свои желания здесь и сейчас.

Это стремление к обретению максимальной свободы, радости и наслаждения достаточно быстро обрело идейно-теоретическое обоснование.

Выдающийся флорентийский мыслитель-энциклопедист Джанотто Манетти (1396–1459) в своём трактате «О достоинстве и превосходстве человека» утверждал, что Бог создал мир для человека, а потому и наделил свое создание возможностью радости. Стремление людей к удовольствию и наслаждению есть не что иное, как Божие указание верного пути для исполнения Его воли. Одним из главных компонентов Божественной регуляции человеческого поведения, по мнению мыслителя, был сексуальный экстаз. Он обосновывал это следующим образом: «Природа, искуснейшая и мудрейшая, с ясным основанием и по очевидным причинам сделала так, чтобы люди получали при половом общении гораздо больше наслаждения, чем при принятии пищи и питья, потому что она стремится более к сохранению человеческого рода». В конце XV столетия Аурелио Липпо Брандолини, развивая идеи Манетти, писал: «...определённые наслаждения и удовольствия предусмотрены природой при тех действиях, которые направлены на пропитание и размножение, и человек не должен губить свою жизнь или жизнь своего потомства скукой и тяжким трудом, поскольку это может привести к гибели человеческой расы»⁴.

Опираясь на эти идеологические обоснования, сексуальное наслаждение перестало восприниматься как что-то низкое и недостойное. Оно стало сущностью человеческого достоинства,

⁴ Цит. по: Ля А. Безобразный Ренессанс. Секс, жестокость, разврат в век расы. М., 2016. С. 142.

⁵ Цит. по: Там же. С. 140.

и соответственно ему мужчины и женщины обязаны были наслаждаться, дабы исполнить свою великую роль в Божественном плане развития человечества.

Так эротизм, проникающий во все сферы человеческой жизни, был легализован и, по выражению Э. Фукса, был призван из чисто животного акта сделать деликатнейшее и возвышенное произведение искусства, красоты и наслаждения⁶. В живописи и скульптуре, наряду с античными и библейскими сюжетами, объектом искусства стало человеческое тело. Художники стремились в своем творчестве к естественности, к реалистичному воссозданию мира и человека.

Кардинально изменилась и направленность нравственных ориентаций. Этические ценности Ренессанса стали явно противоречить постулатам отцов церкви позднего Средневековья. Ожидание радостей в будущем загробном мире сменилось на их реализацию здесь и сейчас.

Эту «новую» идею выразил в стихах Лоренцо ди Пьеро де Медичи:

Юность, юность, ты чудесна,
Хоть проходишь быстро путь.
Счастья хочешь — счастлив будь
Нынче, завтра — неизвестно⁷.

Такой точки зрения придерживался и Джованни Боккаччо. В своем «Декамероне» он утверждал примат гедонистических ценностей и вставал на явно антиклерикальную этическую позицию. Наиболее ярко это представлено в диалоге очаровательной четырнадцатилетней девушки по имени Алибек и благочестивого монаха-отшельника Рустико. Выслушав от него суровые наставления о добродетельной жизни, служении Богу и «отправлении дьявола в ад», юная красавица спросила праведника, как же следует бороться с дьяволом. «Рустико ей на это ответил: «Не в долгом

времени ты это узнаешь, а пока делай то же, что буду делать я». И тут он, сбросив с себя то небольшое, что на нем было, разделся догола, а его примеру последовала девушка. Потом стал на колени, словно хотел помолиться, а ей велел стать перед ним.

Итак, он стоял на коленях, и при виде ее прелестей похоть его все сильнее распалась, следствием чего явилось вздымание плоти; Алибек же, в изумлении созерцая таковое явление, спросила: «Что это у тебя торчит, Рустико? У меня такой штуки нет».

«Ах, дочь моя! — отвечивал Рустико. — Это и есть дьявол, о котором я тебе толковал. И — поверишь ли? — как раз сейчас он причиняет мне нестерпимые муки».

А девушка ему: «Слава богу, что у меня этого дьявола нет, — потому-то мне и легче».

«То правда, — согласился Рустико, — зато у тебя есть другая штука, а у меня ее нет».

«Какая штука?» — спросила Алибек.

Рустико же ей на это ответил: «У тебя ад, и сдается мне, что господь послал тебя ради спасения моей души, ибо если дьявол начнет уж очень досажать мне, а ты надо мною сжалишься и дашь мне снова загнать его в ад, то мне ты доставишь великую отраду и в то же время как нельзя лучше послужишь и угодишь богу, а ведь ты, сколько я могу уразуметь из твоих слов, для того сюда и пришла».

Девушка же в простоте души ему сказала: «Отец мой! Коли ад во мне, то загоняйте дьявола, как скоро вам заблагорассудится».

«Будь же ты вовек благословенна, дочь моя!» — воскликнул тут Рустико. — Итак, пойдем и загоним дьявола, чтобы он оставил меня в покое».

С этими словами он положил девушку на постель и показал, какое положение следует ей принять, чтобы злой дух был заточен.

Девушке впервые пришлось загонять дьявола в ад, и потому ей было больновато. «Да уж, отец мой, — сказала она, — сквернавец он, этот самый дьявол, подлинно враг господень, не то, что кому-нибудь там еще — самому аду больно, когда его туда загоняют».

«Это не всегда так будет, дочь моя», — возразил Рустико.

⁶ Фукс Э. Иллюстрированная история эротического искусства. М., 1995. С. 4.

⁷ Цит. по: Ли А. Безобразный Ренессанс. С. 138.

И чтобы впредь ей было легче, они, прежде чем встать с постели, еще раз шесть загональдьявола, сбили с него гордыню, и он до поры до времени охотно смирился.

Впоследствии, однако, дьявол часто бывал обуреваем гордыней, а девушка никогда не отказывалась сбить ее, оттого что эта игра пришлась ей по вкусу»⁸.

Так в противостоянии церковным доктринам литература и искусство Ренессанса отражали очевидность той идеи, согласно которой все, что доставляет человеку наслаждение, является добром, что любое наслаждение оправданно, более того, оправданы любые действия и усилия, если они ведут к удовлетворению желаний. Гедонизм утверждал приоритет потребностей индивида над социальными установлениями, ограничивающими его свободу и подавляющими его самобытную индивидуальность. В результате такой оппозиции люди устремились к реальным радостям гурманства и любви, выраженным в творчестве Франсуа Рабле и Джованни Боккаччо. Греховные страсти стали превращаться в естественное и необходимое жизненное благо. Сексуальность легализовалась и вырвалась наружу. Искусство Ренессанса делало отношения мужчин и женщин свободнее, ухаживания — изысканнее, а чувства — сильнее и ярче. Однако при этом всепроникающий эротизм порождал и сильнеешие противоречия в социальных и межличностных отношениях того времени.

С одной стороны, в обществе продолжали господствовать нормы средневековой асексуальной морали, а с другой, в связи с изменением экономической ситуации и ростом городов, возрождались и древняя традиция свободной любви. Сексуальность превращалась в ходовой товар, который можно было обменять, приобрести за деньги или попросту украсть. Различные виды домогательств и насилия были чрезвычайно распространены.

⁸ Боккаччо Дж. Декамерон. М., 1989. С. 256–258.

Сексуальная страсть как стихийная сила подчиняла себе помыслы и чаяния людей, но, следуя строгим предписаниям церковных канонов, духовенство направляло это господство сексуального гедонизма на репродуктивную производительность. Этого же настоятельно требовала и тяжелая демографическая ситуация в большинстве европейских стран. Войны и эпидемии уносили сотни тысяч жизней, а зарождающаяся буржуазная экономика требовала обеспечения защиты ее интересов и, соответственно, роста населения. Сама жизнь создавала условия, когда каждый мужчина хотел оплодотворять, а женщина — быть оплодотворенной.

Вследствие действия всех этих факторов особенную ценность приобретали идеалы физической силы, красоты и сексуальной привлекательности. Внешность прекрасной дамы должна была соответствовать тридцати трем совершенствам, которые в литературе того времени описывались как:

- «три длинных: волосы, кисти рук и ноги;
- три миниатюрных: зубы, уши и груди;
- три широких: лоб, грудная клетка и бедра;
- три узких: талия, колени и "то место, куда природа поместила все, что есть самого сладкого";
- три больших (но очень пропорциональных): рост, руки и ляжки;
- три тонких: брови, пальцы, губы;
- три круглых: шея, руки и ...;
- три маленьких: рот, подбородок и ступни;
- три белых: зубы, шея и кисти рук;
- три красных: щеки, губы и соски;
- три черных: брови, глаза и "то, что сами знает"»⁹.

Женская привлекательность выражалась и в манере одеваться.

⁹ Мэтью Грин С. Ф. Тело, внешность и сексуальность // История женщины на Западе: в 5 т. СПб., 2005–2015. Т. 3: Парадоксы эпохи Возрождения и Провещения. 2008. С. 71.

XVI век

XVII век

Мода того времени обнаруживает во всех своих направлениях те же принципиальные противоречия. Нравственный долг обязывал женщин скрывать свое тело под одеждой, закутываясь с головы до ног. Это требование безукоризненно выполнялось, женщины носили платья в пол с длинными рукавами, а их лица были спрятаны под вуалью. При этом они стремились обнаружить и подчеркнуть все свои физические достоинства. Так, создавалась одежда, гипертрофированным образом воспроизводившая формы бедер и груди. Платье дополнял воротник — вначале в виде узкого рюша, а затем, к концу XVI века, — гофрированный или с высокой стойкой.

В XVII столетии, когда гедонистические тенденции превзошли сами себя, в моду вошли платья с глубоким декольте и затянутой в корсет осиной талией, а нижняя часть напоминала собой занавес, готовый распахнуться навстречу любовным утехам. Спрятанное в одежду тело выставлялось напоказ, как товар, на который хотят обратить всеобщее внимание.

Выраженная демонстративность сексуальных достоинств наблюдалась и в мужской моде. Начиная с позднего Средневековья и в самый разгар Ренессанса кавалеры демонстративно подчеркивали свою мужественность посредством гульфика. Изначально гульфик делался из плотной ткани и накладки из металлической пластины, которую использовали рыцари для защиты причинного места в боях и турнирах. Затем он стал декоративной частью одеяния, символизирующей мужскую силу и плодovitость. В XVI веке эта деталь достигала столь больших размеров, что стала чуть ли не отдельным аксессуаром. Так, король Англии Генрих VIII, известный своими многочисленными браками, украшал свои огромные гульфики золотой вышивкой и драгоценными камнями. При дворе за его спиной шутили, что сначала в дверях появлялся гульфик, а затем и Его Величество. Вслед за своим монархом гульфики стали носить и все остальные мужчины королевства.

Эволюция гульфика

В Комо вследствие раздоров происходят настоящие битвы между францисканскими монахами и монахинями, причем последние храбро сопротивляются нападением вооруженных монахов. В церквях пьянствуют и пируют, перед чудотворными иконами развешаны по обету изображения половых органов, исцеленных этими иконами. Францисканские монахи изгоняются из города Реджио за грубые и скандальные нарушения общественной нравственности, позднее за то же из этого же города изгоняются и доминиканские монахи. Во Флоренции братья престарелого богатого купца — гуманиста Никколо Никколи (1364–1444), известного знатока и поклонника античности, прославленного своей образованностью (у него было 800 рукописей античных и христианских авторов), хватают его любовницу, задирают ей юбки и публично секут ее розгами. Папа Александр VI и его сын Цезарь Борджиа собирают на свои ночные оргии до 50 куртизанок. В Ферраре герцог Альфонс среди бела дня голым прогуливается по улицам. В Милане герцог Галеаццо Сфорца услаждает себя за столом сценами содомии¹¹.

Можно сказать, что подобные явления были самоочевидной формой гуманизма, лишенного всяких духовных основ любви к ближнему, гуманизма в его оголенном, эгоистическом, животном виде. Результатом столь широкого распространения культуры сексуальности и разврата в европейских странах стала эпидемия венерических заболеваний. Жертвами французской болезни, как тогда называли сифилис, стали многие светские и духовные лица. Этот греховный недуг несколько остудил бурные страсти жителей Европы. Уже к концу XV века назревает кризис гедонистического гуманизма, который ярко отразился в творчестве гения позднего Возрождения — Уильяма Шекспира. Гамлетовский вопрос «быть или не быть?» заключал в себе всю противоречивость и трагизм человека в его стремлении быть свободным в своем неумоимом самоутверждении. При этом невозможность бесконечного наслаждения в удовлетворении плоти делала жизнь бессмысленной и в конечном счете ненужной и невозможной.

¹¹ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. С. 122–123.

Быть или не быть, вот в чем вопрос, Достойноль
Смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними? Умереть. Забыться.
И знать, что этим обрываешь цепь
Сердечных мук и тысячи лишений,
Присущих телу. Это ли не цель
Желанная? Скончаться. Сном забыться.
Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ¹².

Добрачные отношения

Глобальные противоречия эпохи Ренессанса зарождались в столкновении старых традиций средневекового уклада жизни и новых социально-экономических условий существования. Церковь активно ограничивала интимные отношения людей, загоняя сексуальность в рамки брачных уз. При этом возможность создания семьи ограничивалась унаследованным от Средневековья принципом примогенитуры, когда все взрослые сыновья, кроме первенца, должны были принимать духовный сан с обязательным обетом безбрачия или превращаться в военных наемников с таким же отказом от брака, семьи и детей. К тому же «тогда во многих странах и во многих ремеслах подмастерья не имели права жениться. Для этой значительной части населения во многих городах и городках оставалось только венебрачное удовлетворение половой потребности, притом в продолжение почти всей их жизни. Чем больше росла индустрия, а с ней и число занятых в ней подмастерьев — часто они составляли половину населения, — тем, естественно, увеличивалась опасность, грозящая женщинам и девушкам от этой холостой части населения»¹³.

¹² Шекспир В. Гамлет, принц Датский / пер. В. Пастернака. М., 2013. С. 90.

¹³ Фуке Э. Иллюстрированная история нравов. Эпоха Ренессанса. С. 377.

Сексуальное поведение этих свободных молодых людей порой принимало и весьма эзевские формы. Изнасилования совершались повсеместно и были практически нормой жизни. По дорогам бродили отряды ландскнехтов, толпы нищих бродяг и паломников. Любая женщина, попавшаяся им на пути, становилась добычей их ненасытной похоти. Женщин незнатного происхождения насиловали прямо в переулках или на проселочных дорогах. Нередки были случаи насилия над несовершеннолетними. Судебные хроники периода с 1495 по 1515 год сообщали, что «более трети из сорока девяти жертв осужденных насильников были девочками в возрасте от шести до двенадцати лет, а половина еще достигла четырнадцати лет. Многие другие были соблазнены без применения силы»¹⁴.

Общая напряженность эротического чувства породила гедонистический сексуальный разгул, который стал типичным явлением для всех слоев общества, включая крестьян, ремесленников, представителей духовенства, художников и аристократов. На улицах городов, в своих домах и даже в церкви женщины не могли себя чувствовать в полной безопасности. «Каждый день можно было видеть, как добрый молодец подстерегает девицу, как сосед обнимает служанку, как подмастерье заигрывает с женой мастера, если того нет дома, как соседка приводит в порядок платье, когда молодой монах выходит из ее дома, и многое другое»¹⁵.

В исповедальных кабинках церковных соборов и костелов кающиеся грешники подвергались возвращению и домогательствам со стороны возбужденных их исповедью священников. Подобные явления были настолько распространены, что в 1617 году архиепископ Камбре вынужден был издать специальное распоряжение: «Исповеди женщин должны выслушиваться не в ризнице, а на свободном месте в церкви, в темное время там должны зажигаться свечи». Иезуитам Венеции в 1648 году и вовсе запретили принимать исповедь, поскольку, как выяснилось, «ни одна женщина не могла чувствовать себя при этом в безопасности»¹⁶.

¹⁴ Ли А. Безобразный Ренессанс. Секс, жестокость, разврат в век красоты. С. 108.

¹⁵ Фулз Э. Иллюстрированная история нравов. Эпоха Ренессанса. С. 377.

¹⁶ Балькус А. Любовь и секс в Средние века. С. 313.

Иерархи церкви вели себя ничуть не лучше. «Кардинал Аллидозио, пользовавшийся особым благоволением папы Юлиана II, похитил жену почтенного и родовитого флорентийца и увез ее в Болонью, где был тогда папским легатом. Кардинал Бибиена, друг папы-гуманиста Льва X, открыто сожительствовал с Альдой Бойарда. Многие кардиналы поддерживали отношения со знаменитой куртизанкой Империей, которую Рафаэль изобразил на своем Парнасе в Ватикане»¹⁷.

В результате такого состояния добрых отношений на свет появлялось большое количество незаконнорожденных детей, от которых старались избавляться. Для предотвращения детоубийства во Флоренции был основан Воспитательный дом. При этом следует отметить, что незаконных детей имели все: гуманисты, духовные лица, папы, князья. «У Поджо Браччолини — дюжина внебрачных детей, у Никколо д'Эсте — около 300. Папа Александр VI, еще в бытность свою кардиналом, имел четырех незаконных детей от римлянки Ваночки, а за год до своего вступления на папский престол, уже будучи 60 лет, вступил в соительство с 17-летней Джулией Фарнезе, от которой вскоре имел дочь Лауру, а уже пожилою свою Ваночку выдал замуж за Карло Канале, ученого из Мантуи. Имели незаконных детей также и папа Пий II, и папа Иннокентий VIII, и папа Юлий II, и папа Павел III: все они папы-гуманисты, известные покровители возрожденческих искусств и наук. Папа Климент VII сам был незаконным сыном Джулиано Медичи»¹⁸.

Известный живописец первой половины XV века, учитель Сандро Боттичелли, фра Филиппо Липпи был монахом ордена кармелитов, но это не мешало ему вести достаточно вольный образ жизни. Его страстное женолюбие было временами так сильно, что он не мог сосредоточиться на работе.

Основоположник европейского искусствознания, художник, архитектор и писатель Джорджо Вазари писал о нем: «Был же он, как говорят, настолько привержен Венере, что, увидя женщин,

¹⁷ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. С. 123.

¹⁸ Там же.

Филиппо ночью сбегал через окно

которые ему понравились, он готов был отдать последнее ради возможности ими обладать¹⁹.

Однажды, чтобы этот «монах-сластолюбец» не отвлекался от заказанной ему работы, его покровитель — известный меценат Козимо де Медичи — запер его в мастерской своего дома. Филиппо, мучимый жадой сексуальных наслаждений, прострадал там два дня и ночью и, разрезав простыни на лоскуты, сбегал через окно.

Несколько дней он безудержно предавался любовным утехам, и лишь полностью удовлетворив свою страсть, смог вернуться к работе.

В 1456 году, когда фра Филиппо исполнилось пятьдесят лет, его, очевидно по недомыслию церковных властей, назначили исполнять обязанности капеллана в женском монастыре Святой Маргариты. Молодая монахиня Лукреция Бути в качестве послушания позировала

¹⁹ Цит. по: ЛиА. Безобразный Ренессанс. Секс, жестокость, разврат в век красоты. С. 107.

ему и неожиданно забеременела от художника. Липпи покинул свою возлюбленную из монастыря, и в 1457-м у них родился сын — маленький Филиппино. Разразился большой скандал, дошедший до Римского Святого престола. Спасло художника заступничество Козимо де Медичи, который уговорил папу Каликста III уладить дело миром. Понтифик своим указом снял с Липпи монашеский сан, дабы тот, уйдя в мир, стал ближе к Богу. Избавившись от сутаны, в 1461 году Липпи женился на Лукреции, и их второй сын, Алессандро, родился уже в законном браке.

Один из самых знаменитых художников эпохи Возрождения Рафаэль Санти никогда не был женат и жил с огромным количеством любовниц. Чувство сексуальной умеренности было ему совершенно чуждо. Правда, по одной из версий его биографии, в тридцатилетнем возрасте он серьезно влюбился и прекратил свои бесконечные похождения со сменой женщин. В то время он долго и безуспешно искал натурщицу для фрески «Амур и Психея» во дворце знатного и богатого вельможи Агостино Чиги. Однажды, прогуливаясь со своим учеником Франческо Пенни по дворцовому парку, он встретил девушку с ангельским лицом, и она затмила для него всех женщин мира. Это была дочь булочника, семнадцатилетняя Маргарита Луги. Пораженный ее красотой, Рафаэль шепнул ученику: «Вот она — моя Психея!» Он пригласил девушку к себе в мастерскую и страстно просил, чтобы та согласилась позировать ему. Смуглившийся, Маргарита ответила, что должна спросить разрешения у отца. Утром следующего дня художник отправился в пекарню, где заплатил отцу девушки пятьдесят золотых монет и получил для нее разрешение позировать для картины. Началась ежедневная плодотворная работа. Однако вскоре одного позирования красной Маргариты Рафаэлю стало явно недостаточно, все более разгорающаяся страсть полностью поглотила его. Он не спал по ночам и безумно ревновал свою натурщицу к ее жениху Томаччо — деревенскому пастуху из Альбано во владениях Агостино Чиги. Маргарита была просватана и вскоре должна была выйти замуж, но и в ее сердце уже поселилось благосклонное чувство к красавцу-художнику.

Не выдержав мучений, Рафаэль заплатил отцу Маргариты 3000 золотых и поселил ее у себя. Девушка стала его любовницей и повелительницей. Он боготворил ее, окружал роскошью и богатством. Жизнь дочери булочника преобразилась, она имела дорогие наряды, драгоценности и множество слуг, которые исполняли каждое ее желание.

Но юная красавица оказалась довольно расчетливой и коварной особой. Ей было мало ласк и восхищения гениального художника, она требовала, чтобы Рафаэль постоянно был возле нее, предавался любовным усладам только с ней и регулярно преподносил ей щедрые подарки. И он покорно выполнял все эти прихоти, поскольку она была не только его страстной любовью, но и плодотворной музой. С Маргариты художник писал «Сикстинскую Мадонну», «Мадонну в кресле», «Донну Велату», ее образ запечатлен на фресках «Амур и Психея», «Торжество Психеи на Олимпе», на многих картинах и портретах. Правду говорят, что любовь слепа. Без памяти влюбленный Рафаэль не разглядел за прекрасной формой своей возлюбленной коварного содержания *vagina dentata*²⁰. Маргариту все больше интересовали его деньги и свои удовольствия.

Опасаясь преследований со стороны своего бывшего жениха, Марго упростила Агостино Чиги заточить его в монастырь, за что обещала отдать ему и стать его любовницей. Вельможа тут же удовлетворил ее желание и взамен получил удовлетворение своего. Рафаэль страдал от ревности. Предательство юной ласки разрывало его сердце, а она вскоре изменила Рафаэлю с его юным учеником Карло Тирабоччи. Оскорбленные подмастерья великого живописца вызвали Карло на дуэль, где тот получил смертельную рану и скончался от потери крови. Маргариту это не очень расстроило, и она быстро утешилась в объятиях другого любовника. Со временем прекрасная дочь булочника стала одной из самых известных куртизанок Рима. Это жестоко мучило

²⁰ *Vagina dentata* — с лат. «зубастая вагина». См.: Осницкий А. В. История семьи и брака. Т. 1: Становление института семьи и брака в доисторические времена и в Древнем мире. СПб., 2018. С. 117.

Рафаэля и буквально подрывало его силы. По ночам он страдал от бессонницы, а под утро, когда его уставшая от любовных ласк возлюбленная возвращалась домой, он уже не мог подняться с кровати. Врачи поставили ему диагноз — обширное истощение организма. 6 апреля 1520 года, в день своего рождения, великий мастер скончался.

Эта история свидетельствует о том, что и многие незамужние девушки вели себя столь же вольно и часто не уступали мужчинам в амурных похождениях. В Италии той эпохи уже не было почти никакой разницы между честными женщинами и куртизанками. Их сексуальные похождения в XV веке сделали столь заурядными, что в 1428 году магистратом города Беллуно был принят закон, согласно которому девушки старше 20 лет не могли считаться девицами, если не подтверждали свое целомудрие фактически.

Следует отметить, что женщинам в то время только замужество давало возможность более или менее устроить свою жизнь, а одной из весомых трудностей на пути создания семьи была явная диспропорция в количестве мужчин и женщин в европейских странах. В городах и деревнях численно преобладали женщины. Даже несмотря на то, что вследствие частых и ранних родов смертность среди них была достаточно высока, число свободных мужчин было значительно меньше. Такое положение обуславливалось тем, что много мужчин погибало во время непрерывных войн, торговых путешествий и экспедиций при освоении новых земель.

Вне брака женщинам приходилось выбирать между уходом в монастырь или проституцией. А учитывая, что женские монастыри отдавали предпочтение знатым и состоятельным дамам, для женщин низших социальных слоев этот путь был закрыт.

Таким образом, относительно легально, хоть с формальным осуждением, добрые сексуальные страсти удовлетворялись с помощью «жриц любви», количество которых значительно возросло по сравнению с эпохой Средневековья. Так, например, в Италии проституция достигла невероятных масштабов. В 1490 году в Риме насчитывалось около семи тысяч продажных

женщин, а в Венеции в 1509-м этим ремеслом занималась одиннадцать тысяч дам легкого поведения. Не лучше было положение и в других европейских городах. В Лондоне «в царствование Ричарда II (1377–1401) лорд-мэр содержал дома, где легкомысленные господа из знати развлекались с вывезенными им фландрскими красавицами. Генрих VI в 1442 году дал двенадцати из таких домов привилегию»¹¹. Париж славился множеством публичных домов. В столице Франции проститутками были заселены целые улицы и отдельные кварталы. В Вене также действовало много домов терпимости. С 1400 года в Берлине существовал публичный дом, имевший правительственную привилегию и находившийся под надзором Jungfernknecht — городского блюстителя нравственности. В европейских странах почти каждый, даже самый незначительный, городок имел свой «женский дом», а его служительниц называли «городскими девицами».

Проституция, как и в Средние века, одновременно осуждалась и поддерживалась государством, церковью и обществом. Такое противоречивое отношение к «жрицам любви» объяснялось не только тем, что они приносили немалый доход казне, но и тем, что в них видели защитниц интересов брака и семьи. В литературных трактатах, хрониках и указах того времени выражалось убеждение, что проституция — вынужденное зло, которое следует терпеть ради «лучшей защиты брака и девичьей чести». На публичные дома возлагалась «благородная миссия» снятия эротического напряжения с мужской части населения, лишеного возможности создать семью. Светские законодатели и мыслители были уверены, что продажные женщины способствуют сокращению случаев прелюбодейния и растления порядочных девушек.

Городские муниципалитеты, епископы и священство не только поддерживали эту отрасль сексуальной индустрии, но и определенным образом регулировали ее. Так, например, регламентировалось время посещения публичных домов, женских переулков и кварталов. «Во Франции для этого предназначались часы от

¹¹ Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Эпоха Ренессанса. С. 383.

восхода до захода солнца. После захода солнца уже нельзя было ни войти, ни выйти из такого дома. В Голландии и Англии заведения должны были быть закрыты по воскресеньям. Женщинам легкого поведения запрещалось жить возле церквей и на улицах, ведущих к храму. В одной английской хронике говорится по поводу этих разнообразных пунктов: «В заведениях не должно быть замужних женщин, а также женщин, страдающих каким-нибудь серьезным недугом»¹².

Хозяевам и зрителям домов терпимости, да и самим проституткам строжайше запрещалось принимать и обслуживать женатых мужчин, евреев и лиц духовного звания. Как правило, данный запрет не давал желаемого результата, поскольку именно такие «тайные посетители» платили больше и были наиболее желанными клиентами.

Проституция — вынужденное зло

¹² Там же. С. 431.

К тому же, помимо публичных домов и уличных проституток, снижению эротического напряжения способствовали и городские общественные бани, которые, по сути, были теми же домами терпимости. Банные процедуры считались весьма полезными для здоровья и служили удобным поводом для демонстрации наготы во время купания. В этих местах «посетители пили вино и ели во время купания и по его окончании, кроме того, там всегда имелась ложа для желающих отдохнуть после омовения, встретиться со своими возлюбленными или получить удовольствие от проститутки»²³. Развлекаясь после жаркой бани, молодые люди любили петь и танцевать абсолютно голыми. Это вызывало явное недовольство городских властей, о чем свидетельствует целый ряд муниципальных указов. Так, в постановлении городского совета, изданном в Герлице в XV веке, сообщалось: «Так как молодые люди недавно вразрез с добрыми нравами танцевали после бани в банных шляпах и без костюма, то совет постановляет: отныне ни один мужчина не имеет права плясать без костюма, в одной только банной шляпе, а должен надевать штаны и куртку, как принято в других странах и городах»²⁴.

В сочинениях, описывающих быт конца XVI века, в частности купальни и бани в городе Галле в долине Инна, говорилось, что добропорядочные девушки «благодаря обычаю купальной жизни постепенно теряют стыдливость и приучаются являться перед мужчинами в обнаженном виде. В большинстве случаев не существует отдельных комнат для раздевания и купания, а в ваннах нарочно помещают мужчин и женщин вместе, чтобы они лучше видели друг друга и приучались не считаться со стыдливостью»²⁵.

Таким образом, совместное купание в банях становилось наиболее благоприятным поводом для интимных знакомств и галантных ухаживаний. Здесь полезное сочеталось с приятным и вполне успешно могло конкурировать с вульгарностью «женских домов».

²³ Мэнли Грант С. Ф. Тело, внешность и сексуальность. С. 61.

²⁴ Цит. по: Фул Э. Иллюстрированная история нравов. Эпоха Ренессанса. С. 451.

²⁵ Цит. по: Там же. С. 451.

«Первым проявлением этого слияния бани с проституцией была банщица. К услугам посетителей всегда кроме банщицы были и банщицы. Если первые часто обслуживали женщин, то вторые не менее часто — мужчин. Банщица не только мыла, но и готовила постель для посетителя, если он желал после бани отдохнуть и т. д. Так становилась она естественным образом компаньонкой гостя, отвечавшей на все его даже самые грубые выходки, которым благоприятствовал уже одного костюма.

Одежда банщицы состояла везде только из сорочки, которая, по словам современников и по свидетельству искусства, часто была сделана из прозрачной ткани. Бывали случаи, как видно опять-таки из картин, что банщицы обслуживали гостей и совершенно обнаженными. Банщицы были лучшей рекламой хозяина бани, и он нанимал обыкновенно красивых и крепких, таких, которые могли смело обнажаться перед мужчинами, чтобы воспламенить их в таком виде. Некрасивые банщицы были всегда предметом насмешек. Доход хозяина возрастал, конечно, в зависимости от количества развлечений, которые посетитель находил в его учреждении. Нет надобности доказывать, что роль банщиц обыкновенно исполняли проститутки. Названия «банщица» и «проститутка» были синонимами»²⁶.

Следует отметить, что в эпоху Ренессанса публичные бани и купальни имелись не только в городах. Почти в каждой деревне была своя общая баня, а то и две. В более крупных населенных пунктах их могло быть и больше десятка. Из документов видно, что в период 1426–1515 гг. каждая из пяти деревень под Ульмом имела свою баню. В XV в. жители Лейпгейма просили разрешения открыть вторую. Деревня Бургау около Бюлау в Швейцарии, состоявшая из 35 дворов, имела также свою баню²⁷. В Австрии не было ни одного города, местечка или самой маленькой деревни, в которых не имелось бы своей бани.

Однако проституцией и банной дело не ограничивалось. Еще одной распространенной формой добрых отношений было

²⁶ Там же. С. 456.

²⁷ Там же. С. 454–455.

посещение общественных прядилен, где зимой один или два раза в неделю собирались несколько молодых и более пожилых женщин для совместной работы. Они сходились с веретеном и прялкой, чтобы скоротать длинный зимний вечер. На эти сугубо женские посиделки приходили и молодые парни — помогать девушкам в их работе. По обычаю, каждый из них сидел сзади своей избранницы и добросовестно исполнял возложенную на него обязанность, которая состояла в том, что он должен был стряхивать с колен девушки отбросы пеньки. Исполнение этой обязанности давало молодому человеку хорошие возможности более или менее откровенного ухаживания. Естественно, что для женщин работа в этих общественных прядильнях была только предлогом для того, чтобы на целый вечер стать предметом подобных ухаживаний.

Как правило, помещение, где прядли, освещалось одной только лучиной. Если она гасла, когда отворялась дверь или вследствие другой причины, — а это случалось каждый вечер, — то, разумеется, ни один парень не медлил и как следует использовал такую ситуацию, а девушки не очень противились мужским ласкам. Таким образом, в темноте устраивались целые оргии, которые были настолько по душе присутствующим, что лучина гасла по несколько раз в один вечер. Иногда молодые люди доходили до последней крайности, а если оставались неудовлетворены, то, провояжая домой чувственно возбужденных девушек, склоняли их подчиниться своим желаниям.

Иногда такие собрания сопровождалась и веселой пляской. В некоторых местах парни специально для этой цели приводили музыкантов. Этими танцами обе стороны пользовались все ради того же откровенного флирта. Однако не всегда все происходило мирно и спокойно.

«Под влиянием ревности дело часто доходило далее до драки, искалечения, даже убийства. Чем явственнее собрания прядильниц вырождались в «ночи драк», как их называли в некоторых местностях, тем чаще власти были вынуждены ополчаться против них путем предостережений и угроз. В одном таком постановлении, изданном в Нюрнберге в 1572 г., говорится,

что «неоднократно на таких сходках девушки совращаются или тайком от родителей принуждаются к неравному браку, а порой и подвергаются насилию и позору», что «молодые люди ссорятся между собой, ранят и убивают друг друга»²⁴.

Среди добропорядочных молодых девушек, в силу острой конкуренции за возможность иметь семью, добрые связи, несмотря на всю опасность их последствий, становились более чем обычным явлением. Легальность этих отношений оправдывалась тем, что они были нацелены на последующее заключение брака. Так, в некоторых местностях продолжал существовать давний обычай «пробных ночей», когда молодые люди могли ближе узнать друг друга и укрепить взаимную симпатию. В случае если от таких ночных посещений наступала беременность, молодые играли свадьбу.

Такие пробные ночи были популярны не только у крестьян, но и среди крупного городского бюргерства, и среди царствующих особ. Эти любовные проверки были взаимны, и не всегда последнее слово оставалось за мужчиной.

Так, например, в конце XV века знатный нюрнбергский вельможа Зигмунд Штромер подал судебный иск к не менее знатной Варваре Леффельгольд. Он обвинял ее в том, что она провела с ним шесть ночей, а потом отказалась выходить за него замуж. На что ответчица возражала, что во время ее посещений истца «ничего предосудительного не совершалось». Что она имела в виду — осталось неизвестным, поскольку ухаживания в те времена были более чем откровенны.

В среде высшей аристократической знати стала практиковаться такая форма добрых отношений, как помолвка, которая, по сути, мало чем отличалась от «пробных ночей». Об этом красноречиво свидетельствует письмо неаполитанского короля Альфонса императору Священной Римской империи Фридриху III, с которым была помолвлена его племянница: «Ты увезешь мою племянницу в Германию, и если она тебе не понравится, то ты ее пошлешь обратно или бросишь ее и женишься на другой, поэтому

²⁴ Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Эпоха Ренессанса. С. 447.

устрой брачную ночь уже здесь, чтобы, если она тебе понравится, ты мог бы взять ее с собою как приятный товар, а если нет, то оставить ее нам как обузу»²⁹. К счастью для дяди, императора и принцессы, это любовное испытание имело положительный результат — брак состоялся.

Такое доброе половое общение в эпоху Ренессанса было повсеместно легализовано, поскольку прямо санкционировалось кодексом обычного права, древними традициями и нормами морали.

Ну и конечно, важным аспектом добрых отношений были народные праздники и гуляния, где люди вдоволь пили, ели, танцевали и, расслабившись, позволяли себе много из того, что считалось недозволенным и неприличным. На этих празднествах в эпоху Ренессанса люди в извещной степени чувствовали себя единой великой семьей. Особенно большой свободой эротических проявлений отличались гуляния на Масленицу. Зрелище была главной темой, которую всячески прославляли и культивировали. Этот праздник унаследовал традиции древних сатурналий и был не более как легальным поводом к безудержному торжеству чувственности. Во многих местностях Масленица начиналась с торжественной веселой процессии ряженых, которые несли на шесте гигантский фаллос. В шутовских костюмах и масках мужчины и женщины на этих гуляниях могли безбоязненно позволять себе гораздо большую свободу, чем в обычные дни и с открытым лицом. Шутовской наряд покрывал самые смелые выходки, так как никто не узнавал друг друга. Разогретые выпитым вином, в домах и на улицах люди пели веселые скабрёзные песни и танцевали.

Наиболее популярные танцы того времени представляли собой дикое прыжки и бешеное кружение женщин, при котором их юбки поднимались как можно выше. Танцор, умевший смелее других кружить в воздухе свою партнершу, помогал ей вдоволь насладиться сладостью эротического безумия. По этой причине

²⁹ Цит. по: Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Эпоха Ренессанса. С. 230.

многие девушки сами побуждали своих кавалеров вести себя как можно смелее, и, когда безумие пляски охватывало их, они переставали стесняться на щедрости, которых так жаждали кавалеры.

Танцы служили благоприятным поводом для обмена всевозможными интимными нежностями. Возбужденные мужчины целовали женщин в щеки и губы, а охотнее всего в грудь. Такая ласка считалась актом преклонения, который каждая девушка и женщина могла разрешить, не рискуя потерять доброго имени. При этом мужчины хватили женщин за корсаж и другие части тела, а те лишь слабо протривились такому натиску. Некоторые стыдливо расстегивали тайком для своих партнеров одну пуговицу в корсаже, а другие, более смелые, делали это открыто и не ограничивались одной. Народная пословица того времени гласила: «Девушка, отправляющаяся танцевать, редко возвращается неопипанной».

Следует отметить, что во время танцев не только женщины обнажались непристойным образом, но и мужчины, особенно если они приходили на пляску без штанов или в короткой куртке. О распространенности такого поведения свидетельствует муниципальное постановление 1555 года, выражающее мнение, «что было бы лучше, если бы все танцы были запрещены так как мужчины участвуют почти голыми и вообще позволяют себе невозможно-непристойные выходки»³⁰.

Во время танца кавалеры не только вертели в воздухе своих дам, но и «нечаянно» роняли их на землю, при этом падая сами. Другие пары спотыкались о них, и в конце концов образовывалась целая куча тел. Поскольку разгоряченные пляской женщины не имели ничего против того, чтобы их опрокидывали на пол или на землю, то эта забава в некоторых местах вырождалась в настоящую оргию, без которой вообще не обходился ни один праздник.

Подобные свободные нравы были характерны не только для простонародья, на светских балах царило такое же эротическое безумство.

³⁰ Цит. по: Там же. С. 476.

Так, на карнавале в 1639 году «герцогиня Мединская устроила маскарад, на котором фигурировала с двадцатью тремя красивейшими дамами в костюме амазонок, и притом такого мифологического покая, что этот праздник наготы вызвал целый ряд скандалов. ... игры борьбы между обнаженными куртизанками и крепкими лакеями, бывшие в ходу при дворе папы Александра VI, были также карнавальными шуткой»¹¹.

Из всего вышесказанного следует, что, как бы того ни желали церковные и светские моралисты, как бы жестко ни осуждали они гнусные пороки сексуальной распущенности молодежи, интимные отношения в эпоху Ренессанса не ограничивались одним лишь супружеским ложем. Вся обостренная противоречивость этого времени способствовала тому, что добрачные связи были широко распространены. Противоречивые тенденции Ренессанса относительно девической чести и целомудрия выражались в том, что, с одной стороны, она высоко ценилась и охранялась, а с другой, ей порой не придавалось никакого значения. Так, в случае утраты девственности она имитировалась. Доказательством тому может служить расцвет фабрикиции искусственной девственности. Все аптекари и продавцы специй торговали тогда специальными мазями и средствами, при помощи которых можно было завуалировать потерянную девственность так, что новый любовник или муж не только получал иллюзию, что он первый удостоился любви этой женщины, но и видел явные следы, подтверждавшие его уверенность. Так, невеста, достаточно сведущая в искусстве любви, могла, прибегая к этим средствам, разбить самое основательное подозрение и прослыть образцом целомудрия.

Мужчины были иногда неплохо осведомлены о распространенности этих женских хитростей и тоже пытались использовать различные «волшебные средства», дабы удостовериться в чистоте и непорочности своих избранниц. Как правило, в поиске таких средств они попадали в руки мошенников и шарлатанов. Так, мнительным и ревнивым женихам предлагалась «вода гагат» — раствор смольного угля, который следовало незаметно подлить

девушке в какой-либо напиток. Если после употребления этой воды с ней ничего не произошло, то она девственница, а если стала мочиться, то, увы, она порочна. Такое испытание на невинность могла успешно пройти любая, даже самая падшая женщина.

Реальную опасность в добрачных отношениях для женщин представляла лишь беременность, однако в случае ее возникновения они прибегали к фармакологическому аборту. В эпоху Ренессанса существовал обширный перечень из 250 настоев из растений, вызывавших менструации. Также использовались горячие ванны или энергичные бешеные танцы, приводившие к выкидышам.

Чем эффективнее становились средства, позволявшие женщинам избежать опасности, тем более возрастали их желание и готовность отдаться сильному чувству и испытать радости любви. Предписание добрачного целомудрия нарушалось часто и с завидной регулярностью и было для молодых людей делом совершенно естественным и вполне ожидаемым.

Всеобщее гедонистическое стремление к удовольствию, с одной стороны, и церковные запреты на плотскую греховность, допустимую лишь в брачных отношениях, с другой стороны, создавали острый конфликт между природными человеческими потребностями и декларируемой моралью. Конечно, все эти противоречия, в первую очередь, сказывались на браке и семейных отношениях, которые в эпоху Возрождения почитались высшей ценностью и достойнейшим состоянием. Быть холостым или старой девой считалось пороком, и к таким людям относились с презрением, как к явно неполноценным и ущербным. Однако, как известно, по целому ряду причин, изложенных выше, заключение брака было доступно далеко не всем. Так, в XVI—XVII веках 25 % женщин старше пятидесяти лет никогда не были замужем¹², и, очевидно, не меньшее количество мужчин не могли официально жениться и создать семью.

Вследствие такого положения люди стремились создавать семью и сохранять свои семейные отношения.

¹¹ Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Эпоха Ренессанса. С. 487.

¹² Хафтоно. Женщины, труд и семья // История женщин на Западе. Т. 3. С. 38.

Создание семьи

Развитие экономики и церковная реформация способствовали созданию более благоприятных условий для создания семьи. Распространение идей августинского монаха Мартина Лютера сменило прежнее понимание Бога как жестокого властелина, наказывающего за грехи, у Бога — любящего Отца, заботящегося о своих чадах. Вера в Бога стала ближе к народу, и это, конечно же, не могло не отразиться на бытовой культуре. Пришло осознание того, что церковь, защищавшая безбрачие, на самом деле порождает сексуальную распущенность и разврат.

В 1525 году бывший монах Лютер в возрасте 42 лет женился на 26-летней монахине Катарине фон Бора. В браке у них родилось шесть детей. В своем учении реформатор рассматривал семью как союз Христа и церкви и как способ продолжения христианского служения. Его сторонники — лютеранские священники — женились, и их физическая любовь рассматривалась новой церковью как Божье благословение, согласно Священному Писанию.

Однако эти новые идеи не могли достаточно быстро овладеть сознанием людей. Индивидуальные чувства и симпатии молодоженов не учитывались. Брак в эту эпоху, так же как и в Средние века, заключался исходя из экономических интересов и сословной принадлежности. «Дочери священнослужителей, врачей и юристов выходили за представителей того же самого профессионального круга, к которому принадлежали их отцы, и тем самым цементировали деловые связи. Работницы ферм отдавали руку работникам фермы и надеялись завести на накопленные деньги маленькое фермерское хозяйство. Иногда девушки, ушедшие в город работать прислужкой, возвращались домой с небольшими суммами, становясь женами мелких держателей. ... Женщины, прислуживающие в тавернах, выходили замуж за строительных рабочих»³⁹. Образование семьи было не более чем выгодной сделкой и юридическим актом. Причем чем более важной и дорогостоящей была

³⁹ Хафтон О. Женщины, труд и семья // История женщины на Западе. Т. 3. С. 40.

эта сделка, тем менее уделялось внимания чувствам и перспективам личных взаимоотношений жениха и невесты.

Однако и такое заключение брака было доступно далеко не всем. Аристократки и девушки из третьего сословия выходили замуж реже, чем представительницы простонародья. «Растущая стоимость приданого частично объясняет эту тенденцию; обеспечение им более чем одного отпрыска женского пола тяжелым бременем ложилось даже на самые богатые семьи. Одну или двух дочерей выдавали замуж для укрепления семейных альянсов и повышения статуса фамилии; но младшие либо оставались дома либо в преклонном возрасте получали в свое распоряжение небольшую собственность, которая после их смерти возвращалась в семью»⁴⁰. Тем не менее следует отметить, что даже в это меркантильно-прагматичное время красота женщин ценилась достаточно высоко и открывала им путь к браку даже при недостаточности социального и экономического статуса. Таких небогатых красавиц, не обращая внимания на скромный размер их приданого, брали в жены обеспеченные мужчины почтенного возраста. Неплохие шансы на выгодное замужество были и у девушек-сирот, получивших хорошее воспитание и образование при королевских дворах и в домах знатных вельмож. Успешно могли выходить замуж и бывшие любовницы августейших особ и богатых магнатов. Так, например, польский король Владислав IV обеспечил жизнь своей фаворитке Явиге Лушковской, выдав ее за шляхтича Яна Вилпского, которого в награду назначил старостой города Мереча в Литве.

Устройство традиционного брака среди основной массы населения европейских стран обычно начиналось с поиска девушки, которая бы отвечала требованиям жениха по происхождению, состоянию, внешнему облику и личным качествам. Собрав необходимые сведения, молодые люди с родителями под разными предлогами приходили в гости к избранным кандидаткам. Таким образом осуществлялись смотрины, где главы семейств и их дети могли воочию оценить достоинства и недостатки друг друга

⁴⁰ Там же. С. 39.

После успешных смотрин семьи потенциальных женихов засылали сватов. Если их предложение было достаточно привлекательным для семьи девушки, то сваты организовывали сговор, где родители молодых встречались для обсуждения финансовых вопросов. На сговоре распределяли расходы на свадьбу и подарки, определяли размер приданого невесты и вено жениха, которое отписывалось жене в случае смерти мужа. Этот вклад жениха в бюджет будущей семьи должен был вдвое превышать приданое, но не мог составлять больше одной трети его имущества. Оговаривалось, что после свадьбы молодая жена могла получить и награду за девственность, сохраненную до свадьбы. Такие условия сговора в некоторых странах были закреплены законодательно. В частности, Литовские статуты 1566 и 1588 годов требовали, чтобы эти договоренности фиксировались в сговорном письме и актовом книге местных судов или магистратов.

Те же Литовские статуты запретили принуждать молодых к браку. Свое личное согласие они подтверждали во время обручения, которое следовало за сговором. Этот обряд, кроме того, что нес оговоренные юридические обязательства, имел также и религиозное значение — как обещание заключить брак перед Богом. Данная клятва не подлежала отмене и накладывала на жениха и невесту такие же обязанности, как и венчание. В частности, нарушение верности рассматривалось как прелюбодеяние, а если первый брак заключался с другим человеком после расторжения предыдущего обручения, церковь считала его вторым.

За обручением следовали венчание и свадьба, которые далеко не всегда и не везде совпадали по времени. В отдельных регионах церковное венчание было недостаточным, а то и вовсе не обязательным, и для того, чтобы брак считался вполне законным, хватало его светской регистрации в городской ратуше и свадьбы с публичным разделением ложа.

Примером того, что венчание без брачного контракта и свадебной церемонии не было достаточным для признания брака законным, может служить скандальный казус, произошедший в XVII веке в Речи Посполитой. Шляхтич из города Овруча пан

Василий Выговский посватался к красавице пани Вербицкой. Состоялся сговор, и был совершен обряд венчания. Пока шли долгие приготовления к свадьбе, ситуация, а вместе с ней и первоначальные намерения в семье Вербицких сильно переменялись и эти достопочтенные паны нашли для своей дочери другого жениха. С ним-то и праздновалась светская свадьба с публичным разделением брачного ложа. Обманутый и оскорбленный Василий Выговский подал на Вербицких в суд жалобу за нанесенные ему «вред и бесчестье».

Учитывая, что подобные казусы случались время от времени, архиепископ Черниговский и будущий митрополит Киевский Исаия Копинский в 1634 году повелел православным священникам отлучать от церкви тех, кто живет венчанными. Такие же указы и постановления вводились в то время и в католической церкви. В результате начиная с середины XVII века духовный брак почти всегда совпадал по времени со свадьбой и светской регистрацией. В церквях же священники стали благословлять и четвертый, и даже пятый брак своих прихожан, при условии их венчания.

Свадьба была семейным праздником, на который приглашали родственников до седьмого колена. В зависимости от состояния семей жениха и невесты свадебный пир мог продолжаться от нескольких дней до нескольких недель. Гости много ели, пили, плясали и шутили. Веселье это, как правило, отличалось грубостью и предельным эротизмом. Танцы полностью раскрепощали людей, иногда доводя их до полного обнажения. Во время пира друг жениха мог залезть под стол и попытаться снять одну из подвязок с ноги невесты, чтобы жених этого не заметил. Там, под столом, похититель мог позволить себе различные вольности в отношении невесты, а когда подвязка оказывалась в его руках, то жених должен был ее выкупить вином. Еще одной свадебной традицией, берущей свое начало в глубокой древности, было похищение невесты³⁵. Из толпы танцующих группа гостей уводила ее в трактир, где пили за счет жениха, который был обязан

³⁵ См.: Осничкий А. В. История семьи и брака. Т. 1. С. 162.

платить за все угощения, чтобы выкупить невесту. При этом ему не удавалось откупиться только деньгами, похитители обязательно требовали для каждого из них поцелуя невесты.

Ближе к концу пира устраивали и проводы жениха и невесты в брачную постель. Отправляя молодоженов на брачное ложе, гости дружно горлачили эротические песни и выкрикивали скабрезные напутствия. В зависимости от их знатности и традиций страны обряды этих проводов могли значительно различаться. Так, в Шотландии и Англии невесту провожали в спальню гости, которые не расходились, пока невеста не разденется догола, чтобы подтвердить, что у нее нет изъянов. Жениха раздевали его друзья и затем втащили его в спальню.

Первый половой акт молодоженов мог происходить при гостях, стоящих вокруг брачного ложа, дабы они могли видеть и свидетельствовать полноту заключения брака. Если по какой-либо причине молодые не проявляли достаточного энтузиазма в служении Эроту, им подавали «любовный напиток» — вино со специями. Считаю, что, выпив его, новоиспеченные супруги продолжат свое дело с большей страстью. Гости могли также находиться и за дверью, чтобы услышать крик новобрачной, который говорил о том, что законный брак состоялся. На королевских свадьбах для подтверждения того, что брак состоялся, могли пригласить архиепископа, мать короля и до двадцати свидетелей. При этом пара возлежала на кровати, отгороженная от всех этих лиц лишь тонким прозрачным пологом.

Данный обычай обуславливался тем, что в то время вопрос реального осуществления полового акта стоял остро. Для укрепления связей, получения приданого и исполнения других условий договора между семьями необходимо было точно знать, что жених и невеста выполнили свои обязательства полностью, окончательно и безвозвратно.

При вступлении в первый брак, несмотря на значительную свободу нравов того времени, от невесты требовалось сохранение девического целомудрия и невинности до брачной ночи. Необходимость ее девственной сохранности обуславливалась тем, что надежных средств предохранения в те далекие времена еще не

существовало, а стало быть, для мужа возникал риск в ближайшее время стать отцом чужого ребенка. К тому же другой мужчина, имевший ранее сексуальную связь с невестой, мог предъявить права на ее приданое и заявить себя в качестве законного мужа. В этом случае брак, венчанный в церкви и документально скрепленный в ратуше, легко аннулировался.

Таким образом, целомудрие невесты было залогом ее супружеской верности и должно было принадлежать только жениху. То, что в первую брачную ночь невеста оказывалась девственной, давало мужу некоторую надежду, что и в дальнейшем она будет ему верна и что дети, родившиеся в их браке, будут его детьми. О необходимости нравственной чистоты брачного ложа неустанно говорила церковь, и ее наставлениями формировалось общественное мнение. Народная пословица гласила: «Лучше иметь на ложе ежа, чем невесту, лишившуюся своей невинности».

Церковь, настаивающая на обязательности церемонии венчания, предусматривала правочестной девушки подходить к алтарю с венком на голове, который был признаком девственности, и носить его как «почетную корону целомудрия». Непорочные имели право распустать волосы на непокрытой голове, а женщины, утратившие свою девственность до брака, хотя бы и с женихом, должны были на свадьбе довольствоваться вуалью.

В Нюрнберге «падшая» невеста должна была идти в церковь с соломенным венком на голове, толпа осыпала место перед дверью ее дома сечкой, и ее называли «испытанной девкой». В Ротенбурге церковная епитимья заключалась в том, что невеста, потерявшая невинность, должна была стоять на паперти с соломенной косой, приделанной к волосам, а ее соавратитель обязан был в продолжение трех воскресений появляться в церкви в соломенном плаще и, кроме того, возить свою возлюбленную в тачке по всему городу. Толпа на улицах забрасывала их грязью. Так, утрата девственности до замужества приводила к унижению женщины и была позором для всей ее семьи.

О том, что девственность тщательно охранялась, свидетельствуют указы нюрнбергского магистрата XVI и XVII веков. Отцы города требовали, чтобы «молодые предстали публично пред

всем: в том позоре, в котором они сами виноваты»³⁶. Кроме того, если факт их преступного поведения выяснялся вследствие преждевременного рождения ребенка или доноса, их подвергали телесным наказаниям и денежному штрафу. Обвиняемая по доносу невеста обязана была пройти официальное освидетельствование сохранности своей непорочности. Если донос оказывался обоснованным, треть штрафа выплачивалась доносителю. Эти наказания обосновывались тем, что молодожены пытались присвоить себе почти и не подобающие, поскольку «обманули своим молчанием церковь и общину Господа и не сообщили об этом эконому при священническом доме»³⁷.

По существующим тогда традициям молодая жена была обязана публично доказать, что вступила в брак девственницей. Обычай этот заключался в том, что на другой день после свадьбы ее рубашка или простыня со следами крови торжественно вывешивались или показывались из окна. Однако данное требование не мешало парам, которые уже имели сексуальные отношения до свадьбы, использовать пузыри с кровью животных, покрывая тем самым свое бесчестье.

Особое внимание девической чести и непорочности невесты уделялось в династических браках августейших особ, представителей высшей аристократии и зажиточного бюргерства. Такие браки заключались, прежде всего, для появления законных наследников двух породнившихся семей. Другая их функция состояла в расширении сфер влияния, увеличении владений и упрочении могущества своего государства. Эти новые родственные связи часто использовались как повод для начала войн за те или иные соседние территории. Таким образом, в основе государственной политики лежали семейные интересы правящих родов, что было в целом тождественно интересам их стран.

В период церковной реформации с помощью таких браков правящие государи старались устранить возникшие тогда

³⁶ Цит. по: Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Эпоха Ренессанса. С. 206.

³⁷ Цит. по: Там же, с. 206.

межконфессиональные конфликты и противоречия. Однако эти попытки, как правило, не приводили к желаемым результатам, поскольку государственно-политические и церковно-конфессиональные интересы зачастую не совпадали.

Так, в 1572 году брак принца Наваррского Генриха Бурбона, убежденного кальвиниста-гугенота, и французской принцессы-католички Маргариты де Валуа должен был способствовать сохранению мира между сторонниками этих конфессий. Однако французские дворяне-католики воспротивились мирной перспективе и использовали свадебные торжества как повод для массового убийства гугенотов, произошедшего в Варфоломеевскую ночь. В 1625 году бракосочетание английского короля Карла I, исповедовавшего англиканство, и французской принцессы Генриетты Марии, приверженки католичества, стало одной из дополнительных причин для конфликта между королем и его подданными. Разразилась гражданская война, приведшая к буржуазной революции, в ходе которой в 1649 году Карла I казнили.

Несмотря на то, что желаемые политические цели династических браков достигались не всегда, в августейших фамилиях и аристократических кругах они были почти единственной возможностью создания семьи.

Минимальный возраст, с которого церковь разрешала вступать в брак, составлял для юношей четырнадцать, а для девушек — двенадцать лет. Тем не менее династические браки начинали планироваться сразу же после появления на свет детей. Условия договоров, где устанавливались сроки и порядок заключения брака, размер приданого невесты, порядок его выплаты или компенсации, в случае отказа одной из сторон от принятых обязательств, смерти жениха или невесты и так далее, вырабатывались иногда в течение нескольких лет.

При этом следует отметить, что потенциальные женихи и невесты далеко не всегда доживали до взрослого возраста, а их родители, в силу изменения политической конъюнктуры, могли менять вектор своих интересов. По этим причинам принцы и принцессы неоднократно меняли потенциальную супругу или потенциального супруга. Кроме ранних обручений и браков

достаточно широко среди августейших особ были распространены союзы со значительной разницей в возрасте между мужем и женой. Смертность королей, как и простых женщин того времени, была высокой ввиду большого числа беременностей и связанных с ними рисков для жизни и здоровья. Поскольку супруги государей редко дожили до преклонного возраста, а династии нуждались в наследниках, короли женились на молодых и здоровых претендентках. Так, 60-летний великий гетман литовский Ян Кароль Ходкевич женился на 20-летней княжне Ани-Алоизе Острожской.

Заключению династического брака, как правило, предшествовали церемонии обмена дарами в виде церковных реликвий, драгоценностей, оружия, дорогих тканей, книг, скаковых коней и так далее. Церемонии бракосочетания проводили в одном из наиболее значимых храмов страны. Поскольку брак был, прежде всего, политическим союзом и носил весьма условный характер, то жениха на венчании и свадебном пиру мог вполне замещать его представитель, дворник-дипломат. Празднование королевского бракосочетания могло длиться до нескольких недель и сопровождалось большим количеством приемов и банкетов, театрализованных постановок и представлений для народа. Бракосочетание могло совпадать с коронацией новоиспеченных супругов, если оно совпадало с их вступлением на престол.

Августейшие браки могли представлять собой унию, при которой союз суверенных короли и королевы приводил к созданию объединенного государства. Так, в 1474 году свадьба Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского положила начало формированию единого Испанского королевства. Другим видом династических браков был союз между суверенным правителем и лицом, принимавшим на себя роль только супруга или супруги правящего государя. В таком браке, как правило, на первое место ставился вопрос обеспечения линии наследования. Такого рода браки были заключены в 1452 году — между принцессой Элеонорой Португальской и императором Фридрихом III Габсбургом и в 1554-м — между английской королевой Марией I Тюдор и неаполитанским королем Филиппом II.

Поскольку августейшие фамилии, как правило, имели древнюю родословную, то их брачные политические союзы часто заключались между дальними родственниками — двоюродными и троюродными братьями и сестрами. К концу XV века многие правящие династии Западной Европы состояли в родственных связях. Такая эндогенная форма брака, естественно, увеличивала риск появления на свет неполноценных потомков.

Так, например, род Габсбургов был самой мощной европейской династией времен Ренессанса. Еще в начале XII века представители этого семейства господствовали в Швейцарии, Австрии, Венгрии, Италии, Испании, а в XVI столетии они расширили свое влияние уже на Филиппины и Америку. Однако близкородственные брачные связи, доминировавшие в их роду на протяжении нескольких столетий, привели к вырождению династии. В семействе Габсбургов была высокая смертность среди новорожденных детей. Представители этого клана кроме слабого здоровья отличались выраженной диспропорцией тела и головы. Для них также были характерны выпирающий подбородок и губы.

Наиболее ярко признаки деградации рода проявились у последнего короля Испании Карла II. Кроме того, что он с самого рождения страдал эпилепсией, он имел целый букет различных заболеваний. При росте 192 сантиметра король имел очень большую голову, с гипертрофированно вытанутыми нижней челюстью и языком, что не позволяло ему нормально пережевывать пищу и говорить. Он не был способен к зачатию и умер в возрасте 38 лет, не оставив наследников.

В отличие от августейших семейств, представители менее знатных родов пользовались гораздо большей свободой при заключении браков, хотя и там учитывались, в первую очередь, социально-экономические интересы, а не чувства молодоженов. Так, например, в 1620 году сын великого гетмана Речи Посполитой Яна Замойского Томаш сватался к дочери волынского воеводы князя Александра Острожского Екатерине, которую никогда не видел.

Правда, бывали и исключения, когда влюбленные молодые люди настаивали и добивались своего права вступать в брак по

Вырождение династии

зову сердца. Так, князь Януш Радзивилл отчаянными угрозами самоубийства смог получить от своего отца, богатейшего вельможи Речи Посполитой, согласие на бракосочетание с относительно небогатой дворянкой Катажиной Потоцкой. Свадьба состоялась в 1638 году, но их счастливый брак был недолгим — через пять лет Катажина умерла, а князь Януш женился на дочери господара Молдавии Василия Лупу — Марии. Она была знатна, богата и на тринадцать лет моложе его.

В среде простого народа брачные предпочтения молодых людей учитывались гораздо больше и для создания новой семьи требовалось лишь простое согласие родителей жениха и невесты. К нему добавлялось публичное оглашение о добровольном желании молодоженов жить вместе как муж и жена. Затем следовал свадебный обряд, и брак признавался состоявшимся. Древний обычай дефлорации невесты на основе права первой ночи

(*ius primae noctis*) в некоторых странах постепенно утрачивал свою силу — заменялся выкупом и даже запрещался законодательно. Об этом свидетельствует решение суда в испанской Гуадалупе от 1486 года, которое гласит, что король Фердинанд II отныне запрещает господам пользоваться привилегией провести ночь с невестой вассала.

Семейные отношения

Во всех слоях общества единственно возможной формой брака в то время могла быть только патриархальная семья. Муж признавался неограниченным властителем, и все было подчинено его интересам. Его обязанности заключались в защите крова и обеспечения средств к существованию. Он платил налоги и представлял семью в общине. Обязанности жены сводились к роли помощницы мужа и матери его детей.

Аристократки, как правило, становились хозяйками дома, организуя работу слуг и руководя поместьями с помощью приказчиков. Они устраивали балы и приемы от имени своего мужа. «Супруги тех, кто занимался профессиональной деятельностью, например священников, также исполняли определенную вспомогательную роль. Что касается жены фермера, то ее функция помощницы в семейной экономике включала широкий спектр обязанностей в зависимости от степени зажиточности хозяйства. Уход за скотом, выращивание овощей, работа с пчелами, шитье, штопка, заготовка продуктов, помощь в сборе урожая и после него колосков на общинном поле (право каждой семьи как члена сельского коллектива) могли входить в перечень тех домашних обязанностей, которые на нее возлагались»¹⁸.

В случае семейной нужды, когда не было достаточно пищи и тепла в доме или же грозила опасность влезть в долги, замужние

¹⁸ Хафтон О. Женщины, труд и семья // История женщин на Западе. Т. 3. С. 41.

селянки с детьми, обремененные тяжелым домашним трудом, принимались и за оплачиваемую работу вне дома. И какой бы доход в семейный бюджет ни вносила бы такая жена, ее работа воспринималась как второстепенная и вспомогательная. Она всегда оставалась лишь помощницей мужа и находилась в его полной власти.

Молодым людям, создающим семью, повсеместно внушались идеи о том, что муж да будет утешением и господином жены, а также будет хозяином ее тела и состояния. Женщина должна слушаться советов мужа и поступать согласно его воле. Даже возможной агрессии с его стороны жена обязана противопоставить еще большую кротость.

Однако на практике жены далеко не всегда соблюдали эти правила. Исторические документы того времени свидетельствуют о фактах женского доминирования в семейных отношениях, которое, безусловно, подвергалось осуждению со стороны обычаев и закона.

Женщина, не желавшая подчиняться мужу, казалась величайшей преступницей, но и муж, допустивший такое поведение жены, признавался виновным и подлежал наказанию. Так, статуты города Бланкенбурга, относящиеся к 1594 году, предполагали определенные санкции для супружеской четы, нарушающей нормы общепринятой морали. В частности, если жена задаст мужу трепку или побьет его, то она должна подвергнуться, смотря по обстоятельству, денежному штрафу или тюремному заключению, а если она состоятельна, то обязана дать одному из слуг городского совета сукно на платье. Поскольку необходимо было наказать и мужа, который «позволил жене ругать и бить его и не подал соответствующей жалобы», то его обязывали «доставить обоим слугам совета сукно на платье». Если же он не в состоянии этого сделать, то должен был «подвергнуться наказанию тюрьмой или иным путем, а затем крыша его дома должна быть снята»³⁹.

Нормы господствующей тогда морали предоставляли мужу право физически наказывать жену, если она систематически не покорялась его власти. Еще в эпоху Средних веков немецкий поэт Рейнмар фон Цветер (1200–1248) советовал мужьям поступать со строптивыми женами следующим образом: «Брось ласковость и возьми в руки дубину и испробуй ее на ее спине, и чем чаще, тем лучше, со всей силой, чтобы она признала в тебе своего господина и забыла бы свою злость»⁴⁰.

Поскольку женщина издревле считалась исчадием ада, сосудом греха и порока, то содержать жену в покорности и страхе было необходимо с точки зрения обеспечения ее супружеской верности. По светским законам и по канонам церкви относительно брачных отношений верность мужа и жены должна быть взаимной: «Одно тело, две души, один рот, одно сердце, взаимная верность и обоюдное целомудрие, здесь двое, там двое и все же соединены воедино постоянной верностью...» Такие слова часто возглашались проповедниками с соборных кафедр, но они оставались только словами. В реальной жизни требование супружеской верности распространялось исключительно на женщин, поскольку честь жены не считалась запятнанной, если ее муж сходился с другой женщиной. Общественное мнение, опиравшееся на древние традиции, исходило из того, что жена является собственностью мужа, а не муж собственностью жены, потому она как собственность юридически не могла быть потерпевшей стороной.

В европейских странах недоверие к женщинам и мужское доминирование в супружеских отношениях нашли свое отражение в распространении в XV веке железного охранителя женской чести — «пояса верности», изобретенного еще в Средневековье. Его также называли «поясом целомудрия», «поясом Венеры», «венетцианской решеткой» или «бергамским замком». Это механическое средство защиты физической верности жены было устроено так, что носившая его на себе женщина могла исполнять свои естественные потребности, но не имела возможности совершать половой акт.

³⁹ Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Эпоха Ренессанса. С. 257.

⁴⁰ Цит. по: Там же. С. 252

«Сей жестокий инструмент, в большинстве случаев, обшивали красным бархатом. От железного пояса, состоящего из трех частей шириной приблизительно в один сантиметр каждая, спереди и сзади вниз отходят узкие изогнутые железные пластины, Дуги соединяются с поясом шарнирами и заостряются книзу. Дуги соединяются еще одним шарниром. Сзади и спереди по маленькому отверстию, причем продольная щель усажена тонкими зубьями⁴. Пояс запырался очень сложным замком, ключ от которого находился в руках мужа.

«Пояс целомудрия»

Отправляясь в военный поход или надолго покидая дом по коммерческой надобности, муж, для сохранения супружеской верности своей жены, надевал на нее «пояс целомудрия». Странствия и тем более военные походы были тогда весьма опасным занятием. Муж мог погибнуть в сражении, быть захваченным в плен, проданным в рабство или убит разбойниками. Жена в таком случае рисковала остаться закованной в железо до конца своих дней.

Кроме того, «пояса целомудрия» были не единственными средствами, защищающими мужей от неверности жен. Иногда в женские половые органы вводились предметы, которые не легко изъять, или впрыскивались различные кислоты, вызывающие

длительные воспалительные процессы и доставляющие женщине при малейшем прикосновении ужасные боли. Несчастным приходилось терпеть немалые мучения. Пояса натирали им мозоли на пояснице и в интимных местах, порой даже образовывались пролежни и менялась фигура. Трение железа о кожу и половые губы, да еще вкупе с постоянным загрязнением в этих местах, могло вызвать заражение крови. Для предотвращения возможной трагедии страдалец приходилось освобождать от «супружеских оков». Совершались эти «слесарные операции» только по решению специального церковного суда. О судебном решении предварительно оповещали мужа, чтобы тот, не обнаружив на месте «хранителя верности», не учинил самосуд над освобожденной женой.

Однако нередко бывали случаи, когда дело до суда не доходило или судебное решение опаздывало. Об этом свидетельствуют археологические раскопки. Так, в Австрии в могиле XVI века был найден скелет молодой женщины с поясом верности. Судя по тому, что скелет находился в оловянном гробу, эта женщина принадлежала к высшему сословию.

«Пояс целомудрия» охранял не только супружескую верность жен эпохи Ренессанса, но и применялся для сохранения девственности у незамужних девушек того времени. Девочки уже с двенадцати лет могли носить «венецианскую решетку», что было достаточным основанием для уверенности их женихов в непорочности будущей жены. На свадьбе родители невесты вручали молодожене добросовестно годами охраняемый ключ к искусно сделанному замку.

Был ли «пояс верности» надежной защитой от супружеских измен? Вряд ли. Спрос всегда порождает предложение, и мастер, изготавливающий по заказу мужа за огромные деньги хитроумное запирающееся устройство, всегда мог за такую же сумму продать жене или ее любовнику дубликат ключа.

Борьбу за социальную и личную мораль упорно вела церковь. Как и в Средние века, духовенство использовало запрещающие и ограничивающие средства для регулирования семейных отношений. Исходя из того, что в основе прелюбодеяния и блуда

⁴ Баллаук А. Любовь и брак в Средние века. С. 40.

лежит стремление к плотским наслаждениям, священники рассматривали любые сексуальные отношения вне брака как смертный грех, равно как и половые акты, совершаемые в браке, но без цели зачатия.

Исповедальная литература, и в частности покаянные XV–XVII веков, были переполнены осуждением влюбленности жен и сладострастия мужей. Одним из авторов подобных покаянных текстов был иезуит Антонио Эскобар-и-Мендоза (1589–1669), предживший следующую схему признаний в грехах:

«Я совершил семь прегрешений.

1. Я тешил себя развратными мыслями о незамужних и замужних женщинах, находившихся в кровном родстве со мною, о монахинях, о содомии, о скотоложстве; я доставлял себе наслаждение распутными мыслями; я провинился развратными словами, взглядами, прикосновениями к такой-то и такой-то; столько-то и столько-то раз.

2. Я грешил половыми отношениями с незамужней, оказавшей мне сопротивление девственницей, с замужней, с кровной родственницей, с монахиней; внутри природного отверстия или снаружи; столько-то и столько-то раз.

3. Я грешил противоестественно посредством содомии, скотоложства, онанизма.

4. Я сносил развратные поцелуи и объятия; столько-то и столько-то раз.

5. Я преследовал женщину, я обменивался с нею любовными словами и письмами, я делал ей подарки со злым умыслом, я прикасался к ней развратно; столько-то и столько-то раз.

6. Я читал развратные книги; я лелеял желание вызывать в других дурные вождения; я хвастался совершенными грехами; столько-то и столько-то раз.

7. Я желал соития с моей женой, несмотря на противодействующие брачные препятствия или обеты, несмотря на опасность выкидыша; столько-то и столько-то раз. ... Я совершал соитие противоестественным способом, либо используя неестественные отверстия, либо изливая семя вне отверстия; при соитии я менял положение тел с большой опасностью растраты семени; я вступал

в соитие с моей женой с мыслями о моей возлюбленной; я совершал соитие на освященном месте; я сожительствовал с моей женой ночью, не считаясь с тем, что она собиралась наутро принять святое причастие; я совершал развратные прикосновения с опасностью семяизвержения; столько-то и столько-то раз»⁴².

Дабы избежать излишней чувственности в отношениях супругов, им предписывалось избегать каких бы то ни было сексуальных разнообразий и использовать только одну санкционированную позицию — женщина снизу, мужчина сверху. Другие позы и всяческая эротическая акробатика категорически осуждались как неестественные, богопротивные и соблазняющие женщин на греховное поведение. Во второй половине XV века анальное соитие занимало одно из первых мест в списке телесных грехов, а оральный секс был вообще под полным запретом. Врачи эпохи Возрождения, следуя предписаниям церковной доктрины, утверждали, что использование в половом акте любых других позиций, кроме разрешенной, непременно приведет к росту женской похотливости, а также к физической или умственной неполноценности потомства. Основной задачей замужних женщин было продолжение рода, а главной целью брака считалось рождение здоровых детей. При этом женщины, связанные супружеским долгом, должны были отказывать мужьям в их притязаниях на «незаконную» интимную близость, не связанную с зачатием.

Конечно, не стоит удивляться тому, что реальная жизнь шла вразрез с этими предписаниями. Несмотря на церковные устрашения, запреты и ограничения, сексуальная жизнь супругов была ключом, и они активно и с удовольствием занимались любовью. Это укрепляло их жизненные силы и давало энергию для творческого созидания и активной жизни в любом возрасте.

Отец Микеланджело — флорентийский дворянин Лодовико Буонарроти — после смерти своей жены Франчески дель Сиены в мае 1485 года на сорок первом году жизни женился повторно на Лукреции Убальдини и с радостью кинулся в океан законных сексуальных радостей.

⁴² Бальдус А. Любовь и секс в Средние века. С. 311–312.

Выдающийся итальянский поэт и писатель Джованни Понтано (1426–1503) в старости написал своей жене Ариане такое стихотворение:

Жена, ты радость престарелого мужа,
 Любовь и верность нашего целомудренного ложа,
 Тыохранишь бодрость моей старости,
 Ты заставляешь старика мечтать о полете
 И помогаешь одержать триумф над старостью —
 Седую голову кружит страсть юности;
 Но если огонь юности вернется
 И ты вновь станешь первой любовью и новой первой страстью,
 Как я хочу вновь раздуть это древнее пламя⁴³.

Сексуальные отношения эпохи Ренессанса были наполнены радостью плотских наслаждений и разнообразием их форм. Так, например, основатель Неаполитанской академии, знаменитый итальянский гуманист, поэт и хронист XV века Антонио Беккаделли (1394–1471) открыто признавался, что ему нравилось, когда женщина оказывалась сверху, а герой его знаменитого сборника стихов «Гермафродит» Лепидино спрашивал: «Почему мужчина, однажды попробовав совокулиться, беря кого-либо в зад или в рот, не может больше от этого отказаться?» (Why, author of the trifling verses, is the man who's fucked an ass or stuffed a mouth just once unable to unlearn it?)⁴⁴. Многие молодые люди тогда задавались тем же вопросом.

Поскольку брак легализовал сексуальные отношения, а их главная цель состояла в реализации репродуктивной функции, наличие большого количества детей было обычным явлением и доставляло славу, а их отсутствие считалось наказанием за какие-нибудь грехи и встречалось сравнительно редко. Семьи с дюжиной детей были тогда не редкостью. Документы того времени сообщают, что папский секретарь и видный писатель-гуманист

Джанфранческо Поджо Браччолини оставил после себя восемнадцать признанных им детей, из которых четырнадцать были незаконнорожденными. От брака немецкого гуманиста-патриция из Нюрнберга Виллибальда Пиркгеймера с Варварой Лёффельгольц произошло тринадцать детей, у другого нюрнбергского горожанина купца Антона Тухера их было одиннадцать. Хронист города Аугсбурга Буркхарт Цинк, дважды женатый, имел восемнадцать детей, и столько же детей было у отца Альбрехта Дюрера. Многодетной считалась семья, имеющая более двадцати детей.

Дети доставляли немало хлопот, их надо было вырастить, дать им достойное воспитание и образование, позаботиться об их будущем. Развивающиеся промышленность и торговля требовали большого количества образованных, грамотных специалистов. Прежнее домашнее обучение детей профессиональным навыкам уже не соответствовало новым условиям жизни.

Лишь немногие дети из бедных семей умели читать и писать, причем, согласно веками складывавшейся традиции, грамоте обучали в основном мальчиков. Девочки, как правило, «изучали» лишь ведение домашнего хозяйства. Необходимо было выстроить внятную образовательную систему, соответствующую потребностям нового времени. Решением этой задачи занимались великие ученые-гуманисты Томас Мор, Томмазо Кампанелла, Эразм Роттердамский, Ян Амос Коменский и другие. Они провозглашали идеи общедоступного образования и гендерного равенства. Ян Амос Коменский сформулировал базовые принципы современной педагогики и разработал классно-урочную систему школьного образования, предполагающую группировку учащихся по возрасту, разделив среднее образование на младшую, среднюю и старшую школы. Он также ввел понятие школьного года и учебного плана. В школах кроме освоения грамматики, риторики, истории и древних языков предполагалось изучение точных и естественных наук — математики и астрономии.

Однако практическое внедрение этих передовых идейставляло желать лучшего. Большинство юных аристократов и аристократок того времени находились на домашнем обучении — родители «выписывали» для своих детей преподавателей по тем

⁴³ Цит. по: Ли А. Безобразный Ренессанс. С. 108–109.

⁴⁴ Antonio Panormita. Hermaphroditus / Translated with an introduction and notes by E. O'Connor, New York: Oxford, 2001. P. 38.

дисциплинам, изучение которых сами считали необходимым. Бедные семьи не могли позволить себе оплату образования для всех своих детей. В лучшем случае такая возможность предоставлялась одному из сыновей, который впоследствии должен был затобиться о своих менее удачливых братьях и сестрах.

Многодетность превращалась в проблему и в вопросе обеспечения семейного будущего дочерей. Девушки из аристократических родов и представительницы среднего бюргерства имели мало шансов выйти замуж. Высокая стоимость приданого позволяла многим родителям устроить брак лишь одной или, в лучшем случае, двум дочерям.

Таким образом, с одной стороны, плодovitость супругов, свидетельствующая об их повышенной сексуальной активности, почиталась за доблесть и давала право на уважение. С другой же стороны, такая плодovitость порождала ряд проблем, сказывающихся на экономическом состоянии семьи.

К тому же сексуальная активность предполагала наличие у супругов достаточной раскрепощенности, которая никак не совпадала с декларативными требованиями умеренности, скромности и стыдливости. Конечно, подобные моральные предписания относились прежде всего к женщинам, а они зачастую не могли им соответствовать.

Бытовые условия семейной жизни не предполагали возможности супружеского уединения. В маленьких тесных домах под одной крышей жили несколько поколений родственников, подмастерья и слуги. В каждой комнате спало по несколько человек. И все, что происходило между мужем и женой, обязательно слышали (а то и видели) другие люди. Таким образом, в повседневной жизни супругов для стыда, связанного с их интимными отношениями, просто не было места. Данные обстоятельства безусловно, провоцировали возникновение внебрачных сексуальных связей.

Внебрачные отношения

Священные узы брака попирались чуть ли не на каждом шагу. Прелюбодеяние сделалось в эпоху Ренессанса положительно массовым явлением и прочно вошло в сознание людей. Супружеская неверность стала почти во всех странах Европы главной проблемой, а брак как важнейший социальный институт стал стремительно утрачивать свою былую устоячивость. Конкубинат, санкционированный церковью еще в III веке, был типичным и широко распространенным явлением того времени.

Супружеские измены среди женатых мужчин были настолько распространены, что считались обычным явлением повседневной жизни. Даже итальянский поэт-гуманист, классик латинской поэзии Ренессанса, автор любовных элегий сборников «О супружеской любви» Джованни Понтано признавал легальность мужских измен, оправдывая их тем, что со временем брак может стать скучным, а сексуальная привлекательность давно любимой жены блекнет.

О том, что мужчины привычно искали чувственных утешений на стороне, свидетельствует любовный роман маркиза Мантуи Франческо II Гонзаги с герцогиней Феррарской Лукрецией Борджиа. 12 февраля 1490 года Франческо II заключил законный брак с Изабеллой д'Эсте, но, познакомившись с невесткой жены, красавицей Лукрецией Борджиа, страстно влюбился в нее. Они обменивались любовными письмами, но дальнейшего развития их романа не последовало. В 1518 году Франческо Гонзага вследствие обильного общения с проститутками заразился сифилисом и через год скончался.

Такой целомудренный и невинный роман в письмах свидетельствовал о том, что в эпоху Ренессанса внебрачные связи могли отчасти сохранять признаки средневековой куртуазной любви. Ярким примером тому служат высокие и страстные отношения Джулиано Медичи и Симонетты Веспуччи.

Симонетта Каттанео родилась в 1453 году в Генуе и в шестнадцатилетнем возрасте вышла замуж за Марко Веспуччи —

родственника знаменитого путешественника Америго Веспуччи. Молодые поселились во Флоренции. Симонетта была необычайно хороша собой. По ней сходили с ума все знатные мужчины города, ее благосклонности добивался правитель Флоренции Лоренцо Медичи Великолепный. Сандро Боттичелли писал с нее знаменитое полотно «Рождение Венеры». Однако счастье улыбнулось младшему брату правителя, молодому весельчаку и красавцу Джулиано Медичи.

28 января 1475 года состоялась «рыцарский турнир», официальным поводом для которого послужил дипломатический успех: заключение союза между Миланом, Венецией и Флоренцией. Принимавший участие в турнире Джулиано избрал дамой своего сердца Симонетту. Его оруженосец держал штандарт с изображением Симонетты в виде Афины Паллады в белом платье, с копьем и щитом. На вышитом щите красовались голова горгоны Медузы и девиз *La Sans Pareille* — «Бесподобная». Джулиано победил в состязаниях, и Симонетта была провозглашена королевой турнира и, перед всей Флоренцией, — дамой сердца Джулиано. С этого времени она стала его возлюбленной. Хотя до сих пор остается тайной, вознаградила ли прекрасная Симонетта блестящего Медичи пылкой страстью своих объятий и любовью или их отношения оставались лишь недостижимым романтическим чувством. Исследователи находят доводы в пользу как одной, так и другой версии, а современники были заморожены их светлой, но, увы, недолгой любовью. Через год после своего триумфа Симонетта умерла от чахотки. Ей было 23 года. Джулиано пережил ее на два года и был злодейски убит в результате заговора.

Подобные отношения в эпоху Ренессанса встречались редко и были скорее исключением из правил. Женатые мужчины предпочитали удовлетворять свои желания со служанками. Так, например, брат Микеланджело — Буонаррото — разрешил жене взять в дом служанку, но только при условии, что та будет молодой и красивой. Естественно, он рассчитывал на то, что супруга спустит ему с рук такое откровенное, но совершенно обычное нарушение супружеской верности прямо под крышей собственного дома.

Буонаррото разрешил жене взять в дом служанку

Следует отметить, что многие жены тоже испытывали «мощную тягу к сексуальной свободе» и не особенно пытались бороться с желанием внебрачных связей. Многие писатели того времени полагали, что верных жен на свете вообще не существует. В 1474 году Доменико Сабино в диалоге «О достоинствах и недостатках жен» писал, что гораздо легче оборонять неукрепленную цитадель на плоской равнине, чем оградить жен от их бесстыдной похоти.

Представление о том, насколько была распространена женская измена в эпоху Ренессанса, можно получить из «Декамерона» Джованни Боккаччо. Автор представляет истории о страстных женах, не удовлетворенных мужьями и выставлявших их полными дураками и рогоносцами. Так, одна из историй повествует о красивой молодой женщине по имени Петронелла, которая была замужем за бедным каменщиком. Однажды на нее обратил внимание молодой Джанелло Скриньярио, и у них начался роман. Джанелло посещал ее, пока муж был на работе. Они предавались бурной страсти, и наслаждение их было невероятным!

Однажды муж вернулся домой неожиданно рано и поверг жену в ужас. Страхась, что он раскроет ее секрет, Петронелла спешно спрятала любовника в бочку, а сама отправилась открывать дверь. Стоило мужу переступить порог, как она стала упрекать его в бедности и разразилась горькими слезами. Чтобы успокоить жену, каменщик сказал, что решил все денежные проблемы семьи: он продал бочку, в которой прятался Джанелло, за пять флоринов. Петронелла мгновенно превратилась в разъяренную фурию. «Час от часу не легче! — вскричала она. — Ты как-никак мужчина, везде бываешь, должен бы, кажется, поднатореть в житейских делах, а бочку продал всего за пять флоринов, я же — глупая баба, за порог, можно сказать, ни ногой, а вот попалась мне на глаза ненужная бочка — я и продала ее одному почтенному человеку, да не за пять, а за семь флоринов, и он как раз сейчас влез в нее — проверяет, прочная ли она»⁴⁵. Тут Джанелло вылез из бочки и сообщил, что готов ее купить, если ее очистят изнутри. Обрадованный каменщик полез в бочку. Пока он работал, Петронелла наклонилась, чтобы якобы направлять его труды. Джанелло приблизился к сзади к Петронелле, «которая перекрывала собой всю бочку, и, обойдясь с нею так, как поступали в широких полях разнузданные горячие жеребцы, бросающиеся на парфянских кобылиц, наконец-то юный свой пыл остудил: отскочил он от бочки в то самое мгновение, когда Петронелла высунула голову, а супруг вылез наружу»⁴⁶. Джанелло вручил бедному каменщику семь флоринов и велел отнести бочку к нему домой.

Совершенно очевидно, что измены женщин своим мужьям были возможны лишь при полной общей распушенности нравов. Мужчины и женщины взаимно охотились друг на друга с целью удовлетворения своей ненасытной похоти. Обоюдный спрос порождал столь же обоюдное предложение. Сохранение супружеской верности было почти невозможным. Даже доверив на время своего отсутствия молодую любвеобильную жену заботе священнослужителей, муж не мог быть спокойным за свою честь, поскольку те тоже с радостью служили ее наслаждению, как и любые другие мужчины.

⁴⁵ Боккаччо Дж. Декамерон. С. 451.

⁴⁶ Там же. С. 452.

Конечно, основной причиной, которой женщины оправдывали свои измены, было право мести за неверность мужей. Жена заявляет: «Тело мое еще прекрасно, и грудь моя еще не увяла, а ты пашешься на чужом лугу». При таких условиях мужу нечего удивляться, что и в его «огород» ворвется чужой и примется «обрабатывать его поле». Другим мотивом оправдания женской неверности была неспособность мужей к полноценной брачной жизни. Мужья, погруженные с головой в дела и заботы, по ночам нуждались в покое и не думали о любви, а их женам было «холодно в постели», и они нуждались в друге, который разогнал бы их скуку. Вполне очевидно, что «если жизнь излишне деловая, то функция слабеет полова»,

Но при этом повышение деловой активности мужчин имело для брачных отношений совершенно неожиданные последствия. Так, например, это обеспечивало значительный рост экономического благосостояния семей, который, в свою очередь, освобождал женщин от немалой части домашней работы. Жены получали, таким образом, возможность посвящать себя другим интересам и сферам жизни — литературе, искусству, политике. Это стало началом формирования нового типа ученых эмансипированных женщин, которые подвергались критике и ревизии традиции семейных половых отношений. Женщины их высших слоев общества стали охотно размышлять над любовью как самоцелью. Неизбежным последствием этого было то, что в этих сословиях возникли и распространились более свободные сексуальные связи, которые несли в себе значительную опасность для стабильности брака.

Э. Фукс писал об этом так: «Женщина, прежде всего, эмансипировалась от священнейших материнских обязанностей. Не потому она так поступила, что ставила культ науки и искусства выше материнства, а потому, что материнство и его обязанности плохо влияли на ее качества предмета роскоши, следовательно, исключительно в интересах неограниченной возможности наслаждения. Другая женщина кормит ее ребенка, чтобы ее грудь и тело оставались чистыми и нежными»⁴⁷.

⁴⁷ Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Эпоха Ренессанса. С. 283.

Конечно, далеко не все мужья мирились с подобным явлением. Некоторые с величайшей страстью и ревностью охраняли свои законные права на супружеское ложе. Иногда их ревность доводила до трагических исходов.

В таких обстоятельствах жена могла домогаться посторонней любви только на собственный страх и риск. Если она на это решалась, то могла подвергнуть смертельной опасности и свою жизнь как неверной жены, и любовника, покусившегося на чужую собственность. Наиболее распространенное наказание заключалось в том, что муж, в лучшем случае, избивал обоих провинившихся, а в худшем — лишал их жизни. Еще одна разновидность мести состояла в том, что муж кастрировал любовника, а жена должна была присутствовать при этой ужасной процедуре.

Такие домашние казни в те времена случались не часто. По крайней мере, гораздо реже, чем во времена античных государств и эпоху Средневековья.

К концу XVII века господство гедонистического принципа было широко представлено в семейной жизни. Любовь повсеместно сводилась к удовольствию, а это, вследствие действия адаптационных механизмов, требовало постоянного усиления ощущений. Такое усиление достигалось посредством разнообразия половых контактов с одним или несколькими партнерами. Так, в семейной жизни формировался и укреплялся институт постоянных любовников и любовниц. Муж, как правило, в своем доме имел кроме жены еще одну или несколько метресс⁴⁸. Гейлер из Кайзерберга писал: «Есть и такие мужчины, которые содержат в своем доме рядом с женой еще публичную женщину»⁴⁹. При этом жена часто была не только супругой, но и метрессой другого, а порой и третьего, четвертого и так далее. Молчаливым соглашением при этом было требование, чтобы жена, сходясь с любовником, избегала беременности, поскольку это дискредитирует и компрометирует всех членов семьи в глазах окружающих.

⁴⁸ Метресса — любовница, содержанка.

⁴⁹ Цит. по: Фуке Э. Иллюстрированная история нравов. Эпоха Возрождения. С. 308.

Кроме того, беременность любовницы свидетельствовала о неумении соблюдать правила любовной игры, ибо любовь воспринималась уже как не более чем игра. Страх перед возможной беременностью был, пожалуй, наиболее сдерживающим фактором разгула похотливости, и вскоре и эта проблема была решена. Личный врач английского короля Карла II граф Чарльз Кондом создал необходимое изделие, названное его именем. Этот предохранитель от беременности и заразы очень скоро стал популярен и вошел в широкое употребление — прежде всего, конечно, в высших слоях общества. Аристократия спешила ловить миг удачи и яростно предавалась наслаждениям.

«Институт любовников и метресс получил наиболее ясно выраженное официальное значение при дворах и среди придворной аристократии. Каждый князь содержал фавориток, т. е. при каждом дворе существовала целая свита обворожительных проституток. Большинство из них принадлежало к придворной аристократии, но и бюргерство поставляло очень часто метресс для княжеского ложа»⁵⁰.

Это было выгодно, поскольку способствовало улучшению экономического состояния семьи и социального положения ее членов. Скрытая проституция становилась порой частью семейного бизнеса, и в таких случаях «права» жены могли прямо заноситься в брачный контракт, чтобы потом не возникало недоразумений.

Известный хронист придворной жизни эпохи Возрождения Пьер де Бурдейль, сеньор де Брантом (1540–1614) писал: «Я слышал об одной благородной даме, которая при заключении брака выговорила у мужа право свободно отдаваться при дворе любви. ... В виде вознаграждения она выдавала ему ежемесячно тысячу франков карманных денег и ни о чем другом не заботилась, как только о своих удовольствиях»⁵¹. При этом подобное поведение жены не было в глазах общества бесчестьем для мужа. Он в определенном смысле служил ширмой для придворной наложницы и ее знатных любовников.

⁵⁰ Там же. С. 309.

⁵¹ Цит. по: Там же. С. 310.

Этим нормам морали следовали все монархические дворы Европы. Скрытая проституция была характерна не только для семей бюргеров или мелкого дворянства, но и для высших сановников государства и представителей древнейшей знати. Так, в Пруссии ширмой для метрессы Фридриха I служил граф Кольбе фон Вартенберг, первый канцлер ордена Черного орла⁵².

Некоторая строгость нравов стала утверждаться только в последней трети XVI века, когда эпидемия сифилиса вынудила людей быть более разборчивыми в связях, а Тридентский собор в 1562 году, выполняя задачи Контрреформации, ужесточил брачные законы и подчеркнул священный характер брака. Латеранский собор 1516 года и позднейшие запреты наложили на конкубинат церковные и светские штрафы. Делалось это, конечно, во имя религиозных и моральных ценностей, но в реальности вызвало только еще большее распространение проституции.

Развод и повторный брак

Жесткая и непримиримая позиция духовенства по отношению к сексуальным проявлениям в браке и вне его настолько противоречила естественной природе человеческих отношений, что послужила одной из веских причин реформации церкви. Отказ от противостественных католических догматов и практики духовного насилия наиболее ярко выразился в появлении новых протестантских объединений — лютеранской, англиканской и кальвинистской церкви.

Мартин Лютер в своих трактатах утверждал идею всеобщего священства, согласно которой любой христианин способен напрямую общаться с Богом и в состоянии сам толковать и проповедовать Священное Писание. Истинный христианин руководствуется только своей совестью, посягать на которую не вправе ни церковь, ни какие-либо другие авторитеты. Господь сам определяет, кто будет спасен, а кто обречен на мучения.

В частной и семейной жизни лютеране стремились к внутреннему духовному совершенству и, в отличие от консервативных католиков, придерживались в этих вопросах более либеральной позиции. Протестантские священники могли вступать в брак и воспитывать детей. Все члены церкви имели право на развод в случаях прелюбодейния мужа или жены, их отказа или неспособности исполнять супружеский долг. Были также разрешены и повторные браки, но только для тех, кто не спровоцировал развод своим поведением или состоянием здоровья. Согласно учению М. Лютера, прелюбодействующие супруги для честных мужей и жен являются все равно что мертвыми и, следовательно, невинная сторона имеет такое же право вступать в последующий брак, как вдовцы и вдовы. Допускались разводы с неверующими супругами, но только в случае, если они того сами пожелают.

Той же позиции придерживались и сторонники французского богослова Жана Кальвина (1509–1564). В 1648 году на Вестминстерской ассамблее пресвитерианских церквей была выработана официальная доктрина протестантского исповедания веры.

Признавая греховную природу людей, кальвинисты полагали, что «не должно разводиться тех, кого Бог соединил в браке; поэтому ничто, кроме случая супружеской неверности или такого намеренного оставления семьи, которое уже никоим образом не может быть исправлено ни церковью, ни гражданской властью, не является достаточным основанием для расторжения брачных уз»⁵³.

При этом церковные реформаторы категорически запретили признание венчанного брака недействительным, используемое в католицизме, как замещение развода. Так что, по сути, протестантский либерализм относительно состояния семейных отношений не был таким уж радикальным.

В англиканской церкви, которая в эпоху Ренессанса образовалась именно вследствие необходимости решения семейных проблем, отношение к браку и его расторжению было более чем терпимым. Всесильному королю Англии Генриху VIII (1491–1547) очень не везло с рождением наследника. Его первая жена Екатерина Арагонская была вдовой его брата принца Артура, который

⁵² Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Эпоха Ренессанса. С. 311.

⁵³ Цит. по: Никс О. История разводов. С. 150.

скончался вскоре после своего венчания. С точки зрения канонов католической церкви брак Генриха и Екатерины не мог считаться вполне законным, но политические интересы англо-испанского союза и клятвенные заверения молодой вдовы, что она не успела познать своего мужа, сделали его допустимым. Первая беременность королевы в 1509 году была неудачной — девочка родилась мертвой. Через год она родила мальчика, которого нарекли в честь отца Генрихом, однако он не прожил и двух месяцев. Спустя пять лет у королевской четы родилась здоровая дочь — Мария.

Генриху нужен был наследник мужского пола, и он сильно сомневался, что Екатерина способна родить ему здорового сына, к тому же в это время он страстно влюбился в неприступную красавицу Анну Болейн. Король вспомнил о сомнительной законности его семейных уз и попросил у святейшего понтифика разрешения на признание этого брака недействительным. В то время император Карл V, который приходился племянником Екатерине, захватил Рим, и папа Климент VII, оказавшись в плену, благоразумно отказал Генриху в его ходатайстве. В данных обстоятельствах влюбленный монарх, не привыкший к отказам, решил воспользоваться идеями Реформации и отрекся от Ватикана и католической веры. Созвав «парламент Реформации», он основал новую англиканскую церковь, назначив ее главой самого себя. Малоизвестного университетского проповедника, доктора теологии Томаса Кранмера он назначил архиепископом Кентерберийским и поручил ему дело о разводе. В скором времени новая церковь признала брак короля и инфанты Арагонской незаконным и утвердила развод. Тот же архиепископ Кентерберийский обвенчал Генриха и Анну Болейн.

Папа римский отлучил мятежного монарха от церкви, но это уже не волновало. Он закрыл все монастыри, конфисковал церковное имущество, а священников, не принявших Реформацию и несогласных с его разводом и повторным браком, казнил. Специальным указом о престолонаследии было объявлено, что «всякое предубеждение, оклеветание, попытки нарушить или унижить» новый брак короля приравниваются к государственной измене⁵⁴.

Однако брак с Болейн оказался недолговечным. 7 сентября 1533 года Анна родила дочь, названную Елизаветой. Король ждал наследника, а две последующие беременности королевы закончились выкидышами. Генрих был разочарован и стал заглядываться на фрейлину Джейн Сеймур. Против Анны было сфабриковано дело о заговоре и супружеской измене. Архиепископ Кентерберийский по просьбе короля очень быстро расторг этот брак, но тем самым нарушил прежний его указ о престолонаследии. От неминуемого наказания его спас новый указ законопослушного монарха, согласно которому подтверждалась виновность всех, кто протестовал против брака Генриха и Анны раньше, и освобождался от обвинения те, кто осуждал этот союз в последнее время, руководствуясь лучшими намерениями. Изменниками теперь признавались все, кто посмеет усомниться в законности обоих королевских разводов.

Королева Анна Болейн

На следующий день после совершения развода, 19 мая 1536 года, в Тауэре Анна Болейн была обезглавлена. Генрих женился в третий раз — на кроткой и богобоязненной католичке

⁵⁴ Ивкс О. История разводов. С. 153.

Заключение

В большинстве монографий, посвященных этому времени, Ренессанс представляется чуть ли не апофеозом гуманизма и победой природного человеческого начала над духовно-религиозным созерцанием бытия. Сам термин «Возрождение» как бы свидетельствует о некоей смене мировоззренческих парадигм. Однако такой взгляд не кажется исторически верным. Данная эпоха мне видится ареной столкновения, борьбы и поиска компромиссов между утверждением естественной потребности в любви и свободе, с одной стороны, и церковно-догматическими ограничениями этой потребности, с другой. Ренессанс — время глубокого кризиса религиозной доктрины Средних веков и активного поиска новых духовных основ христианской жизни. Это выраженный внутренний конфликт богоборчества с богопознанием, стремление осознать себя и принять глубинную связь человека с Богом.

Такое состояние возрожденческого мировоззрения противоречиво соединяло в себе строгую охрану семейной чести, утверждение традиционных ценностей с почти неприкрытым развратом и проституцией.

Часть III

Семейные отношения в странах Ближнего Востока

Образование ислама

Легализованное право собственности на женщин утвердилось на Ближнем Востоке, где в начале VII века стала зародиться новая монотеистическая абраамическая мировая религия — ислам. Слово «ислам» переводится как «предание себя Богу», «покорность» воле Аллаха.

Основателем молодой религии считается посланник Всевышнего пророк Мухаммед, составивший священный текст Корана. В 114 сурах (главах), состоящих из множества аятов (стихов), пророк изложил переданные ему от Аллаха знания об основах вероучения, нравственности, законодательства и обрядовые правила. Позднее конкретизация этических положений Корана была изложена в священных текстах Сунны — сборника хадисов (преданий) о том, как поступал Мухаммед в различных случаях при решении нравственных, правовых и житейских вопросов. Сунна (в переводе с арабского — «пример» или «образец») стала главным источником мусульманского права — шариата.

Один из ранних мусульманских богословов, комментатор Корана и собиратель хадисов имам аль-Бухари в своем каноническом сборнике «аль-Джами ас-Сахих» сообщал, что в 610 году, в месяц Рамадан, в пещере Хира сорокалетнему пророку Мухаммеду явился ангел Джабраил и продиктовал ему первые пять аятов Корана. С этого времени пророк начал осуществлять свою посланническую миссию. В течение трех лет он тайно проповедовал среди своих друзей и близких. Ислам приняли его жена Хадиджа, а также его дядя Али ибн Абу Талиб, приемный сын Зейд ибн Хари́са аль-Кальби, ближайший друг АбуБакр Абдуллах и еще около сорока человек.

Эта новая религия, проповедуемая Мухаммедом, сформировалась на основе древних монотеистических сакральных учений иудаизма и христианства и во многом совпадала с их базовыми постулатами.

Аллах — единственный Бог и Творец, создавший мир за шесть дней. Сначала Он создал семь небес, затем небесные светила и землю. На ней для прочности были установлены горы. Земля соединена с небесами невидимой лестницей, по которой спускаются и поднимаются лишь ангелы. Ангелов, так же как и земных тварей, создал Аллах в один из дней творения. Во главе ангелов стояли архангелы, соотносимые с библейскими: Гавриил — Джабраил, Михаил — Микайл, Серафим — Исрафил, Азраил; среди них существует разделение труда, каждый выполняет определенную ему волю Аллаха. В последний, шестой день был создан первый человек Адам, а из его ребра сотворена Ева. Животные были сотворены из воды, а человек, по различным версиям, — из глины, или из праха, или из воды и сгустков крови. В седьмой день Аллах почивал и наслаждался плодами своих трудов. Этим днем отдыха в исламе считается пятница.

В Коране сообщается и о первородном грехе человека. Непокорный ангел Иблис не захотел по велению Аллаха поклониться человеку, за что Всевышний проклял его и обрек на мучения в день последнего Страшного суда. Так падший Иблис превратился в сатану — шайтана — и стал главой всех демонов и джиннов, преследующих цель разрушения всех творений Аллаха. По их замыслу, после грехопадения перед концом света должна будет наступить эпоха почти тотального безверия и ужасного бесчестия. Человечество погрязнет в грехе, и наступит царство зла (Даджжаль), которое будет длиться 40 дней. По завершении этого времени придет Иисус, чье второе пришествие в качестве исламского мессии — Махди — положит конец царству греха. Даджжаль будет уничтожен, и на земле в течение 40 лет воцарится мир и спокойствие. Затем наступит час Страшного суда, когда жизнь каждого человека с пристрастием будет рассмотрена и оценена.

В отличие от христианского догмата о Страшном суде, где души умерших судит Господь, Аллах не принимает непосредственно

участия в определении их посмертной судьбы. Суд вершат два ангела — Накир и Мукаар, но конечное решение определяется волей Аллаха. После суда грешники попадают в ад, а праведники — в рай. Во время этого последнего суда помощью человеку может оказать пророк Мухаммед, чье заступничество способно побудить Аллаха не только смягчить участь грешника, но и простить его и направить в рай.

Рай с точки зрения исламского вероучения представлял собой жизнь в тенистых прохладных рощах, журчание воды, обильную еду, роскошные одежды, различные любовные наслаждения. По одной версии, каждый правверный будет рядом с супругой, по другой — он будет наслаждаться обществом прекрасных девственных гурий, которых «не коснулся до них ни человек, ни джинны» (Коран, сура 55 «Милосердный», аят 74).

Однако дорога в рай пролегает через мост — тонкий, как конский волос, и острый, как лезвие меча. Сам человек по нему пройти не может, его должен перевезти баран, осел или верблюд, которого правверный мусульманин при жизни принес в жертву Аллаху. В отличие отрая, ад — это лекло, дым, песчаная буря — самум. Там грешник будет осужден на вечные муки, пытки и страдания.

Дабы не быть осужденными на адские мучения, правверные должны были знать и тщательно исполнять вероучение пророка. Оно изначально насчитывало пять основных обязанностей мусульманина — шахада (исповедание), намаз (молитва, салат), ураза (пост в течение месяца Рамадан), закят (милостыня) и хадж (паломничество в Мекку).

Шахада (исповедание) — центральный принцип в исламе, подразумевал осознанное признание и произнесение формулы: «Нет Бога, кроме Аллаха, и Мухаммед — пророк его». Произнося эту фразу, человек становился мусульманином, покорным Аллаху, и обязан был соблюдать остальные обязанности правверного.

Намаз (молитва) нужен был для приведения человека в состояние ритуальной покорности, при котором определенные телодвижения так же важны, как и сопровождающее их состояние ума. От намаза могли быть освобождены только больные, немощные

и дети. Кто не исполнял намаз пять раз в день, считался неверным. Его следовало совершать на заре, в полдень, пополудни, при закате солнца и перед сном. Перед намазом необходимо совершать омовение: рук, ног, лица или всего тела. В случае если рядом не было воды, то дозволялось совершить омовение песком. Во времена пророка намаз представлял собой совместное громкое произнесение формул единобожия и возвеличивание Аллаха. Совершать этот обряд нужно было в чистом месте, повернувшись лицом к Мекке, на специальном коврик.

Ураза (пост) в течение всего месяца Рамадан осуществлялась в светлое время суток и распространялась на еду, питье и сексуальные отношения. С наступлением темноты все эти ограничения снимались до следующего рассвета. От поста освобождались малые дети, больные и путешествующие.

Закят (милостыня) признавался обязательной для каждого правоверного мусульманина благотворительностью, в пользу бедных и нуждающихся.

Хадж (посещение святых мест) представлял собой паломничество в Мекку перед праздником жертвоприношений, который отмечался в память жертвоприношении Авраама. Малое паломничество можно было совершать в любое время года. Каждый мусульманин, совершивший хадж, получал статус хаджи (тот, кто совершил паломничество).

Свое вероучение как волю Аллаха Мухаммед стал открыто проповедовать в Мекке, однако его призывы вызвали недовольство и враждебное отношение со стороны местной знати. Влиятельные жители города, богатые купцы-курайшиты, опиравшиеся на святилище языческих богов Каабы¹, не видели смысла в новой

религии и опасались усиления ее сторонников. После смерти дяди Абу Талиба, бывшего главой племени курайшитов, Мухаммед лишился какой-либо внутренней опоры в Мекке и в 622 году вместе со своими немногочисленными последователями отправился в соседнюю Медину, соперничавшую с Меккой. Мединцы охотно приняли Мухаммеда и его сторонников. Учение пророка о Едином Всеполющем и Всемилостивейшем Боге было воспринято ими весьма благосклонно, и вскоре чуть ли не все жители этого города прикнули к правоверным. Этот огромный успех 622 года был отмечен как начало новой мусульманской эры (по-арабски — хиджра).

Мухаммед — пророк Аллаха

Поддержанные родовой знатью и купцами Медины, правоверные мусульмане быстро обрели значительную экономическую и военную силу. Пророк провозгласил джихад — священную войну за веру, и вскоре его влияние подчинилось почти вся южная и западная Аравия. В первую очередь джихад был обращен против Мекки, отвергнувшей посланника Аллаха. Исламские отряды

¹ Кааба была главным языческим святилищем Хиджаза; в центре Каабы находился идол Хубел — божества племени курайш в образе человека с золотой рукой (золото заменило негодную левую руку). Древние арабы считали его повелителем небес, властелином гроз и дождя за пределами Каабы были и другие идолы, большинство из которых представляли собой бесформенные камни. Культ камней — самый древний у первобытных племен и существовал также у финикийцев и хан арабов. Вокруг главного божества располагались идолы других арабских богов. Позднее Кааба стала мусульманской святыней в виде кубической постройки во внутреннем дворе мечети Масжид аль-Харам (Запретная мечеть) в Мекке

грабили караваны неверных, чем наносили чувствительные удары по их экономическому благополучию. В результате наиболее дальновидные из числа курайшитов стали переходить на сторону пророка. В 630 году Мекка пала, и Мухаммед торжественно вступил в этот город. Курайшиты склонились перед ним и, приняв ислам, стали его ближайшими последователями. Мекка была официально объявлена священной столицей ислама, однако Мухаммед остался жить в Медине. В 632 году он совершил паломничество (хадж) в Мекку, после чего вскоре умер и был похоронен в Медине.

К концу его жизни образовалось исламское теократическое государство, занимавшее весь Аравийский полуостров, — Аравийский халифат. Позднее ислам господствовал в таких крупных государственных объединениях, как Аббасидский халифат — в 750–1258 годах, аль-Андалус на Пиренейском полуострове — в 711–1492 годах, Мамлюкский султанат — в 1250–1517 годах и Османская империя, возникшая в 1299 году.

Во времена расцвета эпохи европейского Ренессанса исламское вероучение широко распространилось по странам Ближнего Востока, проникло в Европу, Африку и Среднюю Азию. В городах возводились украшенные богатой резьбой и росписями мечети. С их высоких минаретов муэдзины (служители) возвещали азан — призыв к молитве. В пятницу и праздничные дни, а также по особым случаям в мечетях намаз совершался в полдень. На такую молитву собиралось все взрослое мужское население общины. Приходящие женщины молились отдельно от мужчин, стоя сзади или в специальной секции мечети, отгороженной ширмой.

Почитание Аллаха и выражение своей покорности Ему приобрили и правоверных мусульман строго регламентированный вид. Структура внешних обрядов и ритуалов соблюдалась неукоснительно и повсеместно.

Во время намаза необходимо было выполнять определенное количество ракаатов (ритуалов). Закят, бывший когда-то свободной милостыней, преобразовался в обязательный налог, который уплачивается каждым взрослым мусульманином один раз в год в размере 2,5% от имеющегося достатка. Хадж во время посещения святых мест Мекки стал включать в себя

ряд обязательных обрядовых действий: таваф — обход вокруг Каабы; саи — семикратную пробежку между холмами ас-Сафа и аль-Марва; вукуф — стояние на равнине Арафат у подножия горы Милосердия, прохождение через три колонны в ущелье Муздалифа, в каждую из которых нужно было бросить семь камней.

Арабская семья в доисламский период

В доисламский период Аравийский полуостров в основном был населен кочевыми племенами бедуинов. Эти сообщества характеризовались раздробленностью и воинственностью. Оседлых общин, занимавшихся сельским хозяйством или торговлей, было мало. Господствующей религией было идолопоклонство.

Во времена зарождения ислама арабский пантеон насчитывал 360 идолов. Самым почитаемым среди них был Хубел — первый идол Каабы. Он был признаным богом у всех арабов — повелевал молнией, громом и дождем. Хубел имел человеческий облик и был создан из красного агата. Позднее, при перевозке идола из Сирии, ему повредили одну из рук и заменили ее золотой.

В Каабе находился и ряд племенных божеств. Вед — огромный идол мужского пола — принадлежал племени Хузаа, Исаф почитался в Сафе, Наила — в Мерве. Также в Хиджазе находились три святыни, которых принимали за «дочерей Аллаха», — Лат, Манат и Узза. Лат считали представительницей солнца и изображали иногда как частицу солнца на руинах, иногда как голую женщину, иногда как лошадь. Она была одним из самых величественных идолов Каабы. Манат являлась богиней судьбы, которой поклонялись курайшиты и многие другие племена. Узза была самым почитаемым идолом курайшитов, которому поклонялись в Хиджазе, Ираке, Дамаске, Набате и Сафе.

В этих верованиях достаточно ясно просматриваются черты: древних родоплеменных тотемов, определявших систему межличностных, брачных и социальных отношений. Так, арабские племена делились на семьи и группы семей — родовые

кланы. Глава самого большого и могущественного клана был, как правило, и главой племени — шейхом. Он решал все спорные вопросы внутри племени, ведал отношениями с другими племенами и предводительствовал на войне, за что получал четвертую часть добычи. Власть шейха основывалась лишь на его авторитете и не была единоличной. Все сколько-нибудь существенные вопросы решались советом старейшин племени.

В семьях, составлявших основу родоплеменных союзов, были еще сильны пережитки матриархата и женщины пользовались относительной сексуальной свободой. Единых правовых норм заключения брака и регуляции семейной жизни не существовало. Отношения между супругами, родителями и детьми определялись родовыми традициями и обычаями. Основной формой создания семьи у арабов была женитьба мужчины на женщине из достойного его рода и религиозной группы, с выплатой ее семье определенной «махра» — цены женщины. Наряду с этим существовали и другие формы брака, которые определялись термином «джахилия», что в широком смысле означало аналог «естественного состояния» с характерными чертами беззакония.

Джахилия с ее первобытными грубостью, невежеством и жестокостью определялась доминирующим подчинением людей своим низменным страстям и желаниям. Беспорядочность сексуальной жизни выражалась во множестве видов сожителства, включая полиганию (многоженство), характерную для патриархальных родов, и полиандрию (многожение), при которой счет родства велся по материнской линии. В последнем случае женщина оставалась членом своего рода, а мужей выбирала по собственному усмотрению из других. Одновременные браки женщины со многими мужчинами ограничивались лишь тем, что число мужей не должно быть больше десяти, и с каждым из них она могла иметь временные формы сожителства. Если женщина жила с одним мужчиной, то такие союзы, как правило, также носили временный характер и разрывались по усмотрению женщины. Сигналом о прекращении отношений могло служить изменение направления входа в шатер. Например, если первоначально вход был обращен на восток, а затем вдруг переносился

на запад, женщина тем самым давала понять, что мужчина более не должен туда входить.

В патриархальных кланах обычно формировались полигинические браки. Бедуины обладали правом жениться неограниченное число раз. Ко времени появления ислама у многих было по десять и более жен. Кроме того, они считали дозволенным жениться одновременно на двух сестрах.

Одним из многочисленных видов брачных отношений был «шигар», предполагавший взаимный обмен близкими родственниками между мужчинами. Так, например, главы семей могли жениться на дочерях друг друга, и это освобождало их от взаимного уплачивания махра. Предметом взаимного брачного обмена могли также быть сестры или племянницы. Подобный брак мог способствовать укреплению межродовых союзов.

Широко также были распространены отношения «муту» — создание временной семьи ради удовольствия. Муту практиковалась, когда мужчина, с целью торговли или джихада, был вынужден долгое время находиться вдали от своей семьи. На чужбине он мог жениться на местной женщине, выделяя ей определенную денежную сумму — «махр». Его временная жена в таких случаях сохраняла свое имущество, но должна была заботиться о нем. В дальнейшем этот вид брака практиковался в исламе и был особенно распространен в шиитских общинах. Так, внук пророка Мухаммеда имам Хасан имел кроме своих законных постоянных жен еще около трехсот сексуальных партнерш, не считая рабынь и наложниц.

Несмотря на относительно независимое положение женщин на Аравийском полуострове, семейно-родовые отношения в доисламский период можно охарактеризовать как явно протворечиво-жесткие и даже жестокие. С утверждением патриархальных отношений статусное положение женщин стало значительно понижаться. Широко распространялся обычай умыкать или выкупать невест, превращая их таким образом, в товар. Соответственно, уже в раннем Средневековье в арабском мире женщины стали воспринимать как людей второго сорта, им не оказывалось почтения, они были лишены права на наследство, а после смерти

мужа не имели права на опеку над собственными детьми. Жены, не родившие детей, не считались членами семьи. В некоторых племенах женщины были предметом наследования. Там, как и в древнеиудейском левиратном браке², в случае смерти мужа его брат обладал правом взять вдову в жены или передать это право другим родственникам. Если кто-либо из них желал, то мог жениться на ней, если желающих не было, ее выдавали замуж за кого пожелают или оставляли в своей семье. Женщина как товар, приобретенный когда-то ее мужем и унаследованный его братьями, не имела права вступать в брак без их воли. Они имели на нее больше прав, чем ее родственники.

Мужчины, обладавшие физической силой и выносливостью, что было очень важным в тяжелых условиях пустыни, имели абсолютное превосходство над женщинами. Они были воинами и защитниками родовых и семейных интересов. Только силой оружия племя удерживало за собой пастбища и колодцы, оберегало стада, женщин и детей.

В свободные от войн и нападений времена бедуины, как правило, отдыхали, беседуя о храбрости и любви, или спали в своих шатрах, спасаясь от жары. Женщины же постоянно были загружены работой по обеспечению быта своих мужей, отцов и братьев. Им приходилось готовить пищу, доить верблюдов, сбивать масло, стирать белье, ткать полотно, шить одежды, выделывать шкуры и пряхти шерсть, ставить и собирать шатер. При этом основной их обязанностью было производить на свет сыновей, поскольку те были гордостью и надеждой семьи.

Новорожденных девочек принимали как необязательных и позорных членов семьи. Обречение их на смерть в те времена было обычным делом. Это объяснялось религиозными представлениями о родовой чести. Пленение дочери могло навлечь неизгладимый позор на всех ее родственников и вызвать гнев духов. Обычно девочек убивали еще в младенчестве, но подобная участь могла ждать и девушек-подростков, достигших половой зрелости. Чтобы не проливать невинную кровь, их живыми закапывали

в землю. Такая жестокость, вызванная страхом перед изначальной слабостью женщины, была столь распространена, что даже в поздние времена расцвета культуры Халифата существовал обычай поздравлять отца в случае гибели малолетней дочери, так как это избавляло его от возможного позора в будущем.

При этом матриархальные традиции, определявшие некоторую свободу и достаточно высокий социальный статус арабских женщин, частично сохранились вплоть до середины VI века. Об этом свидетельствует семейная жизнь самого пророка Мухаммеда.

Дед Мухаммеда Абдалмутталиб, смотритель храма Кааба в Мекке, был одним из уважаемых вождей племени курайш. Желая заручиться поддержкой другого клана, он женил своего сына Абдулла на Амине бинт Вахб. Поскольку брак был матрилинейным, Амина жила в родительской семье, а муж время от времени навещал ее. Во время торговой экспедиции в Сирию Абдулла погиб, а его беременная жена вскоре родила сына — Мухаммеда. Когда Мухаммеду исполнилось шесть лет, Амина тяжело заболела и умерла. Дед взял мальчика к себе, и его родство стали считать по отцовской линии.

Затем, после смерти деда, Мухаммеда воспитывал его дядя Абу Талиб. Будущий пророк Аллаха рано приобщился к труду, пас овец, участвовал в снаряжении торговых караванов. Когда ему исполнилось 25 лет, он начался на работу к Хадидже бинт Хувалид, богатой вдове. Работа заключалась в организации и сопровождении торговых караванов в Сирию. Эта женщина обладала одним из самых больших состояний в Мекке. Она дважды была замужем за богатыми купцами, и в каждом из двух браков у нее был ребенок. Она вела весьма успешную караванную торговлю пряностями и шелками с Сирией и Палестиной. Сначала Хадиджа дала работу Мухаммеду, а затем сама предложила ему вступить с нею в брак. Так бедный Мухаммед в возрасте двадцати пяти лет женился на сорокалетней богатой и знатной соплеменнице. В их семейной жизни Хадиджа финансово поддерживала Мухаммеда и предоставила ему раба, впоследствии усыновленного пророком. После ее смерти Мухаммед был женат еще четырнадцать раз.

² См. Осипский А. В. История семьи и брака, т. 1, с. 286–287.

Его любимой женой считается Айша — дочь ближайшего сподвижника пророка Абу Бакра. Брачный контракт с ее отцом был заключен, когда невесте исполнилось шесть лет, через три года состоялась свадьба девятилетней Айши с пророком, которому шел пятьдесят восьмой год. Они прожили вместе девять лет, и после его кончины восемнадцатилетняя Айша стала обучать людей исламскому вероучению, шариаху и литературе. Она участвовала в общественной и политической жизни Халифата. Многие почитали за честь услышать о поступках и изречениях пророка из уст его любимой супруги.

Известный исламский богослов имам Мухаммад аль-Бухари в своем сборнике хадисов приводит слова Айши о временах джахилии: «Во времена невежества существовали четыре связи между мужчиной и женщиной. Одна из них — заключение брака, который заключают люди сегодня: мужчина просит у другой руки его дочери или подопечной, дает ей брачный дар, а потом заключает с ней брак. Второй вид: мужчина говорил своей жене, очистившейся после менструации: «Пошли кого-нибудь к такому-то и проведи с ним ночь!». После этого он не прикасался к ней до тех пор, пока не становилось ясно, что она беременна от человека, с которым была. Когда же становилось ясно, что она беременна, муж прикасался к ней, если желал. Он поступал так, стремясь иметь ребенка от человека благородного происхождения. Это называлось браком пользования (никах аль-истибда). Третий вид: собирались несколько мужчин — меньше десяти — и входили к одной женщине, причем каждый из них вступал с ней в половую связь. Она беременела, а после родов посылала за ними, и никто из них не мог отказаться прийти. Когда они собирались у нее, она говорила: «Все вы знаете, что сделали, и я родила, и это твой сын, о такой-то!» — при этом она называла по имени кого желала, и ребенок считался его сыном, и он не мог отказаться от него.

Четвертый вид: собиралось много мужчин, и все они входили к женщине, и она не отказывала никому из них. Это были блудницы, и они вешали над своими дверями флажок, который служил знаком для мужчин, и к ним входил любой желающий.

«Все вы знаете, что сделали, и я родила, и это твой сын»

Если одна из них беременела, то после родов все они приходили к ней и приглашали людей, умеющих определять родство по внешности, и ребенок считался сыном того, на кого они указывали. Он забирал его, и тот назывался его сыном, и тот не отказывался от него... А когда был послан Мухаммад, все виды брака, существовавшие во времена невежества, были отменены, за исключением того, который заключают люди сегодня» (Аль-Бухари, хадис 5127).

Влияние ислама на семейные отношения

Утверждавшийся на Ближнем Востоке ислам был не только вероучением, но и политической, социокультурной основой жизни людей. Новая религия сыграла существенную роль

не внутреннего совершенствования, а внешней безусловной преданности Аллаху. Таким образом, от правоверных мусульман требовалось, прежде всего, соблюдение в их жизни тех пределов, которые установлены заповедями Аллаха. Эти пределы, представленные в Коране, делились на три категории: «хяляма» — разрешенное, «харам» — запрещенное и «мубах» — неопределенное, совершение которых не предписывается, но и не запрещается.

Хялям включает в себя всю совокупность того, что признано дозволенным для мусульман: начиная с продуктов питания и предметов одежды и заканчивая социальными и семейными отношениями.

К хараму следует отнести, например, прелюбодеяние, расточительство, употребление спиртного. О мубахе сообщает хадис 4210 34-й книги Муавватимы Малика ибн Анаса. «Сообщил Абдулла ибн Масуд: "Пророк Аллаха (мир ему) не любил десять вещей: желтого цвета, значения халук, крашенных седых волос, раскладывать нижнюю одежду, носить золотой перстень, женщину, которая прикрывается перед людьми, которые ей не запрещены, бросание костей, использование заклинаний за исключением Муаввидатан, носить амулеты, вынимать член до выброса семени из вагины женщины (жены или не жены), сношаться с женщиной, которая кормит ребенка, но он не объявляя их незаконными».

Как видно из вышеизложенного, эти категории, регулирующие жизнь правоверных, безусловно, оказывали влияние и на отношения в их семьях. Исламская культура брака, зарождавшаяся на основе древних общинно-родовых полигинических и полиандрических традиций, стала осторожно и постепенно вводить приемлемые ограничения в бытовавшие супружеские отношения. Так, новое вероучение положило конец многим варварским обычаям.

Хадисы Сахиха Муслима свидетельствуют о запрещении взаимного брачного обмена. Так, например, хадис 812-й книги брака гласит: «Передается от Ибн 'Умара, да будет доволен Аллах ими обоими, что Посланик Аллаха запретил шигар. Шигар — это когда мужчина выдает свою дочь (человеку) взамен на то, что тот

выдаст ему свою дочь, и между ними не будет махра»⁵. При этом при жизни пророка какое-то время еще сохранялись пережитки временного брака муту, о чем свидетельствует хадис 813-й. «Передается от Кайса⁶, что он сказал: "Я слышал, как Абдуллах ибн Мас'уд, да будет доволен им Аллах, сказал: "Мы были в походе с Послаником Аллаха, у нас не было женщин, и тогда мы сказали: "Может быть, нам оскопиться?" Он запретил нам это, а затем разрешил нам заключать брак с женщинами за махр до срока"»⁷. Позднее Мухаммед запретил временный брак, о чем сообщалось в хадисе 817-м книги брака: «Передается от ар-Раби' ибн Сабра аль-Джухани, что его отец был с Послаником Аллаха, (когда) тот сказал: "О, люди! Я разрешал вам вступать во временный брак, но отныне Аллах запретил подобное вплоть до наступления Дня воскресения. Если кто-нибудь из вас до сих пор находится во временном браке, то пусть отпустит свою женщину. И не забирайте назад то, чем вы одарили их"»⁸.

В то же время аяты Корана осуждали и запрещали наследования вдов: «Не женитесь на тех женщинах, на которых были женаты ваши отцы, разве только это произошло раньше. Поистине это — мерзость и отвращение и скверно как путь» (Коран, сура 4 «Женщины», аят 26). Запрещалось также и умерщвление дочерей. «И не убивайте ваших детей из боязни обеднения: мы пропитаем их и вас; поистине убивать их — великий грех!» (Коран, сура 17 «Перенос ночью», аят 33). Более того, Мухаммед говорил, что родителям не следует несправедливо отдавать предпочтение сыновьям⁹. Существовавшее некогда многоженство новой религией не признавалось и не допускалось, а многоженство регулировалось мудрой волей Аллаха через откровения, выраженные в аятах Корана и хадисах Сунны.

⁵ Имам аль-Муизири, Мухтасар Сахих Муслим: в 2 т. Т. 1. Алматы, 2013. С. 485.

⁶ Кайс ибн Абу Хазим — мухадрам, последователь сподвижников, живший во времена пророка, но не встречавшийся с ним, передатчик хадисов.

⁷ Имам аль-Муизири, Мухтасар Сахих Муслим. Т. 1. С. 485.

⁸ Там же. С. 487.

⁹ Панова В. Ф., Вахтин Б. Б. Жизнь Мухаммеда. М., 1990. С. 241.

Аллах разрешил своему пророку и всем правоверным вступать в интимную близость с женами, которым они уплатили махра (брачный дар), а также с наложницами, которых они захватили в войнах. Первоначально эти пленные женщины приравнивались к законным женам, и обязательства по их содержанию были почти одинаковы. Отличие состояло в отсутствии брачной церемонии, выплаты махра и согласия опекуна. Наложницы могли обладать правами на совместно нажитое имущество и детей в случае расторжения отношений. В таком статусе могли быть также и свободные женщины.

Всевышний также разрешил Мухаммеду и правоверным мусульманам жениться на двоюродных сестрах — со стороны отца и со стороны матери. Правда, пророк, в отличие от других правоверных, мог жениться только на тех двоюродных сестрах, которые переселились вместе с ним в Медину. Аллах также разрешил своему посланнику, если тот пожелает, брать в жены верующих женщин, которые сами предлагали себя ему в жены. Это право было дано только ему и не распространялось на остальных мусульман. Аллах сделал для Мухаммеда некоторые исключения, для того чтобы он не испытывал никакого неудобства и стеснения от предписаний своего Господа. Это свидетельствует о бесконечной заботе Всевышнего о своем посланнике.

Об этом написано в суре 33 «Сонмы» (аят 50): «О, пророк. Мы разрешили тебе твоими женами тех, которым ты дал их награду, и тех, которыми овладела твоя десница из того, что даровал Аллах тебе в добычу, и дочерей твоего дяди со стороны отца, и дочерей твоих теток со стороны отца, и дочерей твоего дяди со стороны матери, и дочерей твоих теток со стороны матери, которые высились вместе с тобой, и верующую женщину, если она отдала самое себя пророку, если пророк пожелает жениться на ней — исключительно для тебя, помимо верующих».

Так, по воле Аллаха у пророка было тринадцать жен. С первой женой Хадиджей он жил в моногамном браке, а после ее смерти в 53-м году женился на Сауде бинт Зама — вдове одного из первых мусульман ас-Сахрана ибн Амра, еще через год на Айше бинт Абу Бакр — дочери Абу Бакра, одного из своих сподвижников

и первого халифа Умара. В последующие пять лет Мухаммед неоднократно вступал в брак. Его женами были Умм-Хабива — дочь Абу Суфьяна, главы торговцев в Мекке, красавица-еврейка Сафийа бинт Хуай, принявшая ислам, коптская христианка Марьям аль-Кибтия, Хафса бинт Умар — вдова Хунайса ибн Хузайфа и другие. В 627 году 57-летний Мухаммед женился на разведенной супруге своего приемного сына Зайда и в Коране появились аяты, разрешающие женитьбу на бывших женах приемных сыновей: «И вот ты говорил тому, кого благодетельствовал Аллах и кого ты благодетельствовал: "Удержи при себе жену свою и бойся Аллаха!". И ты скрывал в своей душе то, что обнаруживал Аллах, и боялся людей, а между тем Аллаха следует больше бояться. Когда же Зайд удовлетворил свое желание по отношению к ней, Мы женили тебя на ней, чтобы для верующих не было стеснения с женами их приемных, когда они удовлетворят свои желания»; «Нет на пророке греха в том, что установил Аллах для него, согласно обычаю Аллаха» (сура 33 «Сонмы», аяты 37, 38).

При этом Всевышний поставил и ограничения по возможному количеству законных жен для своего пророка и всех правоверных. «После этого тебе не дозволяется больше женщин и заменять их другими женами, хотя бы тебя и поражала их красота, если не теми, которыми овладела десница твоя. Аллах надзирает за всякой вещью!» (сура 33, аят 52).

Известные мусульманские богословы, такие как ибн Аббас, Муджахид, ад-Даххак, Катада, ибн Зайд, ибн Джарир и другие, полагали, что этот аят, запрещающий брать в жены других женщин и разводиться с этими, был ниспослан Аллахом в качестве награды женам пророка за их решение исполнить волю Его посланника, когда тот призвал их. Так Всевышний отблагодарил их за правильный выбор. Правда, как утверждает, со слов Айши, имам Ахмад, позже Аллах снял с Мухаммеда это ограничение и позволил ему брать в жены других женщин до его смерти.

Позднее, в VIII–IX веках, на основе Корана и описаний деяний и изречений пророка Мухаммеда, выраженных в Суннах ислама, было сформировано исламское законодательство — шарият. Для раннего шарията были характерны нормы, восходящие еще

к общинному строю, содержащие элементы группового сознания, милосердия и заботы о несчастных. Шарият развивался как строго конфессиональное право, и в нем нашли свое отражение представления о бессилии человека перед Аллахом, о вытекающей из этого созерцательности и покорности. В Коране особенно подчеркивалась необходимость для мусульманина проявлять терпение. Аяты требовали от правоверных: «О, вы, которые уверовали, терпите и будьте терпимы, будьте стойки и бойтесь Аллаха — может быть, вы будете счастливы» (сура 3 «Семейство Имрана», аят 200); «Повинуйтесь Аллаху и Его посланнику и не преирайтесь, а то ослабеете, и уйдет ваша мощь. Терпите, ведь Аллах с терпеливыми» (сура 8 «Добыча», аят 46).

Таким образом, правоверный мусульманин должен был быть терпеливым и выносливым в исполнении своего долга перед Всевышним. Однако, поскольку терпение человеческое не безгранично, шарият, согласно Корану, разрешал мужчине иметь одновременно до четырех жен, а также неограниченное число наложниц из рабынь. Арабским шейхам, которые во времена джахилии могли иметь по несколько десятков жен, шарият предписывал расторжение «лишних» браков. Мухаммед говорил каждому обращающемуся к нему многоженцу: «Выбери из них четырех и разведись с остальными». Следовательно, многие бывшие жены обретали свободу или становились наложницами. Такое понижение статуса, естественно, ухудшало и качество их жизни, поскольку в этих условиях муж обязывался предоставлять имущество, жилище и одежду лишь законным женам.

Гаремы с женами и наложницами могли себе позволить только зажиточные и знатные люди. Основная масса семей была моногамна. Обычная семья состояла из мужа, жены, детей и прислуги, которая рассматривалась как составная часть семьи. Богатые люди жили большими семейными кланами, куда могли входить до 30 человек, в том числе родители мужа, его сестры и наложницы.

Аятами Корана, хадисами Сунны и нормами шарията довольно скрупулезно регламентировалось сексуальное поведение мусульман как внутри семьи, так и за ее пределами. Коран осуждал

и запрещал инцест. 23-й аят 4-й суры гласит: «И запрещены вам ваши матери, и ваши дочери, и ваши сестры, и ваши тетки по отцу и матери, и дочери брата, и дочери сестры, и ваши матери, которые вас вскормили, и ваши сестры по кормлению, и матери ваших жен, и ваши воспитанницы, которые под вашим покровительством от ваших жен, к которым вы уже вошли; а если вы еще не вошли к ним, то нет греха на вас; и жены ваших сыновей, которые от ваших чресел; и — объединять двух сестер, если это не было раньше. Поистине Аллах прощающий, милосердный!»

Мужчинам также было, категорически запрещено прикасаться к посторонним женщинам и даже смотреть на них ниже уровня их пупка. Более того, мусульманин не должен был смотреть даже на их голые руки. Такое поведение рассматривалось как харам. В своей семье, где мужчина был всеобщим повелителем и владыкой, эти ограничения снимались. Здесь господствовал халяль: жен и наложниц муж и господин мог видеть в обнаженном виде, тщательно рассматривать и ощупывать их плечи, груди, вагину и ягодицы. Жены и рабыни также могли смотреть на его половые органы, если он разрешал им это. Однако в отношении с женами пророк не рекомендовал свободную открытость и призывал правоверных к скромности. В семейных отношениях разрешался оральная секс, но при этом категорически запрещались анальные соития, мастурбация и лесбиянство. Мужской гомосексуализм вообще карался смертной казнью, ибо он вызывал гнев Аллаха и Его проклятие грешников.

Женщине запрещалось показывать себя посторонним мужчинам. Выходя на улицу, она должна была скрывать свое тело и лицо под паранджой¹⁰. В хадисах имама Тирмизи утверждалось, что женщина признавалась неверной, если совершала поездку сроком в три или более дней без сопровождения мужа, сына, отца или брата. Если женщина была непослушна или нескромна, муж имел право бить ее, но так, чтобы не сломать кости.

¹⁰ Паранджа (арабская фараджа) — самый радикальный тип исламской одежды, скрывающий кроме тела и лица, где даже прорез для глаз закрыта вуалью. Фараджи возник в Египте, откуда распространился в другие восточные страны.

В сборнике хадисов «Сахих аль-Бухари» сказано: «Если муж зовет жену в кровать, а она отказывается и заставляет его спать в гневе, то ангелы будут проклинать ее до утра» (Сахих аль-Бухари, 59 — Книга начала творения, хадис 3237). Жена обязана удовлетворять сексуальные потребности мужа, когда он того пожелает, в противном случае она, в силу своей неблагодарности, попадет в ад.

Мухаммед учил, что большинство пребывающих в аду — женщины. «Пророк сказал: Мне показали огонь ада, и большинство его обитателей были женщины, которые были неблагодарны. Когда его спросили: они были не благодарны к Аллаху? Он ответил: они были неблагодарны к своим мужьям» (Сахих аль-Бухари, 2 — Книга веры, хадис 29).

В исламе многоженство было дозволено, но не имело большого распространения — в силу значительной экономической нагрузки. Содержать несколько жен было весьма дорогостоящим удовольствием. В дальнейшем развитии ислама учеными богословами высказывались обоснованные мнения о предпочтении моногамности. Так, например, в XVI веке Кыналызаде Али-эфенди в своем трактате «Ахляк-и-алия»¹¹ особо отмечал, что в идеале семья должна быть моногамной, поскольку мужчина — это душа в доме, и как не бывает одной души у двух тел, так и не может быть у двух жен в доме один мужчина.

Создание семьи

Создание семьи входило в число необходимых добродетелей правоверных. Брачные союзы заключались на основе договоров, при неравном положении мужчин и женщин. Законное совершеннолетие мусульман наступало с момента признания этого качества родителями, но не позднее 15 лет от роду. Для девочек

¹¹ «Ахляк-и-алия» — трактат, посвященный непосредственному труду человека над собой, структуризации его характера и нрава, становлению внутренних качеств.

оно наступало с началом менструаций, а для мальчиков — с появлением поллюций. При этом брачный возраст законодательно не определялся, но, по примеру Мухаммеда, не возбранялись браки начиная с 9 лет. Желательным считалось примерное соответствие супругов по возрасту и социальному положению.

Заключение брака предусматривало, с одной стороны, свободное согласие жениха и невесты, но, с другой стороны, за женщину заключить брак мог ее отец или старший родственник. При заключении брачного договора жених вносил «махр» — имущество, которое выплачивается непосредственно невесте и является частью ее собственности. Запрещались браки с близкими родственниками до третьей степени родства, с рабынями и с незаконнорожденными от прелюбодеяния.

Для мусульман семья — священна, в ее создании отражались религиозные принципы ислама, и все брачные обряды проводились согласно положениям Корана. Мусульманки могли вступать в брак только с мусульманами, поскольку мужчины иной веры как глава семьи мог дать дурной пример детям и воспитать их в иноверческой традиции. Для мужчин такого запрета не существовало, хотя брак с женщиной иной веры и считался крайне нежелательным. Имам Бухари в хадисах «Сахих аль-Бухари» писал, что пророк сказал: «Женщину берите в жены из-за четырех (вещей): из-за ее богатства, из-за ее происхождения, из-за ее красоты и из-за ее религии, добивайся же той, которая привержена религии, иначе ты проиграешь!» (Сахих аль-Бухари, 67 — Книга брака, хадис 5090).

При этом для мусульман был возможен брак с иноверками, перешедшими в ислам. Сам Мухаммед женился на подаренной ему коптской христианке Марии и еврейке Сафийн бинт Хузайм.

Брак обычно заключался по воле родителей, а при их отсутствии — ближайших старших родственников-опекунов, но при этом, в соответствии с положениями шариата, он не мог быть принудительным. Требовалось обязательное добровольное согласие жениха и невесты, которые должны были быть вменяемыми и совершеннолетними. Однако при этом девственница не могла выйти замуж без согласия попечителя, даже если она была совершеннолетней.

Кроме того, в исламе было возможно заключать брак и с несовершеннолетними девочками. Для этого, опять-таки, обязательно требовалось согласие ее родителей или опекунов. Об этом говорит 809-й хадис книги брака: «Передается от Айши, да будет доволен ею Аллах, что она сказала: "Посланник Аллаха женился на мне, когда мне было шесть лет, а жить он стал со мной, когда я была девятилетней девочкой". Она сказала: "Мы прибыли в Медину, и я месяц проболела лихорадкой. Мои волосы выросли до плеч. Когда я сидела на качельях с моими подругами, ко мне пришла Умм Руман (мать) и громко позвала меня. Я подошла к ней, не понимая, чего она от меня желает. Она взяла меня за руку и поставила у двери. Я сказала: 'Хах, хах', — пока не перевелась дыхание. Затем она ввела меня в дом. В это время женщины-ансары сказали: 'В добре, благодати и благом уделе'. Она передала меня им, и они помыли мне голову, привели меня в порядок, и внезапно для меня было лишь то, что Посланник Аллаха пришел утром, и они передали меня в его руки»¹².

От опекунов также требовалось разрешение на брак их неполноправных или недееспособных подопечных. Так, возможность создания семьи у рабов определялась волей опекающих их хозяев и положением шариа о том, что раб имеет право одновременно жить только с двумя женами. Свободный мусульманин мог жениться на рабыне только при условии ее предварительного освобождения. Такой брак был угоден Аллаху. 811-й хадис гласит: «Передается от Абу Мусы аль-Аш'ари, да будет доволен им Аллах, что он сказал: "Посланник Аллаха сказал о том, кто освободил рабыню, а затем женился на ней: "Ему полагаются две награды"»¹³.

Если семью хотели создать уже вполне взрослые мусульмане, не имеющие родителей и опекунов, они могли обратиться в шариатский суд, где их брак регистрировался и признавался действительным.

Мужчина-мусульманин не мог сам искать себе жену, этим занимались женщины его семьи — мать или старшая сестра. Будущий жених лишь подробно описывал им желанные качества невесты.

¹² Имам аль-Мунзирри Мухтасар Сахих Муслим. Т. 1. С. 482.

¹³ Там же. С. 485.

По описанию шейха Нефзауи¹⁴, эталоном женской красоты того времени было обладание совершенной фигурой, где грудь и живот — округлы, причем груди — полны и тверды, а живот — хорошей пропорции, пупок нормально развитый и выпуклый. Бедр и ягодицы должны быть твердыми, бока — округлыми и полными, талия — нежных очертаний, ладони и ступни изящны, плечи и руки полны и хорошо развиты. Шея должна быть длинная, волосы и брови — черные, лоб — широкий, а глаза — большие. Щеки должны быть округлы, нос — изящен, рот — грациозен, губы и язык — алые. Дыхание ее должно источать приятный запах. Интимные части живота также должны быть крупны, а вульва (она же элькесс, или эль фердж) — чувственная и выдающаяся меж волос, идущих от лобка к ягодицам. Вход во влагалище узкий и не влажный, мягкий на ощупь, а выделения — теплые и хорошо пахнущие.

Родственницы, занимающиеся сватовством, должны были не только подобрать невесту соответствующей красоты, социального статуса и положения. При выборе невесты учитывалось и наличие профессиональных навыков — владение женщиной каким-либо ремеслом. Обязательно следовало спрашивать о состоянии ее здоровья и отсутствии физических недостатков. Решение данной задачи было осложнено тем, что физические качества женщин тщательно скрывались от посторонних глаз. Шариа предписывал женщинам обязательно носить хиджаб¹⁵, а в определенных обстоятельствах — паранджу.

Коран так передает повеление Аллаха: «Скажи верующим женщинам, чтобы они опускали свои взоры и оберегали свои половые органы. Пусть они не выставляют напоказ своих прикрас, за исключением тех, которые видны, и пусть прикрывают своими покрывалами вырез на груди и не показывают своей красоты никому, кроме своих мужей, или своих отцов, или своих свекров, или своих сыновей, или сыновей своих мужей, или своих братьев, или сыновей своих братьев, или сыновей своих сестер, или своих

¹⁴ Шейх Нефзауи. Сад благоуханный... С. 49–50.

¹⁵ Хиджаб (букв. «преграда», «завеса») — в исламе любая одежда от головы до ног. В западном мире под хиджабом понимают традиционный арабский женский головной платок

женщин, или невольников, которыми овладели их десницы, или слуг из ч исламужчин, лишенных вождления, или детей, которые не постигли наготы женщин; и пусть они не стучат своими ногами, давая знать об украшениях, которые они скрывают. О, верующие! Обращайтесь к Аллаху с покаянием все вместе, — быт может, вы преуспеете» (сура 24 «Свет», аят 31).

Когда достойная претендентка находилась, наступало время сватовства — хитбы, при котором определялись условия заключения предстоящего брака. Сватами могли быть родственники жениха или кто-нибудь из уважаемых людей, способных провести удачные переговоры. Сваты приходили в дом родителей девушки несколько раз и договаривались о количестве и качестве калыма, условиях жизни избранницы в будущей семье.

По завершении удачного сватовства молодых познакомили в доме ее родителей. Жених приходил со своей семьей и дарил избраннице дорогие подарки. На этом свидании молодым разрешались лишь обмен взглядами и короткий разговор в присутствии родственников. Дотрагиваться до девушки было категорически запрещено. Затем, прежде чем дать ответ, семья невесты в течение семи дней оценивала подарки и достоинства жениха. Если ухаживания жениха по какой-то причине не увенчались успехом, то его подарки возвращались обратно.

В случае удачного сватовства и знакомства сторона невесты приглашала сватов и родителей жениха наговор-помолвку, где в подтверждение обоюдного согласия на брак за обильным угощением стороны обменивались подарками. Сторона жениха передавала требуемый калым, подарки родителям невесты, а те в свою очередь — подарки для жениха и его родителей. Стороны оговаривали размер и содержание махра — свадебного дара жениха, который, в отличие от калыма, не уходил в семью родителей, а целиком принадлежал невесте. В Коране сказано: «И давайте женам их махр в дар. Если же они соглашались чем-нибудь из этого для вас, то питайтесь этим на здоровье и благополучие» (сура 4 «Женщины», аят 4). При этом хадисы предостерегают: «Посланник Аллаха сказал: «Не жди добра, если женщина требует богатого махра и обладает дурным характером» (Бихар аль-анвар, т. 58, с. 321).

Махр — свадебный дар жениха

Считалось, что махр должен соответствовать статусу и достоинству жениха. Этим подарком могли быть деньги, драгоценные металлы и камни, живность — теленок, корова, лошадь — или другое имущество. Кроме того, невесте дарились платья, шуба, камзол, платки, шали, головные уборы, обувь и две перины: большая и малая.

Наговор-помолвке составлялся брачный договор, в котором будущая жена могла прописать условия своего содержания. В частности, она могла закрепить за собой право, запрещающее мужу брать других жен без ее согласия.

Период между помолвкой и свадьбой был сравнительно недолгим. В это время одна сторона готовила махр, а другая — приданое и подарки для будущих родственников. Все свадебные расходы возлагались на сторону жениха.

Перед самой свадьбой проводился обряд, называемый «Ночь хны», когда жениху наносили на ладони узор из хны в виде растительных орнаментов, а невесте такой же узор на ладони и стопы.

Эту роспись ладоней и стоп невесты доверяли женщине, которая счастлива в браке. Вязь свадебного узора обязательно должна была скрывать в себе инициалы жениха, которые он разыщет в первую брачную ночь. Хна выбиралась хорошего качества, чтобы узор сохранялся как можно дольше. Новобрачная освобождалась от любых работ по дому, пока на ее руках был виден свадебный узор.

В эту ночь накануне свадьбы жених отправлялся веселиться с друзьями, а его будущую жену наряжали в красивое платье с дорогой вышивкой, и мать жениха раскладывала под ее ногами ковер, преподносимый ей в качестве подарка. Приглашенные подруги осыпали невесту монетами, желая ей продолжения рода и семейного благополучия.

На следующий день проводилась церемония «Никах» — кульминация свадебных торжеств. С арабского «никах» переводится как «совокупление» и в шариате означает договор, по которому становится разрешенным взаимное «наслаждение» супругов.

Молодая пара в сопровождении родителей и свидетелей отправлялась в мечеть. Свидетелями могли быть два мужчины либо один мужчина и две женщины в закрытой одежде с длинными рукавами, и обязательно с покрытыми головами. Мулла зачитывал молодоженам суры из Корана, содержащие наставления для семейной жизни. Около часа все присутствующие слушали муллу и читали молитвы. Вовремя церемонии жених вручал махр своей избраннице, перечень которого находился в списке у муллы. Затем сначала невеста, а потом и жених на арабском языке произносили формулу заключения брака. «Завваджтука нафси аля-сиддак ал-малум! (Считаю себя твоей женой по определенному махру-приданому)», — говорила невеста. Жених отвечал: «Кабилту ат-тазвидж (Принял бракосочетание)». Завершался «Никах» обменом серебряными кольцами между женихом и невестой.

По завершении брачной церемонии следовал переезд молодой жены вместе с приданым в дом мужа, где супругов ожидали брачное ложе и последующие свадебные празднество — валима. Такой порядок был установлен, потому что посланник Аллаха совершал валиму только после первой сексуальной близости.

В первую ночь молодым супругам предписывалось соблюсти определенные ритуалы. Следуя примеру пророка Мухаммеда, угостившего свою юную невесту Айшу молоком, муж предлагал своей избраннице молоко, мед и пряности. Приступая к интимной близости, ему следовало положить руку на лоб своей супруге, произнести басмалу «во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного» и следующую мольбу: «О Аллах! Воистину я прошу у Тебя от нее добра и всего доброго, чем Ты ее одарил! И прибегаю к Тебе от ее зла и от всего злого, чем Ты ее наделил». После этого супругам рекомендуется совершить совместный намаз и обратиться к Всевышнему: «О Аллах, благослови меня в отношениях с моей женой (мужем) и ее (его) в отношениях со мной. О Аллах, утверди между нами благо и при разлуке разлучи нас по-доброму!». Как в первую, так и в последующие ночи муж с помощью слов, поцелуев и любовных игр должен создать прелюдию к интимной близости, а во время полового акта ему следовало быть чрезвычайно мягким и нежным со своей супругой.

Как писал арабский поэт:

Сердце, раненное страстью, не излечишь ворожбой,
Не спасешь ни амулетом, тем, что носишь ты с собой,
Ни объятьями, что нежных поцелуев лишены,
Да и сами поцелуй без соития не нужны¹⁶.

В средневековых трактатах уделялось большое внимание правильной технике интимной близости. Известный средневековый философ и врач шейх Нефзауи писал: «Если ты хочешь иметь приятное соитие, которое должно дать равное чувство счастья обоим жажущим и удовлетворить обоих, ты, прежде всего, должен поиграть с женщиной, возбудить ее поцелуями, поцасываниями и покусыванием ее губ, ласканием ее шеи и щек. Поверни ее в постели — сначала на спину, потом на живот, пока не увидишь по ее глазам, что время наслаждения близко. Итак, когда ты увидишь, что губы женщины трепещут и залпцовели, а глаза

¹⁶ Шейх Нефзауи. Сад благоуханный... С. 129

ее становятся красноречивей губ, а дыхание — все более прерывистым, знай, что она разогрелась для соития. Тогда ложись меж ее чресел так, чтобы посох твой вошел в ее трещинку. И если ты последуешь моему совету, оба вы получите соитие приятное, которое даст тебе величайшее удовлетворение и оставит по себе тончайшее воспоминание»¹⁷.

В раннем исламе какое-то время еще сохранялась древняя традиция демонстрировать после брачной ночи следы крови на белье невесты как свидетельство ее невинности. В те времена, если невеста, первый раз выходящая замуж, не была девственницей, ее можно было с позором возвратить родителям. Впоследствии этот обычай был запрещен шариадом как совершенно чуждый исламской этике, обеспечивающей тайну семейной жизни. При этом положения шариа та все же делали различия между девственницами и женщинами, утратившими целомудрие. Так, например, если молодая жена обладала невинностью, то после заключения брака супруг был обязан провести с ней семь ночей подряд. А если она уже была замужем до этого, то мужу следовало уделить ей только три ночи.

Впоследствии муж был обязан уделять равное время всем своим законным женам. Об этом говорит 84-й хадис Сахиha Муслима: «Передается от Умм Салаямы, да будет доволен ею Аллах, что Посланник Аллаха, женившись на Умм Салаяме, провел с ней три ночи и сказал: "Твой господин никогда не увидит тебя. Если хочешь, я проведу с тобой семь ночей. Но, если я проведу с тобой семь ночей, я должен буду провести по семь ночей с (каждой из) своих жен"»¹⁸.

За первой брачной ночью следовала валима с приглашением гостей — родственников, соседей и друзей молодоженов. Арабское слово «валима» происходит от корня «валам», что буквально означает «собирает все». Арабы использовали это слово для обозначения праздничной трапезы, на которую собирали гостей. Позднее данный термин стали относить преимущественно к празднованию

бракосочетания. Считалось, что принятие приглашения на это празднование является обязанностью правоверных мусульман, поскольку целью валимы является различие брака от прелюбодения, и это достигается присутствием на ней гостей. Эта обязанность подкреплялась текстами хадисов: «Если кого-то из вас пригласили на свадебное празднество (валима), вы должны принять приглашение» (Сахиx аль-Бухари, хадис 4878). Отказ от приглашения считался большой обидой для хозяина стола. «Передается от Абу Хурайры, да будет доволен им Аллах, что он сказал: "Пророк сказал: "Худшая пища — пища свадебного угощения, на которое не допускается тот, кто может прийти на него, и приглашается тот, кто отказывается от него. Кто не откликнется на приглашение, тот поистине ослушался Аллаха и Его Посланника"»¹⁹.

Свадебные столы накрывались согласно с обрядами валимы. Строжайше были запрещены какие-либо алкогольные напитки и блюда из свинины, но в остальном было изобилие всевозможных ароматных восточных блюд, фруктов и сладостей. Мужчины и женщины веселились раздельно, в специально обустроенных для них помещениях. Гости обычно было много, на некоторых свадьбах их число переваливало за тысячу. Все они оживленно общались, пели и танцевали.

Свадьбы султанских дочерей и сестер отличались особой пышностью и могли продолжаться неделями. Так, например, валима дочери султана Мехмеда IV (1642–1693) Хадидже и султанского казначея Ибрагим-паши длилась 18 дней. На торжествах давались представления артистов и проходили состязания борцов, постоянно звучала музыка, выступали танцовщицы. Ночное небо расщевивалось фейерверками, между минаретами мечети Сельмийе была натянута проволока, и на ней показывали свое искусство акробаты.

Следует отметить, что брак с дочерью султана мог быть только моногамным и мужья не могли брать себе в жены или наложницы других женщин. Вопреки всем мусульманским традициям в этих

¹⁷ Шаих Рабъуль Сады благоуханный... С. 94.

¹⁸ Ибн аль-Мунъир. Мухтасар Сахиx Муслима. Т. 1. С. 500.

¹⁹ Там же. С. 494.

семьях господствующее положение занимала жена, а муж был у нее в подчинен. Так, например, интимная жизнь была под контролем и определялась желанием султаны. Муж мог войти в спальню своей высокородной супруги только с ее разрешения и должен был буквально вползть к ней на ложе.

Дочери султанов имели право разводиться и снова выходить замуж по своему желанию. Так, дочь султана Ахмеда I Айша-султан была замужем шесть раз, а ее младшая сестра Фатьма-султан сменила двенадцать мужей. Последний раз она вышла замуж в возрасте 62 лет, задва года до своей смерти. Дорогие свадебные подарки женихов султанских дочерей перечислялись на многих листах и состояли из столовой утвари и подсвечников из золота и серебра, сотен бриллиантов, множества ковров, занавесей, парчи и прочих драгоценностей. Кроме этих свадебных подарков женихи султанских дочерей обязаны были построить своим невестам дворец.

Во всех остальных мусульманских семьях царил совершенно другая атмосфера. По окончании вадими у новобрачных начинались будни обычной семейной жизни, где жены находились в приниженном положении и зависимости от воли своих мужей.

Супружеские отношения

Семья в исламе отражает структуру государства, в котором по законам шариата предусмотрен один хозяин, поэтому муж несет бремя ответственности за семью. Исходя из этого, в семейной жизни утверждалось верховенство мужчины, но при этом отношение мужей к женам достаточно строго регламентировалось аятами Корана, хадисами и правовыми нормами шариата. Законом устанавливались взаимные права супругов и ответственность за пренебрежение своими обязанностями. Так, например, муж обязан был содержать жену, оказывать ей внимание. В случае воздержания из-за долгого отсутствия ему предписывалось ублажать жену не меньше недели. При наличии нескольких жен ему

запрещалось выказывать ласки одной жене в присутствии другой. Шейх Хорасана Мухаммад ибн Хиббан ат-Тамими ад-Дарими аль-Бусти в своем сахихе предупреждал: «Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: "Кто имел двух жен и не относился к ним одинаково справедливо, тот встанет в Судный День согнутым"» (Сахих ибн Хиббана, ч. 10, хадис 4207). При этом жена должна была во всем повиноваться мужу. Заслушивание он имел законное право бить ее палкой, толщина которой не превышает толщину его большого пальца. За женой признавалось право обращаться в суд с жалобой на неисполнение мужем его супружеских обязанностей.

У шиитов, в отличие от суннитов, практиковался временный брак — «мута». Этот брак, как правило, заключался воинами во время длительных походов. После окончания похода отношения могли быть либо продолжены, либо расторгнуты. Женщина, состоящая во временном браке, приравнивалась к законной жене, и ей выплачивался махр. На нее распространялись все обязанности замужней женщины, а ее дети считались законными. Власть над детьми во всех видах семей признавалась за обоими родителями. Но отцовская была важнее.

Мухаммед призывал мужчин быть великодушными по отношению к женам. Имам Муслиб ибн аль-Хаджадж в 851-м хадисе писал: «Передают со слов Абу Хурайры, да будет доволен им Аллах, что пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: "Обходитесь с женщинами хорошо, ведь поистине женщина была сотворена из ребра, а наибольшей кривизной отличается его верхняя часть; если ты попытаешься выпрямить, то сломаешь его, а если оставишь его в покое, оно так и останется кривым, Посему обходитесь с женщинами хорошо!"» (Мухтасар Сахих Муслиб, Книга о браке, гл. 36 «Об обождении с женщинами», хадис 851). Когда мухаджир²⁰ спросили пророка, какой вид богатства они должны приобретать, Мухаммед сказал:

²⁰ Мухаджир — мусульмане, во времена пророка Мухаммеда, в 622 году, переселившиеся из Мекки в Медину. Вместе с ансарями — жителями Медины — мухаджир составляли элиту первой мусульманской общины.

«Благодарное сердце, язык, поминающий Аллаха, и праведная жена, которая поможет тебе в жизни и в религии» (Сахих аль-Джами' ас-сагир, хадис 4409).

Муж обязан был содержать своих жен полностью, обеспечивая их подходящим жильем, едой, питьем, одеждой согласно его богатству.

Аллах Всевышний повелел: «Пусть состоятельный расходует (на жен) согласно его достатку, а тот, кто стеснен в средствах, пусть расходует из того, что даровал ему Аллах. Аллах не требует с человека больше того, чем он даровал ему» (Коран, сура 67 «Власть», аят7).

На мужа возлагалась обязанность руководить женами, поощрять и наказывать их. Положения этого руководства регламентировались Кораном. Так, например, прежде чем применять к непослушной жене телесные наказания, муж должен был сначала наказать ее лишением сексуальных отношений. В Коране сказано: «Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества. И порядочные женщины благоговейны, сохраняют тайное в том, что хранит Аллах. А тех, непокорности которых вы боитесь, увещивайте и покидайте на ложах и ударяйте их. И если они повинятся вам, то не ищите пути против них, — поистине Аллах возвышен, велик» (сура 4 «Женщины», аят 34).

Слова пророка призывали мужей быть снисходительными и проявлять уступчивость ко всему тому, что делает жена, за исключением вопросов религии и чести. Коран, Сунна и шариаз обзывали мужей иметь регулярные сексуальные отношения с женами, чтобы не доводить их до согрешения. Ведь женщина нуждается в мужчине, который ласкал бы ее и удовлетворял ее женские потребности и половое влечение. Об этом говорит вторая сура Корана: «Ваши жены — нива для вас, где вы культивируете ваш посев потомства. Они — ваше поле, где вы культивируете свои чувства и любовь, направленные на достижение цели, ожидая удовольствия и удовлетворения. Ходите на вашу ниву, когда пожелаете, но предварительно делайте что-либо благое и для душ ваших. Вам разрешается иметь нормальные половые сношения с женщинами,

как повелел Аллах. Знайте, что вы встретите Его и будете перед Ним отвечать. Обрадуй верующих великой наградой от Аллаха, если они повинуются Ему» (сура 2 «Корова», аят 223).

Конечно, подобные предписания требовали от мужчин достаточно выраженной сексуальной силы и выносливости. Образцом для подражания в данном вопросе был сам пророк, который регулярно, каждую ночь, по очереди удовлетворял своих жен²¹. Однако не все правоверные мусульмане могли последовать его примеру, поскольку не обладали необходимыми в этом деле качествами. В таких случаях им на помощь приходили сексуальная магия и достижения восточной медицины того времени. Некоторые рец ептыустранения половой немощи были изложены в трактате шейха Нефзауи «Сад благоуханный». «Мужчина, обладающий маленьким членом, но желающий увеличить его или каким-то образом приготовить его для соития, должен растереть его перед конитусом теплой водой — он покраснеет и под воздействием тепла наполнится кровью; он должен смазать свой член мазью из меда и имбиря, хорошенько втереть ее. Затем следует, чтоб женщина поиграла с его членом: ведь он доставит ей удовольствие не только сегодня, но и в последующие дни, поэтому она должна полюбить его. Другое средство состоит из значительного количества перца, лаванды, галанды и мускуса, растертых в порошок и смешанных с медом и имбирем. Член сначала надо вымыть в теплой воде, а затем тщательно натереть его этой смесью: он возрастет в размерах и станет волнующим для женщины. Третье средство — следующее: вымой член теплой водой, пока он не покраснеет и не вознесется. Тогда возьми кусок мягкой выделанной кожи, наложи на нее слой теплой смолы или вара и оберни ею член. Недолгое время спустя он поднимет свою головку, подрагивая от страсти. Затем отложи кожу, а когда член остынет, повтори операцию еще несколько раз: это заставит его стать сильным и мощным. Четвертое средство состоит в использовании пивяков, но непременно живших в воде. Положи в бутылку — сколько их туда поместится, — а затем залей их до верха маслом. После этого поставь бутылку на солнце, пока в ней

²¹ Нивам аль-Мункара. Мухтасар Сахих Муслим. Т. 1. С. 300.

книге «Ихья Улум фль Дин» писал, что жена должна предпочесть своего мужа себе и всем своим родственникам, она должна все время держать себя в чистоте для своего мужа, чтобы он мог наслаждаться ею каждый раз, когда того пожелает. Хадисы сборника «Сахих аль-Бухари» детально регламентировали, как жены должны содержать себя для удовлетворения мужей. Так, 173-й хадис 62-й книги повествует: «Рассказал Джабир ибн Абдулла: Пророк сказал: «Если вы вошли (в свой город) в ночное время (возвращаясь из путешествия), не встречайтесь со своей семьей до тех пор, пока жена, чей муж отсутствовал (в доме), не сбредет свои любовные волосы, а женщина с растрепанными волосами не причешет их». Внешний вид правоверных мужчин и женщин определялся практиками фитры — правильного содержания себя. Фитра как часть культуры противостояла природному животному началу в человеке. Об этом говорит хадис 777-й в 72-й книге «Сахих аль-Бухари»: «Рассказал Абу Хурайра: «Пророк Аллаха сказал: Пять практик характерны для Фитры: обрезание, бритье лобка, избавление от подмышечных волос, стрижка ногтей и укорачивание усов»».

Супружеские отношения в повседневной жизни определялись строгими положениями бытовых гендерных позиций. Дом правоверного мусульманина был четко разделен на мужскую и женскую части. Мужчина как глава семьи мог посещать женскую половину дома и контролировать состояние порядка и взаимоотношений между женщинами. Женщинам же позволялось входить в мужские покои только с целью уборки и в отсутствие там мужчин.

Женские помещения должны были быть изолированы и недоступны для посторонних. Так, во дворцах правящих халифов, знатных сановников и богатых купцов они стали превращаться в гаремы (от арабского «харам» — запретное, священное место) — закрытые и охраняемые жилые части дворца или дома, в которых жили жены, дети и наложницы мусульман.

Гарем

Гарем как явление сложился и окончательно оформился в период правления халифов Аббасидов (750–1258) и стал образцом для всех последующих гаремов исламских владык. Первые Аббасиды в жены брали дочерей христианских владетелей из соседних стран, и те, став членами правящей семьи, имели свое домашнее хозяйство и даже такие же дворцы, как и у родственников халифа мужского пола.

Гарем правителя первоначально предназначался только для содержания рабынь и назывался «Дар-ус-саадет», то есть «Дом счастья». Рабыни, доставлявшиеся со всего мира в Багдад ко двору султанов, были чрезвычайно красивы и многочисленны. По преданию, в гареме халифа Абу Джафара Гарун ибн Мухаммада, более известного как Гарун аль-Рашид (763–809), содержалось две тысячи прекрасных девушек, и каждая из них была счастлива со своим господином. У аббасидского халифа Мамуна (813–833) гарем насчитывал шесть тысяч триста женщин.

Впоследствии, начиная с султана Османской империи Баязида II (1481–1512) и его приемников, правители стали избирать себе жен из числа обитательниц гарема. Эти перемены привели к тому, что гарем превратился в одно из важнейших дворцовых и государственных учреждений, обладавших особой иерархической структурой. Гарем султана отличался особой пышностью и значительными размерами. В нем могли жить до нескольких сотен человек, включая жен, родственниц, детей, наложниц и рабынь верховного правителя. В большом серале Стамбула гарем насчитывал около четырехсот комнат и именовался «Домом радости».

Абсолютным владыкой этого «Дома» был, конечно, господин — муж своих жен и владелец наложниц. Посещение гарема было дозволено только ему и его близким родственникам. За безопасность женщин и сохранение султанской чести отвечали гарем-агалары — кастрированные мужчины-евнухи. Они, в зависимости от типа кастрации, выполняли разные обязанности.

Евнухи с удаленными семенниками обеспечивали охрану внешнего периметра гарема и не допускались в брачные покои. За порядком во внутренних помещениях следили евнухи с полностью удаленными половыми органами. Начальником безопасности гарема был главный евнух — дар-ус-садет агасы. Это была очень высокая и почетная должность. По рангу государственных чиновников начальник охраны гарема шел третьим после великого визиря — садразама и шейх-уль-ислама — главы духовной исламской иерархии.

В гарем девушки попадали следующим образом: или посредством официального сватовства султана, и в таком случае они становились его женами, или их похищали во время набегов и как военные трофеи продавали на рынке невольниц. На рынок женщины в изобилии доставлялись пиратами, захватившими их в абордажных сражениях. «Самые высокие цены на женщин для гарема были в правление любвеобильного султана Мурада III (1574—1595), который жаждал постоянно обновлять свою «коллекцию» красавиц»²³. Иногда красивых девочек в возрасте пяти-семи лет покупали у бедных родителей, которые, продавая свою дочь, отказывались от всех прав на нее.

Более всего ценились девушки с Кавказа, которых османы считали потомками амазонок. Их гордый нрав и смелость, унаследованные от древних воительниц, а также выразительные глаза и гибкие, упругие тела были чрезвычайно привлекательны. Именно такая женщина могла стать достойной женой султана и родить ему достойного наследника. За юными горячками велась настоящая охота. Их долго выслеживали и в нужное время совершали отвлекающий налет. Мужчины, увлеченные преследованием врага, покидали аул, чем умело пользовались грабители. Намеченную жертву, связанную, в мешке, увозили на чужбину. Именно с Кавказа велела привезти жену Сулейману Великолепному его мать, дочь крымского хана Менгли-Гирея, валиде Хамсе. В изобилии в гарем поступали красавицы из

славянских земель и европейских стран. При этом одних насильно похищали, а другие добровольно желали оказаться в неволе. «В XVI—XVII веках итальянок и сицилиек продавали в гарем с их согласия. Скорее всего, это были дамы авантюрного склада, которые воспринимали Сераль как некий сказочный, полный тайн мир, в котором они могут реализовать свои амбиции и страсть к интригам»²⁴.

К выбору наложниц для султанского гарема подходили более изощренно, чем к покупке рабынь для работы. Тело будущей обительницы «Дома радости» должно было быть совершенно, а лицо прекрасно. Покупка наиболее красивых пленниц производилась младшими евнухами, которые доставляли их в сераль, где их красоту и привлекательность оценивали старшие евнухи. Перед тем как ввести невольницу в гарем, ее осматривал главный евнух-кизлярагасы, и если физических дефектов и других недостатков он не обнаруживал, то представлял новую обительницу «Дома радости» на одобрение валиде-султан. Таким образом, султанский гарем, наполненный самыми красивыми женщинами мира, казался земным воплощениемрая.

В гареме могло одновременно проживать от 700 до 1200 женщин. Им прислуживали черные евнухи — карагалар, которых командовал дарюссааде агасы. Капы-агасы, глава былых евнухов — акагалар, отвечал и за гарем, и за внутренние покои дворца (эндерун), где жил султан. Кроме жен повелителя, его наложниц и рабынь в гареме жили его родственники — сыновья (принцы шехзаде эфенди), дочери (принцессы султан) и его сестры.

Отношения среди женщин, проживающих в этой самой удаленной и самой охраняемой части дворца, были жестко структурированы и иерархичны. На самой нижней ступени находились рабыни — джарие или бнкетч. Вначале этот статус самой простой рабыни получала каждая девушка, попавшая в гарем. Джарие никем не имели права командовать и управлять, не допускались к интимной близости со своим повелителем и получали

²³ Дмитриева О. Тайная жизнь гаремов. Ростов-на-Дону; Краснодар, 2010. С. 49.

²⁴ Там же С. 50.

минимальное жалование. В их обязанности входили уборка в помещенных дворца, обслуживание тех, кто находился на более высоком положении в иерархической вертикали, выполнение различных мелких Поручений.

Джарийе в течение первых двух-четырех лет, в зависимости от того, в каком возрасте они попадали в гарем, обучались элементарным навыкам, дворцовому этикету, пению, танцам, знакомились с вероучением ислама и соблюдением религиозных обрядов. Также они учились читать и писать на арабском и местном языках, изучали прикладные дисциплины, к примеру вышивание или игру на каком-то музыкальном инструменте. Это была базовая «начальная школа».

Большинство девушек так никогда и не повышали свой статус, даже проведя в гареме много лет. Те же, кто успешно освоили необходимые навыки, хорошо зарекомендовали себя в выполнении своих обязанностей, получали дополнительное обучение и переходили в разряд «калфа» — обслуживающий персонал дворца.

Они отличались от джарийе тем, что занимались уборкой помещений и обслуживанием привилегированных лиц в качестве профессиональной деятельности, а не дополнительного занятия. Им платили повышенное жалование, они обладали небольшой властью, распоряжались и обучали джарийе, но интимных отношений с султаном при таком статусе они не удаивались. Калфы подразделялись на младших, средних и старших, в зависимости от срока службы. Одна из старших назначалась на должность унгер-калфы — главной распорядительницы всех служанок во дворце. Получить этот пост было очень сложно.

При особом усердии калфы могли добиться статуса «пейк» и тем самым приблизиться и стать помощницей и доверенным лицом обладательниц высших титулов. Пейкам платили очень хорошее жалование, гораздо больше, чем опытным калфам. Их обязывали уважать все остальные наложницы. Этот статус соответствовал почти максимальной позиции в иерархии гарема, которой могла добиться служанка, не имевшая права на отношения с султаном.

Гарем — дом радости

Выше по статусу было лишь положение хазнедар — главного казначея и администратора гарема. Этим высоким титулом могла обладать только одна женщина, и даже беременные фаворитки султана были ниже ее по статусу. Эта должность была бессрочной, и если ее получали, то могли обладать ею до смерти. Получение этой должности было гарантией дальнейшей безбедной жизни, обеспечивающей высокий престиж, хорошее жалование и большое количество подарков.

Хазнедар общалась с султанской семьей и могла в дальнейшем рассчитывать на жизнь за стенами дворца на полном обеспечении. При этом она могла быть лишена своего статуса султаном или главой гарема, если совершала серьезные ошибки. В этом случае ей на смену приходила более подходящая кандидатура. Такой кандидаткой на должность хазнедар могла, при удачном

стечении обстоятельств, стать старшая калфа, но чаще всего ее занимали девушки, имеющие статус пейк или одалык²⁵.

Калфы и джариие могли рассчитывать на замужество после того, как прослужат в гареме не меньше десяти лет. Если была на то милость господина, они становились женами очень успешных сановников, и их дальнейшая жизнь была прилично устроена. у наложницы, ставшей хазнедар, возможности создать свою семью не было.

Не все джариие становились калфами или пейками. Наиболее красивые и сексуально привлекательные, проявившие во время обучения недюжинные способности и таланты, переходили в группу кандидатов на право интимных отношений с султаном. Они назывались «уста», получали увеличенное жалованье и могли двигаться дальше по карьерной лестнице. Им предоставлялось дополнительное образование, где особое внимание уделялось обучению искусству любви, тому, как доставлять максимальное сексуальное удовольствие своему господину.

Эти наложницы были самой многочисленной группой, их количество исчислялось сотнями красивейших женщин. Главной целью каждой из них было завоевать внимание и благосклонность повелителя. Выбор достойнейших претенденток осуществлялся им ежедневно. «По словам посланника Венецианской республики Оттавиано Бона, который был при дворе османов в 1604–1607 годах, султан шептал имена наложниц на ухо распорядительнице, которая и направляла их к нему. Трепещущие от счастья и ожидания девушки выстраивались перед повелителем, он несколько раз медленно проходил взад и вперед, а затем бросал носовой платок перед понравившейся, и та, бережно спрятав драгоценное свидетельство его внимания за пазуху, возвращала платок ночью. ... Счастливую избранницу вели в хаммам (турецкую баню), где готовили для ночи с султаном. Чтобы тело стало гладким, как мрамор, с него удаляли с помощью воска все волосы, дивными благоуханиями умащали кожу и волосы, а затем

²⁵ Одалык — одалиска, проводившая одну ночь с султаном.

под пение и музыку доставляли в спальню султана. Иногда девушку тайно приводил черный евнух»²⁶.

Оказавшись в покоях повелителя, она ложилась на пол и ползла к кровати султана, взойти на которую она могла только там, где располагались его ноги. Если ей не удавалось в достаточной степени ублажить своего господина, то она больше не оказывала ась в числе избранных. В том же случае, если эротические изыски, предоставленные наложницей, понравились султану, она могла стать фавориткой — гюзде. В этом случае господин не ограничивался одной ночью радости и продолжал отношения с наложницей, а это, в свою очередь, открывало ей дорогу к обретению более высоких титулов, увеличению жалованья и получению множества подарков.

Менее удачливые девушки из группы «уста», которые не смогли достаточно впечатлить султана во время интимной связи или вообще не были удостоены возможности сексуальных отношений с ним, получали статус «одалык» и назывались одалисками. Они проживали в гареме на полном обеспечении и имели повышенное жалованье. Если они не соверша и серьезных ошибок, их, как правило, выдавали замуж за высокопоставленных вельмож, для которых получить в жены воспитанницу гарема было весьма почетно и выгодно, ибо за ними давали богатое приданое. В противном случае их ожидала жизнь в гареме в статусе невестребованной старой девы.

Это была печальная участь, уготованная волею судьбы для образованных и красивых женщин. Томление неудовлетворенной плоти на фоне сладострастных радостей их более удачливых соплениц вызывало у одалисок, с одной стороны, душевные муки, пернищ вызывало у одалисок, с другой стороны, подталкивало женщин к поиску других форм удовлетворения сексуальной потребности. А все эти «другие формы» были запрещены, ибо каждая женщина в гареме должна принадлежать только своему господину. Сторонние сексуальные отношения с кем-либо или с кем-либо категорически не допускались. Огурцы, морковь, бананы и другие

²⁶ Дмитриева О. Тайная жизнь гаремов. С. 52

фаллосообразные продукты поступали в гарем исключительно в нарезанном или протертом виде. За возникновением лесбийских отношений зорко следили евнухи, и уличенные в подобном преступлении женщины подвергались жестоким наказаниям, а то и смертной казни.

Стать фавориткой стремилась каждая наложница, но лишь единицы смогли получить данный статус — поскольку количество фавориток было ограничено, султан мог иметь только четырех флюде. Те, кто добились этого положения, освобождались от всяких дел и работ, которыми занимались в гареме остальные наложницы, каждой из них выделяли двух служанок и отдельную комнату.

Если наложница беременела, то она переводилась в разряд счастливых — «икбал» — и ей оказывалось гораздо больше почета, чем другим наложницам, но, если она теряла плод, ее карьера в гареме рушилась — наложницу могли перевести в категорию «одалык». Ради осторожности и для удобства икбал их перемещали в более просторные удобные покои и в два раза увеличивали количество служанок. После рождения сына икбал могла получить статус жены султана — кадын-эфенди, и тогда ей полагались отдельная комната и ежедневное меню из 15 блюд, а также множество рабынь-служанок.

Женами султана, как правило, становились свободные девушки из знатных османских семей или даже представительницы иностранной аристократии. В редких случаях статуса кадын-эфенди достигали наложницы. Каждая кадын-эфенди имела собственные обширные и богато убранные покои, ладьи, кареты, драгоценности, огромный гардероб, денежное содержание, евнухов и рабынь. Султан кроме вручения подарков и оказания других знаков внимания был обязан ежедневно в ночь с пятницы на субботу делить ложе с одной из жен. Эти женщины составляли самую влиятельную часть гарема. Мать первого сына — Баш Кадын-эфенди — считалась старшей женой и пользовалась большим почетом.

Жены, в значительной степени влияющие на дела государства, могли получить почетное добавление к своему имени — «султан».

Такое влияние женщин было особенно ярко представлено в период с 1521 по 1656 год. Историки называют это время «женским султанатом», когда обительницы гарема, обладавшие высшими титулами, активно вмешивались в политическую жизнь страны. Наиболее известными из них были Хюррем-султан, Нурбану-султан, Сафие-султан, Кёсем-султан и Турхан-султан. Кроме жен этим статусом обладали сестры и дочери султана, которым он давался по праву рождения и сохранялся за ними даже после замужества. Для женщин титул «султан» считался одним из высших, который мог быть им присвоен в Османской империи.

В 1521 году султан Сулейман I ввел для своей законной жены Хюррем титул «хасеки султан», что буквально означало «самая любимая жена». Обладательницей звания «хасеки» могла быть только одна женщина. Ее положение было выше статуса женщины, имеющих титул «султан». Хасеки получала жалованье, равное примерно 30 тысячам акче в месяц, ей доставались лучшие ткани, меха и драгоценности. Она также имела большой штат прислуги и даже в случае смерти султана продолжала получать выплаты из казны.

Выше хасеки по статусу была только одна женщина — валиде-султан, мать правящего падишаха. В Османской империи не было более высокого титула для женщины. Его присваивали пожизненно или до той поры, пока действующим султаном был ее сын. Первой данного титула была удостоена Айше Хафсе Султан — мать Сулеймана Великолепного. После нее этим титулом обладали только двадцать три женщины.

В ведении валиде было управление гаремом. Она пользовалась большим уважением и влиянием как во дворце, так и за его пределами, могла активно вмешиваться в государственные дела. Валиде-султан имели доход с султанских земель в различных частях империи, владели летними и зимними поместьями, а также получали дорогие подарки от османской знати и послов иностранных государств. За пределами дворца делами валиде управляла глава белых евнухов (бабуссаде агалары). Глава черных евнухов (дарюссаде агасы) следил за вакуфами — финансовыми фондами, учрежденными валиде в Стамбуле, Мекке, Медине и Иерусалиме.

Интриги и коварство

Такая строгая иерархия помогала поддерживать в гареме, в этом женском царстве, определенный порядок и дисциплину. Хотя в среднем нередко случались конфликты и «войны» разного масштаба. Порядок поддерживался также и чрезвычайно строгими мерами, за малейшую провинность женщины подвергались мучительным телесным наказаниям. Для истязаний виновных в гареме имелась специальная комната. «В ней находились всевозможные орудия: ременные плети, веревочные плети, длинные прутья, лежащие в воде для сохранения гибкости, волосяные щетки, стальные цепочки, снабженные более или менее тяжелыми гирями, и так далее; посреди комнаты стояла скамья, на которой наказывают, довольно широкая и снабженная кольцами, крючками, веревками и ремнями»²⁷. При незначительных проступках, как правило, назначалось не более двадцати ударов плетью или розгами по обнаженному телу. При этом удары наносились таким образом, чтобы кожа оказалась неповрежденной. Для этого удары не должны были попадать в одно и то же место. Если проступок был более серьезным, назначалось большее количество ударов, но тогда, для сохранения кожного покрова, провинившихся секли через мокрые простыни. Если женщины во время экзекуции теряли сознание, их погружали в холодную воду и затем вновь продолжали истязание. Если вина несчастных была еще более тяжелой, о сохранении кожи не заботились. В таких случаях женщин раздевали и привязывали к стене или колонне с поднятыми вверх руками. Удары наносились не по спине, а по передней части туловища, так как при этом они были более чувствительны и болезненны. При подобных экзекуциях бывало, что женщин забивали до смерти.

Другим видом истязаний были пытки с использованием животных. «Несчастную женщину полностью обнажали, а затем надевали на нее просторные шаровары или мешок. Туда

помещали одну или несколько разъяренных кошек и завязывали так, чтобы животные не могли выбраться. Пытка начиналась, когда женщину погружали в воду. Кошки сходили с ума от страха и в панике начинали яростно терзать плоть несчастной жертвы»²⁸.

Пытка начиналась, когда женщину в мешке с кошачьи погружали в воду

В случае если вина была особенно тяжела и вызывала гнев повелителя, жертву помещали в кожаный мешок с камнями, отвозили на лодке подальше от берега и бросали в воды Босфора. Таким образом, жизнь в гареме была полна опасностей, но при этом она и давала возможность сделать головокружительную карьеру.

²⁷ Маневич И. А. Гарем. Красота, любовь, тайна. М., 2012. С. 30.

²⁸ Там же. С. 35.

Путь к вершинам власти был труден и опасен. В конкурентной борьбе женщины не останавливались ни перед чем, в ходу были лжесвидетельства, оговоры, интриги и убийства. Примером такой борьбы может служить история жизни любимой жены султана Сулеймана Великолепного — Хуррем Хасеки-султан, известной как Роксолана.

Настоящее имя Хуррем-султан — Анастасия Гавриловна Ливская. Эта украинская девушка была дочерью православного священника — отца Гаврилы из небольшого городка Рогатин близ Тернополя. В пятнадцатилетнем возрасте ее захватили как военную добычу татары во время одного из набегов на украинские земли. Угнавший Анастасию в полон крымский мурза подарил ее высокопоставленному турецкому сановнику Рустем-паше. Паша, оценив по достоинству красоту и привлекательность молодой украинки, дал ей новое имя — Роксолана²⁹ — и отправил в качестве дара своему повелителю султану Сулейману I.

Юная наложница прошла в гареме традиционный курс обучения языку, музыке, танцам, мусульманским обрядам и искусству любви. Дочь православного священника добровольно приняла ислам, быстро научилась хорошо говорить по-турецки и овладела другими языками. Роксолана была необычайно умна, очень одарена, образованна и идеально усвоила курс эротических дисциплин, в которых ее наставляли гаремные евнухи. В результате девушка прекрасно вписалась в сложный и жестокий мир «Дома радости». За свою сексуальную привлекательность, веселый и независимый нрав она получила второе имя — Хуррем (смешливая).

«Внимание повелителя она привлекла не сразу, но однажды, как написал личный биограф Сулеймана, «похаживая между черкешенками и грузинками, девушками, чья красота считалась классической, султан внезапно остановился перед нежным

²⁹ Роксоланами, или роксанами, в древности называли сарматские племена, во II–IV веках н. э. кочевавшие в степях между Днепром и Доном. Начиная с VI столетия о них нет никаких исторических сведений, но в Средние века роксоланов многие считали прародителями славян. Это и обусловило выбор нового имени для Анастасии.

и милым лицом». «Он опустил взгляд на лицо, поднятое к нему, лицо без видимой красоты, но с искуственной улыбкой, — продолжает биограф, — зеленые глаза, затененные длинными ресницами, обращались к нему не только шаловливо, но и дерзко. И он, видевший столько взглядов, полных страсти, муки и унижения, неожиданно поддался тем смеющимся глазам девушки, которую в гареме называли Хуррем»³⁰.

Султан оставил на ее плече свой легкий, как паутинка, платок, приглашая новую наложницу в свою опочивальню. По одной из легенд, очаровав собой повелителя, она попросила у него разрешения посещать султанскую библиотеку. Сулейман был шокирован, но разрешил, а когда он через некоторое время вернулся из военного похода, Роксолана владела уже несколькими языками и обширными познаниями в разных областях науки. С этого началось ее невиданное возвышение. Вначале она стала фавориткой султана гюзде, после рождения ее первенца Мехмеда она поднялась до статуса икбал, а затем возвысилась и до ранга кадын-эфенди — третьей жены, одной из самых влиятельных фигур «Дома радости». За пять лет Хуррем родила султану четырех сыновей и дочь, чем еще более укрепила свои позиции на подступах к власти. Однако, согласно османским законам, наследником престола считался шехзаде Мустафа — старший сын Баши кадин-эфенди, черкесской красавицы Гюльбахар Махидевран-султан, родившей султану трех здоровых и крепких мальчиков. Трон Османской империи должен был перейти к Мустафе, а это грозило смертельным приговором для сыновей Роксоланы, которых по установившейся традиции новый повелитель должен был уничтожить. Этот обычай, узаконенный еще Мехмедом Завоевателем (1451–1481), позволял возшедшему на трон султану убивать всю мужскую половину своей семьи, дабы избежать междоусобиц войн. В те времена данный закон неизбежно исполнялся всеми правителями империи. В 1595 году Мехмед III (1595–1603) по наущению своей матери Баффы казнил девятнадцать своих братьев, включая младенцев. Не пожалел

³⁰ Дмитриева О. Тайная жизнь гаремов. С. 96.

и неродившихся: семерых беременных наложниц по его приказу утопили в Мраморном море.

Так по страшным планам гарема Гюльбахар становилась смертельным врагом Роксоланы. Между двумя женами султана развернулась жестокая борьба за будущее своих детей. При этом следует отметить, что Гюльбахар прославилась в гареме тем, что хладнокровно отправляла на тот свет несколько десятков своих служанок и рабынь с их детьми, утопив их в кожаных мешках с камнями в водах Босфора. За свою жестокость она получила имя Босфор-султан.

Роксолана повела свою борьбу неторопливо и изобретательно, плетя интриги и одновременно стараясь быть все более желанной и нужной повелителю. Она хотела добиться назначения наследником престола одного из своих сыновей. Сделать это было необходимо и для спасения жизни детей, и для собственной безопасности. Став матерью наследного шехзаде, она получила бы доступ к статусу валиде-султан. К 1526 году напряженность в отношениях между Хуррем и Гюльбахар достигла критической точки и вылилась в грандиозный скандал. «Разъяренная Гюльбахар не выдержала, увидев, как Роксолана победоносно шествует в спальню Сулеймана (не исключено, что та сознательно сделала это на виду у первой жены султана, дабы спровоцировать ее), бросилась на соперницу и начала яростно избивать ее. Лицо Хуррем сильно пострадало во время схватки, но ситуацию она сумела обернуть себе на пользу. Она закрылась в своих покоях, ссылаясь на изуродованное лицо, и отказывалась явиться на зов султана. Это был немислимый для гарема акт непослушания, и Хуррем проявила редкое бесстрашие, ибо рисковала жизнью. Она продолжала упорствовать, лишая султана своих ласк и требуя, чтобы Сулейман объявил ее своей официальной женой, разделив с ней не только ложе, но и власть. И грозный повелитель империи покорился. Чтобы умиловить Роксолану, он удалил Мустафу, назначив его правителем дальней провинции. Вместе с ним покинула гарем и Гюльбахар, отправленная вслед за сыном. А затем, дабы подтвердить свою верность любимой, султан распустил гарем и женился на Роксолане, чего не делал до него

еще ни один султан»³¹. Свадьба стала грандиозным в сенародном праздником с фейерверками, пирами и раздачей подарков. Гостям дарили подсвечники, столовую утварь из золота и серебра, ювелирные украшения с бриллиантами, а также ковры, занавеси, парчу и много других ценных вещей. Торжества включали в себя различные представления. Перед гостями выступали артисты, состязались борцы, звучала музыка. На ипподроме, украшенном позолоченной решеткой и гирляндами, проходили турниры христианских и мусульманских воинов, народу показывали диких зверей, включая диковинных жирафов. Эта свадьба своей пышностью превзошла все торжественные церемонии, посвященные событиям государственной важности.

Послы иностранных держав, сообщая своим государям новость о неслыханной на Востоке моногамии султана, способствовали повышению его авторитета при европейских монархических дворах. Цель мудрого Сулеймана — стать легитимным и уважаемым правителем среди монархов Европы — была достигнута. Роксолана, обретя невиданную ранее власть и пользуясь неограниченным влиянием на султана, взялась за физическое уничтожение всех принцев крови, кроме наследника. Вскоре все негодные ей шехзаде были мертвы. Хуррем установила нормы строжайшего этикета для гарема и всего двора, чем заслужила крайне негативное отношение к себе со стороны высших сановников государства.

Сулейман Великолепный полностью попал под влияние своей прелестной, умной и жестокой жены. По мнению современников, она его околдовала, за что ее при дворе называли за глаза не иначе как ведьмой, но открыто никто не роптал. Ее боялись не напрасно — султанша не терпела рядом с собой никого, кто имел какое-либо влияние на ее мужа. Так, одной из жертв Роксоланы стал близкий друг и соратник Сулеймана, главный визирь империи и муж его сестры Ибрагим-паша Паргады. В 1536 году он, по тайному распоряжению Хуррем, был задушен во сне в своих покоях. Другой жертвой Роксоланы стал сын ненавистной ей

³¹ Дюмурья С. Тайная жизнь гаремов. С. 97–98.

Гюльбахар — наследник престола Мустафа. Придумав хитроумный план интриги, она стала методично внедрять его в жизнь. Для начала она выдала свою двенадцатилетнюю дочь замуж — за своего давнего благодетеля пятидесятидвухлетнего Рустем-пашу. Паша занимал пост великого визиря Османской империи и был наставником Мустафы. Со стороны Хуррем это выглядело как знак благодарности ему за оказанные ранее услуги. Ее дочь была удивительно хороша собой, и Рустем-паша был безмерно счастлив и горд оказанной ему честью, он стал даматом — зятем султана. Однако его молодая красавица-жена оказалась орудием в ловких руках своей матери. Регулярно получая от дочери нужные ей сведения, она привлекла на свою сторону зятя и вместе с ним сфабриковала доказательства измены Мустафы. Представив Сулейману данные о заговоре его сына с целью свержения султана, Хуррем направила гнев отца на сына, что в конечном счете привело к их столкновению. Во время первой турецко-персидской войны дамат Рустем-паша убедил Мустафу примкнуть со своим войском к армии султана. Затем он сообщил повелителю о том, что шехзаде Мустафа идет со своими янычарами убивать отца. Сулейман поверил в то, что его жизни угрожает опасность, и приказал казнить своего сына. В октябре 1553 года шехзаде Мустафу убили в шатре султана.

По другой версии, Роксолана действовала в одиночку и оговорила в подготовке заговора шахзаде Мустафу вместе с даматом Рустем-пашой. Пашу арестовали и подвергли жесточайшим пыткам, после которых он признался в участии в заговоре Мустафы и его братьев. В результате его лишили звания великого визиря и обезглавили. Вскоре после смерти Мустафы были удушены все его сыновья, а Гюльбахар сошла с ума от горя.

В 1541 году, после пожара в гареме, Роксолана со всем своим окружением переехала во дворец султана, куда женщинам входило категорически запрещалось. Так она стала постоянно находиться возле Сулеймана, в непосредственной близости от центра власти. Когда правитель объявил ей о своем желании построить для нее отдельный дворец, она, понимая опасность своего отдаления от султана, прибегла к хитрости. Роксолана

попросила Сулеймана заказать известному архитектору Синану постройку мечети, которая носила бы имя султана. Идея поиравилась, и деньги, приготовленные для постройки дворца, пошли на строительство мечети. В результате этой хитрости Хуррем осталась жить во дворце, а в Стамбуле этой хитрости Хуррем шедевр — мечеть Сулеймание.

Она была образованнейшей женщиной своего времени, по ее инициативе в Стамбуле были построены еще несколько мечетей, баня и медресе. Ее влияние на султана было огромным, а его доверие к ней — безграничным. Хуррем Хасеки принимала иностранных послов, отвечала на письма иностранных правителей, влиятельных вельмож и художников.

Укрепляя свое положение, Роксолана убедила правителя назначить наследником престола своего слабохарактерного и трусливого сына Селима. С одной стороны, она полагала, что мягкий и добродушный Селим пощадит и не станет убивать своих братьев. С другой стороны, видя слабость сына и его пристрастие к алкоголю, она рассчитывала на его полную покорность своей воле. Надеясь стать валиде-султан, Роксолана мечтала обрести всю полноту власти в великой Османской империи. Она, проявляя несвойственную ей мягкость, потворствовала пороку сына. Когда тот в 1566 году, после смерти Сулеймана, занял отцовский престол, народ вполне заслуженно стал называть его Селим-пьяница. Его влиятельная мать не дожила до этого дня. Она умерла в 1558 году на пятьдесят третьем году жизни, так и не став валиде-султан.

В отличие от императорского дворца, в домах знати и богатого купечества гаремы были меньше, но жизнь в них была организована на тех же принципах, что и в султанском гареме. И там кипели такие же нешуточные страсти, плелись коварные интриги, раздавался радостный смех и лились слезы. Конечно, содержание гарема обходилось очень дорого, и его могли позволить себе только правители, знатные сановники и самые богатые купцы.

В семьях простоялюдинов отношения были проще. Жены обычно занимались домашним хозяйством, рукоделием и ткачеством.

обращивали семейные земельные наделы и помогали мужьям в их ремесле. Но и там коварство женских интриг, без должного контроля со стороны мужа, могло создавать для него серьезные проблемы. Об этом в стихотворной форме от имени Балу, гостя султана, повествовал шейх Нефзауи:

И Балу начал новое свое поэтическое сказание:

— В сиду моего невестства дважды мне жениться выпало.

— Но о чем же твои жалобы, муж своих достойных жен?

— Думал, буду между ними я, словно маленький ягненок, что у двух овецек ласковых ищет нежность и тепло.

Но наделе стал бараном я между двух шакалиц яростных.

День сменяет ночь — и сызнова ночь сменяет тяжкий день,

Но не смог ни днем, ни ночью я из ярма их шеи вытянуть,

Ибо, уславив одну из них, должен тут же мчаться к другой.

Не сбегать мне от двух этих фурий! Заклинаю: уж если решили

Вы жениться — женитесь однажды.

И с одною-то жить равносильно

Содержанию армии целой.

Ну а лучше — совсем не женитесь,

Не давайте опутать вам руки!¹²

В бедных семьях, не обладающих средствами на содержание гарема, женщины пользовались относительно большей свободой. Они могли выходить за пределы дома по мере хозяйственной надобности, посещать рынок и хаммамы¹³ или гулять с подружками-соседками. В отличие от простолодюнок, в гаремах на женщин не возлагались домашние обязанности. Этим занималась прислуга. Женщины в таких семьях вели более замкнутый образ жизни и на улице появлялись в сопровождении мужа, слуг или рабов, не имели права есть в присутствии мужчин, совершать вместе с ними молитву, сидеть в присутствии мужчин и говорить

¹² Шейх Нефзауи. Сад благоуханный... С. 35–36.

¹³ Хаммам — общественная горячая баня. Хаммамы обслуживали мужчины и женщины раздельно.

с незнакомыми. Получать образование и трудиться вне дома они могли только с разрешения мужа. Тем не менее все эти предосторожности не могли гарантировать мужьям верности их жен.

Родительские обязанности

Второй столь же важной задачей в жизни жен, как и удовлетворение сексуальных потребностей мужа, было рождение детей. Этому уделялось значительное внимание в священных текстах Корана и Сунны. Ради воспроизведения потомства мужчинам запрещалось прерывать половой акт без особого разрешения на то их законных жен. Пророк Аллаха, как было сказано в одном из хадисов, назвал прерванный половой акт незаметным погребением ребенка заживо¹⁴. По этому поводу в Коране сказано, что жены являются «полем для посева», и потому мужское семя обязательно должно быть излито в вагину. Это подтверждается и хадисами книги «Сахих Муслима», где мужчине позволено иметь сношение с женщиной спереди и сзади, но при обязательном условии семяизвержения в ее вагину (хадис 3365). При этом строжайше запрещалось иметь анальное соитие с законными женами. Об этом, в частности, говорится в 2157-м хадисе 11-й книги Сунаана Абу Дауда: «Рассказал Абу Хурайра: Пророк (мир ему) сказал: тому, кто имеет сношения с женой через ее анус, проклятие».

Для того чтобы в семье был зачат ребенок нужного пола (как правило, таковым оказывался мальчик), использовались определенные предписания сексуального поведения. Так, например, по завершении полового акта правоверному мусульманину рекомендовалось не тропиться покидать брачное ложе, а неторопливо подняться справа от женщины, ибо если она зачала, то должен родиться мальчик. Ну конечно, если на то будет воля Аллаха.

¹⁴ Имам аль-Муншир. Мухтасар Сахих Муслим. Т. I. С. 498.

О Господь мой! Именем Пророка молю тебя произвести из этого плода мальчика!

О подобных способах писал и шейх Нефзауи: «Мудрецы и ученые (да смилуется над ними Господь!) говорили: "Если кто возложит руку на лобок беременной жены и произнесет следующие слова: 'Во имя Аллаха! Да пребудет он милостив к Пророку, и да пребудет с ним молитва Пророка. О Господь мой! Именем Пророка молю тебя произвести из этого плода мальчика', — молитва эта достигнет слуха нашего Господа и придется по душе господину нашему Мухаммеду (да пребудет с ним хвала и милость Аллаха) — и жена породит тебе мальчика»³⁵.

Таким образом, с точки зрения ислама рождение ребенка и его пол определялись в первую очередь волей Аллаха и желанием отца, а уже во вторую очередь стараниями матери. Такая же иерархия ответственности наблюдалась и в вопросах воспитания. С утверждением новой религии в арабском мире выработались четкие правовые нормы, определявшие цели и формы семейной жизни правоверных мусульман. В хадисах имама аль-Бухари:

³⁵ Шейх Нефзауи. Садблагочинный... С. 95.

повествуется, что пророк Мухаммед говорил: «Каждый из вас является пастырем и ответственным за свою паству. Имам является пастырем и ответственным за свою паству. Человек — пастырь в своей семье и ответственный за свою паству. Женщина является пастырем в доме своего мужа, и она ответственна за свою паству, слуга является пастырем в имуществе (деньгах) своего хозяина, и каждый будет спрошен об этом» (Сахих аль-Бухари, хадис 2409).

Слова посланника Аллаха стали основой воспитания детей в каждой семье и общине. На них опирались и все последующие богословы, проповедующие нормы жизни мусульманской семьи. Так, ученый-суфист, хадисовед IX века аль-Хаким ат-Тирмизи передавал слова пророка о родительском долге: «Если кто-либо из вас будет воспитывать как положено (в соответствии с шариатом) своего ребенка, то ему будет больше блага, чем если он будет каждый день давать милостиво беднякам в размере половины саа».

Обязанность руководить и контролировать воспитание детей возлагалась на отца. Он отвечал за состояние всех членов его семьи перед Аллахом, общиной и родом. Недостойные поступки, противоречившие нормам шариата или адата³⁶, наделали осуждение и позор на весь род. Любые проявления невоспитанности и дурного поведения со стороны жен или детей расценивались как недостойный поступок отца и мужа. Исходя из этого, в семейном воспитании культивировались покорность, скромность и истинная вера. Начиная с пятилетнего возраста воспитание девочек и мальчиков было разделным, что в дальнейшем определяло четкие границы гендерных ролей в отношениях мужчин и женщин и их обязанностей по воспитанию и обучению детей.

Исламский богослов-хадисовед и праведник XIII века имам Ан-Навави в своей книге «Минхадж ат-талибин» утверждал, что для начального попечения и воспитания детей, не достигших возраста мумаййиза, когда они способны понимать обращенную к ним речь, осмысленно отвечать и обслуживать себя, более предпочтительными являются женщины — матери, бабушки, тети и так

³⁶ Адат — совокупность обычаев и народной юридической практики в самых разнообразных сферах имущественных, семейных и т. п. отношений.

далее. Далее опекунами сыновей становились мужчины, начиная с отца и далее по порядку первенства получения наследства. Таким образом, мальчики жили на женской половине дома, пока не овладевали навыками самообслуживания, после чего переходили на мужскую половину под присмотр отца и остальных мужчин.

До возраста мумаййиза, если в семье были представители обоих полов, подходящих для опеки, в первую очередь это право предоставлялось матери, потом ее матери (мать, бабушка, прабабушка и т.д.), а потом уже отцу. Однако если мать была замужем не за отцом этого ребенка, или его дядей, или двоюродным братом по отцу, или племянником, то она не имела права на опеку и воспитание детей от прежнего брака. В случае смерти матери или ее отказа от воспитания ребенка право на опеку переходило к бабушке и далее. Так же поступали и в случае, если мать признавали умалишенной. В случае развода родителей малолетнего сына оставляли под опекой того, кого он выбирал из них. Если он выбирал обоих родителей, то они бросали жребий, а если мальчик не выбирал никого, то предпочтение отдавалось матери. В случае, когда сын, достигший возраста мумаййиза, выбирал мать, ночи он проводил с ней, а дни — с отцом, который должен был заниматься его воспитанием, отдать его в школу и обучить какой-либо профессии. Дочери в случае развода родителей дни и ночи проводили с матерью, а отец мог только посещать их.

Однако если один из родителей оказывался умалишенным, неверующим, невольником или грешником или если мать после развода вышла замуж, то право на опеку автоматически перешло к следующему члену семьи. Так, например, если отец окажется умалишенным, то ребенок должен был выбирать между матерью и дедушкой.

Участие матери в воспитании и обучении дочерей сводилось к ее обязанности обучать их всему необходимому в жизни и религии. В первую очередь девочек готовили к замужеству и выполнению домашних обязанностей, формировали у них главные достоинства женщин — кротость и покорность. Мать обязана была принимать участие и в воспитании сыновей, хотя большая часть этой работы возлагалась на отцов. Особое место в семейном

воспитании отводилось на заданиям отца в изучении Корана и Сунны, а также заучиванию «Аль-Фатиха» — первой суры Корана, которую каждый мусульманин должен был уметь произносить на арабском языке.

С шести лет дети могли посещать школу, где они продолжали изучать Коран, Сунну, положения шариата, а также получали элементарные знания грамматики, счета и основ наук. Школьное обучение сводилось к многочасовым монотонным занятиям и суровым наказаниям за леность и нарушение дисциплины. Более высокая степень образования давалась в создававшихся при мечетях медресе³⁷, где обучение было разделным и бесплатным. Там к элементарным знаниям начальной школы добавлялись углубленное изучение арабского языка, толкование Корана, ознакомление с деяниями пророков, овладение основами исламского правоверования. Сущность воспитания и образования сводилась к выработке у молодежи навыков соблюдения этических норм, стремления к познанию мира и самих себя, к овладению приемами самовоспитания.

Система доступного образования способствовала тому, что исламский Восток в эпоху раннего Средневековья смог достичь огромных успехов в развитии науки, искусства и культуры. Уже в VIII веке при халифе аль-Мамуне (813–833), покровителе наук, в Багдаде появились «Дома мудрости», в которых крупнейшими учеными обсуждались тексты античной философии и велись дискуссии по проблемам богословия и устройства мироздания. В этих «домах» открывались библиотеки, привлекавшие к себе внимание всех заинтересованных в знаниях людей. В 859 году дочь богатого купца, одна из образованнейших женщин Средневековья Фатима аль-Фихри основала медресе Аль-Карауин. Это учебное заведение действует до сих пор и является старейшим университетом на планете.

Несмотря на бесплатность образования, доступ к нему имели далеко не все. В семьях бедных крестьян и ремесленников детей

³⁷ Медресе — мусульманское учебное заведение, выполняющее роль средней школы и мусульманской духовной семинарии.

доволен им Аллах, что у Посланника Аллаха спросили о невольнице, не состоявшей в браке, которая совершила прелюбодеяние. Он сказал: "Если (невольница) совершит прелюбодеяние, то выпорите ее хлыстом. Если после этого она вновь совершит прелюбодеяние, то выпорите ее хлыстом еще раз. Если после этого она вновь совершит прелюбодеяние, то выпорите ее хлыстом еще раз. Затем продайте ее хотя бы за веревку из волос"⁴¹.

Наказание — «кудуд» — было неотвратимым и после вынесения приговора должно было быть исполнено любой ценой, поскольку даже убийство не считалось таким серьезным преступлением, как внебрачный секс.

Однако в реальной жизни, несмотря на всю жестокость и неотвратимость наказания, супружеская верность соблюдалась далеко не всегда и не всеми. Встречались в исламском мире и презренные развратные женщины, несдержанные в разговорах, легкомысленные в отношениях с мужчинами, склонные к ссорам, сплетням и не умеющие сохранять секреты своего мужа. Они рсточали внимание больше другим мужчинам, нежели своим мужьям. О таких женах шейх Нефзауи писал: «Если видите женщину, всегда смеющуюся, склонную к вечным играм и насмешкам, постоянно бегашую к соседям, чтобы вмешаться в их дела, к ней не относящиеся, досаждающую своему мужу бесконечными жалобами, интригующую против него с другими женщинами, играющую в знатную даму, требующую ото всех подарков, — знай, что перед тобой бесстыдная блядь»⁴².

Такая жена была настоящим наказанием для любящего мужа. Об этом свидетельствует хадис Сунаана Абу Дауда (кн. 11, № 2044): «Рассказал Абдулла ибн Аббас: пришёл человек к Пророку (мир ему) и сказал: "Моя жена не останавливает руку мужчины, который ее трагает". Он сказал: "Разведись с ней". Тогда человек сказал: "Боюсь, что мое внутреннее Я ее желает". Пророк сказал: "Тогда пользуйся ею".

⁴¹ Имам аль-Муслири. Мухтасар Саких Муслим Т. 1. С. 610.

⁴² Шейх Нефзауи. Сад благоуханный... С. 86.

Проводив женщин, ревнивый муж терпеливо дожидался их у входа в баню

По мнению ранних исламских богословов, женские козни могли быть неисчислимы и искусны. Своими хитростями они превосходили порою самого шайтана, ибо Аллах всемогущий в стихах двенадцатой суры Корана показал, насколько велик дар вероломства женщин.

Так, например, неверным женам порой помогала ревнивая бдительность их же мужей. Известен рассказ об обманутом муже, который, подозревая жену, требовал от нее постоянного ношения паранджи и всегда сопровождал ее, когда та выходила из дома. Жена регулярно посещала женский городской хаммам. Она всегда шла туда в сопровождении мужа и служанки, которая несла таз, кувшин и тюки с бельем. Проводив женщин, ревнивый муж терпеливо дожидался их у входа в баню. В помещении служанка, будучи в сговоре с госпожой, доставала из тюков новую паранджу, в которой неверная супруга свободно выходила из бани и направлялась на свидание с любовником. Через пару часов она

возвращалась обратно, обмывалась и, надев прежнюю паранджу, выходила на улицу к утомленному ожиданием мужу.

Узаконенная в исламе полигамия неизбежно приводила достаточно большое количество женщин к явной неудовлетворенности своей сексуальной жизнью ивольно или невольно подталкивала их встать на путь обмана и супружеских измен.

Коварство женщин отмечалось поэтами:

Так не слушайте наши отказы и наши обеты.
 Кто б мы ни были — пусть даже дочери мудрых султанов, —
 Жажда эта страшна. И сильнейший халиф из халифов
 Не смирит ее самой могучей и крепкою властью.
 Осторожнее с нашей любовью, мужчины! С дороги!
 Не твердите: «Она — моя верная спутница жизни».
 Не твердите: «Меня она любит безмернее прочих».
 Если я говорю это все, хоть немного лукавя,
 Докажи-ка, попробуй, что в чем-то слова мои ложны!
 Вот что я говорю тебе, полный надежды мужчина:
 Если женщина рядом с тобою в постели, ты можешь
 Знать, что ею любим ты. Но только надолго ли, право?
 Возлежа у нее на груди, ты — бесценный любовник.
 И покуда соитие длится, ты дорог ей, глупый!
 Но лишь только закончишь любовную схватку, как сразу
 Для нее ты становишься полем проигранной битвы.
 Это — правда. И быть тут не может нелепых сомнений.
 Ведь жена получает раба на постели хозяйской,
 И слуга улаживает на ней свою низкую похоть.
 Это часто бывает — и это бесчестно и грязно,
 Но, увы, добродетели женщин не крепки и хрупки.
 Не владай в заблуждение, глядя на это с презреньем.
 Не желай лучше женщины вовсе, коль сердце имеешь...⁴³

При этом надо отметить, что любое, даже самое изощренное коварство женщин не достигало бы своей цели, если бы сексуальные стремления мужчин не были бы столь же коварны

⁴³ Шейх Нефзауи. Сад благоуханный... С. 70.

и изысканны. Вот поэтический образчик такого устремления, изложенный шейхом Нефзауи:

Разделю мужчин на виды в соответствии с делами:
 Кто-то полон жизни, духа — кто-то слезы вечно льет.
 Это значит лишь, что первым улыбается удача:
 Путь их верен, и успехом каждый их отмечен шаг.
 В то же время за вторыми волочится цепь несчастий.
 Мне, единственному в мире, безразлично все вокруг,
 Безразличны чьи-то судьбы — зурок, персов и арабов.
 Мне одно безразлично — и прошу об этом знать:
 Лишь любовь прекрасных женщин — вот венец моих желаний.
 И соитие с любимой — вот стремлений всех предел.
 Если посох мой вне щелки, то судьба моя ужасна:
 В сердце вспыхивает пламень — и его не погасить.
 Погляди на жезл восставший! Посмотри, как он прекрасен!
 Жар любви он усмиряет, гасит плещущий огонь,
 Взад-вперед сную проворно меж твоих прекрасных чресел,
 Благороднейшая дама, счастье, яблочко мое!
 Если только будет раза недостаточно, чтоб пламя
 Погасить твоё, я стану вновь гасить — и погашу.
 Кто попробует попреком оскорбить тебя за это?
 Никогда никто на свете: этим занят целый мир.
 Ну а коль решишь отвергнуть — вон гони меня сейчас же
 С глаз долой. Без сожаления, без сомнения гони.
 Только вспомни, прогоняя, этих слов моих смирение —
 И, во имя Бога, срамом не покрой меня, простив.
 И покуда здесь еще я, слов твоих булат раззащий
 Да падет, сменив угрозы на любовь и доброту!
 Разрешите мне быть с тобою. Не гони меня отсюда.
 Разрешите мне быть с тобою. В жажде дай глоток воды.
 Разрешите глазам голодным посмотреть на эти груди.
 Не бегите игры любовной. Скромность ложную отринь.
 Если ты меня презреньем с головы до ног покроешь,
 Я навеки помнить буду, кто есть я и кто есть ты.
 Дай себя мне. И поверь мне: зла тебе не причиню я.
 Знай: любви мы оба слуги, но в игре главное — ты.

Верь: любовь я нашу скрою. Дам содрать с себя я шкуру,
 Но не разглаголю секретов, вздев намордник на уста.
 Это будет: воля Бога в том, что вот сейчас случится,
 Ибо это Он, как горе, влил в меня мою любовь⁴⁴.

Изысканные льстивые речи мужчин достигали своей цели, и женщины бездумно отдавались живому воплощению своего идеала, о котором поэт написал следующие строки:

Видел женщин я немало тех, которые старались
 Отыскать в юнцах зеленых сумму качеств, что мужчину
 Украшают в цвете силы: красоту, любовь к усладам,
 И уверенность, и силу. Крупный жезл — залог надежный
 Протяженного сонтья. Мощный торс. Трудную клетку,
 Что ложится грациозно на трепещущие груди.
 А еще — неторопливость акта семейзверженья
 Вкупе с долгонзливаньем сладострастия в финале.
 Этот жезл возрастет снова — и опять, и вновь, и снова
 Станет множить обороты в глубине отверстой щелки.
 Вот как он, тот мужчина, что приносит наслажденные
 Каждой женщине — и свято чтим за это будет ею⁴⁵.

Множество женщин в исламском мире нуждалось в мужских ласках и сексуальных радостях жизни, которые далеко не всегда удовлетворялись в их супружеских отношениях. Естественно, что терпение несчастных женщин не могло быть безграничным. Размышляя об этом, шейх Нефзауи описывает разговор правящего халифа Али бен Дирема с красавицей Бедер эль Бедур, похищенной и помещенной в тайный публичный дом: «Да благословит тебя за это Господь, — и, помолчав, вновь обратился к ней. — Как долго женщина может спокойно прожить без соития?» Бедер эль Бедур была смущена, но халиф приказал: «Говори, не конфузяться». И она отвечала: «Здоровая дама высокой породы и крепкой природы может продержаться шесть месяцев. Но слабая женщина невысоких

⁴⁴ Шейх Нефзауи. Сад благоуханный... С. 40–41.
⁴⁵ Там же. С. 23.

качеств и низкого происхождения, не владеющая собою, однажды лишь Аотронувшись до мужчины, только и мечтает, чтобы его живот возлег на ее, а его член погрузился бы в ее фердж⁴⁶».

Для мужчин внебрачные сексуальные отношения были легализованы и считались нормой их повседневной жизни. Мусульмане могли иметь половые связи с рабынями и женщинами иных вероисповеданий. Таким образом, доступными для них женщинами могли быть: военнопленные, купленные за деньги и рожденные в сословии рабов. Представительницы слабого пола часто становились военной добычей и в качестве трофеев доставались доблестным воинам ислама. Так, например, в жизнеописании пророка Мухаммеда, написанном ибн Исхаком, упоминается, что мусульманские воины, нанеся поражение Бин Хавазину, захватили шесть тысяч женщин и детей. Большинство красивых и сексуальных пленниц были распределены среди них. Мухаммед отдал своему приемному сыну Хазрату Али красавицу Раиту. Второму приемному сыну Хазрату Осману дал другую красивую девушку по имени Зайнаб.

Сексуальные отношения с невольницами не имели никаких ограничений. Мединский имам Малик ибн Анас в своем обширном труде «Муватта» (книга 2 «Очищение») писал: «Нет вреда, если мужчина имеет сношение сразу с двумя рабынями до совершения омовения. Не разрешается только иметь свободную женщину на следующий день. Нет также вреда в занятии любовью сначала с одной рабыней, а потом — с другой, если первая расслаблена после секса».

Рабыня, родившая сына от своего господина, получала новый статус и называлась умм аль-валад («мать ребенка»). Свободная наложница в такой же ситуации называлась — умм аль-ибн («мать сына»). В доисламские времена и в первые годы распространения ислама рожавшие рабыни никак не выделялись среди других невольников. Их можно было продавать, менять и дарить.

В середине VII века халиф умар ибн аль-Хаттаб (634–644) изменил это положение и издал закон о том, что если господин

⁴⁶ Там же. С. 72–73.

признавал рожденного невольницей ребенка своим сыном, то она становилась умм аль-валад. Мать ребенка признавалась ограниченно дееспособной и приравнялась к условно освобожденным невольникам — мукатаб, а после смерти господина она вновь становилась полностью свободной. Если рабыня была продана беременной и это обнаружилось после, то сделка признавалась недействительной и невольница возвращалась своему прежнему господину со статусом умм аль-валад. В случае смерти ребенка, по одним правовым школам (мазхабам), умм аль-валад сохраняла свой статус, так как обещание освобождения обратной силы не имеет, а по другим — она снова становилась обычной невольницей, так как сын, бывший условием ее освобождения, умер.

В том же случае, если хозяин рабыни отказывался признавать ребенка своим, она и ее сын оставались обычными невольниками.

В отличие от рабынь, связь со свободными мусульманками ограничивалась и была строгим харамом, поскольку они предназначались для семейной жизни. Замужние женщины обязаны были хранить верность своим супругам, ради обеспечения чистоты продолжения рода.

Развод

Исламское вероучение с неодобрением относилось к разводу. Для Аллаха радостнее всего, когда люди, сплоченные однажды узами брака, живут в мире и любви. При возникновении трудностей и разногласий вера призывала к терпению, размышлению и стремлению сохранить семью. В тех же случаях, когда брак сохранить было совершенно невозможно, развод не являлся грехом. В хадисе сказано: «Самым нелюбимым дозволенным действием для Аллаха является развод».

Так, плохое выполнение женой или мужем своих супружеских или родительских обязанностей, приводящее к семейным конфликтам, могло закончиться разводом. Об этом говорил видный мусульманский богослов Средневековья ше йх Ибн аль-Джаузи:

«Если праведный муж стал порицать жену, то разумная женщина должна проявлять усердие для того, чтобы достичь его довольства и отстраняться от того, что причиняет ему вред. Ведь если женщина станет причинять вред своему мужу или совершать то, что ему не нравится, то это поместит в его сердце тревогу, и может быть так, что при удобном случае он оставит ее или же заменит ее другой» (Ахкам ан-ниса, 69).

Из сказанного следует, что инициатива расторжения брака была в основном прерогативой мужей, и количество разводов шариатом никак не ограничивалось. Причиной для расторжения брачного договора могли быть семь видов физических и умственных пороков у женщин:

- 1) сумасшествие;
- 2) слепота;
- 3) проказа;
- 4) бессилие;
- 5) расслабленность;
- 6) афза (совмещение анального или мочевого каналов с ментруальным);
- 7) такое устройство полового органа женщины, которое делает невозможным половое сношение.

Мужчина мог развестись с одной женой три раза, после чего наступал окончательный развод — «хул'ла», когда эта женщина становится для него запретной. Развод со стороны женщин осуждался шариатом, о чем свидетельствует 1938-й хадис: «Со слов 'Укбы ибн 'Амира и Абу Хурайры, да будет доволен ими Аллах, сообщается, что Посланник Аллаха, мир ему и благословение Аллаха, сказал: "Женщины, добивающиеся развода и разлуки, являются лицемерками"» (Сахих аль-Джами' ас-сагир, 1938).

Жены могли требовать развода через суд лишь в ограниченных случаях, например при невыполнении мужем супружеских обязанностей, его сумасшествии, отступничестве от ислама, его длительном отсутствии или недействительности брака вследствие неправомерности его заключения. При этом, если жена требовала развода по причине мужского бессилия супруга, но тот имел с ней половые сношения, ей доставалась половина калыма в связи

с потерей девственности. Если же муж не имел с ней половых сношений, при разводе она не получала ничего. Также шариадом было предусмотрено, что жене умалишенного может дать развод от ч или дед со стороны отца мужа.

Учитывая этические нормы и психологические факторы, шариат требовал, чтобы разводы по причине физических и умственных недостатков супругов не афишировались. Правовые нормы того времени допускали несколько видов разводов, которые могли быть как временными с испытательным сроком, так и окончательными.

Варианты расторжения семейных уз были достаточно разнообразными:

талак — развод с женой по инициативе мужа, развод по обоюдному согласию или на основании решения шариатского суда;

фасх — развод по инициативе жены, если муж не выполняет каких-либо условий брачного договора. Однако этот вид развода мог быть признанным недействительным, и в случае достижения примирительного соглашения брак возобновлялся;

хула — развод по инициативе жены, после которого брак не может быть возобновлен. Данным разводом жена могла воспользоваться только при наличии уважительных причин, как то: отказ или неспособность мужа выполнять свой супружеский долг, невозможность или нежелание содержать семью. Претензии жены рассматривались судом и если признавались обоснованными, то женщина сохраняла свое имущество и свадебный дар (*махр*). Если же шариатский судья — *кади* — считал причины недостаточными для развода, то жена теряла имущество, полученное ею от мужа (*махр*), и еще должна была выплатить ему компенсацию (*ивад*), которая устанавливалась по соглашению супругов или определялась судом;

лиан — взаимное проклятие, когда муж обвиняет жену в неверности, но не может этого доказать, а жена обвиняет мужа во лжи и клевете. Доказательство супружеской неверности в исламе — дело весьма трудное и практически недостижимое, поскольку суду должны были быть представлены как минимум четыре независимых свидетеля, непосредственно наблюдавшие акт измены. При

отсутствии таких свидетелей суд принимал во внимание клятвы мужа и жены и расторгал брак как непримиримый. Развод при этом являлся окончательным, жена теряла свой *махр*, а муж мог не признать ребенка, родившегося после такого развода;

мубарабах — развод по обоюдному согласию, когда жена теряет право на пользование какой-то частью своего имущества. Результаты раздела имущества и сам развод, как правило, утверждались постановлением шариатского суда.

Кроме перечисленных существовали не признаваемые официальной исламской юриспруденцией виды прекращения супружеских отношений:

зихар — когда муж дает понять жене, что она стала для него как сестра или мать, т. е. запретной для брака;

ила — когда муж приносит клятву не иметь отношений с женой, но не отпускает ее совсем.

В обоих названных случаях для возобновления брачных отношений необходимо принести покаяние (ал-каффара), а иначе жена имеет право на развод *фасх*.

Муж мог развестись без объяснения причин. Достаточно было при двух свидетелях трижды произнести формулу: «*талак*» — и брак считался расторгнутым. Правда, временной интервал между произнесением этих слов был равен одному месяцу. По истечении этого времени муж должен был в делить разведенной жене имущество, она была обязана в течение еще четырех месяцев и десяти дней находиться в его доме и получать то же обеспечение, что и до развода. Последнее было необходимо, чтобы определить, не является ли женщина беременной. Данное предписание содержалось в сурах Корана: «О Пророк! Когда вы даёте развод женам, то разводитесь в течение установленного срока, ведите счет этому сроку и бойтесь Аллаха, вашего Господа. Не выгоняйте их из их домов, и пусть они не выходят из них, если только они не совершат явную мерзость. Таковы ограничения Аллаха. Кто преступает ограничения Аллаха, тот поступает несправедливо по отношению к себе. Ты не знаешь, что Аллах, возможно, после этого решит иначе» (65: 1): «А разведенные выживают сами собой три периода, и не дозволено им скрывать то, что сотворил Аллах в их утробах,

если они веруют в Аллаха и в Последний день. Мужья в течение этого периода имеют право вернуть их, если захотят примирения. Согласно установленному порядку, жены имеют такие же права, как и обязанности, хотя мужья и выше их по положению. Аллах — Могущественный, Мудрый» (2: 228).

В случае подтверждения беременности жена оставалась в доме бывшего мужа до рождения ребенка, который затем оставался в доме отца. Данный период в течение как минимум трех месяцев после развода или смерти мужа назывался «идда». В это время женщина не имела права выйти замуж за другого мужчину. Замужество сразу по расторжении брака дозволялось только женщинам до девяти лет и вдовам старше 50 лет, так как в это время они не могли иметь детей, а поэтому не требовалось ожидать истечения срока, установленного шариатом для разводов.

Таанк! Таанк! Таанк!

Также имели право не ожидать окончания срока идда и выйти замуж сразу же после развода женщины, которые не имели сексуальных отношений с первым мужем. Это их право было закреплено в 33-й суре Корана: «О те, которые уверовали! Если вы вступаете в брак с верующими женщинами, а затем объявляете им развод до того, как вы коснулись их, то они не обязаны перед вами выжидать срок. Одарите их и отпустите их красиво» (33: 49). Разрешение от бремени тоже считалось окончанием идда. Например, если муж дал развод жене и она буквально через час родила, считается, что срок идда истек. По желанию мужа и согласно жене брак мог быть восстановлен.

Под действие правила идда попадали и вдовы, потерявшие мужей. Так, небеременные женщины, у которых умерли мужья, были обязаны по шариату соблюдать траурный срок в течение четырех месяцев и десяти дней и лишь после этого могли выйти замуж вторично. Об этом упоминается в 234-м аяте второй главы Корана: «А те из вас, которые упокоятся и оставят жен — они выжидают сами собой четыре месяца и десять дней. А когда они достигнут своего предела, то нет греха над вами в том, что они будут делать сами с собой согласно обычаю. Поистине Аллах — всеведущ в том, что вы делаете» (2: 234).

Если же после смерти мужа жена оказывалась беременной, то ее траур продолжается до рождения ребенка. В этот период женщины-вдове запрещалось надевать яркие платья, сурьмить брови, украшать себя и свой дом. Даже малейшая ошибка, нарушающая правила соблюдения траура по мужу, считалась недопустимой. Например, если вдова до истечения траурного срока выходила замуж, то ей надлежало развестись с новым мужем и ждать полного истечения траурного срока.

Если муж бесповоротно разволился со своей женой, трижды делая заявление «талак», эта женщина становилась для него полностью «харам» (запретна). Он не мог снова на ней жениться до тех пор, пока она не выйдет замуж за другого человека и не осуществит сексуальную близость с ним, а затем не осуществит развод с ним и не выдержит всего срока идда. Только после того, как развод с ее новым мужем будет иметь место и у женщины

пройдут три цикла месячных, бывший муж сможет снова на ней жениться. Такой порядок утверждался 230-м аятом второй суры Корана: «Итак, если муж разводится со своей женой в третий раз, он не может после этого возобновлять брак с ней, как только после того, как она выйдет замуж за другого мужчину и он разведется с ней. В этом случае нет никакой вины на них обоих, если они воссоединятся при условии, что они чувствуют, что могут держаться в рамках, предписанных Аллахом» (2: 230). То же самое содержалось и в хадисах имама Муслима: «Передается от 'Аиши, да будет доволен ею Аллах, что Рифа' аль-Курази развелся со своей женой, и ее развод стал окончательным. После него она вышла замуж за 'Абд ар-Рахмана ибн аз-Забира. (Однажды) она подошла к Пророку (с.а.с.) и сказала: "О посланник Аллаха! Поистине она была женой Рифа'а, и потом он развелся с ней в последний, третий раз. Затем я вышла замуж после него за Абд ар-Рахмана ибн аз-Забира. Однако, клянусь Аллахом, у него нет ничего, кроме подобного этой бахромке", — и она взяла за бахрому (края) своей верхней одежды. Тогда Посланник Аллаха (с.а.с.) засмеялся и сказал: "Ты, наверно, хочешь вернуться к Рифа'а? Нет, (это не разрешается) дотех пор, пока (другой мужчина, кроме Рифа'а) не попробует твоего меда, а ты не попробуешь его меда"⁴⁷.

Очевидно, такие строгие правила должны были способствовать укреплению семейных уз, и мужчине, прежде чем трижды произнести при свидетелях «талак» в отношении своей супруги, следовало серьезно подумать об этом решении.

Для того чтобы вернуть себе жену после такого развода, правоверные мусульмане, которые недостаточно ответственно приняли решение о разрыве отношений, шли на хитрость. Они нанимали за деньги бедных мужчин, чтобы те заключали с их бывшими женами фиктивные браки и на следующий день разводились с ними⁴⁸.

«Талак» мог быть и условным разводом, предохраняющим жену от неверного поступка, от того, что может вызвать

недовольство и гнев мужа. Например, муж может предупредить жену о том, что она будет разведена, если будет зачата в общении с какой-либо определенной им группой лиц. В данном случае развод начинает действовать с момента нарушения запрета. Если женщина в это время была беременной, то развод откладывается до рождения ребенка. Если в этот период муж передумает разводиться, то ему достаточно сказать жене: «Я вернул тебя».

В случае окончательного развода малолетние дети, как правило, оставались с матерью. Сыновья находились под ее покровительством до семи лет, а дочери — до наступления совершеннолетия. Правда, этот порядок нарушался, когда разведенная женщина повторно выходила замуж. При ее вступлении во второй брак дети переходили под опеку отца.

В древних хадисах упоминается случай, когда разведенная женщина обратилась к пророку со словами: «О посланник Аллаха! Поистине мое чрево было для моего дитяти жильем, а мое молоко было для него питьем, а теперь его отец развелся со мной и хочет забрать его у меня». Мухаммед ответил: «До тех пор, пока ты не выйдешь замуж за другого, у тебя будет больше прав на ребенка»⁴⁹.

Однако эта традиция не была повсеместной. В средневековом Иране после развода дети оставались с отцом, а мать могла общаться с ними только с разрешения бывшего мужа.

Заключение

С появлением в эпоху Средневековья ислама брачные отношения в странах Ближнего Востока обрели свою правовую форму, тем самым сформировались основы традиционного быта и отношений в мусульманской семье. Эти отношения могут восприниматься как достаточно противоречивые, поскольку, с одной стороны, мужчины во всех сферах жизни доминировали над женщинами, а те находились в подчиненном и зависимом

⁴⁷ Имам аль-Муслим. Мухтасар Сахих Муслим. Т. 1. С. 507–508.

⁴⁸ Ариксман А. А. Курды Персии // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. Т. XVII, № 1. Тифлис. 1904. С. 1–30.

⁴⁹ Цит. по: Ивлюк О. История разводов. С. 181

положении. Им отказывали даже в наличии человеческой души и видели в них исключительно объект сексуального удовлетворения и средство для рождения потомства. С другой стороны, женщины в семейных отношениях не были унижены и притеснены. Они распоряжались своим имуществом, имели право на развод и воспитание своих детей. Аллах через своего пророка заповедовал мужьям любить жен и заботиться о них.

С разрешения отцов и мужей женщины могли получать образование и заниматься экономической деятельностью. Успешным предпринимателем была первая жена Мухаммеда — Хадиджа, а другая его жена Аиша была выдающимся ученым-богословом, составляющим хадисы.

Арабский историк XII века Абуль-Касим Али ибн аль-Хасан ад-Димашки (1105–1176) свидетельствовал о том, что в его время существовали большие возможности для образования женщин в исламском мире. Он писал, что женщины могли учиться, достигать академических степеней, а также квалифицироваться как ученые, преподаватели и специалисты в различных сферах деятельности. В исламском Халифате женщины работали в широком диапазоне различных профессий, во всех секторах экономики. Уникальной особенностью больниц была огромная роль сестрини-женщин. В XV веке аль-Шаххави издал двенадцатитомный биографический словарь, который содержал статьи о 1075 мусульманках, успешно занимавшихся научной деятельностью.

В исламской культуре брак не имеет сакрального содержания. Аллах не соединяет мужчину и женщину в нерушимый союз до времени, пока смерть не разлучит их. Семейные отношения возникают вследствие договора и взаимного согласия будущих мужа и жены жить вместе в помощи и заботе друг о друге в соответствии и нормами шариата и требованиями религии. В этом отношении исламская семья обладает здоровым консерватизмом и верностью культурным традициям. Это позволяет ей сохранять устойчивость на протяжении веков и успешно адаптироваться к условиям постоянно меняющегося динамичного мира.

Часть IV

Семейные отношения эпохи Средневековья в Древней Руси

Социальная структура

В III–IV веках родовые общины восточных славян были объединены под властью готов и входили в состав державы Германариха, располагавшейся в Северном Причерноморье. Основная часть этих племен жила на территории Прикарпатья, в устьях Днестра и берегах Днепра. Эти славяне в древних источниках именовались антами, которых византийцы описывали как «высоких сильных людей с красивыми лицами».

Какие-то общины славян входили в состав племен хазаров и аваров. По мнению современных историков, в частности академика Александра Михайловича Самсонова, наши предки были наследниками скифской и сарматской культур. По легенде, изложенной в Иоакимовской летописи, предками русского народа были князь Словен и Рус — сыновья князя Скифа. В «Сказании о Словене и Русе» повествовалось о том, что в 3099 году от сотворения мира, что соответствует 2409 году до н. э., эти два брата со своими родами отправились на поиски новых земель. Покинув берег Черного моря, они через 14 лет достигли реки Волхов, где и основали города Словенск и Руса. Первый позднее стал называться Великим Новгородом, а второй — Старой Руссой. В летописи сообщалось: «Словен же и Рус живяху между собою в любви велице, и княжиша тамо, и завладеша многими странами тамошних краев. Также по ним сынове их и внуцы княжаху по коленом своим и налезоша себе славы вечные и богатства многа мечем своим и луком».

Византийский писатель X века Симеон Метафраст упоминает в своих сочинениях князя Руса как предка русского народа, а его страну — как земли Великой Скифии. Арабо-персидские источники XII века также писали о русах и славянах, ссылаясь на имена Руса и Словена.

Различные исторические источники свидетельствуют о многочисленности и большом разнообразии славянских племен. В них упоминаются кривичи, вятичи, поляне, древляне, тиверцы, ильменские словене и многие другие. Византийский историк Прокопий Кесарийский писал, что они «почитают реки и нимфы, и всяких других демонов, приносят жертвы всем им и при помощи этих жертв производят гадания. Живут в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они по большей части меняют места жительства»¹.

Прокопий описывал жизнь наших предков в V веке, когда началось их расселение в различных направлениях. Об этом писал и выдающийся российский историк, действительный член Российской Императорской академии наук Сергей Михайлович Соловьев. Ссылаясь на тексты первых летописей, он заключает, что «восточные славяне двинулись от хорватов, из нынешней Галиции, прямо на восток до Днепра — это были древляне и поляне. Потом славянское народонаселение стало распространяться на север по правому берегу Днепра; между Припятью и Двиною явились дреговичи, за ними по Двине, опять прямо на север — полочане и, наконец, славяне новгородские. Кривичи пропущены в первом известии; летописец прямо переходит к ближайшим к Киеву северянам, на восточный берег Днепра, к Десне, Семи и Суле. ... Следовательно, если принимать буквально известие летописца, то выйдет, что славянское народонаселение двигалось по западной стороне Днепра на север и потом спускалось на юг по восточной стороне этой реки»².

Летописи сообщают, что первыми славянскими поселенцами в Поднепровье были племена древлян — жителей лесов и полян — жителей подей. Другие племена, продвигаясь дальше на восток, селились вдоль Волги и Оки. С VI по XI век эти социальные образования занимали обширные территории. Так, например, племя кривичей располагалось на землях современных Витебской,

¹ Цит. по: Жестоматия по истории СССР: в 3 т. / подред. В. И. Лебедева. Т. 1. М., 1949. С. 16.

² Соловьев С. М. Сочинения: в 23 кн. М., 1988—2000. Кн. 1. 1988. С. 87—88.

Могилевской, Смоленской, Псковской областей; воинственное племя вятичей жило на территории современных Московской, Орловской, Рязанской и других соседних областей; ильменские словене занимали северо-западные территории от Балтийского моря до Уральских гор. Племена северян, тиверцев занимали южные территории в районах рек Днепра, Припяти, Днестра, Десны и Прута. Древние предания упоминают могущественное славянское племя дулебов, представлявшее собой военный союз множества родов.

В те далекие времена племена были, в первую очередь, военными союзами, которые обеспечивали захват невольников и невольниц, их имущества и земель. Об этом сообщал известный историк, академик Евгений Евсигнеевич Голубинский: «В древнейшее время русские почти исключительно жили нападениями на другие народы и военными грабежами. Главную заботу в этих нападениях составляли пленники и пленницы, вследствие чего у них явилась нарочитая и обширная торговля невольниками и невольницами. ... Относительно этого особого рода товара вошел обычай, что, пока он находился в руках купцов, последние пользовались им сами: положительные свидетельства из X века говорят нам, что каждая продаваемая невольница была для русского, если он только хотел того, и его наложницей, и что это считалось делом вполне естественным и обыкновенным»³.

Военная сила племенных союзов обеспечивала также и безопасность жизни на новых землях при их заселении родовыми общинами. Хозяйственно-экономические связи между родами были незначительны. В «Повести временных лет» об этом сказано так: «...живяху каждо с своим родом и на своих местах, владеюще каждо родом своим»⁴.

Основную часть населения Древней Руси составляли свободные земледельцы — «люди», или «людины», жившие большими родовыми общинами — миром, или вервью. Сообщества эти

³ Цит. по: Блуд на Руси. Свидетельские показания и литературные версии / сост. А. Манаков. М., 1997. С. 11.

⁴ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 9.

управлялись родовыми старшинами и общим сходом и были первичными элементами племен, возглавляемых князьями. Каждая вервь платила своему князю подати, а тот обеспечивал их безопасность. Старшины избирались общим собранием родичей. Эти выборные харизматичные лидеры управляли всеми работами, хранили общественную казну, наказывали за проступки. В священные праздники они приносили жертвы богам и духам предков.

Единство внутри каждого рода и семейный порядок обеспечивались наследованием власти отца — старшего родича. Как правило, таковым преемником становился его старший сын, который еще при жизни отца пользовался большим доверием последнего и являлся главным исполнителем его воли. Отец, будучи при смерти, благословлял его на старшинство после себя, поручая ему семью и род.

«Младшие братья ничего не теряли с этою переменою: старший имел обязанность блюсти выгоды рода, думать и гадать об этом, иметь всех родичей как душу; права его состояли в уважении, которое оказывали ему как старшему; к нему относились во всех делах, касающихся рода; без его ведома и согласия ничего не делалось, он был распорядителем занятий, раздавателем пищи и одежды, он судил и наказывал, но все эти распоряжения и получали силу только при общем согласии, когда все видели, что старший поступает с ними, как отец, наблюдает строгую справедливость; власть, сила старшего основывалась на согласии младших»¹.

Таким образом, общее согласие членов рода было гарантией его старшинской власти. Однако достичь этого общего согласия в реальной жизни удавалось далеко не всегда. Случалось, что младшие братья, будучи несогласными с решением старшего, восставали против него. Возникали раздоры и усобицы, приводившие к распаду общины. Недовольные члены рода покидали вервь и основывали свои поселения, благо свободной земли в те времена было достаточно.

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения: в 23 кн. М., 1988–2000. Кн. 3, т. 5. 1989. С. 92.

К распаду больших общин приводили не только конфликты родичей, но и экономический прогресс, обусловленный развитием новых, более совершенных орудий труда, которые позволяли сравнительно небольшой группе родственников вести самостоятельное хозяйство. Так, развитие средств производства постепенно приводило и к изменению производственных отношений. Отдельные брачные пары с детьми могли обрести хозяйственную самостоятельность. К тому же и естественный прирост населения неизбежно требовал увеличения жизненно необходимых ресурсов — расширения пахотных земель, пастбищ и охотничьих угодий.

Так, в результате совершенствования орудий труда и освоения новых земель малые семьи приобретали хозяйственную независимость от своего рода. Тем самым постепенно разрушалось единство верви, основанное на власти родового старейшины: общности имущества и почитании культа предков. Вервь разделялась на отдельные семьи со своими хозяйствами, а те продолжали расширяться за счет приема новых членов посредством брака и деторождения. Таким образом, со временем малая семья превращалась в большое патриархальное сообщество, в котором жили вместе несколько поколений — дедушки и бабушки, их дети с женами, внуки. Затем это сообщество могло снова раздвигаться на отдельные парные семьи, и процесс возобновлялся. Долгое время вервь и малая парная семья, в основе которой лежали супружеские отношения, существовали вместе, периодически сближаясь и отдаляясь по своим характеристикам.

Хозяйственное выделение малой семьи способствовало изменению и бытового уклада, и мировоззрения ее членов, что впоследствии обеспечило переход от родовой общины к соседской. Жившие в них отдельными хозяйствами люди не утрачивали связи со своим родом и в случаях возникновения конфликтов или нападения чужаков совместно защищали свои угодья.

Семьи, имевшие более совершенные орудия труда, осваивали новые земли, выжигая и выкорчевывая леса под пашни. Таким образом наиболее сильные и предприимчивые члены рода отделялись от общины и колонизировали новые территории. Древние тексты повествуют о том, как три брата с сестрой поставили

на лесных холмах у Днепра свои домохозяйства. Они занимались охотой, ловлей рыбы, скотоводством, бортничеством, корчевали лес под пахотные земли и паштбища. Нужда в совместной защите имущества привела к тому, что со временем их хозяйства соединились под главенством старшего брата; оградив свою общую территорию, они положили начало основанию города. «И быша з брата: а единому имя Кий, а другому Шек, а третьему Хорив, и сестра ихъ Лыбедь. И седяше Кий на горе, где ныне увоз Боричев, а Шек седяше на горе, где ныне зовется Щековица, а Хорив на третьей горе, отнюду же прозвася Хоривица. Створиша городок во имя брата ихъ старейшого и нарекоша имя ему Киев. Бяше около города лес и бор велик, и бяху ловяще зверь, бяхуть бо мудре и смыслени, и нарицахуся поляне, от них же суть поляне — кияне и до сего дню»⁶.

Также в «Повести временных лет» сообщается, что племенные союзы радимичей и вятичей ведут свое начало от двух братьев — Радима и Вятко. По-видимому, оба этих племени возникли в результате разделения одного рода, часть которого осела по реке Сож, а другая — по Оке⁷.

Вследствие экономического развития, разделения единых родов на соседские общины в племенных союзах стали формироваться основы государственности с иерархией управления и структурированием общественных функций. Увеличение хозяйственного ресурса отдельных общин и семей, потребности в обмене излишками продуктов, освоение новых земель и необходимость их защиты неизбежно приводили к военным столкновениям, которые, в свою очередь, порождали и потребность в централизации власти. Таким образом, возникали, развивались и укреплялись первые зачатки государственного аппарата. Изначально этот процесс формировался в рамках отдельных крупных военно-экономических союзов, объединивших волынские, киевские, новгородские и половецкие земли. Впоследствии эти племенные союзы были объединены и централизованы.

⁶ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 9.

⁷ Там же. С. 10.

Весьма спорная «норманнская теория» образования государства на территории славянских племен опирается на утверждения летописца Нестора, изложенные в «Повести временных лет». В частности, там сообщается о приходе на земли ильменских словен варяжских дружин, покоровивших местные общины и обложивших их данью. После изгнания варягов словенские князья стали бороться за централизованную власть и в этих условиях разоряли друг друга. Этим воспользовался один из сильных варяжских родов, власть которого словене признали.

«В лето 6370 (858). Изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и вьста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: «Поищем собе князя, иже бы володел нами и судил по праву». И идоша за море к варягом, к руси. Сице бо ся звахутья варязи русь, яко се друзии зовутся свие, друзии же урмане, англяне, друзии гте, тако и си. Реша руси чюдь, словени, и кривичи, и вьсь: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нет. Да поидете княжити и володети нами». И избьрашася з братья з роды своими, пояша по себе всю русь, и придоша; старейший, Рюрик, седе Новегороде, а другий, Синеус, на Белоозере, а третий Изборьсте, Трувор. И от тех варяг прозвася Руская земля, новгородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжска, преже бо беша словени»⁸.

Трувор и Синеус умерли спустя два года после начала своего княжения, и вся власть сосредоточилась в руках Рюрика. После его смерти в 879 году княжение и опека над малолетним сыном Рюрика Игорем были возложены на его дядю со стороны матери воеводу Олега.

Князь Олег во время своего опрвления усердно способствовал формированию и централизации Древнерусского государства. Будучи регентом при малолетнем князе Игоре, он захватил Смоленск и Любеч, обманом выманил и убил киевских князей Аскольда и Дира и основал там столицу Древней Руси. Власть Олега признали поляне, северяне, древляне, ильменские словене, кривичи, вятичи, радимичи, уличи и тиверцы. Через своих

⁸ Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева. Петрозаводск, 1991. С. 23–24.

наместников и местных князей ему удалось заложить основы государственного управления этими землями.

Одним из важных признаков такого управления была дифференциация социальных слоев по принципу иерархической структуры. Основной производительной группой были людины. В древних источниках упоминается их подразделение на социальные группы — смердов, рядовичей, закупов и холопов. Смерды обычно состояли на службе в качестве ратников городских полков. Закупы были попавшие в зависимость от землевладельца за денежный долг, помощь семенами или орудиями труда, вынужденные отработать у него часть своего времени. Рядовичи служили господину по ряду (договору). Холопы — лично зависимые слуги-невольники; имевшие статус младшего члена семьи — ребенка-хлопчика. За убийство холопа свободный человек выплачивал его владельцу виру⁹ — 5 гривен.

Выше людинов по социальной лестнице располагались «княжие мужи» — старшая и младшая дружины. Известный советский историк профессор Владимир Васильевич Мавродин писал: «Князь правил русской землей через своих родственников и бояр-дружинников»¹⁰. Звание «боярин» означало сильного воина и этимологически происходило от словосочетания «в бою ярий». Превосходство этих княжских людей определялось нормами закона. Так, если за убийство человека налагалась обычная вира, то за убийство княжьего мужа — двойная. Старшую дружину составляли бояре — ближайшие советники князя, выполнявшие различные управленческие функции.

Среди бояр выделялись тысяцкие — возглавляющие городские войска; огнищане — управляющие княжескими имениями (от слова «огнище», т. е. очаг); тиуны — управляющие отдельными отраслями княжеского хозяйства; ключники — ведающие продовольственными запасами княжеской семьи; ябедники — следившие за сбором налогов и вершившие княжеский суд; вирники и мечники — ведавшие сбором судебных пошлин и штрафов.

⁹ Вира — плата за нанесение ущерба.

¹⁰ История культуры Древней Руси: в 2 т. Т. 2. М.; Л., 1951. С. 16.

Из состава младшей дружины формировалась гридня — личная охрана, телохранители князя.

Основной формирующегося государственного строя оставались род и соседская община. Парная семья еще только начинала формироваться в качестве самостоятельной структурной единицы. Вервь, продолжая играть важную роль в организации отношений, уже начала делиться на дома, сохи и тягла. Это свидетельствовало о значительном ослаблении родовых связей между членами общины, но при этом еще долгое время у них сохранялись прежние обычаи. Об этом, в частности, упоминается в текстах сборника древних правовых норм под названием «Русская правда». Согласно этим положениям, все члены верви были связаны круговой порукой, то есть групповой ответственностью. Так, если на землях верви обнаруживали дубитого, то община обязана была выплатить «виру» — определенную сумму семье пострадавшего. А если следы вора вели к общине, то людины должны были самостоятельно отыскать преступника в своих рядах или же выплатить князю штраф. Таким образом, отдельная парная семья в то время, несмотря на свою относительную экономическую независимость, еще не была реально самостоятельной и в правовом отношении зависела от верви. Эта ситуация стала меняться лишь к концу X столетия, когда Русь приняла христианство и общинное поклонение родовым богам сменилось индивидуальным отношением и личной ответственностью перед единым Богом.

Утверждение новой веры способствовало централизации и укреплению государственной власти, а также значительному развитию культуры. По всей территории наблюдались рост городов, строительство крепостей и каменных храмов, при которых открывались школы. Святыми подвижниками и учителями Кириллом и Мефодием была создана русская письменность, положившая начало летописанию и просвещению народа. В монастырях и храмовых библиотеках переводились и переписывались книги античных авторов. К XIII веку население новгородских земель и Киевской Руси было почти поголовно грамотным, о чем свидетельствуют находки огромного количества частных бытовых писем и записок на бересте.

Совершенствование орудий труда и становление феодальных форм земледелия способствовали более активному выделению малой патриархальной семьи из общины. А поскольку государственная система на Руси строилась по семейному принципу, то и там определенно прослеживались тенденции обособления удельных княжеств от единой центральной власти. Это, в свою очередь, привело к трагическим последствиям во время нашествия татаро-монгольских орд, разоривших русские земли и прервавших их развитие почти на двести лет.

Первым на пути войск хана Батяга стояло Рязанское княжество. Князь Юрий Игоревич послал гонцов за помощью в Чернигов и Владимир, однако те князья на его зов не откликнулись. Юрий Игоревич предпринял попытку договориться с монголами и послал с богатыми дарами сына своего Федора и других родственников вместе со старшими боярами в ставку Батяга.

Древняя летопись «Повесть о разорении Рязани Батыем» так повествует об этих трагических событиях: «Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещал не ходить войной на Рязанскую землю, но только похвалялся и грозился повоевать всю Русскую землю. И стал у князей рязанских дочерей и сестер к себе на ложе просить. И некто из вельмож рязанских по зависти донес безбожному царю Батыю, что имеет князь Федор Юрьевич Рязанский княгиню из царского рода и что всех прекраснее она телом своим. Царь Батый, лукав был и немилостив, в неверии своем распалился в похоти своей и сказал князю Федору Юрьевичу: «Дай мне, княже, изведать нрав и красоту жены твоей». Благоверный же князь Федор Юрьевич Рязанский посмеялся и ответил царю: «Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жен своих на блуд. Когда нас одолеешь, тогда и женою нашими владеть будешь».

Безбожный царь Батый оскорбился и разъярился, и тотчас повелел убить благоверного князя Федора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал».

«Повесть о разорении Рязани Батыем // Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1981. С. 187.

Князь Юрий Игоревич с дружиною вышел в поле и сразился с ханским войском. Однако силы Батяга многократно превосходили возможности рязанских полков, которые почти все легли на поле брани. 16 декабря 1237 года Батый начал кровопролитный штурм Рязани, продлившийся пять дней. В ночь на 21 декабря, применив тараны и катапульты, монголы пробили стены и ворвались в город. Завязались уличные бои. Молодая вдова князя Федора, благоверная княгиня Евпраксия, дабы не достаться на утеху врагам, обняла малолетнего сына своего — княжича Ивана Федоровича, выбросилась с ним из окна высокого терема «прямо на землю и разбилась до смерти».

Все воины и жители Рязани погибли в бою или были вырезаны ожесточенными монголами. Ограбленный и опустошенный город по приказу Батяга был сожжен. Пленникам рубили головы. При раскопках Спаского

Евпраксия Рязанская

собора, проводимых археологом А. В. Селивановым в начале XX столетия, обнаружены скопления из 27 и 70 черепов мужчин и женщин, со следами ударов острым оружием. Трупов было столько, что хоронили их в огромных братских могилах, похожих на котлованы. Во время археологических раскопок 1925 года на городище старой Рязани было обнаружено сорок таких захоронений со множеством костяков, поврежденных монгольскими стрелами и имеющих травмы колюще-рубящего типа.

Под натиском монгольских орд также пали Ярославль, Коломна, Тверь, Москва, Владимир, Козельск, Углич, Переяславль, Торжок, Киев, Чернигов, Каменец, Галич и многие другие города Древней Руси.

Героический жертвенный поступок благоверной княгини Евпраксии был не единичен. Многие русские женщины предпочли смерть позору быть добычей ордынских воинов. Когда татары захватили Владимир, князя Юрия Всеволодовича в городе не было. Его жена княгиня Агафья, «собрав к себе дочь, снох, внучат, заперлась с ними в церкви Св. Богородицы, и там все сгорели»¹².

В те ужасные годы ни семейные узы, ни человеческая жизнь совершенно не ценились восточными завоевателями. Обычно при взятии городов татаро-монголы оставляли жизнь лишь ремесленникам — кузнецам, оружейникам, портным, — чтобы эти квалифицированные мастера обслуживали монгольское войско. В плен, конечно, брали женщин, которых использовали не только как наложниц и рабочую силу, но и как ценный товар.

За время татаро-монгольского ига, по подсчетам историков, в плен было уведено более трех миллионов человек. Русские женщины пополняли гаремы ордынцев и угонялись далеко за пределы Руси. Кроме столицы Улуса Джучи (Золотой Орды) Сарай-Батуи и Сарай-Берке крупным центром работорговли был Крым, откуда морским путем несчастливых пленниц увозили на чужбину по всему свету.

Все русские князья превратились в данников монгольских ханов. Они периодически ездили в Орду за получением пайдазы — специального ярлыка, дающего право на княжение в своем Уделе.

¹² Добротин А. В. Русская женщина в домонгольский период. СПб., 1864. С. 66.

Такое положение, безусловно, сказывалось и на их нравах. Фактически князья превратились в ордынских ставленников и врагов своего народа. Сами разорjali свои земли, грабили свой народ ради собственной выгоды и ханской милости.

В условиях повсеместного упадка русской культуры и униженности национального самосознания все больше стали приживаться чуждые моральные нормы азиатского образа жизни. В сочетании с Традиционной православной верой подражание жизни монгольской знати на долгие последующие столетия посело в душах людей лицемерие, лукавство, высокомерие и жестокость.

Примеров обратного культурного влияния почти не было. История в этом аспекте упоминает имя ордынского ставленника Багуя, который во второй половине XIII века собирал ясак (дань) в городе Устюге. Это был жестокий воин. В наказание крестьянину за неуплату ясака он насильно взял в наложницы его дочь — девицу Марию. Девушка оказалась весьма разумной, и под ее влиянием язычник Багуй принял православие и был крещен под именем Иван. Став праведным христианином, он венчался с Марией и построил в Устюге храм Ионна Предтечи. Впоследствии супруги Иван и Марья были причислены православной церковью к лику святых. Конечно, этот единственный пример не мог как-либо изменить пагубное для Руси влияние монгольских нравов.

Лишь к концу XIV века, в 1380 году, на Куликовом поле Русь смогла дать достойный отпор ордынскому правлению. Но для окончательного свержения ига потребовалось еще сто лет. Русские земли, объединенные московскими князьями, в политическом отношении обрели долгожданную свободу. Однако духовные Раны, нанесенные более чем двухсотлетним рабством, не зажили и по сей день¹³. Впервые с особой яркостью это азиатское варварство в самой неприглядной его форме проявилось в Московском царстве XVI—XVII веков.

¹³ Зарождаясь во времена татаро-монгольского ига жесткая вертикаль власти, преклонение перед лидером и беспрекословное подчинение начальству в сочетании с беспредельной коррупционностью чиновников порождает противостояние государства и общества и в XX, и в XXI веках.

Добрачные отношения в Древней Руси

Историография дохристианского периода не располагает достаточным количеством сведений для объективной реконструкции жизни наших предков в их молодом возрасте, предшествующем браку. Однако на основании тех немногочисленных источников, которые известны науке, можно сделать заключение, что жизнь того периода была пропитана эротизмом. В те далекие времена сексуальность воспринималась как причина и основа зарождения всего живого. Она была представлена в религиозной, производственно-хозяйственной и бытовой сферах.

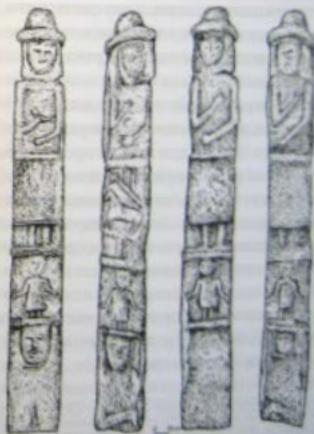
Так, наблюдаемый бесконечный природный цикл — рождение-жизнь-смерть и снова рождение — лежал в основе всех земледельческих культов с их ярко выраженным сексуальным содержанием. Эти культы плодородия отражали неизменный ритм вселенской жизненной силы. Небо, оплодотворяющее землю дождем, земля, рождающая жито, солнце, дающее силу всему рожденному и живущему, — все было наполнено мощью любовной энергии. Люди воспринимали себя частью этого природного мира, чувствовали взаимное влияние и неразрывную связь с ним.

Переход древних племен от матриархата к патриархату изменил их космогонические представления о сотворении мира. Место прежних богинь заняли новые боги, и культ великой кормящей матери сменился на культ отца, что нашло свое выражение в особом почитании фаллоса. Эти языческие божества были источниками и проводниками могучей силы эроса, и поклонение им, конечно же, имело выраженный сексуальный характер.

Так, например, новая версия сотворения мира была связана именно с мужским детородным органом. Изначальное божество — отец-прародитель Сварог — разорвал первичный хаос своим фаллосом и, лишив пустой мир девственности, зародил в нем все формы жизни. Это событие отразилось в семантике языка, сказавшейся на повседневной и любовной лексике наших предков. В древнерусском языке существовали различные формы

выражения своих чувств и мыслей о естестве и природной силе сексуальных влечений.

Кроме широко известных матерных слов и их производных древние русичи употребляли и иные символические названия для обозначения гениталий и самого соития. Наиболее часто для обозначения сексуального сношения употреблялись слова «еться», «пежиться», «тетериться», «пихаться», «дрюкаться», «еть» или «ярить». Последнее происходило от имени божества плодородия, весны и солнца — Ярилы. Корень «яр» означал силу и страсть, а производный от него глагол «ярить» отражал страстные фрикции полового акта. Изображалось это божество всегда с эрегированным мужским членом чрезвычайно больших размеров. Деревянные или каменные идолы Даждьбога, Перуна и других языческих богов также имели фаллособразную форму в виде столбов с головой на вершине.

Языческие идолы

Мужской половой орган кроме издревле известного слова «хуй» называли «елдаком», «елдой», «мехирём», «лихарём» или «удом». От слова «уд» произошло понятие «удовольствие». У древних славян член обозначался словом «гоило», что значит оживлять и дарить жизнь. Головка полового органа именовалась «пleshью», пах — «стегном», мужские яички — «ядрами» или «мудами». Столь же оригинальные названия существовали и для женских гениталий. Половые губы назывались «затворами», а влагалище — «пиздой», «мандой» или «мясными вратами». Матку именовали «нутром», «золотником» и «матицей». Вполне естественно, что с этими мужскими и женскими органами отождествлялась великая космическая сила, упорядочивающая хаос мира.

Основы мировоззрения наших древних предков сосредотачивались на простейшей животной силе плодородия, и потому они глубоко почитали и ценили животворящую силу половых органов. Человеческая плодovitость и плодородие земли в их сознании были связаны теснейшим образом. Силу растений и земли люди использовали для увеличения своей привлекательности и лечения бесплодия, а свою сексуальную силу направляли на стимуляцию плодородия земли.

Таким образом, сексуальные отношения способствовали не только деторождению, но и мистически определяли урожайность земли и плодovitость скота. Ради этого в простонародье практиковался инцест — совокупление родителей с детьми, братьев с сестрами. Считалось, что страсть между самыми родными людьми может «оплодородить» землю. То, что творилось за высокими заборами домохозяйств, считалось делом сузубо семейным и не предполагало внешнего вмешательства.

Многие ритуалы жизнедеятельности носили «эротический» характер, что проявлялось, например, в частичном или полном обнажении тела. Так, например, девушки, чтобы быть красивыми, купались по утрам голыми в росе.

В таком же виде наши предки взаимодействовали с силами природы во время посева и сбора урожая. Особенно это касалось весенних ритуалов: чтобы пробудить землю от долгого зимнего сна, люди «веселили» ее как могли, обнажаясь и смеясь. Так, при

посеве льна голые женщины катались по земле для того, чтобы он вырос длинным и волокнистым. Посадка огурцов, капусты и репы также требовала полного обнажения. Мужчины сеяли хлеб, гречу, овес и другие злаки без штанов или же вовсе без одежды. Выходя в поле в таком виде, они символически возбуждали и оплодотворяли землю. Там же, на свежесезанном поле, совершался обряд, называвшийся «луговинья»: голые обшники — мужчины и женщины — парами катались по земле, совершали на ней половые акты. Данные обряды свидетельствуют о том, что наши предки, занимаясь земледелием, представляли изменения, происходящие в земле, так же как процессы оплодотворения женского организма. Исходя из этого понимания, мужчины считали необходимым мастурбировать на поле, окропляя посев спермой для зарождения будущего урожая. С той же целью, согласно древнему славянскому обычаю, женщины во время засухи выходили на поле и задирали подола, показывая небу гениталии, дабы небо возбудилось и оросило землю небесным семенем — дождем.

Подобная идентификация человеческой сексуальности и природных процессов была одной из главных характеристик языческого аниматизма и анимизма¹⁴. Люди, с одной стороны, одухотворяли природу, а с другой — наделяли ее антропоморфными свойствами, что обеспечивало им нужное взаимодействие с ее силами.

Наготовой было отмечено и общение со сверхъестественными силами, во время гаданий и ворожбы. Девушки часто гадали на суженых, полностью раздевшись. Женщины ходили обнаженными вокруг своих домов, рассыпая зерно, тем самым оберегая свое хозяйство и родных от нечистой силы. При этом они почти никогда не спали голыми, потому что боялись злых духов. Правда, при этом считалось, что, если женщина в лунную ночь будет спать голой или в полдень голышом пройдет через поле под ярким солнцем, она забеременеет. Снимая с себя одежду,

¹⁴ Аниматизм заключается в веровании в одухотворенность живой природы, когда признается, что у собаки есть душа, у дерева есть душа, у травы есть душа. Анимизм — вера в то, что есть духи природы, такие как лесной дух (дуп), ручьяки и водяные (духи воды), кикимора, баба-яга, шиншига, вельс и другие.

люди обретали свое первостество, сливались с природой, могли воздействовать на нее. Эротизм, наполняющий все сферы жизни, воспринимался нашими предками как естественная и неотъемлемая часть их бытия и природы. В летние засушливые дни для привлечения дождя голые женки и девки впрягались в плуги и перепазивали дороги¹⁵.

Девственность в дохристианской Руси никакой ценности не имела, ибо отсутствие сексуальной жизни воспринималось с одной стороны, как отказ женщины от взаимодействия с природными жизненными силами, а с другой стороны, зарождало подозрение в ее ущербности и неполноценности. Таких женщин, как правило, не брали замуж, поскольку их девственность свидетельствовала о том, что никто ими не соблазнился и, стало быть, ни на что они не годны.

Вследствие таковых обстоятельств с девственностью на Руси расставались очень рано. В больших родовых общинах были весьма распространены incestуозные отношения. Никто не видел ничего дурного в том, что детские шалости между братьями и сестрами достаточно быстро приобретали эротический характер, неизбежно приводящий к сексуальным отношениям. Близкие родственники вполне могли наслаждаться друг другом, совокуляясь (брат с сестрой, мать с сыном, отец с дочерью) среди поля в период посева. Люди верили, что любовное соитие между родными способствует получению богатого урожая и приплоду скота.

Достаточно свободными были и сексуальные отношения молодых мужчин и женщин из разных родов до их вступления в брак. Женщины в этот период своей жизни назывались блудницами, и это понятие отнюдь не имело какого-либо осуждающего значения, поскольку обозначало состояние поиска мужей. Понятно, что это «блуждение» не было платоническим.

Лишь с конца X века стало цениться сохранение девушкой «чистоты» до брака. В 953 году княгиня Ольга издала первый указ о запрещении утраты девственности до свадьбы и о денежной или

вещевой компенсации за ее отсутствие. Правда, особой действительной силы этот указ не имел, поскольку невозможно было осуществить тотальный контроль за поведением Девушек, а народные языческие традиции совсем не ограничивали их сексуальные связи. Как правило, молодые женщины не раз вступали в половые отношения с разными мужчинами, но их было не так много, ибо частая и многократная смена партнеров свидетельствовала о невозможности женщины завязать крепкие отношения и могла вызвать подозрение в ее сексуальной неполноценности. Такие женщины вполне могли получить обидное прозвище «курвы»¹⁶, что означало наличие некоего изъяна, кривизны.

При этом свобода добрых половых отношений наших предков не была безгранична. Рассуждая об этом вопросе, следует помнить о том, что жизнь в те далекие времена была тяжела и опасна. Чтобы обеспечить себе пропитание, люди трудились с утра до ночи в поте лица своего. К тому же существовала постоянная опасность вражеских набегов, требующая защиты имущества, свободы и самой жизни. Вся жизнь и деятельность были строго регламентированы, и свободного времени как такового не существовало. Даже вечерние молодежные посиделки совмещались с работой и назывались «супрядка. мн», где девушки собирались для прядения и других работ. «На супрядки вечерами приходили парни, и работа кончалась весельем. Летом посиделок не бывало. Они начинались с поздней осени, послетого как были окончены работы на полях»¹⁷.

Расслаблению и отдыху от тяжелых трудов отводились специальные многодневные праздничные периоды, но и они были относительно жестко структурированы и имели свой обрядовый

¹⁵ Курва — слово, в разных языках означающее кривизну, от которого произошли: сербское «курва», украинское, белорусское, болгарское «кърва», чешское курва, польское kurwa. Первоначально обозначало курицу, у сербов единственное слово «курац» (первоначальный смысл — петух) стало обозначать мужской половой член. Позднее древнерусским «курва» стали называть женщину леского поведения, блудницу, потаскуку.

¹⁷ Пронн В. Я. Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). М., 2000. С. 115–116.

¹⁶ Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. М., 2003. С. 117.

регламент. Праздники эти были наполнены аграрно-магическим и эротическим смыслом, тесно связывались с природными циклами и длились по несколько дней. В основном они были приурочены ко времени зимнего и летнего солнцестояния, а также весеннего и осеннего равноденствия.

Игрища и гулянья в эти периоды содержали в себе множество сексуальных компонентов. Голые мужчины и женщины плясали, пировали и приносили жертвы своим идолам. Среди молодежи эти праздничные обряды, как правило, были преисполнены брачной тематикой. Согласно данным этнографических исследований, в зимние и летние праздники молодые пары и девушки водили хороводы и создавали пары для установления сексуальных отношений в форме объятий и поцелуев, часто приводивших к реальным совокуплениям¹⁸. Пляски, сопровождаемые эротическими песнями, совершались в быстром темпе с подпрыгиванием, задиранием подолов и верчением пар.

Зимний праздничный цикл начинался с дней почитания Чернобога, приходящего на землю в дни солнцестояния. Второе имя этого божества — Карачун, и он являлся злым, но справедливым духом смерти. По завершении дней почитания Карачуна наступало время рождающегося солнца — Коляда. Этот древнеславянский языческий праздник был посвящен смене годового цикла и переходу солнца от зимы к лету. Считалось, что в этот магический период безвременья злые духи становились наиболее активны, и для противостояния им родственники собирались вместе для общего празднования. Накануне во дворе и в доме делали уборку, мылись, стирали, готовили много еды и сладостей. Обязательно варились кутья, поскольку в праздничную ночь в доме незримо присутствовали умершие предки, защищавшие род от нечистой силы.

Коляда была веселым праздником и выражала веру древнерусских язычников в неизбежность победы добрых духов над силами зла. Дабы помочь Коляде победить и отогнать злых духов, люди

¹⁸ Бернштам Т. А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX — начале XX в. // Русские народные свадебные обряды: исследования и материалы. Л., 1978. С. 66–68

жгли костры, а в огонь бросали старые вещи, чтобы избавиться от прошлого и встретить утреннее солнце чистыми и обновленными.

Молодые люди, наряженные в потешные костюмы диких зверей, плясали вокруг костров, обходили соседские дома, извещая их хозяев о наступающем празднике нового рождения солнца. Они пели скоморошные песни, желали хозяевам счастья, долголетия и требовали угощений от накрытого стола. Обижать колядающих отказом было нельзя, это могло навлечь гнев Коляды, да и сами молодые люди могли вдоволь поозорничать на чужом дворе, если им казалось, что их недостаточно почтили. В маска и вывернутых наизнанку тулупах, никем не узнаваемые, они заывали разным хламом печные трубы, выгоняли скот из загонов, переворачивали сани и телеги.

Достаточно наколядовав снеди, молодые пары и девушки пировали на посиделках в каком-нибудь пустом доме, хозяева которого ушли в гости. Они пели озорные эротические песни, плясали, устраивали игры и гадали на супружество, урожай и приплод. Эти игрища и гадания на молодежных посиделках имели явно выраженный сексуальный компонент.

Исследователь истории русского Средневековья Елена Борисовна Грузнова полагает, что наличие эротических элементов являлось общей чертой народных игрищ в эпоху Средневековья «Последние имели место как в песнях и плясках, возбуждавших народ на смех и на блуд, так и в словесных формулах, представлявших собой ритуальное сквернословие»¹⁹. Особенно ярко это проявлялось в играх эротического содержания, в наибольшей степени присущих зимним и летним праздникам, приуроченным ко времени солнцестояния.

Об этом же в сборнике песен, частушек, заговоров и обрядов «Русский эротический фольклор» упоминал и известный российский фольклорист профессор Андрей Львович Топорков: «Активность ряженных, направленная на зрителей» и нередко переходящая в агрессию, заключала в себе не только идею

¹⁹ Грузнова Е. Б. На распутье Средневековья: языческие традиции в русском простонародном быту (конец XV — XVI вв.). СПб., 2013. С. 177.

воздействия на людей сил потустороннего мира, но и идею сексуальную. Наряду с противопоставлением "того" и "этого" света в ряжение актуализировалась оппозиция "мужское — женское"²⁰. Популярным в этих святочных ряженьях было переодевание мужчин в женские платья, а женщин в мужские одежды. Преобразившись таким образом, они дурачили друг друга любовными признаниями и ухаживаниями. Подобные эротические забавы категорически осуждались церковнослужителями. Так, в Кормчей книге 1282 года есть запись о том, что святые отцы «не повелевают моужем облачатися в женские ризы, ни женам в моужские, еже творят на праздники Дионисовы пляшуще, ни лиц же косматых влзгати на ся, ни козлих, ни сутоурьских»²¹.

Народ на Руси поповские проповеди слушал, но праздновал по обычаю предков — весело, с эротическими песнями, шутками, гаданиями и играми. Одним из таких видов сексуальных игр-гаданий были «шуточные похороны». Парню, согласившемуся играть роль покойника, делали длинные страшные зубы из брюквы, обсыпали лицо мукой и клали обнаженного на стол. После чего девушки делали вид, что плачут по умершему, и понарошку «обмывали» его, водя руками по телу. Как только у «покойника» случалась эрекция, плакальщицы начинали по очереди «обмывать» ему член до эякуляции. Та, у которой «покойник» кончал, считалась счастливицей, и про нее говорили, что в этом году она выйдет замуж. Другие участники игры шуточно поминали покойника:

Помер Максим,
И хуй с ним.
Положили во гроб,
Мать сгоуб.
Крышкой закрывали —
Хуем забывали.

²⁰ Русский эротический фольклор: Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / сост. и науч. ред. А. Д. Топорков. М., 1995. С. 180.

²¹ Цит. по: Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: (опыт историко-этнографического исследования). М., 2000. С. 126.

Стали хоронить,
А у Максима хуй стоит.
Жил-был — шевелил,
И помер — не забыл²².

Эротические игры с обнажением мужчин в основном были нацелены на сексуальное раскрепощение девушек. Так, например, исследователи-этнографы описывают старинную игру в наведение межи: «Игра "межи наводить" заключается в том, что ряженого парня или мужика кладут на спину с закрытым лицом и вынимают его половой член, изображающий межевой столб. После чего объявляют, что межа "упала", и силой заставляют девушек ее "поправлять", "ставить"²³.

В весеннее равноденствие, приходящееся на 20–21 марта, праздновалась Комоедица, посвященная провадом зимы, встрече весны и началу нового года. Этот языческий праздник обычно продолжался от полутора до двух недель. Люди славили набирающее мощную силу солнце. Его детское имя Коляда заменялось на взрослое — Ярила. Весеннее солнце растопляло льды и снега, пробуждало природу. Считалось, что в это время просыпаются медведи, которые почитались на Руси как тотемные животные — прародители и покровители людей. В народном сознании этот зверь воспринимался также и как ипостас бога Велеса. Медведя в древности еще звали «ком», и ему как хозяину леса подносили угощение в виде специальных обрядовых хлебов — комов. Эти комы всегда пекла самая старшая женщина в семье из нескольких видов муки. Во время медвежьих «побудок» их относили в лес и оставляли на пнях. Этими подношениями люди старались добиться благосклонности тотема, дабы он не забивал скот и не разорял пасеки.

В Комоедицу пекли круглые, как солнце, блины. Съедая их и угощая родных и близких за праздничным столом, люди символически приобщались к яриной силе. Первый же испеченный

²² Русский эротический фольклор... С. 214.

²³ Там же. С. 211.

блин всегда отдавался комам. Это отражалось в древней поговорке, которая дошла до наших времен в искаженном и усеченном виде. В старину она звучала так: «Первый блин — комам, второй — знакомым, третий — дальней родне, а четвертый мне».

Круглые формы как символ солнца особенно почитались в этот праздник. Кроме круглых блинов люди носили укрепленное на шесте украшенное колесо, водили круглые хороводы, катались на лошадях вокруг селения, прыгали через очищающие круглые костры. Традиционным развлечением были массовые кулачные бои, которые символически помогали весне и ее добрым духам победить зиму.

Эротические компоненты праздничных обрядов были нацелены на пробуждение плодородия в земле и людях. Землю будили, катаясь на санях, зажигая костры и отплясывая в присядку. Сексуальную энергию пробуждали, качаясь на качелях. В обрядовых танцах, направленных на стимулирование роста злаков, практиковалось частичное обнажение. В северных землях мужчины и женщины танцевали с оголенными ягодицами и хлестали по ним друг друга хворостинами. Восхваляя силу молодого Ярилы, чучело которого всегда делалось с большим и толстым фаллосом, танцующие мужчины спускали штаны и демонстрировали свои члены. В некоторых местностях хозяин дома должен был ночью разделять донага, сесть на мелту и в таком виде объехать свой двор. Это гарантировало богатый урожай и здоровых детей.

В весенне-летних праздничных циклах отмечались две Русальные недели. Первая праздновалась в апреле и была связана одновременно с пробуждением природы и с обрядами почитания мертвых. По поверьям, весной, с возвращением птиц, на землю незримо являлись души предков — хранителей и защитников рода. Им приносились обильные жертвы, дабы умиловить их и через то обеспечить себе безопасную и благополучную жизнь в течение года.

Русалки также считались душами безвременно и трагично умерших женщин. Русальные дни считались опасными. Эти мифические существа были враждебно настроены по отношению к людям, за исключением маленьких детей, которых они любили

и спасали. Других же они могли завлечь в воду, утопить или защекотать до смерти. Русалки голыми бегали по лесу и кривлялись, а кому случалось их увидеть, сам был обречен кривляться всю жизнь. Люди относились к русалкам односторонне и с опаской, и с сочувствием. В праздник молодые девушки исполняли обрядовые танцы, подносили им пищу, яркие ленты и отрезки льняных тканей.

Вторая Русальная неделя праздновалась в конце мая — начале июня и была посвящена проводам русалок. В народе это время называлось «зелеными святками», которые завершают переход от весны к лету. Все обряды и ритуалы этого праздника совершались только женщинами, лиц мужского пола на них не допускали. Начинались эти русалии с праздника «кукушки», когда девушки и молодые женщины уходили в лес и наряжали березу. На ее ветвях плели венки, на которых в лунные ночи русалки могли раскачиваться. Им подносили лепешки и яйца — два сырых и два печеных крашенных. Женщины гадали и просили русалок предсказать будущее. Незамужние девушки спрашивали о замужестве, а молодухи — о рождении ребенка. Селянки проводили ритуалы кумления — собравшись в роще, нагибали молодые плакучие березки, свивали из них венки и попарно проходили сквозь них, целовались и обменивались нателными крестичками. После проведения обряда между покумившимися женщинами устанавливалась крепкая дружба, запрещавшаяся им ссориться и обзывающая во всем помогать, друг дружке. В эту неделю у берез с венками совершались обряды инициации, когда девочку впервые принимали в круг девушек-блудниц, готовящихся к замужеству.

После кумления под березами устраивался пир, куда допускались и молодые парни. К яичному угощению они должны были принести хмельных напитков, меду и сладких гостинцев. Когда съедят яичницу, девушки выбирали себе парней и, обнявшись с ними у всех на глазах, уходили гулять в лес²⁴. В реках и озерах в Русальную неделю люди без особой надобности не купались. Дабы не тревожить водных божеств. Сексуальная свобода этих

²⁴ Пронин В. И. Русские аграрные праздники... С. 137.

дней была вполне сопоставима с эротическим разгулом зимних святочных празднеств. Выдающийся русский фольклорист и историк литературы Евгений Васильевич Аничков о русальных праздниках писал: «на 40, или 60, или 100 девушек, которые ходят ночью в лес, едва ли третья часть возвращается домой, не потерявши девственность»²⁵.

В конце этих русалий женщины распускали ранее заплетенные венки на берегах и проводили обряд изгнания русалок. Молодую девушку наряжали русалкой, когда она с распущенными волосами, в одной рубашке, верхом на кочерге и с помелом в руках ходила по деревне. За ней шла толпа баб и девок, бьющих в заслон и выпроваживающих ее в ржаное поле. Во ржи она старалась кого-нибудь схватить и пощекотать, другие защищали преследуемую и гнали русалку в поле²⁶. В других местах ее, на виду у всего села, прогоняли парни с измазанными сажей лицами. Считалось, что с изгнанием русалок лес и вода становились безопасными, и люди с этого дня начинали ходить в лес, купаться в реках, прудах и озерах.

В начале июля наступали Купальские праздники, связанные со временем летнего солнцестояния и включавшие в себя обряды похорон бога Ярилы и купальской ночи. В эти дни было принято совершать «постриг» — обряд воинского посвящения юношей с последующим обильным пиром, на котором основными угощениями были блюда из яиц, пиво, а также пироги и сладости. Устраивались танцы и игры сексуального характера. Это время считалось благоприятным для романтических знакомств.

После дня летнего солнцестояния весенняя сила бога Ярилы шла на убыль, и он обращался в зрелого мужа — Трисветлого Дажьбога, символизирующего жаркое летнее солнце. Древние русичи отмечали это явление обрядом похорон Ярилы. «Изображение его делалось с огромным мужским детородным членом и полагалось во гроб; похороны сопровождались плачем

и завыванием женщин»²⁷. Эти причитания с плачем и завыванием, конечно, были притворными, поскольку «мертвое» божество с торчащим эрегированным членом было преисполнено жизненной силы. Похороны сопровождались обильным употреблением хмельных напитков, бешеными плясками, сладострастными жестами, бесстыдными песнями, эротическими играчками, переходящими в оргии. «На Яриловом празднестве допускались свободные объяснения в любви, поцелуи и объятия, и матери охотно посылали своих дочерей поневеститься на игрища»²⁸.

За похоронами Ярилы, 24 июня (7 июля), следовали Купальские праздники с почитанием бога Купало и его сестры-близнеца Костромы — покровительницы влюбленных. Они были детьми бога огня — Самаргла и богини ночи — Купальницы. Согласно легенде, Купало, один из солнечных богов, будучи околдованным, по неведению женился на сестре. Эти два божества олицетворяли собой апофеоз активной творческой энергетики солнечного света в образе Купало и стихии воды в образе Костромы. В Купальский праздник, из года в год, люди обращались к ним за получением любви, мудрости, лучшей доли.

С утра народ парился в банях, очищая тело. Дневное празднование начиналось с хороводов, которые выстраивались из трех кругов людей, взявшихся за руки и движущихся в разных направлениях. Внешний круг составляли люди зрелого и преклонного возраста, средний круг — молодые и полные сил парни и девушки, а самый маленький круг, что ближе всего к огню, — маленькие дети.

Ближе к вечеру все мужчины и женщины шли к володеям, купались там вместе голышом и предавались сексуальным наслаждениям. Эта было время, когда магическая сила огня, земли и растений достигает наивысшей силы, а вода приобретает особые живительные и очищающие свойства. С наступлением темноты устраивались массовые гулянья с музыкой, плясками и прыжками через огонь. Костры разводились возле воды и не вдалеке от большого дерева. Разжигались они только от живого

²⁵ Аничков Е. В. Весенний обрядовая песня на Западе и у славян: в 2 ч. СПб., 1903–1905. Ч. 1. 1903. С. 132.

²⁶ Пропп В. Я. Русские аграрные праздники... С. 89.

²⁷ Афанасьев А. Н. Славянская мифология. М.: СПб., 2008. С. 266.

²⁸ Там же. С. 267.

огня, добытого трением. Такой огонь считался священным и очищал тело и душу от всякой скверны, болезней и нечистой силы. Молодые блудницы вместе со своими возлюбленными прыгали сквозь огонь парами, и если их руки не расцеплялись, то это было добрым знаком о скором замужестве. Некоторые, чтобы очиститься, перепрыгивали нагими. Возле костров играли в игры довольно непристойного содержания, мужчины и женщины целовали друг друга в скоромные места. В общем, все веселились безудержно и развратно. Праздник этот особенно любили незамужние, засидевшиеся в Девках селянки, поскольку в купальскую ночь они легко могли расстаться с девственностью и даже зачать потомство. Полностью обнажаясь, они бегали во круг засеянных полей, соблазняя мужчин укрыться с ними во ржи или ближайшем перелеске. Там в темноте выбирались случайные партнеры, а то и несколько, дабы творить с ними всевозможные любовные непотребства. Девушки и молодые замужние женщины отдавались мужчинам без колебаний и без разбору.

Все веселились безудержно и развратно

Кроме эротического раз ула на этом празднике жизни находилось место и для сакрально-магических таинств, обрядов и гаданий. По древним поверьям, в купальскую ночь можно было найти огненный цветок папоротника, открывающий клады и тайны мира, дарующий ясновидение и власть над духами. Увидеть этот цветок могли только люди, полностью обнаженные и чистые душой и телом. Обрести его было очень трудно, поскольку цветет папоротник лишь один миг, да к тому же его охраняет нечистая сила, которая всячески препятствует и запугивает людей, лишая их порой речи, памяти и рассудка. Так в купальскую ночь одни — самые отважные — бродили по лесам в поисках магического цветка, а другие до утра предавались любовным утехам, стараясь возбудить природу на рождение богатого урожая и обильный приплод скота.

Под утро девушки пускали по воде свои венки с зажженными лучинами и гадали по ним о любви и удаче. Если венок уплывал далеко, то желание должно было сбыться. Куда он поплыл, оттуда и жениха надо ждать, а коли на месте стоит, то не скоро замуж идти. А уж если венок на дно пойдет, то удачи в любви не будет: «Коль венок утонул, значит, милый обманул».

С Купалы до осени люди усердно трудились в поле. После уборки урожая и обмоласта последних снопов начинались осенние праздники — Осенины. 8 сентября устраивались большие ритуальные пиры-братчины в честь древних славянских богов Рода и Рожаниц, олицетворяющих великую животворную силу, благодаря которой земля дает урожай, рождаются дети и продолжается жизнь людского племени. Рожаницы представляли собой женское, материнское, рождающее начало, а Род — начало мужское, отцовское, оплодотворяющее. Рожаницами почитали и Ладу с ее дочерью Лелей — богинь плодородия, природных сил, покровительниц любви и брака, а также Долю и Недолю, наделяющих людей жизненными благами.

Зародилась традиция этого праздника еще во времена матриархата, и в этот день женщины творили свои древние тайные обряды. Обращаясь к Рожаницам и их силе, Молодки молили их о зачатии здоровых детей, о благополучных родах, матери

просили наделить своих детей счастливой судьбой. Рожаниц молили в этот день не только о прибавлении потомства, но и об умножении своих стад и об обильном урожае в будущем году, для чего приносили им в дар молоко, творог, яйца, разные плоды. В деревнях устраивали обрядовое угощение кашей из зерен первого урожая для всей общины.

Когда-то, в древние времена, мужчины в этот день охотились на оленей или лосей, которых даровал им великий бог Род. Позднее реальная охота заменилась на символическую, где роль оленей исполняли две девушки. Они убегали в лес, а молодые парни ловили их. Для пира же закалывался специально откормленный бык. Очевидно, что такое изменение ритуала произошло во времена перехода от господствующего охотничьего промысла к скотоводству. Трапеза была обильной, а гуляние — раздолыным. По кругу пускалась общая братская чаша с хмельным медом. В центре такого круга обязательно сидела старшая из женщин деревни и держала в руках свежеспеченный овсяный хлеб, который раздавался всем присутствующим. Считалось, что он имел целебную силу.

Ближе к вечеру, после трапезы, начиналось настоящее веселье: водились хороводы, устраивались кулачные бои и различные игры с явным эротическим содержанием. Разгоряченные хмельными напитками люди пели непристойные песни. Этот праздник знаменовал завершение главного цикла земледельческих работ, когда хлеб сжат, снопы сvezены и обмолочены, а зерно засыпано в закрома. С этого времени начинался новый годовой цикл с новыми трудами и праздниками.

Жизнь наших предков значительно изменилась после 988 года, когда русичи по воле великого киевского князя Владимира были массово обращены в христианскую веру византийского обряда. В те далекие времена православная церковь была изрядно пропитана аскетическим монашеским духом, совершенно чуждым жизнеутверждающему традиционному сознанию языческой веры. Добровольные страдания, удручение плоти, лишение себя радости земных благ и самоотчуждение даже ради угождения всемогущему Богу никак не вписывались

в практику повседневной жизни новообращенных христиан. При этом православная церковь, опирающаяся на силу государственной власти, насаждала в головах своих прихожан идеи гибели от греховных соблазнов и внушала страх неотвратимой Божьей кары. Благодаря этим стараниям духовенства в древнерусском православии был установлен целый ряд различных табу, призванных защитить человека от греха. В частности, женщинам было запрещено раздеваться догола, поскольку их нагота активно использовалась в языческих обрядах, от которых людьми пытались «отучить». Уже начиная с XI века это весьма наглядно подтверждается рядом церковных и светских поучений и запретов. В них православное духовенство пыталось заставить молодежь отвыкнуть от «сатанинских» или «бесовских» игрищ на лоне природы. «Слово Св. Иоанна Златоуста» проклинали эти ночные игрища, подчеркивало, что «жена на игрищах есть любовница сатаны и жена дьявола. Ибо пляшущая жена многим мужам жена есть. А что мужи? После питья начинают плясание, а по плясании начаша блуд творити с чужими женами и сестрами, а девицы теряют свою невинность. Потом все они приносят жертвы идолам».

Однако, как ни старались церковные и светские власти, пресечь греховные эротические помыслы наших предков ни явно не удавалось. На этих праздниках и гуляньях между юношами и девушками начинались отношения, которые приводили их к браку, к совместной жизни и общей судьбе. Не в силах победить человеческую природу и вековые традиции, церковь производила замену языческих культов на христианские. Так, например, славянская богиня Макошь — покровительница ткачества, прядущая нити судьбы, дарующая жизненные блага и изобилие, — соединилась с почитаемой христианской святой Параскевой Пятницей, покровительницей женского труда и семейного очага, быта и уюта. Имя Параскева в переводе с греческого означает «пятница», то есть «приготовление», «наведение порядка». Параскева была и покровительницей брака, поскольку определенным наведением порядка в отношении быта созда-

Создание семьи и брачные отношения в дохристианский период

Брак у русичей, как и в прежние времена у древних славян, заключался посредством умыкания (похищения) невест. Во времена господства родовых общин воровство было самым распространенным способом приобретения имущества. Насильственному захвату подлежали хозяйственный инвентарь, охотничья добыча, скот и женщины чужих родов. Девушек насильно или по предварительному взаимному согласию — сговору — подкарауливали возле рек и озер и уносили в свои поселения. Отсюда и происхождение слова «брак» — от «брати» в значении «нести». Такой способ бракосочетания ограничивался несколькими месяцами в году. Начинали «умыкать девиц» весной на праздник Лады и заканчивали на Ивана Купалу.

Женщины в языческой Руси вступали в брачные отношения по мере физического созревания — в двенадцать—четырнадцать лет. Незамужняя женщина шестнадцати лет уже считалась старой девой.

Похищение невест, вероятно, было следствием возникновения табу на эндогамные связи. Когда в своем роду не хватало женщин, их похищали у соседней, что, в свою очередь, разрушало эндогамию и создавало возможности для многоженства. Данное явление было широко распространено в Древней Руси, о чем свидетельствуют многие источники.

О распространенности похищения невест сообщают летописи: «А деревляни живяху зверьским образом, живуще скотьски; и убиваху друг друга, ядуще все нечисто, и браченя в них не быша, но умыкаху у воды девица. А радимичи, и вятичи и северо один обычай имяху: живяху в лесе, якоже всякий зверь, ядуще все нечисто, и срамословье в нихъ пред отци и пред снохами, и браци не бываху в них, но игрища межю селы, и схожаху на игрища, на плясаня и на вся бесовьския песни, и ту умыкаху жены себе, с неюже кто свещевашесе. Имяхут же по две и по три жены»²⁹.

²⁹ Повесть временных лет, СПб., 2007. С. 10–11.

На этих игрищах юные блудницы из разных сел присматривали себе женихов, а юноши чуть постарше оценивали достоинства потенциальных невест. Они пели и танцевали на лесных полянках, частично обнажаясь и заигрывая друг с другом. Пары, приглянувшиеся друг другу, могли уединяться, чтобы предаться любви и сговориться об инсценировке похищения.

О традициях отношений родовых общин выдающийся русский историк профессор Василий Осипович Ключевский писал так: «Для сел, состоявших из одних родственников, важным делом было добывание невест. При господстве многоженства своих не доставало, а чужих не уступала их родня добровольно и даром. Отсюда необходимость похищений. Они совершались, по летописи, «на игрищах межю селы», на религиозных праздниках в честь общих неродовых богов «у воды», у священных источников или на берегах рек и озер»³⁰.

О том же свидетельствовал в своей «Истории России» и Сергей Михайлович Соловьев, утверждая, что «умыкание» невест было древней языческой формой брачного обряда. На это указывают предварительный сговор жениха с невестой и то, что «умыкание» совершалось «у воды», ритуальное сопровождаемое дарами водяным божествам, трапезой и гаданиями. Из фольклора известна и другая форма свадебного обряда: вождение жениха и невесты вокруг дуба и ракиты, которые также имели ритуальное значение.

Взгляды на брак как основу создания семьи у разных племен значительно отличались друг от друга. В летописях эти различия приводятся как основные нравственные характеристики племен. «Имяхуть бо обычая своя и законы отец своих и предания, кождо своя норовъ». Так, летописец Нестор в «Повести временных лет» сообщает, что у полян за невест платили выкуп, а многоженство запрещалось. «Поляне же своихъ отецъ обычай имяху тихъ и кротокъ, и стыдене къ снохамъ своимъ и к сестрамъ, и къ матрем своим, и снохи к свекровам своимъ; и к деверемъ велико стыдене имуще. И брачный обычай имeahу: не доажаше женихъ

³⁰ Ключевский В. О. Курс русской истории: в 5 ч. Ч. 1. М.: Пл., 1923. С. 140.

по невесту, но привожаю вечер, а завтра приношаху что на ней владуче»³¹.

У многих племен русичей достаточно долгое время, вплоть до утверждения и распространения христианства, сохранялись традиции многоженства. При этом жены не были в рабском подчинении у мужей. Более того, «нелюбимые» жены могли, почти не таясь, изменять мужьям. Если им удавалось найти мужчин, желавших жениться и обещавших сделать их «главными» женами, они нередко меняли супруга.

Несмотря на распространенность многоженства, это явление не считалось делом законным и правильным. Исследователи древних славянских текстов супруги Валентин и Юлия Гнатюк, подготовившие издание со своими комментариями «Велесовой книги», отмечают, что ведические заповеди предписывали каждой жене иметь одного мужа, а мужу — одну жену³². О признании правильности моногамного брака свидетельствует и славянская мифология, указывающая на существование парных семей у богов: Сварог и Земля-Протева, Перун и Перуница, Купало и Кострома, Лад и Ладо.

Вполне вероятно, что правильность и законность моногамии среди славян была пережитком родовой эндогамии, при которой брак заключался внутри рода. Отражением древнего перехода к экзогамии был обычай похищения невест из чужих родов. В пользу этого предположения свидетельствует то, что среди немногих описаний интимных традиций славян встречаются сведения, что в дохристианский период девиц, сохранивших свою невинность до свадьбы, лишали девственности родовые вожди и волхвы.

Этот обряд дефлорации проводился ими в бане накануне свадьбы. Он же вполне мог быть и отголоском древнего обычая введения женщины в новый род, когда с украденной невестой вначале вступали в сексуальную связь по старшинству другие

члены рода, а уж затем она передавалась жениху³³. Такое право князя или его наместника на первую брачную ночь с молодой невестой было заменено княгиней Ольгой специальным налогом, о чем упоминал В. Н. Татищев: «...отменила Ольга княжий обычай, а уложила брать от жениха по черной кунице как князю, так боярину от его подданного»³⁴.

Уложка в бане

В 967 году князь Святослав запретил вождям и волхвам заниматься дефлорацией, указав, что отныне лишение девственности должно быть правом и прямой обязанностью мужей. Так, с конца X века стало цениться сохранение девушки «чистоты» добрака.

Само брачное торжество предварялось похищением девушки из другого рода племени и ее последующим выкупом у родственников. Поскольку дети были собственностью отца, то похищение

³¹ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 10.

³² Велесова книга / пер. и коммент. Ю. В. Гнатюк, В. С. Гнатюка. М., 2006. С. 260.

³³ См.: Осницький А. В. История семьи и брака. Т. 1. С. 162–163.

³⁴ Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. Т. 2. М., 2003. С. 35.

дочери, как и всякого другого имущества, требовало возврата и мести похитителю за нанесенную обиду. Дабы избежать этих тяжелых последствий, похититель предлагал родственникам невесты имущественную компенсацию за нанесенный ущерб и обиду. Если предложенные дары принимались, то отец уступал свои права другому мужчине и дочь переходила в собственность своего жениха.

Постепенно обычай умыкания невест стал заменяться предварительной сделкой покупки невесты. В таких случаях посланцы жениха договаривались с отцом девушки о браке за выкуп и назначении времени свадьбы. После этого выходящую замуж дочь «приводили» к мужу, и она становилась членом рода своего супруга. Таким образом, женатые сыновья со своими женами и детьми оставались в родительском доме, а замужние дочери уходили в семью мужа. Однако условия заключения брака могли быть и другими. При отсутствии у родителей невесты сыновей часто практиковалось и «приймачество», то есть усыновление мужа дочери, и тогда, вопреки обычаю, замужняя женщина вместе с мужем жила в семье своих родителей.

Приведение жены в семью мужа сначала распространилось среди князей: именно таким образом «привел» Вещий Олег жену своему воспитаннику князю Игорю: «Игореви вращьтше ... и приведоша ему жену от Плескова, именем Ольгу»³⁵. Так же «приводит» жену-гречанку князь Святослав своему сыну Ярополку. «У Ярополка же жена Грекия бе, и баше была черницею; бе бо привел ю отец его Святослав, и вжа ю за Ярополка, красоты ради лица ея»³⁶, — так свидетельствуют летописи. У простолюдинов обычай «умыкания жён» сохранился вплоть до XV века вместе с другими пережитками язычества.

Церемония заключения брака проводилась волхвами в священном капище, куда молодых вводили боярин и его помощник — дружа — с караваем на рушнике, символизирующим почет

³⁵ Полное собрание русских летописей, Т. 1, вып. 1: Лаврентьевская летопись. Л., 1926—1928. С. 21.

³⁶ Там же. С. 54.

и богатство рода. Вслед за женихом и невестой следовали нареченные божатые родители, кровные родители с родственниками и всеми приглашенными. Войдя на капище, боярин и боярыня держали в руках венки и рушники, а божатые родители — образы Сварога и Лады.

Рушники в обряде символизировали семейный путь будущих мужа и жены. На один рушник они становились, а другим и.м. связывали соединенные руки. Новобрачным подносили глиняные кружки, необходимые для первой семейной братчины — испития сурицы³⁷. Эти кружки затем разбивались об алтарный камень, что символизировало смерть старой жизни и рождение новой. Осколки кружек должны были собрать родственники и пустить в реку либо в другую проточную воду, чтобы река обтесала все острые углы осколков, и совместная жизнь была гладкой.

В ходе обряда волхв мазал невесте губы медом перед первым семейным поцелуем. Это действие означало благословение на счастливую, сладкую и радостную жизнь. На молодоженов сыпали зерно, магически благословляя их на продолжение рода. на его приумножение, дабы русичей было как зерна в поле и как звезд на небе. В завершение обряда молодые муж и жена трижды перепрыгивали через обрядовый огонь, тем самым очищали себя и благославлялись силой отца Сварога, проявленной через Огнебога.

Следующий за обрядом пир начинался в доме родителей невесты. Молодожены брались за руки и обменивались подарками, среди которых особенно важным было яблоко, так как оно символизировало плодородие и любовь. Затем, после угощения родственников и гостей, невесту в свадебном одеянии, распевая крайне неприличные соромнищные песни, провозжали в дом жениха. Там ее встречали медом и хлебом и забрасывали различными плодами, чтобы она была плодovitа и зажиточна. Ей торжественно расплетали косы и остригали волосы, одевали повойник, обернутый фатой. Она сним ла с мужа обувь в знак

³⁷ Сурица — традиционный славянский напиток, настой различных трав на медовой воде.

того, что полностью подчиняется ему, а жених, утверждая свое господство, наносил ей символические удары плетью.

После этого дружки одевали новобрачных в новые рубахи и торжественно укладывали их на ложе для завершения брачного обряда. Гости, собравшиеся на свадьбу, предавались буйному веселью и распевали те же соромничьи песни для поддержки и ободрения молодых. Эта первая брачная ночь имела огромное значение в жизни семьи, особенно если женихи и невеста не были раньше знакомы. Невесты старались всячески угодить женихам, удовлетворить любые их желания и продемонстрировать свои сексуальные достоинства и умения. Понравиться было для них вопросом жизни и смерти, поскольку если после свадьбы молодая жена оказывалась не мила мужу, то это было для нее большим позором и она, следуя древним традициям, должна была утопиться в ближайшем водоеме.

У мужчин заключение брака могло повторяться неоднократно, поскольку полигамия у древних русичей была весьма распространена. Так, например, у вятичей, радимичей и северян многоженство было обычным явлением. Многоженство в дохристианской Руси было распространено лишь в среде зажиточной племенной знати, а браки простолюдинов, как правило, были моногамны. Их скромное экономическое положение не позволяло содержать нескольких жен, не говоря уже о наложницах. При этом тяжелые условия труда, угроза голода и внешние опасности вынуждали людей жить в больших патриархальных семьях, где нередко приводило к серьезным нарушениям моногамности.

Так, например, в больших семьях достаточно часто практиковались незаконные сексуальные связи в виде снохачества, когда отец, женивший своего малолетнего сына, вступал в супружеские отношения с его женой (снохой). Исторические документы более позднего времени свидетельствуют о распространенности инцестуозных отношений внутри семьи.

Отношения в полигамных семьях регулировались древними традициями, согласно которым жены, в отличие от мужей, были более преданы и верны им. Об этом убедительно говорят свидетельства, оставленные иностранцами, которые не всегда были

доброжелательны в своих отзывах о руссах. Многие источники превозносят целомудрие замужних русских женщин и их любовь к мужьям, с которыми в случае их смерти они добровольно уходили из этого мира.

Так, у арабского путешественника и писателя Ибн Русты, жившего в первой половине X века, существует прямое указание на жертвенную верность и преданность русских женщин своим мужьям. Он, в частности, писал: «Если у покойника было три жены и одна из них утверждала, что она особенно любила его, то она приносит к его трупу два столба, их вбивают стоймя в землю, потом кладут третий столб поперек, привязывают посреди этой перекладины веревку, она становится на скамейку и конец [веревки] завязывает вокруг своей шеи. После того как она так сделает, скамью убирают из-под нее, и она остается повисшей, пока не задохнется и не умрет, после чего ее бросают в огонь, где она и сгорает»³⁸.

Здесь следует отметить, что жертвенность по отношению к семье и роду у наших предков была далеко не всегда добровольной. В тяжелые времена неурожая или разорительных набегов врагов были весьма распространены человеческие жертвоприношения. Как правило, это были ритуальные убийства детей и подростков. Данные археологических раскопок позволяют выделить два периода активизации таких жертвоприношений. Наибольшее количество останков насильственно умерщвленных детей было обнаружено в слоях, относящихся к периоду с I по V век, когда происходило освоение новых земель, и времени христианизации Руси, когда язычники столкнулись с поруганием своей религии. Жертвоприношением детей они пытались вернуть прежние времена.

Кроме того, детей было принято приносить в жертву при погребении родовой знати и воинов — как проводников в царство мертвых. Византиец Лев Диакон в труде «История» описывал обряд погребения руссов, убитых в сражении под Доростолом, где византийцы схватились с войском князя Святослава. «Как скоро

³⁸ Грицак Е. Н. Популярная история медицины. М., 2003. С. 258

наступила ночь и явилась полная луна на небе, то Руссы вышли на поле и собрали все трупы убитых к стене и на разложенных кострах сожгли, заколов над ними множество пленных и женщин. Совершив сию кровавую жертву, они погрузили в струи реки Истра младенцев и летухов и таким образом задушили»³⁹. Очевидно, обычай сопровождения мертвых детскими жертвоприношениями был широко распространен в языческой Руси.

О таком жертвоприношении детей свидетельствуют археологические раскопки. Так, на горе Богит, в Тернополье, при раскопках захоронения престарелых волхвов были обнаружены останки убитых двухлетних детей. При раскопках городища «Бабина гора» к северо-западу от Киева археологи нашли захоронение детских черепов. Ученые считают, что этих детей убили сами жители городища при нападении на селение сарматов. Это вполне согласуется с описанием византийцем Кассарием Низианским (VI век) славянских воинских погребальных трапез, во время которых язычники «разбивали детей о камень, подобно мышам». Спустя шесть столетий, в XIII веке, в православной Руси «Слово о поесте к невежам в понеделок» вновь упоминает тот же варварский обычай: «...разбивая младенца своя о камень. Мнози же от человек погубяють мзду свою»⁴⁰.

Детей приносили и в жертву идолам, очевидно, как посланцев в загробный мир. Много жертвенных ритуальных ям и колодцев было обнаружено в калищах возле Звенигорода. При раскопках были найдены останки принесенных в жертву подростков от 12 до 15 лет, детей 6–7 лет и младенцев. Смерть этих детей относят к раннехристианскому периоду.

Кроме данных археологических исследований существует и множество письменных свидетельств о распространности человеческих жертвоприношений. Так, в «Повести временных лет» рассказывается о жертвоприношении князем Владимиром отрока в благодарность богам за победу русов над ятвягами:

«В год 6491 (983). Пошел Владимир против ятвягов, и победил ятвягов, и завоевал их землю. И пошел к Киеву, принося жертвы юмирам с людьми своими. И сказали старцы и бояре: «Бросим жребий на отрока и девицу, на кого падет он, того и зарежем в жертву богу». Был тогда варяг один, а двор его стоял там, где сейчас церковь святой Богородицы, которую построил Владимир. Пришел тот варяг из Греческой земли и исповедовал христианскую веру. И был у него сын, прекрасный лицом и душою, на него-то и пал жребий... Те же, взяв оружие, пошли на него и разнесли его двор. Варяг же стоял на сених с сыном своим. Сказали ему: «Дай сына своего, да принесем его богу». Он же ответил: «Если боги они, то пусть пошлют одного из богов и возьмут моего сына. А вы-то зачем совершаете им требы?» И кликнули, и подсекли под ними сени, и так их убили. И не ведают никто, где их положили»⁴¹.

Русский историк Николай Михайлович Гальковский в своем двухтомном труде «Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси» приводит цитату из творений Св. Григория Богослова, свидетельствующую об убийении детей: «таверская детарезанья идолам от первенец»⁴². Живший в конце XIII века епископ Владимирский и Суздальский святитель Серапим страстно укорял свою паству в маловерии и приверженности старым языческим обрядам с человеческими жертвоприношениями: «Обычай поганьский имае: волхам веру имете и пожигаете огнем неповинные человеки»⁴³. Жертвы были всегда целенаправлены и обосновывались насущными потребностями жизни рода. Известный отечественный фольклорист академик Никита Ильич Толстой приводит тексты древних обрядов для привлечения дождя: «Умножения ради плодов земных жертвы приношаху, а временем и людей в воде топяху»⁴⁴.

³⁹ Повесть временных лет // Памятники литературы Древней Руси. Начало Русской литературы. XI — начало XII века. М., 1978. С. 97

⁴⁰ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. С. 23.

⁴¹ Памятники литературы Древней Руси. XIII век. М., 1983. С. 452.

⁴² Толстой Н. И. Очерки славянского язычества. С. 77.

³⁹ Леваков. История. М., 1988. С. 78.

⁴⁰ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. в 2 т. Т. 2. М., 1913. С. 10

Жертвами в этих обрядах могли быть не только дети. В те трудные времена в тяжелых экстремальных условиях древние славянские обычаи предоставляли право взрослым детям умерщвлять своих родителей, обремененных старостью и болезнями и «тяготных» для семейства⁴⁵.

Конечно, все эти жертвоприношения были характерным признаком тяжелых бедствий простого народа. Правящая феодальная знать приобщалась к подобным обрядам крайне редко. Князья, жившие в достатке, имели много жен, а кроме них еще и наложниц. Об их многоженстве рассказывал арабский путешественник Ибрагим ибн Якуб, отмечавший, что они содержат по 20 и более жен. Другой арабский путешественник, ибн Фадлан, рассказывает о русском князе, имевшем 40 жен. О распространении многоженства среди племенной знати сообщали и отечественные летописи. У великого князя киевского Игоря Рюриковича, правившего с 912 по 945 год, кроме княгини Ольги были и другие жены. Его сын Святослав Игоревич (князь киевский с 945 по 972 год) также имел несколько жен и множество наложниц. Известный русский историк В. Н. Татищев полагал, что женой этого киевского князя была угорская княжна Предслава, которая родила ему сыновей Ярополка и Олега. Однако брачные узы и отцовские чувства для великого воина Святослава мало что значили, и его мать княгиня Ольга забрала внуков к себе в Вышгород, где они подрастали под ее присмотром. Из походов князь привозил себе десятки пленных женщин, удовлетворявших его сексуальные потребности. Служанку матери, ключницу Малушу, приглянувшись ему, он также сделал своей наложницей. Когда Малуша забеременела, Святослав подарил ей село Будятино, где она родила Владимира — будущего великого князя киевского.

Согласно «Повести временных лет», Святослав во время похода на Византию пополнил молодую красивую греческую монахиню и жил с ней какое-то время. Впоследствии он, дав ей имя Предслава, отдал в жены своему сыну Ярополку. 11 июля 972 года

Святослав погиб от рук печенегов на днепровских порогах, и великим князем стал Ярополк, который правил в Киеве по 978 год.

Будучи женатым на Предславе, Ярополк весьма успешно сватался к полоцкой княжне Рогнеде, но его второму браку не суждено было состояться. Его младший брат и соперник, князь новгородский Владимир, также сватовавшийся к Рогнеде, осадил Киев и во время переговоров злодейски убил Ярополка. Захватив киевский престол, Владимир овладел и беременной вдовой брата. Летописец Нестор писал об этом так: «Владимир же стал жить с женою брата — гречанкой, и была она беременна, и родился от нее Святополк. От греховного же корня зол плод бывает: во-первых, была его мать монахиней, а во-вторых, Владимир жил с ней не в браке, а как прелюбодей. Потому-то и не любил Святополка отец его, что был он от двух отцов: от Ярополка и от Владимира»⁴⁶.

Семейная жизнь великого князя киевского Владимира была ярким свидетельством укорененности многоженства в Древней Руси. У него, как известно, было пять «водимых»⁴⁷, то есть официальных, жен и, по счету «Повести временных лет», в общей сложности 800 наложниц. Летописец так писал об этом князе: «Был же Владимир побежден похотью, и были у него жены: Рогнеда, которую поселил на Лыбеди, где ныне находится сельцо Предславино, от нее имел он четырех сыновей: Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода, и двух дочерей; от гречанки имел он Святополка, от чехини — Вышеслава, а еще от одной жены — Святослава и Мстислава, а от болгарыни — Бориса и Глеба, а наложниц было у него 300 в Вышгороде, 300 в Белгороде и 200 на Берестове, в сельце, которое называют сейчас Берестовое. И был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растлывая девиц. Был он такой же женолюбив, как и Соломон, ибо говолят, что у Соломона было 700 жен и 300 наложниц. Мудр он был, а в конце концов погиб. Этот же был невежда, а под конец обредел

⁴⁵ Повесть временных лет. СПб., 2007. С. 173–174.

⁴⁶ Слово «жена» в Древней Руси обозначало всякую женщину вообще. Дав обозначает ия супруги использовались слова «тодружьа» (от слова «подруга») и «водимая» (от слова «водить», та, которую приводили в дом мужа).

себе вечное спасение. "Велик Господь, и велико могущество Его, и разуму Его нет конца!"⁴⁸.

Вечное спасение и причисление к лику святых как равноапостольного князя Владимир Красное Солнышко обрел после своего покаяния с обращением в православную веру и крещения Руси в 988 году. Однако же греховность князя Владимира не осталась без последствий и определенным образом сказалась на его детях. Так, известно, что сын Владимира от гречанки Предславы — Святополк — убил своих братьев Бориса и Глеба, за что был прозван «Окаянным» как совершивший преступление подобно Каину. Убиенные Борис и Глеб впоследствии были прославлены как первые русские святые мученики-страстотерпцы. Через двадцать девять лет после смерти князя Владимира, в 1044 году, его сын от Рогнеды Ярослав Владимирович Мудрый повелел вырыть из могилы кости князей Ярополка и Олега, крестить их останки и перезахоронить их рядом с могилой Владимира в Десятинной церкви. Об этом запрещенном христианскими канонами обряде было упомянуто в летописи⁴⁹.

Официально допустимое многоженство князей сохранялось на святой Руси вплоть до XIII века. Так, у правнука Ярослава Мудрого, галицкого князя Ярослава Осмомысла, правившего в 1153–1187 годах, было две жены — официальная княгиня Ольга, дочь Юрия Долгорукого, и другая, называемая Настаской. Наличие нескольких жен и наложниц было привилегией князей и знати. Семейный боярин, живший большим домом, помимо законной жены, вполне открыто заводил наложницу из холопок, которая по статусу стояла гораздо ниже жены, но тоже имела определенный вес и права. Как osoba, приближенная к домохозяину, она могла оказывать влияние на его распоряжения. Челядь и младшие домочадцы вынуждены были относиться к ней с почтением. Такая рабыня, называемая «хоть»⁵⁰, живущая с господином в качестве неофициальной жены, получала свободу после его смерти.

⁴⁸ Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева. С. 62

⁴⁹ Там же С. 205.

⁵⁰ Хоть — наложница, с которой поддерживались постоянные отношения и были общие дети.

Влияние христианства на брачные отношения в Киевской Руси

В лето 6496 года от сотворения мира и в 988 году от Рождества Христова по решению и просьбе великого князя Владимира Святославича патриарх Константинопольский Николай II Христоверг отправил в Киев духовную миссию во главе со святителем Михаилом для крещения Руси. Византийские священники массово крестили людей в водах Днепра и Почайны. Затем, где увещанием слова Божьего, а где жестоким принуждением, крещению подверглись и другие русские земли. Сопротивление насильной христианизации людей было порой весьма сильным и долгим. Так, например, Новгород приводили к «истинной вере» огнем и мечом киевский воевода Добрыня и тысяцкий Путята. Сломить людей новгородских, верных своим старым богам, удалось лишь в 990 году. В Ростове и Муроме сопротивление введению христианства продолжалось вплоть до XII века.

Крещение огнем и мечом.

Утверждение христианства на Руси имело как позитивные, так и негативные стороны, изрядно повлиявшие на жизнь людей и их семейные отношения. Выдающийся русский историк Николай Иванович Костомаров писал об этом времени так: «В эпоху, когда Русь приняла христианство, православная церковь была пропитана монашеским духом и религиозное благочестие находилось под исключительным влиянием монастырского взгляда. Сложилось представление, что человек может угодить Богу более всего добродетельными лишениями, страданиями, удрочением плоти, отречением от всяких земных благ, даже самоотчуждением от себе подобных, что Богу приятна печаль, скорбь, слезы человека; и, напротив, веселое, спокойное житие есть угодение двяволу и ведет к погибели. ... Хотя брак в церкви и признавался священным делом, но, вместе с тем, монашеское безбрачие ставилось гораздо выше брачной жизни; и благочестивый человек в назидательных житиях и проповедях мог беспрестанно встречать примеры, выставляемые за образец, когда святой муж избегал брака или даже уебал от жены для отшельнической или монастырской жизни»⁵¹.

Таким образом, христианский подвиг жертвенного сострадания к ближнему превращался в страдание ради самого страдания как высшей ценности. То, что должно было быть средством, стало целью, то, что должно было нести в себе любовь и добро, несло зло и насилие. Ведь если страдание объявлялось целью духовной жизни, то совершенно незачем было стремиться к его уменьшению. Тогда и жертва любви Христовой была напрасна, и учение Его о спасении, и призыв «Будьте как Отец ваш небесный» ложны, ибо ведут не к страданию, а к созиданию, свободе и радости. Бог воплотился в человека, чтобы человек стал Богом, чтобы осуществился в нем великий замысел Творца. Вместо этого монашеская церковная идея предлагала неустанную борьбу с данной Богом человеческой природой, с умерщвлением плоти, сотворенной Им по образу и подобию своему.

⁵¹ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 кн. Репринтное воспроизведение издания 1873–1888 гг. Кн. 1. М., 1990. С. 23–24.

Воплощая свои идеи, православная церковь безжалостно уничтожала древнюю языческую культуру с ее духовным жизнеутверждающим началом. Разорялись и горели капища древних славянских богов, запретам и гонениям подвергались кудесники и волхвы. Однако окончательно вытравить из сознания народа древние традиции и обычаи организации жизни этой новой чужеземной церкви не удалось до сих пор.

Огромная ошибка и беда православной церкви заключались в том, что декларируемые ею благие ценности любви, верности, смирения и добровольной жертвенности ради счастья ближних никак не совпадали с реальной жизненной практикой, сверхмеры, наполненной насилием, жестокостью и судебным преследованием.

Христианское духовенство, сменившее прежних волхвов, в проповедях и наставлениях призывало народ блюсти нравственную чистоту и хранить обет супружеской верности, данный при церковном венчании. А чтобы люди были меньше подвержены греховным соблазнам, эти наставления подкреплялись буквой закона, прописанной в уставе: «Аще поидеть жена от своего мужа за иныи муж или иметь блясти от мужа, ту жену поняти в дом церковный, а новожея (любовника) — в продаже митрополиту». Также и: «Аще муж от жены блядеть, митрополиту нет кун, а князь казнити»⁵².

Однако эти законодательные запреты большой силы не имели, о чем свидетельствует литературный памятник XII века «Вопрошание Кирика», представляющий собой диалог между новгородским епископом Нифонтом и его другом учеником Кириком, где дьякон спрашивал своего архиерея: «а вот владыка, некоторые заводят явных наложниц, и рожают детей, и живут, как со своей женой, а другие тайно со многими рабынями — что из этого лучше?» И тот отвечал ему: «Не хирошо ни то, ни другое»⁵³.

⁵² История государственно-конфессиональных отношений в России (X — начало XXI века): хрестоматия в 2 ч. Ч. 1. М., 2010. С. 25.

⁵³ Цит. по: Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М., 2011. С. 420.

Осуждая грех прелюбодеяния, церковь и закон защищали честь и достоинство женщин, оскорбленных и ложно обвиненных в непотребном поведении. «Аще кто зоветь чужую жену блядию, а будет боярская жена великих бояр, за сором 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота, а князь казнити; а будет меньших бояр — 3 гривны золота, а митрополиту рубль; оже будет городских людей — 3 гривны золота, а митрополиту рубль; селенце — 60 резан, а митрополиту 3 гривны»⁵⁴.

Исторические документы свидетельствуют о том, что женщины нередко прибегали к защите своей чести посредством церковного или мирского суда. Так, берестяная грамота начала XIII века № 531, обнаруженная археологами при раскопках в Новгороде, содержит в себе обращение некоей Анны к своему брату с просьбой вступить за нее и дочь. Она пишет, что некий Косьян, обвинив ее в нарушении каких-то обязательств, назвал ее курвою, а дочь блядью.

Церковь яростно боролась с таким языческим наследием, как сексуальные связи между близкими родственниками. Она категорически запрещала любые проявления инцеста, о чем свидетельствуют статьи церковного устава: «Аще отец с дочерью впадет в блуд, митрополиту 40 гривен, а опитемию приимуть по закону»; или «Аще кто с сестрою блуд створит, митрополиту 40 гривен, а во опитемии указано по закону»⁵⁵. Также запрещались и близкородственные браки. «Аще ближний род поимется, митрополиту 40 гривен, а их разлучити, а опитемию приимуть»⁵⁶.

Устанавливая нравственный порядок отношений в жизни мирян, духовные власти были вынуждены активно бороться и с плотскими сексуальными отклонениями в поведении священнослужителей. В «Вопрошани Кирика», в частности, упоминается, что «если после причастия целоваться с женщиной, и любить не свою жену, или влагать язык в уста, или неистовствовать, или повергнув лечь на нее, и изыдет семя, или родильным удом

⁵⁴ История государственно-конфессиональных отношений в России... С. 26

⁵⁵ Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв. М., 1976. С. 112.

⁵⁶ История государственно-конфессиональных отношений в России... С. 25.

прикоснуться, но не в то самое место ввергнуть, а семя изыдет, то если такое приключится с каким-либо попом, или диаконом — то отлучить его от службы на некоторое время, и пусть снова примет свой сан. Также и если сделает такое прежде своего постановления, то сначала дать епитимью, а потом поставить»⁵⁷.

Приходские священники и монахи были такими же людьми, как и их прихожане, и ничто человеческое не было им чуждо. О том красноречиво свидетельствуют статьи церковного устава «Иже чернец или черница впадет в блуд, тех судити митрополиту»; «Также же и поп, или попадия или прескурница, а впадет в блуд, тех судити митрополиту опроче миру, а в что их осудити, волен»⁵⁸. За поведением духовенства зорко следили наставники. Исповедники в монастырях с явным пристрастием допрашивали свою братию о прегрешениях рукоблудия, содомии, скотоложства, птичблудия и всех других возможных блудных грехов. Обличенных в плотских грехах священников на протяжении всего Средневековья увещевали, принуждали к покаянию посредством епитимьи, но строго не наказывали. Прощение их было вынужденной мерой. Когда в конце XV века московский митрополит Феодосий (Бывальцев) попытался «нужею навести на божий путь» приходских священников, это привело лишь к тому, что некому стало служить в церквях, что привело к явному всеобщему недовольству русских людей, и митрополиту пришлось оставить свой пост. «Многоя бо церкви без попов, и начата его проклинати: он же слыща се разболея того ради, и здрав бысть и сниде в келию к Михайлову Чюду в монастырь»⁵⁹.

Используемые церковью репрессивные меры нравственного исправления народа не давали желаемого результата. Напротив, загнанная под спуд жесткой церковной цензуры сексуальность прорывалась, принимая порой самые неестественные и изощренные формы. Кирик в «Вопрошани», помяная такие случаи,

⁵⁷ Мазыкин В. В., Самойлов Р. А. Кирик Новгородца: ученый и мыслитель. С. 422.

⁵⁸ История государственно-конфессиональных отношений в России... С. 26.

⁵⁹ Лурье Я. С. Феодосий Бывальцев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2, ч. 2. Л., 1989. С. 457.

спрашивал: «если человек имел сношения с рогатым скотом»; или «если девица лезет на девицу, и семья у них будет — легче наказать, если не с мужчиной?»⁶⁰. Нифонт отвечал ему: «Если бабят, то это падение хуже всего, потому что похоже на скотское дело»⁶¹.

Такие формы сексуальности, как скотоложство, лесбиянство и гомосексуализм, не только осуждались церковью, но и карались по закону. «Аще кто с животиною блуд сотворит, митрополиту 12 гривен, а в оптимии и в казни»⁶². Среди мирян, не столь ограниченных церковными запретами, сексуальные отклонения встречались гораздо реже. В народном сознании издревде сложилась нерушимая связь ценностей плотских радостей и детопроизводства.

Создание семьи в Киевской Руси

С X века создание и жизнь семьи перешли в ведение церковных властей. Духовенство в этих вопросах придерживалось канонических норм византийского права, что неизбежно повлекло за собой изменение и усложнение брачного ритуала. Появился предварительный сговор родственников — сватовство, обручение, после которого юноша и девушка становились женихом и невестой перед людьми и перед Богом. Затем следовало венчание, делавшее брак священным и нерушимым.

Церковь стала активно выступать против распространенной греховной практики многоженства и отдельных случаев многомужества. Многоженство законодательно осуждалось статьями Церковного устава⁶³ князя Ярослава Мудрого: «Аще кто имеет две жены водити, митрополиту 20 гривен, а которая подлегла, туу

пойти в дом церковный, а первую жену держати по закону. Имеет ли лихо ею держати, казнью казнити»⁶⁴.

Несмотря на то, что полиандрия в Древней Руси была несравненно более редким явлением, чем полигамия, о ее существовании и осуждении также свидетельствовала статья устава, которая устанавливала наказания за сожительство двух братьев с одной женой: «Аще два брата с единою женою, митрополиту 30 гривен, а женку поняти в дом церковный»⁶⁵. Впоследствии, с утверждением христианства, многомужество признавалось грехом и подлежало наказанию.

С утверждением православной веры прежнее похищение девиц с целью создания семьи объявлялось незаконным. По уставу князя Ярослава похищение (умыкание) девицы и насилие над ней подлежали наказанию. «Аще кто умчитьдевку или насилить, аще боярская дочи будет, за сором е 5 гривен злата, а митрополиту 5 гривен злата; аще будет меньших бояр, гривна злата ей, а митрополиту гривна злата, а добрых людей будет, за сором рубль, а митрополиту рубль; на умычех по 60 митрополиту, а князь их казнити»⁶⁶.

При этом устав возлагал на родителей обязанность устройства семейной жизни детей и ответственность за выбор их будущих супругов. Запрещалось их насильственное принуждение к браку. В частности, ряд статей говорил о необходимости свободного волеизъявления жениха и невесты: «Аже девка не всхоchet замуж, а отец и мати силоу дадут, а что створит над собою — отец и мати епископу в вине, а исторь има платити. Тако же и отрок»⁶⁷. Из данного текста следует, что родители несли ответственность за насилие над детьми в вопросах брака в том случае, если последние либо совершали самоубийство, либо покушались на него. Однако эти постановления не имели абсолютной правовой силы,

⁶⁴ «Имеет ли лихо ею держати, казнью казнити» — то есть если муж будет плохо обращаться с первой законной женой, то г одлежит наказанию.

⁶⁵ «Поняти в дом церковный» — заточить в монастырь.

⁶⁶ История государства и конфессиональных отношений в России... С. 24.

⁶⁷ Придожения // Митрополит Макарий. История русской церкви в 3 кн. М., 1994—1996. Кн. 2. 1995. С. 577.

⁶⁰ Мильков В. В., Сильмонов Р. А. Кирик Новгородцев: ученый и мыслитель. С. 428, 429.

⁶¹ Там же, С. 429.

⁶² История государства и конфессиональных отношений в России... С. 25.

⁶³ Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. М., 1984—1994. Т. 1. 1984. С. 139—140.

поскольку воля родителей в значительной степени определяла возможность или невозможность создания семьи.

В реальной жизни женили детей исключительно по воле родителей и благодаря стараниям сватов. Исследователь истории социальных отношений в Древней Руси Наталья Львовна Пушкарева отмечала: «Поскольку брачный сговор имел, прежде всего, характер имущественной сделки, заключительное решение действительно принималось родителями или родственниками невесты. ... брачные дела сыновей, как правило, тоже вершили родители: "Всеволод [Ольгович] ожени сына своего Святослава Василковню..."; в 1115 г. "повеле Дюрги [Владимирович] Мстиславу, сынове своему, Новгороде жениться..."»⁶⁸.

При этом в семьях князей и боярской знати мнением молодых людей почти не интересовались, и в подавляющем большинстве случаев жених и невеста даже не знали друг друга. Если же случилось, что молодые люди сами выбрали себе невест, то и в этом случае без родительского благословения брак состояться не мог. Так, сын Юрия Долгорукого новгородский князь Мстислав, решив жениться на боярыне Анастасии Петровне, должен был у отца своего просить на то разрешения. Василий Никитич Татищев в своей «Истории Российской» писал об этом: «Мстислав Юриевич, в Новгороде улюбя себе в супружество дочь знатного новгородца Петра Михалковича, просил отца своего о позволении; которое получил, учинил брак с веселием великим»⁶⁹.

При отсутствии родителей их полномочия в вопросах заключения брака перекладывались на ближайших родственников — прежде всего старших братьев и дядьев. Служилим людям для создания семьи кроме родительского благословения требовалось еще и разрешение князя или его наместника. В княжескую казну при этом нужно было заплатить «венечную» пошлину от жениха и невесты. Это правило сохранялось с древних времен, когда по

⁶⁸ Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси и Московского царства X–XVII вв. СПб., 2017. С. 83.

⁶⁹ Татищев В. Н. Русь Домосковская. История Российская во всей ее полноте. М., 2013. С. 421.

обычаю требовалось сообщать главе рода о своих намерениях. Следовательно, можно сделать вывод о том, что семейная жизнь на Руси считалась делом не только личным, но и общественным.

Православная церковь установила нижний возрастной порог вступления в брак. Согласно византийскому праву, для женщин он был ограничен тринадцатью годами, а для мужчин — пятнадцатью. Однако это ограничение, так же, как и требование о свободном волеизъявлении женихов и невест, соблюдалось далеко не всеми и не всегда. При создании семьи в княжеско-боярском сословии действовали причины политические. Здесь главной задачей было создание военных и экономических союзов, а потому и многие дети из княжеских родов вступали в брак с нарушением этих возрастных ограничений.

Русский писатель и историк Александр Васильевич Добряков в своем исследовании «Русская женщина в домонгольский период», вышедшем в 1864 году, писал об этом так: «Размножившиеся князья Рюрикава дома, сталкиваясь постоянно в своих разнородных стремлениях, видели в женщине связывающее звено, примирительницу враждебных сторон. Поэтому часто встречаем, что князья, заключая между собой мир, укрепляют его браком детей своих. При этом случалось, что брак происходил в раннем возрасте жениха и невесты»⁷⁰.

Так, известно, что в 1108 году сын Владимира Мономаха князь Юрий Долгорукий женился на 11-летней дочери половецкого хана Аепы — Анне. В 1187-м сын новгород-северского князя Игоря Святослав в возрасте 10 лет был обвенчан с дочерью овручского князя Рюрика Ростиславовича — Ярославой. В том же году этот князь (Рюрик Ростиславович) женил своего сына Ростислава на 8-летней дочери суздальского князя Всеволода Юрьевича Большое Гнездо — Верхуслане.

В Лаврентьевской летописи имеется подробный рассказ об этом бракосочетании. Князь овручский Рюрик Ростиславич отправил посольство в Суздаль, к великому князю Всеволоду Юрьевичу Большое Гнездо, для сватовства его малолетней дочери. Среди

⁷⁰ Добряков А. В. Русская женщина в домонгольский период. С. 64

знатных сватов были шурин Рюрика князь Глеб, боярин Чюрына с женой и «иными многи бояре с женами». Жениху-княжичу в то время было четырнадцать лет, а княжне-невесте — восемь. Как сообщает летописец, «плакаса по ней отецъ и мати, занеже бе мила има, и млада соуци, осми лет»⁷¹. Однако, несмотря на слезы родителей, сватовство прошло успешно. Всеволод дал в приданое бесчисленное множество золота и серебра, послы были одарены многими дорогими дарами.

Для присмотра за малолетней невестой вместе с ней на чужбину были отправлены родственники и другие бояре с женами. В Белгороде Верхуславу встретили, и на следующее же утро епископ Максим провел венчание. После обряда сыграли широкую свадьбу, на которой присутствовало двадцать князей с женами и боярами, и пиршество продолжалось восемь дней. Восмилетняя невеста была одарена многими дарами, в числе прочего ей достался и город Брягин.

Владимирский князь Всеволод Юрьевич в 1196 году женил 9-летнего сына Константина на еще более молодой княжне Марии — дочери князя Мстислава Старого. Черниговский князь Ростислав Михайлович в 1265-м выдал свою 9-летнюю дочь Аграфену за польского князя Лешка Черного.

Церковные власти осуждали столь ранние браки и всячески пытались препятствовать им. Так, в XII веке, в 1133 году, невестой польского князя Болеслава стала восмилетняя княжна из рода Рюриков, дочь князя Всеволода Мстиславича из Новгорода — Верхуслава. Новгородский владыка отказал князю в церковном венчании, и бракосочетание состоялось только в 1137 году, когда невесте исполнилось 12 лет. Брак был вполне удавшимся, Верхуслава родила мужу трех детей — двух сыновей и дочь, однако прожила недолго и отошла в мир иной в 37 лет.

В среде простонародья, где основой создания семьи был хозяйственно-экономический интерес, на церковные возрастные ограничения обращали внимания еще меньше. За невестой

⁷¹ Цит. по: Овсянников С. В. Брак и семья в Древней Руси IX—XIII веков. Владимир, 2010. С. 52.

давали приданое, соответствующее статусу ее семьи, к тому же с появлением невестки в доме прибавлялись еще одни рабочие руки. В таких обстоятельствах ни о каком свободном волеизъявлении молодых людей не могло быть и речи. Их мнением никто не интересовался, брак заключался по древним языческим обычаям, без церковного венчания.

При выборе будущей жены ее красота была не основным фактором сватовства. Главными признавались рост, полнота и здоровье. Поэтому в жены старались брать девок дородных и с большим бюстом. Невесты, чтобы казаться выше и толще, набивали всапоги соломой и надевали побольше одежды, применяли массу ухищрений, чтобы увеличить грудь. Известен древний рецепт, который применяли в Древней Руси те, у кого грудь была менее четвертого размера. Для растираний брали три ложки женского молока, ложку меда, ложку растительного масла и кружку отвара мяты перечной. Грудь должна была расти как на дрожжах. Такие женщины, по общему мнению, успешно рожали и лучше выкармливали детей. Физические данные жениха, его рост и вес мало кого интересовали, его ценность определялась в зависимости от зажиточности его семьи.

Венчание и сватовство утвердились на Руси только после того, как значительно ослабло влияние древних славянских обычаев соединения брачных пар на языческих праздниках, «бесовых игрищах» и «плясанях». Пока же прежние обычаи продолжали бытовать, народ полагал, что церковное венчание обязательно только для князей и бояр, а для остальных допустимы те же древние «плясанья, гуденье и плесканья».

Лишь в XII веке в Уставе князя Владимира Святославича было установлено исключительное право церкви утверждать законные браки. Зная о глубоком укоренении традиционных «игрищ бесовских», церковь пошла на уступки и объявила, что сохранение девственной плены до замужества необязательно, но несхранение ее должно быть наказано штрафом в пользу митрополита. Однако как ни боролась христианская церковь с язычеством, искоренить его полностью так и не удалось. В результате свадебные церковные ритуалы странным образом стали соседствовать с языческими традициями.

Свадьбы играли в периоды, когда прекращались сельскохозяйственные работы: осенью, начиная с Покрова дня⁷², и зимой, от Крещения до Масленицы. Хорошей приметой было приурочить дату венчания или срок знакомства к Покрову дню, так как Покров, наряду с Параскевой Пятницей, считался покровителем брачных союзов. Наряду с аграрным календарем время свадьбы определялось и церковными предписаниями. Православная церковь запрещала венчание во время постов, накануне воскресных, двенадцатых, храмовых и великих праздников, от Рождества до Богоявления, во время Сырной и Пасхальной седмицы. Не разрешались свадьбы накануне постных дней — среды и пятницы на протяжении всего года. Таким образом, времени для заключения брака оставалось не так уж много. Да к тому же церковь требовала от желающих создать семью многодневного воздержания. «Аще кто хочет жениться, то пусть воздерживаются 40 дней или хотя бы 8 дней до венчания, и дать им причастие, если требуется епитимья — то дать ее после»⁷³.

Препятствиями к браку могли служить наличие священнического сана, монашество, превышение разрешенного количества заключаемых браков или виновность в расторжении предыдущего брака. Также брак считался невозможным при физической неспособности жениха или невесты к семейной жизни, их недопустимом возрасте, отсутствии взаимного согласия и родительского благословения. Кроме этого, запрещалось венчать людей, пребывавших в родственных отношениях и имевших неправославное вероисповедание.

Помимо запретов на брак, существовала и практика добровольного безбрачия, которая не осуждалась людьми. Так, например, могло быть в случае, когда старший брат, заменивший умершего отца, отказывался от бракосочетания ради заботы о младших братьях. Также к безбрачию могла прибегнуть девушка в знак траура по умершему жениху. Такого рода самопожертвования вызывали уважение.

⁷² Праздник Покрова Пресвятой Богородицы — 1 октября по старому стилю, 14 октября — по новому.

⁷³ Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородский: ученый и мыслитель. С. 427.

К середине и особенно в конце эпохи Средневековья процесс заключения брака стал состоять из сватовства, смотрин, рукобития, вытия, девичника/молодечника, бани, венчания, гулянья и свадебного пира. Каждый этап этого процесса включал в себя множество обрядовых действий, обязательных для жениха, невесты, друзей, будущих тещи и свекрови и для других участников. Обрядовые песни, причеты и разные формальные ритуалы символизировали переход девушки из рода отца в род мужа.

Перед сватовством родители жениха собирали сведения о невесте и ее родственниках до седьмого колена. Если полученная информация удовлетворяла, в дом родителей девушки засылали сватов с предложением заключения брака. По обычаю, родители должны были отказываться от выдачи дочери замуж, а сваты были обязаны уговорить их, представляя аргументы выгоды и необходимости этой брачной сделки. Свидетельством такого сватовства служит новгородская берестяная грамота XII века № 955. Это письмо свахи Малуши к жене знатного новгородского боярина Петра Михалковича — Марене. Сваха пишет, что пора бы Большой Косе (видимо, дочери Петра и Марены) выходить замуж за некоего Сновида, и прибавляет в виде пожелания скорой свадьбы: «пни пизда и ськыль» (пусть вагина и клитор пьют).

Через несколько дней после сватовства происходили смотрины, когда старшие родственницы жениха оценивали достоинства невесты, а родители невесты приходили в дом жениха смотреть его хозяйство. От жениха требовали гарантии достатка в обеспечении будущей жены. Поэтому ее родители осматривали хозяйство очень внимательно. Основным требованием к хозяйству было обилие скотины и хлеба, одежды, посуды. По итогам смотрин жениху могли и отказать. Если после осмотра хозяйства жениха родители невесты не отказывали ему, назначался день публичного оглашения решения о свадьбе. В разных традициях этот обряд назывался по-разному: «свобы», «сговор», «заручины», «запоруки» или «рукобитье» — от слов «ударить по рукам». К концу XIII века общее согласие девушки, жениха, родителей невесты, родителей жениха стали фиксировать в брачном согласии — специальном договоре, заключаемом в письменной форме. В XIV–XV столетиях

заключительной частью сговора стало обручение, и обрученный обязан был жениться даже в случае осквернения его суженой.

За рукобитьем следовала недельная подготовка к свадебному дню, называемая «вытие». В это время готовилось приданое, а жених был обязан приехать с подарками. В северных традициях невеста постоянно причитала — выла вместе с подругами. В южных регионах в дом невесты каждый вечер приходил жених с друзьями на «посиделки», где молодые пели и плясали. Накануне дня свадьбы организовывался девичник для невесты и молодецник для жениха, где они символически прощались со своей прежней «свободной» жизнью. На девичник собирались подруги невесты и с причитаниями и песнями расплетали ей косу. К жениху собирались друзья на последнее гуляние, сюда же должны были прийти родственники и друзья будущей жены — коровбики. Они требовали выкуп за невесту. Накануне или утром свадебного дня невеста шла с подругами или с родителями в баню, где исполнялся ряд магических обрядовых действий. В баню с невестой могла ходить знахарка, которая собирала ее пот в специальный пузырек, а на свадебном пиру его подливали в пиво жениху.

Самая свадьба праздновалась три дня. Венчание в церкви не считалось обязательным, и часто брачный обряд проводился по старым языческим традициям. Если же семьи молодоженов решали, что нужно венчаться в церкви, то в первый свадебный день жених и невеста ехали в храм к венцу. Перед отправкой в церковь родители невесты благословляли молодых иконой и хлебом. Перед венчанием невесте расплетали девичью косу, а после того, как молодые были повенчаны, ей заплетали две «бабы» косы и тщательно закрывали волосы женским головным убором — повойником.

Во время пира пели величальные песни. Кроме жениха и невесты величали родителей и дружку. Почти все элементы свадебного ритуала имели скрытое магическое значение и выступали осязаемыми символами и начала формирования семейных отношений. К ним вполне можно отнести такие языческие обычаи, как осыпание молодоженов зерном, маком или хмелем, перенесение суженой через порог, связывание рук жениха и невесты полотенцем и другие. Чтобы уберечь невесту от порчи и дурного взгляда, в подол ее платья, в рубашку, в ворот закалывали безухие иглы, безголовые

булавки, тело обертывали обрывками мережек, а талию обвязывали шерстяной ниткой. Надежной защитой от супружеских измен и обманов считались стежки на ночной рубашке жениха, вышитые невестой. Вечером или ночью осуществлялось «укладывание молодых» — свахи или постельницы готовили брачную постель, которую жених должен был выкупить.

Опочивальню новобрачным, как правило, устраивали в каком-нибудь прохладном месте — амбаре, бане или подклете. Брачное ложе должно было быть высоким и иметь крепкое деревянное основание. По обычаю, в кровати или под ней прятали предметы, служившие молодоженам оберегом от злого умысла недоброжелателей и обеспечивающие им достаток и счастье. Это могли быть ржаные снопы, мешки с мукой — для будущего достатка молодой семьи, поленья — для того, чтобы у супругов было много детей, кочерга и сковородник — для отпугивания от новобрачных всякой нечисти. Простыни, подушки и одеяла брали из приданого невесты, ложе покрывали белым покрывалом с вышивкой.

В подготовленную спальню в сопровождении веселой толпы друзей, свах, родственников и гостей отводили молодых супругов. Эти «проводы» были шумными и веселыми. Гости пели песни и подбадривали молодоженов шутками и советами непристойно-эротического характера. Молодоженов отправляли в брачную опочивальню, а гости дружно пели: «Хуй штаны порет, пизда лавку грызет»⁷⁴. Раззадоривая друг друга и помогая молодоженам преодолеть робость и стеснение, гости дружно выкрикивали: «не на то пизда сшита, чтобы сыпать в нее жито, а на то отец родил, чтобы хуй в нее входил», «хоть пизда и грешна, да утешна»⁷⁵.

Перед укладыванием четы в кровать дружка бия ложе кнутом, чтобы изгнать нечисть, после чего провожатые уходили.

Дверь закрывали на замок и возле нее оставляли охранника, который должен был оберегать молодоженов от злых чар и разной

⁷⁴ Мороз Е. Веселая Эрата. Секс и любовь в мире русского Средневековья. М., 2011. С. 34.

⁷⁵ Пушкарёв Л. Н. Ранние русские пословицы и поговорки эротического содержания // «А се грехи злые, смертные...»: любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X — первая половина XIX века) / отв. ред. Н. Л. Пушкарёва. М., 1999. С. 631–640.

нечести. Вместе с ним могли оставаться и гости, желавшие быть поближе к молодым и подслушать или даже подсмотреть происходящее на брачном ложе.

Причиной для такого контроля со стороны родственников могло быть не только праздное эротическое любопытство, но желание воочию удостовериться, что соитие произошло и брак может считаться действительным. Также родственники могли опасаться, что невесту подменят в темноте или та незаметно сбежит с супружеского ложа, а ее место займет другая девица. В таком случае утром жених окажется мужем совсем другой особы, с совершенно другим приданым или вовсе без него.

Оставшись запертыми у брачного ложа, новобрачные угощались хлебом и курицей, дабы эта пища укрепила их силы. После еды молодая жена обязана была снять с ног супруга сапоги, демонстрируя тем самым смирение перед ним и готовность во всем его слушаться. Также она спрашивала у мужа дозволения лечь с ним. Оказавшись в постели, молодые предавались плотскому исполнению своего супружеского долга.

Молодая жена обязана была снять с ног супруга сапоги

Пир в это время, как правило, не прерывался. Гости веселились, распевая озорные частушки эротического содержания и допуская вольности сквернословия и поведения. Срамные слова и шутки несли в себе глубокий сакральный смысл. Роль матерных выражений в культовой практике свадебных обрядов определялась их магической силой, стимулирующей всеобщее плодородие и изобилие. Поминание женских и мужских гениталий призывало вселенскую силу сексуальности, иронизирующую мир людей, животных и растений, на помощь жениху и невесте для укрепления их плодovitости.

Дружка несколько раз ходил к новобрачным — осведомляясь о завершении важнейшего акта церемонии бракосочетания. После исполнения супружеского долга брак считался фактически подтвержденным, о чем громогласно объявлялось всем гостям. Молодых могли снова вывести на пир и радовать их песнями самого непристойного содержания. Гостям демонстрировали «честь» невесты — рубашку или простыню со следами крови. В отдельных местностях о «чести» невесты мог свидетельствовать жених, отвечая на ритуальные вопросы вроде «Лед ломал али грязь топтал?». Если невеста оказывалась «нечестной», то есть жених «грязь топтал», ее родителей и сваху могли подвергнуть осмеянию, повесить им на шею хомут и замазать ворота дегтем. Молодая жена «зело каялась» и просила прощения у мужа и его родственников.

Таких женщин, вступающих в брак не девственницами, ожидала печальная участь в семье супруга: их всячески унижали, заставляли выполнять самую черную работу. Кроме того, мужья часто периодически их избивали «за позор» и никогда не забывали их греха.

Потерю девственности в первую брачную ночь было принято символически отмечать развешиванием вышитых красными нитками полотенец и битьем горшков. После этого девица становилась «молодкой», а парень — «молодым». После брачной ночи молодку обряжали в одежду замужней женщины — красный сарафан — и надевали ей на голову повойник. Весь ритуал нужно было строго соблюсти, иначе новой семье грозили бесплодие и нищета. На второй день все обязательно перемешались в дом невесты. Пир продолжался там. Если пировали три дня, то на третий снова возвращались к жениху.

По окончании свадебных торжеств молодые супруги поселялись в доме родителей мужа. При возможности у них мог быть и свой дом, но он, как правило, считался собственностью большой патриархальной семьи. Крайне редким явлением было заключение брака-примы, когда молодая семья поселялась в доме родителей жены. Такое положение противоречило древним обычаям и естественному праву.

Бытовой уклад семейной жизни

Отыграв свадьбу, молодожены вливались в обыденную жизнь патриархальной семьи родителей мужа. Их отношения регулировались свекром, свекровью, а также древними обычаями и наставлениями церковных и светских властей. Здесь необходимо учитывать, что положение женщины на Руси в домонгольский период было достаточно устойчивым. По крайней мере, она не воспринималась как абсолютная собственность мужа, что было характерно для нравов древних славян. Наличие своего имущества в виде приданого обеспечивало ей определенную свободу и социальные права. Академическое издание «Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв.» сообщает: «Женщина из широких народных масс, благодаря участию ее в ремесле или торговле, не была изолирована от общества, да и в феодальной среде еще не заметно того затворничества женщины, которым отмечены последующие века»⁷⁶. Именитые жены князей и бояр пользовались большим уважением своих супругов. Об этом свидетельствуют духовные грамоты того времени. Так, например, князь Василий Дмитриевич наказывал своему сыну почитать мать не менее отца. Княгини по смерти мужей своих могли самостоятельно управлять наследственными уделами. Тому яркий пример великая княгиня Ольга, правившая после смерти мужа — князя Игоря, убитого древлянами.

⁷⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма IX–XV вв.: в 2 т. Ч. 2: XIV–XV вв. М., 1953. С. 408.

Княгиня Анна, жена великого князя Владимира Святославича, будучи сестрой византийского императора, действовала от имени византийского духовенства и подписывала Церковный устав Киевской Руси. Женщины могли иметь духовный сан, быть игуменьями монастырей и основывать духовные школы. В конце XV века княгиня Софья Палеолог принимала иностранных послов и вела с ними переговоры.

Вдова случкого князя Семена Мнхайловича, умершего в 1503 году, Анастасия, по малолетству их сына Юрия, сама правила княжеством и лично возглавляла войска при отражении татарских набегов. В период 1505–1508 годов она удачно возглавляла оборону Слуцка.

Женщины могли самостоятельно отстаивать свои интересы в суде. В тех случаях, когда у женщины не было достаточно аргументов или свидетелей для защиты своих прав, то ей могло быть назначено поле — Божий суд в виде поединка с оружием в руках. Если обидчиком был мужчина, то она имела право выставить против него наймита — отца, мужа, брата, жениха или доброго знакомого. Если же обидчицей являлась женщина, то истица обязана была сразиться с ней лично. Эти правила были официально записаны в Псковской судебной грамоте от 1397 года: «Жонки з жонкою присуждать поле, а наймиту от жонки не бити, ни с одну сторону»⁷⁷. Рукопашные бои в рамках таких поединков проводились редко. Обычно в поле использовалось такое оружие, как дреколье, рогатины и окованные железом дубины. Правила эти касались представительниц всех сословий.

Широкими имущественными правами пользовались вдовы, которые после смерти мужа становились полными хозяйками в своем доме, и роль главы семейства фактически переходила к ним.

Князья Киевской Руси пытались законодательно решать вопросы семейной жизни. В Уставе князя Ярослава было представлено большое разнообразие семейных неурядиц, от супружеских побоев до взаимных краж. Правда, в семейных конфликтах закон

⁷⁷ Псковская судная грамота (1397–1467). Псков, 1896. С. 40

был, как правило, на стороне мужчины. Если жена побивала мужа, то с нее взыскивался штраф в 3 гривны, но при этом нигде не встречались статьи о наказании мужей, бьющих своих жен. Законодательство того времени обходило стороной эту проблему, довольствуясь тем, что ни в одном документе того времени не упоминаются прямые рекомендации бить жену.

Изборник Святослава 1076 года предписывал беречь жен, если они были «мудры и благы». Правда, при этом признавалось, что такие жены — явление чрезвычайно редкое. «Жену мудру не удобь обрести. В женах редко обрящши истину»⁷⁸. В Изборнике повествуется о «злых женах», по отношению к которым необходимо проявлять твердость. «Не даждь жене дерзновения на тя, глаголати аште не ходит под рукою ти отъсеци ю отъ плети своея»⁷⁹.

О злых и непотребных женах писал и известный церковный деятель конца XII — начала XIII века Даниил Заточник. В его «Молении», обращенном к переяславльскому князю Ярославу Всеволодовичу, говорилось следующее: «...злая жена, когда ее бышь, бесится, а когда проток с ней — заносится, в богатстве гордой становится, а в бедности других злословит. Что такое жена злая? Торговка плутоватая, кощунница бесовская. Что такое жена злая? Людская смута, ослепление уму, заводила всякой злобе, в церкви сборщица дани для беса, защитница греха, заграда от спасения. Если какой муж смотрит на красоту жены своей и на ее ласковые и льстивые слова, а дел ее не проверяет, то дай Бог ему лихорадку болеть, и да будет он проклят. Вот и распознайте, братия, злую жену. Пворит она мужу своему: "Господине мой и свет очей моих! Я на тебя и взглянуть не могу: когда говоришь со мной, тогда смотрю на тебя, и обмираю, и слабеют все члены тела моего, и падаю на землю". Послушайте, жены, слова апостола Павла: крест — глава церкви, а муж — жене своей. Жены, стойте же в церкви и молитесь Богу и святой Богородице; а чему хотите учиться, то учитесь дома у своих мужей. А вы, мужья, в законе храните жен своих, ибо нелегко найти хорошую жену.

⁷⁸ Цит. по: Долгов В. В. Потаенная жизнь Древней Руси. М., 2009. С. 33.

⁷⁹ Цит. по: Там же. С. 35.

Хорошая жена — венец мужу своему и беспечалие, а злая жена — горе лютое и разорение дому. Червь дерево точит, а злая жена дом своего мужа истощает. Лучше в дырявой ладье плыть, нежели злой жене тайны поведать: дырявая ладья до дежудамочит, а злая жена всю жизнь мужа своего погубит. Лучше камень бить, нежели злую жену учить; железо переплавишь, а злой жены не научишь.

Ибо злая жена ни ученья не слушает, ни священника не чтит, ни Бога не боится, ни людей не стыдится, но всех укоряет и всех осуждает. Что злее льва среди четвероногих и что лютее змеи среди ползающих по земле? всех тех злее злая жена. Нет на земле ничего лютее женской злобы. Сперва из-за жены прадед наш Адам из рая был изгнан; из-за жены Иосиф Прекрасный в темницу был заключен, из-за жены пророка Даниила в ров ввергли, где лвы ему ноги лизали. О, злое, острое оружие дьявола и стрела, летящая с ядом!»⁸⁰.

От том же предостерегал и Владимир Мономах в своем «Поучении»: «Жену свою любите, но не давайте ей власти над собою»⁸¹. Семейные отношения строились по образцу государственной системы. Князь — глава своих подданных, муж — глава своих домочадцев. Жена не могла без его разрешения выходить за пределы дома, посещать церковь, вести с кем-нибудь разговоры, дарить подарки, и вообще, осуществлять общение вне дома она могла, только испросив разрешение супруга. Доля женского труда в крестьянских семьях всегда была необычайно велика. Особенно тяжела была доля младшей невестки в семье — жена младшего брата оставалась пожизненной служанкой в доме.

Дабы держать жен и детей в повиновении, их регулярно поучали битьем за всякую провинность. Случалось, что били и без всякой вины, «в прок послушания ради».

Семейные отношения почитались в Киевской Руси как священ- ный долг каждого члена общества. По законам «Русской правды»

⁸⁰ Моление Даниила Заточника / пер. с древнерус. Д. С. Лихачева // Повести Древней Руси XI—XII веков. Л., 1983. С. 424—425.

⁸¹ Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы XI — начало XII века. С. 401

Ярослава Мудрого за невыдачу девицы замуж предусматривалось наказание в виде штрафа митрополиту, размер которого колебался от 5 золотых гривен для великих бояр до 12 гривен серебра для смердов. Положение «старой деви» оценивалось как позорное несчастье. Неженатые мужчины подвергались общественному осуждению и должны были терпеть издевательства.

Еще с древних языческих времен семья воспринималась нашими предками как основа и центр регуляции жизни всего мира. С утверждением же христианства этот центр стал смещаться в сторону церковного канонического законодательства. Православные священники вмешивались в супружеские отношения прихожан не меньше католических каноников. Контроль над тем, насколько ревностно соблюдались многочисленные правила поведения мужчин и женщин, осуществлялся через таинство исповеди.

Духовенство имело достаточно подробные регламенты опросов кающихся прихожан. В 2005 году в одной из отдаленных деревень Вологодской области была обнаружена одна из таких старинных церковных книг, относящаяся к XIII веку. В ней описаны различные формы греховного сексуального поведения, и она предназначалась для священников как методическое пособие к принятию исповеди, покаяния и наложения церковного наказания — епитимьи. Поскольку греховные похоть, блуд, прелюбодеяние менее всего поддавались какому-либо внешнему контролю, духовенство старалось свести сексуальные отношения к самому возможному минимуму. Постные дни, недели, время больших постов и множество церковных праздников объявлялись запретными для плотских утех. Согласно предписаниям православной церковной традиции, таких дней насчитывалось до 300 в году⁸², что более чем в два раза превышало количество «свучных дней» в католической Европе. Там их насчитывалось всего 140⁸³.

⁸² Левина Е. Секс и общество в мире православных славян, 900–1700 гг. // *Секс грехи злые, смертные...»: любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России... С. 318.

⁸³ Балхаус А. Любовь и секс в Средние века. С. 138.

Однако и в дозволенное время половая жизнь людей подвергалась строгим количественным и качественным ограничениям. В первую очередь это касалось сексуальных отношений, которые были забавы ради, а не для рождения детей. Церковь ввела, что плотское удовольствие — это грех, и предписывала женам после «отдачи супружеского долга» несколько часов молиться Богу, стоя на коленях перед иконами. При этом исполнение «супружеского долга» разрешалось не более одного раза в сутки.

Ограничивались также и непотребные, с точки зрения церкви, формы проявления любовных ласк и сексуальных позиций супругов. Так, в вологодской книге, в частности, содержались вопросы к исповедующимся, сконцентрированные на особенностях их половой жизни: «Не держала ли кого за срамное место?», «За сощю жену не хватал ли?», «Не согрешил ли в задний проход?»⁸⁴.

С особой строгостью запрещалось использование позы, при которой женщина находится сверху, поскольку такая позиция признавалась нарушением божественных установлений, требующих во всем главенства и верховного положения мужчины. «В сборнике «Вопрошание-исповедание» XIV века указанная позиция упоминается среди «великих грехов» наряду с кровосмесительными связями, мужеложством, скотоложеством и прочими извращениями. И даже на фоне этих страшных прегрешений верхняя женская позиция подлежала более суровому наказанию. Так, за мужеложство полагалось четыре года «сухо есть» (поститься), за скотоложество — один год, за блуд с монашенками — два года, но мужчин, которые «на себя жен вступают, понуждая их», ожидало семилетнее наказание»⁸⁵. Запрещалась и позиция «стоя» — по той причине, что забеременеть в ней трудно, а стало быть, она используется не для чадородия, а токмо для греховного сладострастия.

Во многих епитимийных книгах того времени решительно осуждались взаимные ласки эrogenных зон и даже любовные поцелуи между супругами. Соответственно, считались

⁸⁴ Цит. по: Мороз Е. Веселая Эрата, Секс и любовь в мире русского Средневековья. С. 6.

⁸⁵ Там же. С. 8.

недопустимыми и такие эротические ласки, как петтинг, минет и куннилингус. Церковным наказаниям подвергались те, кто «целовал, язык затолкнув в рот», «вступил на ногу с похотью», «тыкал в лоно жене сквозь одежду рукою. Кто соромные уды дает лобызалоно жене сквозь одежду рукою. Кто соромные уды дает лобызалоно жене своим и сами лобызают соромные уды жен своих — два года сухо есть»⁸⁶.

Два года сухо есть!

Такой скрупулезный церковный контроль, естественно, встречал недовольство и сопротивление мирян. Русские люди, особенно в первые столетия Средневековья, редко ходили к исповеди, а когда исповедовались, то не всегда признавались своим пастырям в интимных прегрешениях. Со временем усилия духовных пастырей привили русскому народу внешнее подчинение требованиям церкви. О том свидетельствует берестяная грамота № 35, относящаяся к середине XII века, обнаруженная при раскопках в Старой Руссе. На бересте некий Хотеслав писал своему брату:

⁸⁶ ИвксО. История сексуальных запретов и предписаний. С. 228.

«Якове брате, еби лежа»⁸⁷. Академик Андрей Анатольевич Зализняк интерпретировал смысл послания к Якову как совет не оригинальничать и вести себя как все люди. Из этой же берестяной грамоты следует, что сопротивление церковным попыткам загнать человеческую сексуальность под спуд запретов и страха «высшего возмездия» продолжало существовать.

В упорной борьбе с древними языческими традициями православная церковь стремилась придать новое содержание некоторым прежним терминам, определявшим структуру межполовых отношений. Так, определение «блудница» утратило свое прежнее значение и стало характеризовать женщин, имевших добрые сексуальные связи, а супружеские измены были определены как прелюбодеяние. Незамужних женщин, занимавшихся проституцией, стали называть «срамными девками». Женщин, принявших и усвоивших церковные наставления о плотском грехе и всячески избегавших такового, называли «добрыми девами», но их, судя по историческим свидетельствам, было не так уж много. В основном среди крестьянства и городских ремесленников преобладали рациональные стереотипы восприятия брака, опиравшиеся на здравый смысл. Пастырским ограничениям народ противопоставлял свое житейское понимание о грехе и благочестии. Об этом красноречиво свидетельствует фольклор того времени — пословицы и поговорки. «Всякое дыхание любит пихание» или «Грех — пока ноги вверх, отпустил — Господь и простил». В ответ на церковное прославление женской асексуальности говорили: «Хороший жернов все мелет, а худая жена и на хую дремлет». Сочиняли люди и загадки с эротическим подтекстом: «Девушка маленька, дырочка узенька, пятеро держат, пятеро пихают, да двое гадают: верно или нет? (продавание нитки в иголку). Изг.: «Стоит девка на горе, дивуется дыре: Свет моя дыра, дыра золотая! Куда тебя дети? На живое мясо вздети» (о напёрстке).

В Средневековье наши предки не принимали жестких ограничений их естественной жизни, но это совершенно не значило,

⁸⁷ Зализняк А. А. Древненогородский диалект. Изд. 2-е, перераб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. М., 2004. С. 318.

что они предавались необузданному разврату и не имели семейных ценностей. Срамословие озорных частушек в обыденной жизни считалось неприличным и допускалось лишь на свадьбах или эротических праздниках, сохранившихся со времен язычества. Матерная лексика в этих обстоятельствах выполняла роль магических заговоров и эротических мантр, призывающих живительную сексуальную силу природы на поля, стада и, конечно же, на молодых членов рода. Посредством матерных форм предки просили духов дать им изобилие урожая, приплода скота и рождения детей. Неудивительно, что обильным срамословием сопровождалась и праздничные молодежные гулянья с эротическими играми, поскольку они заключали в себе идею перспективы будущих брачных союзов. Эти празднества годового цикла представляли собой своего рода систему сексуального воспитания молодежи. Такая предварительная подготовка должна была завершаться свадьбой, переводившей молодых людей в статус взрослых членов общины.

Таким образом, создание семьи для русских людей было одной из важнейших жизненных ценностей. Супружеские отношения регулировались естественным правом, продиктованным самой природой человека и опиравшимся на древние традиции и обычаи. Любовь и преданность друг другу служили залогом сохранности семьи и рода.

С утверждением христианства в брачных отношениях стал формироваться характерный мировоззренческий дуализм. С одной стороны, церковь проповедовала необходимость живой и одухотворенной любви к ближнему, а с другой стороны, соединяясь с государственной властью и укрепляя свое могущество, она формализовывала и ограничивала возможности проявления той самой живой и естественной любви.

Церковная идея сводилась к тому, что христиане должны любить Бога, а все остальные любовные отношения суть греховны и являются сатанинским соблазном. Об этом печальном явлении свидетельствует текст «Вопрошания», где архиепископ Нифонт проповедовал умеренно-либеральные взгляды на супружескую жизнь, внушал ученику, что в брачных отношениях греха нет.

Кирик же, в противовес наставнику, отстаивал «чистоту веры» и держался радикальных убеждений о несовместимости греховной похоти с православной верой. Сексуальные удовольствия он рассматривал как «беззаконство», «осквернение» и «огорчение Утробы Творца и Бога». О разногласиях ученика и учителя красноречиво говорит 74-е вопрошание: «Я прочитал ему из некоторой заповеди, что если в воскресенье и в субботу, и в пятницу ляжет человек и зачнет дитя, то будет либо тать, либо блудник, либо разбойник, либо трусливый, и родителям — епитимья два года. "А те книги годятся, чтобы их съечь", — ответил Нифонт»⁸⁸.

Воспитание детей

К рождению и воспитанию детей в Древней Руси относились с особой ответственностью и разумностью. Это считалось священным долгом и главной социальной обязанностью семьи перед родом и племенем. Бездетные семьи были редки, и к ним относились как к ущербным, неполноценным и лишенным Божьей милости.

Про впервые родившую женщину говорили, что она «оба-бл-ась». Если рождался сын, то она называлась «молодухой», если дочь, то ее нарекали «бабой». Слово «ба» в древнерусском языке имело значение «быть», «существовать», буквально «жить». Еще одно, более древнее, его значение — «врата жизни», и потому если женщина стала вратами жизни для других врат, которые когда-то позже тоже произведут на свет новую жизнь, то она дважды «ба-ба». Баба — это женщина, дарующая жизнь еще одной женщине, которая в будущем тоже подарит жизнь еще одному человеку.

Однако статус «молодухи» был выше, чем у бабы, поскольку рождению и воспитанию мальчиков — будущих воинов и земледельцев — придавалось большее значение, чем рождению дочерей.

⁸⁸ Цит. по: Мильков В. В., Симоненко Р. А. Кирик Новгородец: ученик и мыслитель. С. 421.

Сын-первенец по традиции становился главным наследником рода. На него ложилась забота о престарелых отце и матери, и ему всегда доставался отчий дом после смерти родителей. Этого старшего сына в Древней Руси называли «уродом», что буквально означало, что он остается у рода. Кроме родовой принадлежности слово «урод»⁸⁸ в Древней Руси означало еще и красоту. Первенец-урод считался самым важным ребенком, его посвящали богу Роду. Божество должно было уберечь его, а вместе с ним и все последующие поколения, от гибели и вырождения. На урода возлагали обязанности сохранения и передачи родовых обычаев, традиций и семейных ценностей.

Появление в семье дочерей приветствовалось менее восторженно, чем сыновей. Более того: «Всякая мать имела право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служитотечеству»⁸⁹.

Однако при благоприятных условиях жизни рождение ребенка любого пола всегда было радостным семейным событием. Потому и к беременным женам на Руси относились с глубоким почтением и трепетом.

До принятия христианства считалось, что женщина, вынашивающая плод, находится под покровительством верховных богов — Рода, Рожаниц и Мокоши. Род и Рожаницы считались небесными хозяевами мира, сотворившими вселенную. Мокошь почиталась богиней судьбы, воплощением вращающейся земли и оплодотворяющего дождя⁹⁰. Она была покровительницей женщин и женского труда — прядения и ткачества. Две дочери

⁸⁸ За много столетий положительный смысл понятия «урод» постепенно изменился на негативный. Сначала так называли посвященных Богу и отмеченных печатью святости. Затем так же стали именовать святых людей и е от мира сего о «уродивых». Постепенно это слово приобрело значение «дурачок, полоумный, иекорьдальчый».

⁸⁹ Карамзин Н. М. История государства Российского. С. 28.

⁹⁰ По мнению М. Фасмера, имя богини Мокошь происходит от слова «мокунуть». Эта богиня на прямую была связана с дождем и урожаем. См.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. в 4 т. Т. 2. М., 2003. С. 640.

Мокоши — Доля и Недоля — помогали матери пряхе нить судьбы человеческой. Хорошим, праведным людям доставалась нить от Доли, плохим — от Недоли.

Зачавшую женщину в семье воспринимали как любимицу богов, пославших ей дитя. Беременность, таким образом, считалась божьим благословением, а женщина — носителем благодати. Русичи верили, что она могла делиться этой благодатью и способствовать процветанию дома. Так, например, пытаясь почерпнуть у нее нужные силы, бездетные жены пекли для нее хлеб и приносили щедрые подарки. Считалось также, что если во время засухи при жертвоприношении богам облить беременную водой, то с небес прольется благодатная влага, способствующая богатому урожаю. А если женщина на сносях сорвет с молодой яблони плод и вкусит его, дерево будет всегда обильно плодоносить.

Следуя этим поверьям, родственники, и особенно муж, не должны были отказывать будущей матери в исполнении ее желаний. За столом лучший кусок доставался ей, а не главе семейства. В ее присутствии нельзя было ссориться, употреблять бранные слова или затевать драку. Страшным грехом считалось обидеть, толкнуть или ударить беременную женщину. Нельзя было заставлять ее выполнять трудную или грязную домашнюю работу, поднимать тяжести, ходить за скотиной, убирать мусор. Чтобы будущее дитя не тянулось ни в небо, ни в землю, беременной запрещалось развешивать на веревке выстиранное белье, наклоняться к земле, вытаскивая репу, лук или морковь.

Определенные ограничения накладывались и на саму беременную женщину. Так, например, ей запрещалось пить спиртное, лгать и ругаться, присутствовать на похоронах, общаться с тяжелобольными, калеками и нищими. Если она подавала милостыню, то должна была смотреть в сторону и закрывать лицо головным платком. Было также весьма нежелательным присутствие будущей матери при большом скоплении людей, поскольку ее и будущего ребенка могли сглазить. Ей строжайше запрещалось сидеть на пороге избы, поскольку считалось, что порог разделяет не только двор и жилые помещения, но и миры живых и мертвых. Чтобы ребенок после рождения остался среди живых, мать не

должна была даже останавливаться на пороге. В Мокошин день и в пятницу запрещалось шить, ткать и прядь, дабы не утратить благословение богини, которая могла за непочтение послать трудные роды, а то и отнять ребенка.

За несколько месяцев до предполагаемых родов, в так называемые «прошенные дни», в дом к беременной приходили родственники и просили у нее прощения за нанесенные ей обиды и огорчения. Она же должна была простить и в свою очередь просить прощения у них. Взаимное прощение должно было быть даровано от души, так как чья-либо оставленная обида могла «связать» роды и не дать младенцу появиться на свет. После утверждения на Руси христианства возникло поверье, что беременная должна совершать угодные Господу дела, так как это должно было обеспечивать ребенку божественную защиту до его крещения.

Рожали детей в банях. Деревянные стены и пол начищали добела и пропаривали помещение, чтобы роды были легкими. Крестьянки обычно рожали стоя либо на корточках, часто держась руками за лавку. По совету повивальной бабки могли рожать лежа. Дабы облегчить процесс родов, открывали все двери, окна, ящики, печные заслонки, развязывали каждый узел на одежде роженицы и расплетали ей волосы.

После родов повитухи перевязывали пуповину новорожденных детей материнским волосом. Это обеспечивало крепкую связь матери с младенцем. Затем перетавшую пульсировать пуповину обрезали и разглаживали ребенку ручки, ножки, животик и «правили» головку. Для ослабленных детей существовала процедура «пропекания». Материнская утроба считалась своеобразной печью. И если ребенок там «не допекся», то его на лопате трижды помещали внутрь остывающей печки, полагая, что после этого он будет более сильным и крепким. Затем малыша обмывали и подносили к материнской груди. По окончании этих родовых процедур с отца снимали рубаху и заворачивали в нее новорожденного младенца, устанавливая его связь с отцом. Поверх отцовской рубахи надевали вывернутый шерстью наверх кожух и обносили новорожденного вокруг дома, приобщая к родному очагу и семье.

Пропекание в печи

Спать матери после родов не давали, так как считали, что, если мать заснет, черти могут подменить ребенка, а отца кормили кашей с солью и перцем, приговаривая: «Солоно и горько рожать». Возле новорожденного мальчика клали какой-нибудь инструмент, чтобы он вырос умельцем, а возле девочки — пучок льна, который символизировал женский труд.

Первое время жизни ребенка родители заботились о его физическом состоянии. Их целью было вырастить сильных защитников и выносливых работников и работниц. Это, прежде всего, предусматривало здоровое питание, закаливание и поддержание тела в чистоте.

Возраст от рождения до полутора–двух лет назывался баянием⁹², от слова баяковать — качать в колыбели. Основная роль

⁹² Арапов О. В. Общая характеристика процесса воспитания детей в период Киевской Руси // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы V Междунар. науч. конф. Уфа, 2014. С. 16–20

в это время отводилась матери и ее общению с ребенком через колыбельные песни. Да и сама колыбель кроме чисто практического назначения быть первым местом жизни человека имела и строго определенные сакральные функции. С нею были связаны различные предубеждения. Так, например, нельзя было делать колыбель из осины, поскольку это дерево привлекает нечистую силу, ребенок в такой колыбельке умрет; нельзя было ломать или удлиннять колыбельку, это могло сократить жизнь малыша; нельзя было качать ее пустую, ибо это качание черта и ребенок не будет в ней спать.

Первый год жизни ребенка считался переходным в мир людей и завершался особым праздником — днем рождения, называвшимся «постриги». В этот день ребенку впервые стригли ногти и волосы, и он впервые предъяснялся широкому кругу родственников и соседней. С этого дня дети признавались полноценными людьми и будущими членами общины. В обряде этого праздника использовались орудия труда — сельскохозяйственные и плотничьи у мальчиков и ткацкие и прядильные у девочек.

С трех-четырёх лет начинался возраст пестования, в котором главную роль в воспитании детей, прежде всего сыновей, играли ближайшие родственники. В языческие времена, сохранявшие древние традиции матриархального родового строя, главными воспитателями были братья матери — «дядьки». Ребенок жил в семье дяди, а его отец, в свою очередь, принимал на воспитание кого-то из детей родной сестры. «Дядьки» были наставниками племянников и племянниц, а те, повзрослев, становились их помощниками. Оттуда и пошла старая пословица — «какие дядьки, такие и дятятки».

В процессе разложения родовых отношений, когда отдельные семьи осваивали новые земли, общение с родственниками матери становилось весьма затруднительным, а порой и совершенно невозможным. В соседской общине воспитательная роль дядек номинально перешла к выбираемым родителями соседям, с которыми заключался договор по взаимным обязательствам духовного и нравственного наставничества детей. Так возник институт кумовства. С утверждением христианства кум и кума

становились крестными родителями и обязаны были заботиться о своих крестниках и крестницах. Однако дети не жили в семьях кума и кумы, и реальную заботу об их воспитании осуществляли старейшие члены семьи — бабушки и дедушки. Они пестовали малолеток, рассказывали сказки, использовали игры, «потешки» и привлекали своих подопечных к простейшим видам труда.

Общаясь с дедушками и бабушками, дети усваивали важные жизненные правила о том, что нельзя сидеть без дела, когда мать и отец работают, что недостойно требовать от родителей того, что они не в состоянии дать, что следует почитать и слушать старших. В этом семейном воспитании важное место занимало формирование таких духовных качеств, как отзывчивость и чистосердечие, осмысление своего долга перед семьей и родом, доброта, забота и уважение к старости.

В период пестования детям прививались вера в сверхъестественные силы, любовь и милосердие к ближнему и трудолюбие. Первой моральной заповедью детства считалось уважение к матери. Поэтому тем, кто ее нарушал, грозило проклятие: «Укоряюще старость матерью, да исключют его вранове, да съедят орлы»⁹³.

Одним из главных средств формирования этих качеств были сказки, на основе которых и осуществлялось нравственное воспитание. Их содержание имело жизненно практическое назначение и представляло собой свод моральных наставлений с иллюстрациями живых примеров о том, какие беды и несчастья могут случиться с людьми, если они будут пренебрегать предостережениями и советами старших.

Период пестования завершался в семилетнем возрасте обрядом постригов мальчиков, плетением косы девочкам. Начинался период отрочества, который длился от семи до четырнадцати лет. Отроками на Руси называли мальчиков, еще не получивших права голоса зрелого мужчины.

С этого времени воспитание мальчиков и девочек становилось раздельным. Отроки переходили с женской половины дома

⁹³ Ядро В. Как учили и учились в Древней Руси // Наука и жизнь. 2002. № 7. С. 41.

в мужскую гридницу, где приобщались к мужским видам работ и овладевали навыками владения оружием, умениями в области земледелия и животноводства. Девушки-отроковицы оставались на женской половине и учились вести домашнее хозяйство, прясть, ткать, шить, готовить еду.

В X–XII веках для детей феодальной знати применялась такая форма воспитания, как «кормильство». В возрасте 5–7 лет малолетний княжич отдавался на воспитание в другую семью — кормильцу, которого князь подбирал из числа своих лучших бояр.

В обязанности кормильца входили умственное, нравственное и физическое развитие княжича, посылное привлечение его к военным и государственным делам. Кормилец также распоряжался от имени воспитанника делами в принадлежавшей тому волости. При княжиче формировалась дружина, набираемая из отроков двенадцатилетнего возраста из местных семей. Само слово «дружина» происходит от корня «друг» и означает содружество ровесников — молодых людей, осваивающих военное дело для защиты своих земель и службы при княжеском дворе. Это было подобием — аналог европейским рыцарским отрядам, служившим своему господину. Дружинники жили в отдельно стоящем доме-гриднице. Их профессиональная подготовка была одной из форм физического развития и формирования навыков управления⁹⁴.

Наставники любили своих подопечных, но относились к ним требовательно, прививая им правила поведения, определяемые их полом и условиями жизни семьи. Наряду с физическим и нравственным воспитанием значительное внимание уделялось и умственному развитию. В семьях учили основам понимания природных явлений, знакомили с проявлениями сверхъестественных сил. Дети наблюдали за растениями и животными, изучали приметы, по которым могли судить о переменах погоды.

Начиная с X века при князе Владимире Святославиче в Киеве стали открываться первые школы учения книжного, где молодых отроков обучали чтению, письму, счету, истории разных стран, догматам православной веры и основам христианской

нравственности. Школы основывались преимущественно при монастырях и в городах, где пребывали епископы. Учителями грамоты, как правило, были монахи, дьячки и певчие.

Для лучшего усвоения детским учения книжного и прилежного восприятия правил нравственного жития учителя и родители нередко прибегали к физическим мерам воздействия. За проявленную нерадивость или ослушание детей регулярно поролы розгами, а порой и довольно жестоко избивали. Как сообщает русский писатель-историк Александр Васильевич Добряков, мать Св. Феодосия, будучи сильна и здорова, как мужчина, «сердясь на сына за непослушание, часто в гневе и запальчивости била его... Когда Св. Феодосий ушел было однажды с паломниками ко святым местам, тайно от матери, то последняя, пустившись за ним в погоню, догнала его и в ярости и сильном гневе, схватив за волосы, повергла на землю и своими ногами топтала его. Она была в таком гневе, что, придя домой, била сына, пока он изнемог»⁹⁵.

Но в основном воспитательные меры опирались на осознание детьми необходимости своей подготовки к дальнейшей взрослой жизни. Так, например, великий князь Владимир Мономах в своем «Поучении» говорит: «Дети мои, не посмейтесь грамоте моей, но кому будет любя, пусть примет ее в свое сердце и пусть не ленится, пусть трудится. Прежде всего ради Бога и своей души имейте в сердце страх Божий, творите милостивно неоскудную, в том начало всякому добру»⁹⁶.

В домонгольский период достаточно развитая для того времени система детского образования способствовала тому, что грамотность среди населения Руси была широко распространена. Об этом свидетельствуют многочисленные археологические находки берестяных грамот с бытовыми повседневными записями и посланиями к друзьям и родственникам. С нашествием монголо-татар в первой половине XIII века книжное учение пришло в упадок, многие монастыри вместе со школами были разорены. В 1240 году

⁹⁴ Добряков А. В. Русская женщина в домонгольский период. С. 40–41.

⁹⁵ Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI — начало XII века. С. 393.

⁹⁶ Бордовская Н. В., Рван А. Педагогика: учебное пособие. СПб., 2006. С. 91

был захвачен и разорен Киев, погибли многие культурные ценности, а книжников и мастеров грамоты убили или угнали в рабство.

Несмотря на то, что обучением детей в основном занимались старшие родственники и наставники, родители всегда строго контролировали и принимали непосредственное участие в их воспитании. Древнерусские литературные памятники содержат ряд замечательных родительских наставлений своим возлюбленным чадам.

Кроме школьного образования и воспитания большое влияние на формирование и развитие детей оказывал институт опекунства. Жизнь в те далекие времена была опасной. Тяжелый труд, болезни и набеги врагов способствовали высокому уровню смертности среди взрослого населения, но при этом в доклассовом обществе не существовало сиротства. Все дети считались сыновьями и дочерьми родовой общины. При выделении отдельной нуклеарной семьи возникла проблема защиты интересов детей, оставшихся без родителей. Решалась эта проблема за счет ближайших родственников или посредством кумовства. Их основным долгом перед сиротами было сохранение для них наследуемого имущества — отцовской задницы⁹⁷.

Регуляция прав и обязанностей опекунов была закреплена законодательно в статьях «Русской правды» князя Ярослава Мудрого. Так, статья 99 определяет, что если будут в доме дети малые и не смогут они сами о себе позаботиться, а мать их пойдет замуж, то близкие родственники могут взять их себе с их имуществом, пока те не смогут сами заботиться о себе. При этом опекуны будут распоряжаться этим имуществом и получать с него прибыль. Если же новый муж матери возьмет детей с наследством, то и для него остается такое же условие. «Аче же и отчимъ приметь дети съ задницею, то тако же есть ярьдъ»⁹⁸.

Статья 101 уточняла обязательство матери перед детьми. Если она решала остаться вдовой, но растратила их имущество, а затем

⁹⁷ Задница — в древнерусском законодательстве наследуемое имущество.

⁹⁸ Цит. по: Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение. М., 2002. С. 219

вышла замуж, то должна была оплатить все утраченное детям. Если же у нее были дети от обоих мужей, то одни наследовали имущество от своего отца, а другие от своего. «Аже будуть двою мужю дети, а одной матери, то онем своего отца задница, а онем своего»⁹⁹.

Такая ответственность перед детьми продолжалась до времени их взросления и создания своей семьи. Сыновья, таким образом, становились взрослыми в 14–15 лет, а дочери по достижении 12 годов.

Женатые дети вливались в состав большой патриархальной родовой семьи и были обязаны заботиться о своих престарелых родителях. Эта обязанность детей в Древней Руси была закреплена законодательно: «Если сын не прокормитъ отца или вятерь ихъ и уйдетъ отъ нихъ (отдѣлится при жизни еще родителей), то онъ лишается своей части изъ общаго имущества»¹⁰⁰.

Внебрачные отношения

В исторических документах сведений о внебрачных отношениях в Древней Руси представлено не так уж много. В книге арабского дипломата и путешественника Ахмеда ибн Фадлана «Записка о путешествии на Волгу» рассказывается о бытовой жизни древних русов в первой половине X столетия. В частности, Фадлан упоминает о купцах, оставивших свои дома и семьи ради дальней и долгой коммерческой экспедиции «Они прибывают из своей страны и причаливают свои корабли на Атиле, а это большая река, и строят на ее берегу большие дома из дерева, и собираются (их) в одном (таком) доме десять и (или) двадцать, — меньше и (или) больше, и у каждого (из них) скамья, на которой он сидит, и с ними (сидят) девушки — восторг для купцов. И вот один (из них) сочетается со своей девушкой, а товарищ его смотрит на него. Иногда же соединяются многие из них в таком положении одни против других, и входит купец, чтобы купить у кого-либо из них девушку, и (таким

⁹⁹ Цит. по: Там же. С. 219–220

¹⁰⁰ Псковская судная грамота (1397–1467). С. 20

образом застаёт его сочетающимся с ней, и он (рус) не оставляет ее, или же (удовлетворит) отчасти свою потребность»¹⁰⁰.

Также Ахмед ибн Фадлан повествует и о жизни русских князей с их дружиной. «Вместе с ним в его замке находятся четыреста мужей из (числа) богатейшей, его сподвижников, и (находящиеся) у него надежные люди из их (числа) умирают при его смерти и бывают убиты (сражаясь) за него. И с каждым из них девушка, которая служит ему, и моет ему голову, и приготавливает ему то, что он ест и пьет, и другая девушка, (которую) он употребляет как наложницу. И эти четыреста (мужей) сидят под его ложем (престолом). А ложе его огромно и инкрустировано драгоценными самоцветами. И с ним сидят на этом ложе сорок девушек для его постели. Иногда он употребляет, как наложницу, одну из них в присутствии своих сподвижников, о которых мы (выше) упомянули»¹⁰².

Дружина пирует

¹⁰⁰ Путешествие ибн-Фадлана на Волгу / пер. и коммент. А. П. Ковалевского; под ред. И. Ю. Крачковского. М.: Л., 1939. С. 79.

¹⁰² Там же. С. 83.

В отечественных исторических документах самые ранние упоминания о супружеской неверности находятся в уставах князей Владимира Святославича, Ярослава Мудрого и летописи Нестора «Повесть временных лет». Летописец, например, повествует, что у князей кроме нескольких законных жен имелось еще и множество наложниц. Так, у великого князя киевского Владимира Красное Солнышко, помимо жен, было восемьсот наложниц, а кроме того, «был он ненасытен в блуде, приводя к себе замужних женщин и растлая девиц»¹⁰³.

Конечно, вызывая сомнение предположение, что у великого князя киевского Владимира хватало сил и времени на самоличное сексуальное удовлетворение всех своих жен и восьмисот наложниц. Скорее всего, если верить сообщению Ахмеда ибн Фадлана этих наложниц великий князь раздал в пользование гарнизонам своей дружины, стоящим по полторы сотни в Вышгороде и Белгороде и по одной сотне в Берестове. Таким образом, на каждого дружинника приходилось по две девицы, как и написано у арабского путешественника.

Князь Владимир в «Уставе о десятинах, судах и людях церковных» упоминает различные нравственные нарушения порядка в семейной жизни. «А кто вступит на мое дание, суд мне с тем пред богом, а митрополиту проклинати его собором. Дал есмь роспусы (разводы), смильное (супружеские измены), заставание (нарушение супружеской верности, доказанное свидетельскими показаниями), умыкание (похищение девушки для брака), пошибание (изнасилование)»¹⁰⁴.

Церковный устав князя Ярослава содержит много статей, посвященных внебрачным связям, но в основном они касаются насильственного принуждения женщин к сексуальным отношениям. «Аще кто умчнет деву или насилит: аще боярская дочка, за сором ей 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота; а меньших бояр — гривна золота, а митрополиту гривна золота; а Добрых людей — за сором ей 5 гривен серебра, а митрополиту

¹⁰³ Повесть временных лет / пер. Д. С. Лихачева. С. 62.

¹⁰⁴ История государственно-конфессиональных отношений в России - 22.

5 гривен серебра; а на умычницах — по гривне серебра митрополиту, а князь казнит. Аще кто пошибает (изнасилует) боярскую дочку или боярскую жону, за сором ей 5 гривен золота, а митрополиту 5 гривен золота; а меньших бояр — гривна золота, а митрополиту гривна золота; а нарочитых людей — 3 рубли, а митрополиту 3 рубли; а простой чяди — 15 гривен, а митрополиту 15 гривен, а князь казнит»¹⁰⁵.

Уставом категорически запрещались внебрачные сексуальные связи с иноверками. «Аще кто с бесерменкою или с жидовькою блуд сътворит, а не лишится, от Церкви да отлучится и от христиан, а митрополиту 12 гривен»¹⁰⁶. Также и женщинам запрещалось вступать в интимные отношения с иноверцами. «Аще жидовин или бесерменин будет с рускою, на иноязычницах митрополиту 50 гривен, а русскую понята в дом церковный»¹⁰⁷.

Устав Ярослава осуждал и любые формы греха прелюбодеяния. «Аще поидеть жона от своего мужа за иный муж, тую жону поняти в дом церковный, а новоженя митрополиту у продажи. Аще муж от жоны блядеть, митрополиту у вине»¹⁰⁸.

Конечно, все эти осуждения и запреты не имели по-настоящему действенной силы. Люди по-разному реагировали на супружеские измены. Женщины, как правило, молча переживали и терпеливо сносили развлечения своих мужей с другими женщинами, но иногда, доведенные до отчаяния, они прибегали к колдовству. В ответ на просьбу отвести мужа от полюбившейся ему женщины ведуньи советовали им взять горсть земли с того места, где петухи дрались, и подсыпать ее в постель своей разлучницы. От этого она станет с мужем вздорить и ссориться, и он вернется к жене. Считалось также, что если выпачкать неверному мужу поддевку или шубу бараньей кровью, то и вовсе его никто любить не будет. Еще одним верным способом влияния на супружеские отношения было изготовление «таинственного талисмана, который до- бывался из черной кошки или из лягушки. Из сваренной кошки

получали косточку-невидимку, делающую человека незримым. Из лягушки — две такие же косточки для приворотов и отворотов, возбуждавшие любовное чувство или вызывавшие отвращение»¹⁰⁹. При этом обманутой жене рекомендовалось подмешивать мужу в питье свое грудное молоко, женскую кровь и пот, чтобы он вновь воспыал к ней страстью.

Обманутые же мужья могли впадать в ярость и неистово карать своих неверных жен или, не желая огласки своего позора, предпочитали делать вид, что им ничего не ведомо о недостойном поведении супруги.

В. Н. Татищев в своих трудах приводит рассказ о сыне Владимира Маномаха князе Мстиславе: «Как-то вечером беседовал он с вельможами своими и был весел. Тогда один из его евнухов, подступив к нему, сказал тихо: «Князь, вот ты, ходя, земли чужие воюешь и неприятелей всюду побеждаешь, когда же в доме, то иди в суде и о распорядках в государстве трудисься, а иногда с приятеля твоими, веселясь, время препровождаешь, но не ведаешь, что у княгини твоей делается, ибо Прохор Василевич часто с княгинею наедине бывает; если ныне пойдешь, то можешь сам увидеть, что правду вам доношу». Мстислав, выслушав, усмехнулся и сказал: «Раб дорогой, не помнишь ли, как княгиня Крестина весьма меня любила, и мы жили в совершенной любви? И хотя я тогда, как молодой человек, не скупо чужих жен посещал, но она, ведая то, нисколько не оскорблялась и тех жен любовно принимала, показывая им, якобы ничего не знала, и тем наиболее меня к ее любви и почтению обязывала. Ныне же я состарился, и многие труды и попечения о государстве уже мне о том думать не позволяют, а княгиня, как человек молодой, хочет веселиться и может при том учинить что и непристойное. Мне устеречь уже неудобно, но довольно того, когда о том никто не ведает и не говорят, потому и тебе лучше молчать, если не хочешь безумным быть. И впредь никому о том не говори, чтоб княгиня не уведала и тебя не погубила». И хотя Мстислав тогда ничего противного не показал, но поверил в безумную евнуха крайнюю дерзость.

¹⁰⁵ История государственно-конфессиональных отношений в России. С. 24.

¹⁰⁶ Там же. С. 27.

¹⁰⁷ Там же. С. 25.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Блуд на Руси... С. 42.

И через некоторое время тиуна Прохора велел судить за то, якобы в судах не по законам поступал и людей грабил, за что его сослал в Полоцк, где тот вскоре в заточении умер»¹¹⁰.

Конечно, супружеские измены на Руси более были свойственны представителям знати — князьям и боярам. Так, летописи сообщают о чрезмерном женолюбии князя Юрия Долгорукого, который «хотя имел княгиню, достойную любви, и любил ее, но при всем этом многих жен подданных часто посещал и с ними более веселился, чем с княгинею. Он проводил с любовницами целые ночи за вином и музыкой, чем многие бояре оскорблялись, а молодые, следуя более своему уму, чем наставлению старших, подражали ему советом и делом»¹¹¹.

Церковь, осуждая любые формы внебрачных отношений, следовала канонам, изложенным в посланиях святителя Василия Великого, архиепископа Кесарии Каппадокийской. Во втором каноническом послании этот отец церкви писал: «Блуд не есть брак, и даже не начало брака. Посему совокупившихся посредством блуда, лучше есть разлучати, аще возможно. Аще же всемерно держатся сожития, то да примут епитимию блуда: но да остаются в сожитии брачно, да не горше что будет. ... Живущая с прелюбодеем есть прелюбодейца, во все время сожития. ...»

Аще муж, сожителствуя жене, и потом не довольствуя браком, впадет в блуд: такового почитаем блудником, и надолго оставляем его под епитимиею. Впрочем, не имеем правила подвергати его вине прелюбодейния, аще грех соделан со свободною от брака. Ибо речено: прелюбодейца сквернящийся осквернитса, и к мужу своему не возвратится (Иерем. 3: 1). Такжеже держащий прелюбодейцу безумен и нечестив (Прит. 18: 23). Но соблюдавший не отлучается от сожителства с женою своею, и жена должна принята мужа своего, обращающагося от блуда: но муж оскверненную жену изгоняет из своего дома. Причину сему дати не легко, но тако принято во обычай»¹¹².

¹¹⁰ Татищев В. Н. История Российская (1055–1378 гг.). Рязань, 2015. С. 36–37.

¹¹¹ Блуд на Руси... С. 25.

¹¹² Правила Святых Отцев с толкованиями. М., 1884. С. 251, 285, 238.

Из данного текста следует, что, согласно обычаю, мужчина, совершивший грех блуда, подвергался меньшему порицанию, чем женщина. Святитель отделяет грех блуда от греха прелюбодейния и полагает последний более тяжким. «Прелюбодействовавший пятнадцать лет да не приобщается Святых Тайн. Распределение же на сии пятнадцать лет для него следующее: четыре лета да будет он плачущим, пять слушающим Писания, четыре припадающим, два да стоит с верными без приобщения. Блудник семь лет да не причастится Святых Тайн; два лета да плачет, два да слушает, два да припадает, и едино лето токмо да стоит с верными, в осмoe допущен будет до свягато причастия»¹¹³.

Правда, при этом муж считался прелюбодеем, если у него была не только любовница, но и дети от нее. За измену жене мужчина должен был платить штраф церкви, а размер штрафа определял князь. Прелюбодейством со стороны жены считалась любая ее связь с посторонним мужчиной. Византийская Эклога в таком случае обязывала мужа наказать жену за легкомыслие и развестись с ней. «Если кто-либо вступил в связь с замужней женщиной, то и он, и она подвергнутся отрезанию носа. После же отрезания носа совершившая прелюбодейние возьмет свои вещи, которые она принесла к мужу, [и ничего больше]»¹¹⁴.

В отличие от византийского законодательства, на святой Руси развод в подобных случаях был лишь правом, а не обязанностью мужа.

Развод

В языческие времена развод был частым и вполне обыденным явлением у славян. Процедура его была до крайности проста. Супруги или их родичи публично разрывали над проточной водой или над перекрестком дорог полотенце, пояс или иной предмет

¹¹³ Там же. С. 329–330.

¹¹⁴ Эклога: византийский законодательный свод VIII века. Византийская Книга Эптарха. Рязань, 2006. С. 70.

одежды. После этого действия супруги считались разведенными и могли вступать в новый брак.

С утверждением христианства, начиная с XI века, согласно положениям Церковного устава князя Владимира, всеми семейными делами на Руси стала ведать церковь, которая крайне негативно относилась к разводам и чинила множество препятствий на пути тех, кто хотел освободиться от своих супружеских обязанностей. Церковное каноническое право того времени в своих положениях опиралось на Византийскую эклогу¹⁵ императора Юстиниана.

Данное законодательство предполагало довольно широкий спектр причин, дозволяющих расторжение брачных уз. К таковым относились долговременное отсутствие одного из супругов — пропал без вести и уже долгое время не подает о себе никаких вестей, что приравнивалось к смерти; пострижение в монахи или смена вероисповедания. Разрешался добровольный развод по обоюдному согласию в случае тяжелой болезни мужа или жены. В данном случае больной супруг должен был отпустить здорового, чтобы тот мог основать новую, здоровую семью. Расторжение брака считалось законным и оправданным, если кто-либо из супругов был не способен исполнять супружеские обязанности или бесплоден. Также семья распалась в случае супружеских измен и аморального образа жизни, когда жена посещала общественные места одна, без мужа, ночевала в чужом доме, а муж торговал честью своей жены. Развод неминуемо наступал при попытке убийства супруга или участия в заговоре против государя. Все вышеперечисленные случаи подвергались разбирательству в судебном порядке, где решались вопросы раздела и наследования имущества¹⁶, а также церковных штрафов¹⁷.

Последующее развитие отечественного канонического права в сфере семейных отношений значительно отличалось от

Византийской эклоги. Устав князя Ярослава о церковных судах, изданный в середине XI столетия, укрепил и расширил полномочия духовенства относительно регуляции семейных отношений. Церковью развод не только не одобрялся, но и прямо категорически запрещался. Венчание считалось священным союзом, заключенным на небесах и освященным Господом. «Что Господь сочетал, человек да не разлучает» (Мф. 19: 6). Поэтому «Устав» не позволял разводиться, даже если жену или мужа поразили «лихой недуг», слепота или «долгая болезнь». При этом развод допускался и был оправдан при нарушении семьмой заповеди Моисеевой: «Не сотвори прелюбы».

Проблема супружеской неверности как греха прелюбодейния особо упоминалась в «Вопрошании Кирика». «Если жена с другим — то муж не виноват, разведясь с ней. Если же муж не входит к жене без взаимного на то согласия — то жена не виновата, уходя от него». В своих рассуждениях архиепископ Нифонт опирался на правила, изложенные в посланиях святого Василия Великого. Правило 9-е повествовало: «О том, что ни по какой причине нехорошо жене уходить от своего мужа, оставляя его прелюбодействовать. Оставленный же или разведенный — живущая с таким не осуждается. Если же муж, отступившись от жены, пойдет к другой — то он прелюбодей. И поскольку заставляет прелюбодействовать, то и живущая с ним — прелюбодейка, потому что себе присвоила чужого мужа»¹⁸.

Того же святого Василия Великого правило 48-е гласило: «Разведенная с мужем, по моему пониманию, подобает пребывать по слову Господню: если кто оставит жену, кроме вины прелюбодейния, заставляет ее творить прелюбодейание. Чтобы не называли ее прелюбодейкой, запрети ей выходить за другого — как один может быть повинен в прелюбодейнии, а жена остается не грешной, коли названа прелюбодейкой Господом за сожительство с другим?»¹⁹.

¹⁵ Эклога (от греч. *эклогуй* — выбор) — краткий свод византийских законов.

¹⁶ Дети обычно наследовали только имущество отца, а не совместно нажитое родителями добро.

¹⁷ В соответствии с Византийской эклогой штраф за разрушение венчанного брака составлял 12 гривен, а невенчанного — 6 гривен.

¹⁸ Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученые и мыслитель. С. 423.

¹⁹ Там же. С. 424.

Утешающая праведна и безгрешна

Церковное признание женщины, утешающей оставленного законной женой мужа, как безгрешной и праведной позволяло ей вступать в брак с этим мужчиной, а его первая жена утрачивала возможность восстановления отношений, поскольку «их брак будет запрещен».

Так, исходя из поучений святых отцов, церковное законодательство допускало развод по инициативе мужа в случае супружеской неверности жены. «Устав Ярослава» предусматривал еще ряд других законных причин для расторжения брака, но все они опять-таки были связаны с провинностями жен.

«А сими винами разлучити мужа с женою.

1) А се первая вина. Услышати жена от иных людей, что думати на царя или на князя, а мужу своему не скажет, а опосли обличиться — разлучити.

2) А се вторая вина, оже муж застанеть свою жену с любодеем или учинити на ню послушы и исправу, разлучити.

3) А се 3-я вина, аще подумаеть жена на своего мужа или земли, или инеми людьми, или иметь что ведати мужа еа хотять убити, а мужу своему не скажет, а опосле объявиться, и разлучити их.

4) А се 4-я вина, аще без мужня слова иметь с чюжими людьми ходити, или пити, или ясти, или опроче мужа своего спати, потом объявиться, разлучити их.

5) А се 5-я вина, оже иметь опроче мужа ходити по играшам, или в дни, или в ноши, а не послушати иметь, разлучити их.

6) А се 6-я вина, оже жена на мужа наведеть тати (вора), велити покрасти, или сама покрадет, или товар, или церковь покрадши, инем подает, про то разлучити¹²⁰.

Архиепископ Нифонт среди достаточных поводов для развода упоминал еще и добрачные долги мужа, не дававшие ему возможность достойно содержать супругу и приводившие семейство к нищете, а также его пристрастие к алкоголю, кражу имущества жены и проматывание его: «Долгъ многъ оу моужа застанеть, а порты ее грабити начнет, или пропивает, или ино зло»¹²¹.

Нифонт также признавал оправданным расторжение брака среди белого священства¹²² в случаях супружеской измены со стороны жены духовного лица или брачного обмана. Когда дьякон Кирик вопрошал его: «Если жена попа или дьякона будет совершать прелюбодеяния?», он отвечал: «Разведясь с нею, держат свой сан». «А если дьяк возьмет жену и узнает, что она не девка?» — Пустив ее от себя, — велел продолжать оставаться (в церкви и служить)¹²³.

¹²⁰ История государственно-конфессиональных отношений в России... С. 27.

¹²¹ Цит. по: Омельячук С. В. Брак и семья в Древней Руси IX-XIII ввек. С. 59.

¹²² В православной церкви принято два вида священства — белое и черное. Белое духовенство — это семейные священники, им доступны первые два уровня священства. Жениться они могут лишь единожды. Черное духовенство — это священнослужители, монахи, которые приняли три обета: целомудрия (в это понятие входит и безбрачие), послушания и нестяжания (добровольной нищеты). Им доступны все уровни церковной иерархии.

¹²³ Мильков В. В., Сильманов Р. А. Кирик Новгородец, ученый и мыслитель. С. 422.

Вне этих условий за самовольный развод с женой «Устав» предписывал карать мужа денежным штрафом в зависимости от его социального статуса: «Аще же пустит¹²⁴ боярин жену великих бояр, за сором ей 300 гривен, а митрополиту 5 гривен золота, а меньших бояр гривна золота, а митрополиту гривна золота, а нарочитых людей 2 рубля, а митрополиту 2 рубля; простой чади 12 гривен, а митрополиту 12 гривен, а князь казнит»¹²⁵.

Однако при желании развода вину для постылой жены всегда можно было найти. Так, сын князя Ивана I Калиты князь Владимирский и Московский Симеон Гордый был трижды женат и развелся со второй своей женой — дочерью дорогобужско-яземского князя Федора Святославича Евпраксией, не прожив с ней и одного года. На церковном суде он объявил, что супругу «испортили» на свадьбе и по ночам на супружеском ложе она кажется ему мертвой. Такого обвинения оказалось достаточно для расторжения брака, несмотря на его крайне недостаточную убедительность. Вскоре после развода с Симеоном Евпраксия вышла замуж за фоминского князя Федора, и, судя по тому, что в новом браке родила четырех детей, мертвой она мужу не казалась.

К тому же надо сказать, что русские князья не только женились, преследуя свои политические интересы, но по тем же причинам и разводились с женами. Разрывая политической союз и дружбу с родственниками своей жены, они, как правило, прекращали супружеские отношения и с ней самой. Так, волынский князь Ярослав Святополчич, готовясь к разрыву с Владимиром Мономахом, развелся со своей женой Рогнедой — внучкой Манюха. Галицкий князь Роман Святославич, готовясь к брани с великим князем киевским Рюриком Ростиславичем, развелся с женой Предславой Рюриковной — дочерью своего супротивника. Расторгать брачные союзы могли не только мужья, но родители жены. Например, в 1215 году возникла распря между новгородским князем Мстиславом Удатным и его зятем владимирским князем Ярославом Всеволодовичем, который захватил новгородский Торжок.

¹²⁴ Пустит — разведется

¹²⁵ История государственно-конфессиональных отношений в России... С. 24

Мстислав обратился к зятю с отеческим внушением: «Сыну, княжюся тебе, мужей моих и гостей пусти, с Торжка прочь пойдя, а со мною любовь возьми»¹²⁶. Ярослав не внял внушению и в 6-й раз под Липецком потерпел сокрушительное поражение. Преследуемый войском тества, он укрылся в Переяславле. Мстислав, подойдя к городу, вызвал к себе дочь — же у Ярослава — и увез ее с собой. Сколько Ярослав ни просил вернуть ему жену, Мстислав был непреклонен и прервал с ним все родственные отношения.

Так, для имеющих власть и деньги расторжение брака не было большой проблемой, но для остальных, следуя букве закона, это было невозможно. Муж не имел права без ведома церковного суда самостоятельно развестись с женой. Однако жизненная практика далеко не всегда следовала букве закона. Люди разводились, не спрашивая разрешения у духовных отцов, не интересуясь их мнением, а порой и грубо нарушая права супруги.

Об этом, в частности, свидетельствует берестяная грамота второй половины XII века. Некая новгородская жена, оставленная своим мужем, жаловалась своему родственнику Василию: «От Гостыты к Василию. Что дал мне отец и родичи дали в придачу, то за ним. А теперь женяся на новой жене, мне он не дает ничего. Ударив по рукам (сговорившись о новой помолвке), он меня прогнал, а другую взял в жены. Приезжай, сделай милость»¹²⁷.

Судьба разведенной женщины, если ей не удавалось создать новую семью, была крайне печальна. После развода она могла взять с собой только свое приданое, а все совместно нажитое имущество оставалось бывшему мужу. Жениться же на разведенных женщинах, согласно 48-му правилу Св. Василия Великого, было не принято, особенно если развод происходил по их вине. В исключительных случаях церковь допускала второй брак для разведенных, но категорически отказывалась венчать третий и все последующие. Лишь в XV веке митрополит Фотий допустил венчание третьего брака в случае, если два предыдущих оказывались бесплодными.

¹²⁶ Цит. по: Добряков А. В. Русская женщина в домонгольский период. С. 67

¹²⁷ Цит. по: Ивях О. История разводов. С. 194

К XV столетию вследствие негативного влияния ордынской культуры государственные и семейные отношения в некогда единой Руси стали значительно различаться. Московское княжество, опираясь на поддержку ордынских ханов, усиливалось и централизовывало русские земли вокруг себя. В результате Русь в культурном отношении разделилась на московские земли и относительно свободные территории с центрами в Новгороде и на юго-западных окраинах.

Московские князья, плетя заговоры против ближайших соседей, используя военную помощь монголов, огнем и мечом объединяли Русь. На их землях утверждалась единоличная деспотическая самодержавная власть. Церковь все больше подчинялась и становилась зависимой от светских государей. В Новгороде, Пскове, Хлынове и ряде других городов высшим законодательным, а порой и исполнительным органом было вече. Духовенство в значительной части, а то и полностью, избиралось клиром и мирянами.

Все это, безусловно, сказывалось на жизни и семейных отношениях людей в этих различных по своей политической и культурной ориентации землях. Так, например, в вольных городах разводы были столь же свободны и просты, как и в языческой Руси, а социальный статус и права женщин были значительно выше, чем в Москве. В Новгороде или в Пскове никто не смотрел косо на трижды или четырежды разведенную женщину.

К сожалению, такое положение на северо-западных землях просуществовало недолго. В конце XV — начале XVI столетия великие государи московские Иван III и Василий III захватили Новгород, Псков и Хлынов и установили там деспотические московские порядки.

С тех пор и до середины XVIII века свободными оставались лишь отдаленные земли донских, малороссийских и запорожских казаков. Развод там был прост и свободен. На Дону, к примеру, казак, желающий развестись, выводит свою жену в круг и трижды повторял: «Ты мне больше не жена». Сразу же после этих слов из круга мог выйти другой казак и накрыть разведенную полую своего кафтана. Если женщина не сопротивлялась, то считалось, что она вновь вышла замуж.

Заключение

Период Русского Средневековья был отмечен важными событиями и бурным, порой противоречивым ходом исторического процесса. Вследствие великого переселения народов наши далекие предки заселили и освоили новые земли. Прежний матриархальный уклад жизни сменился более прогрессивным патриархальным. Сформировались новые родовые и племенные союзы, заложившие основы государственности. Военная экспансия, направленная на расширение территории, способствовала усилению процесса централизации власти в южном, центральном и северо-западном регионах. Захватив контроль над важными торговыми путями «из варяг в греки», русы активизировали внешние хозяйственно-экономические связи, благодаря чему становились членами международных торговых и политических союзов.

В конце X века, объединенные под властью Киева русские земли, приняли христианство восточного обряда. С одной стороны, эта религиозная реформация стала могучим фактором единения разноплеменных территорий Древней Руси. Принятие мировой религии способствовало укреплению международного авторитета и развитию торговых, экономических и политических связей с развитыми европейскими странами.

Однако, с другой стороны, то, эта реформа была проведена жестоким принуждением, когда огнем и мечом уничтожались святилища древних богов, истреблялась память, а вместе с ней и духовные ценности и традиции народа. Все это приводило к непониманию и неприятию христианской идеи. Вместо проповеди любви, сострадания и жертвенности ради ближнего своего православие несло насилие и разрушение, что не имело ничего общего с распятым Христом. Естественно, в таких условиях истинная сущность христианства не могла проникнуть в глубины человеческого сознания. Первые священники были иноземцами, церковь опиралась на политическую и военную силу государства, что, естественно, вызвало волну сопротивления в среде народа.

В конечном счете такая христианизация значительно поспособствовала расколу единства общества и государства, плоды которого мы пожинаем до сих пор.

Противоречивые последствия крещения Руси князем Владимиром весьма удачно определил выдающийся русский историк Василий Осипович Ключевский: «Вместе с великими благами, какие принесло нам византийское влияние, мы вынесли из него и один большой недостаток. Источником этого недостатка было одно — излишество самого влияния. Целые века греческие, а за ними и русские пастыри и книги приучали нас верить, во все верить и всему верить. Это было очень хорошо, потому что в том возрасте, какой мы переживали в те века, вера — единственная сила, которая смогла создать сносное нравственное общество. Но нехорошо было то, что при этом нам запрещали размышлять, — и это было нехорошо больше всего потому, что мы тогда и без того не имели охоты к этому занятию. ... Нам твердили: веруй, но не умствуй. Мы стали бояться мысли, как греха, пытливого разума, как соблазнителя»¹²⁸.

Такое ущербное состояние сознания людей породило серьезный духовный недуг — сочетание невежества и аморальности. Проповедуемая мораль без ее глубокого осмысления порождает религиозный фанатизм, а мышление без морали остается недомыслием.

Вполне возможно, что в какой-то степени именно в силу этого сочетания недомыслия и фанатизма, невежества и аморальности Русь подверглась в XIII веке столь разрушительному набегу татаро-монгольских орд. 250 лет политического, экономического и, что особенно важно, культурного порабощения крайне патологически сказались на всей дальнейшей истории страны и на жизни ее людей.

Часть V

Семья в Московском царстве

¹²⁸ Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 308.

Становление царства Московского в XVI–XVII столетиях

В то время, когда в странах Европы процветали науки и искусства, творили такие гиганты, как да Винчи, Микеланджело, Рафаэль, Боттичелли, Сервантес, Рабле, Шекспир, Караваджо, Макиавелли, Галилей, Кеплер, Декарт и многие другие, в России наблюдались совершенно противоположные процессы. Это было время застоя и деградации культурной жизни. Былая почти поголовная грамотность населения, характерная для Древней Руси, когда люди писали друг другу письма на бересте, осталась в прошлом. Основными причинами подобного упадка культуры были последствия нашествия на русские земли орды хана Батые в первой половине XIII века и установление почти двухсотпятидесятилетнего татаро-монгольского ига. Это было время кровавой междоусобной княжеской борьбы за власть, получение которой определялось исключительно волей ордынских ханов. Города как культурные и экономические центры подвергались разорению и приходили в упадок. Население сокращалось. Развивать ремесла и учить грамоте было некому, некого, да и незачем. Все материальные и людские ресурсы, необходимые для нормальной жизни разрозненных княжеств, отправлялись в Орду.

Лишь в середине XIV века, при великом князе Иване Даниловиче Калите, началось усиление Московского княжества, которое впоследствии стало объединять вокруг себя другие земли. Этот процесс централизации Русского государства был жестоким, кровавым и долгим, но он позволил в 1480 году Ивану III окончательно освободить русские земли от ордынских податей.

В начале XVI столетия раздробленная Русь по своему внешнеполитическому положению распадалась на три части. Юго-западные территории попали под власть Великого княжества Литовского и королевства Польского, которые впоследствии объединились в единую Речь Посполитую. Центральные территории примыкали к Великому княжеству Московскому, долгое время находившемуся под влиянием Орды, а северо-западные земли принадлежали феодальным республикам с вольными городами Новгородом, Псковом и Хлыновым (Вятка). Между этими тремя политическими центрами — Русью Литовской, Московской и Новгородской — развернулась кровопролитная междоусобная борьба за доминирование и сохранение суверенитета.

Наиболее агрессивную и экспансионистскую политику в отношении своих соседей проводила Москва. Начиная с правления государя Ивана III Васильевича, прекратившего платить дань монгольским ханам, собиравшего земли и утверждавшего самодержавную власть, русские земли стали захлестывать волны террора. В 1471 году войска Ивана III разгромили новгородское ополчение в битве на реке Шелони. Новгородский посадник Дмитрий Борецкий и другие воеводы были казнены. Москве отошла часть северо-западных территорий. Новгород обязался выплатить московскому князю 15,5 тысяч рублей за военные издержки и отказаться от союза с великим князем Литовским и королем Польским Казимиром IV. Кроме того, город объявлялся вотчиной Ивана III, что давало ему право суда над новгородцами.

Феодальная республика утратила часть своих прежних привилегий, но вольный дух ее народа не был сломлен. Традиционные экономические связи с городами Западной Европы вступали в явное противоречие с зависимостью от Великого княжества Московского. Боярское вече отстаивало позиции своей прежней вольности. В результате через шесть лет Москвой был совершен еще один захват бунтующего Новгорода. Осадив город, Иван выдвинул ультиматум: «Вечу не быть, посаднику не быть, а государство все нам держать; ... а которые земли наши за вами, и вы их нам отдайте, вывода не бойтесь, в боярские вотчины не

вступаемся, а суду быть по старине, как в земле суд стоит». Новгородцы согласились, и феодальная республика перестала существовать. Однако московская экспансия на этом не закончилась. Сын Ивана III Василий III Иоаннович, находясь в Новгороде, приказал прибыть к нему псковским боярам и посаднику. Обвиненные в измене великому князю Московскому, все прибывшие представители города были казнены. Псковское вече запросило пощады и просило князя Василия принять город в свою вотчину. Князь согласился, но велел «вечу в Пскове не быть». В январе 1510 года вечевой колокол был снят и со слезами отправлен в Новгород. 300 самых знатных семей города были переселены в московские земли, а их деревни отданы московским служилым людям.

В 1517-м великий князь Василий призвал к себе в Москву рязанского князя Ивана Ивановича и, объяснив его в сговоре с крымским ханом, посадил под стражу, а позднее повелел постричь в монахи с заточением в монастырь. Вслед за Ростовским к Москве были присоединены Стародубское и Новгород-Северское княжества.

Последнюю точку в становлении Московского царства поставил сын Василия III — Иван IV Грозный. В январе 1547 года, будучи шестнадцатилетним, Иван венчался на царство и стал первым царем «всех Руси». Для укрепления династических прав на престол новому государю был нужен наследник. Царь объявил боярам о желании жениться, и в Москву для царских смотрин прибыли 1500 прекраснейших девушек из всех русских земель. Выбор царя пал на шестнадцатилетнюю боярскую дочь Анастасию Романовну Захарьину-Юрьеву, племянницу опекуна молодого царя. 3 февраля 1547 года митрополит Макарий совершил таинство их венчания в Успенском соборе Московского кремля.

В счастливом тринадцатилетнем браке у царской четы родилось шесть детей, из которых выжили лишь два сына — Иван и Федор. Это было время наиболее мощного и эффективного развития страны. За эти годы царь покорил татар на южных и восточных границах Руси, избавив таким образом приграничные земли от

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен // Сочинения: в 23 кн. М., 1988—2000. Кн. 3, т. 5. 1989. С. 29.

резни и порабощения. Вольные люди стали осваивать и заселять территорию Сибири. Благодаря этим событиям Русь из раздробленной, полуварварской и отсталой страны превратилась в могучую державу с огромной территорией.

Внутренняя и внешняя политика складывалась успешно, семейная жизнь была вполне благополучной. В руках монарха концентрировались огромная власть и богатство. Боярская оппозиция, недовольная укреплением единоличной царской власти и возвышением не чуждо-то родовитых Захарьиных, составила заговор с целью погубить царицу.

В 1560 году Анастасия Романовна, не дожив до своего тридцатилетия, умерла от отравления. Иван тяжело переживал утрату любимой жены. Казалось, рассудок его помутился. Закрывшись в своих покоях, он безутешно рыдал.

Через восемь дней после кончины Анастасии митрополит и бояре торжественно предложили ему искать новую жену. Царь намеревался жениться на сестре польского короля Екатерине, однако тот потребовал за это Псков, Смоленск и Новгород. Условия были неприемлемы, и Иван отправил послов на Кавказ к кабардинскому князю Темрюку Идаровичу — сосватать его дочь, княжну Кученей. В июле 1561 года невеста прибыла в Москву, царь «осмотрел ее и полюбил». В православном крещении ее нарекли Марией, и 21 августа в Успенском соборе митрополит Макарий обвенчал молодых. Новая царица оказалась женщиной злобной, жестокой и своенравной. Она дурно влияла на царя, обостряя самые низменные и неприглядные свойства его и без того крутого нрава.

После свадьбы государь Иван Васильевич стал еще более неуравновешенным. Одержимый маниакальной идеей боярского заговора, он впал в болезненную мнительность. Пребывая в состоянии постоянной тревожности, он подозревал буквально всех и, будучи от природы человеком зависимым, легко поддавал под чье-либо влияние. В результате отношения царя и думных бояр становились все более напряженными.

В декабре 1564 года Иван Грозный, обвинив Думу и нового митрополита Афанасия в государственной измене, покинул Москву. Захватив кремлевскую казну и самые почитаемые иконы, он

вместе с семьей и «ближними людьми» отправился на житье в Александровскую слободу. Народу было объявлено, что царь покинул Москву из-за измены бояр, а на московских людях его гнева и опалы нет.

От этого сообщения все пришли в ужас и смятение, в городе начались беспорядки, вызванные безначалием. С юга Московии угрожал крымский хан, с запада — король Польский и князь Литовский, с севера — король Шведский. Дабы предотвратить большую беду, в Александровскую слободу была отправлена делегация бояр и духовенства — просить государя вернуться на царство.

Иван Васильевич согласился вернуться, но при условии, что он получит безусловную власть казнить всех врагов государства, а также разделить страну на земщину и опричнину². Летописец князя Шаховского так сообщала о тех событиях: «за многочисленныя грехи всего православного христианства (царь Иван) врагом обернулся, преисполнился гнева и ярости и начал подданных своих, словно рабов, жестоко и немилосердно преследовать и кровь их без вины проливать. А царство свое, врученное ему от бога, разделил на два удела: один удел себе выделил, другой же удел — царю Симеону Казанскому³ поручил, посадив его на Москве царем. ... И вот свой удел с людьми и городами он назвал опричниной, а другой удел — царя Симеона — земщиной. И приказал своему делу другого удела людей притеснять и смерти придавать и дома их без причины грабить, и воевод, данных ему богом, без вины убивать и города прекраснейшие разорять, а в них всех православных христиан безжалостно убивать — вплоть до самых младенцев»⁴.

² Опричнина (от слова «опричь» — кроме, то, что кроме земщины) — в 1565–1572 годах личный удел царя Ивана Грозного, особая государственная территория с войском и государственным аппаратом, доходы с которой поступали в государственный казену.

³ Земский царь Симеон Бекбулатович — крещеный татарин, сын Бек-Булата — султана Ногайской орды, потомок Чингисхана, вместе с отцом перешел на службу к Ивану IV. Политического веса не имел и оставался лишь подставным лицом.

⁴ Шаховской С. И. Летописная книга // Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII века. М., 1987. С. 359–361.

Для осуществления этого плана Иван Грозный по совету супруги Марии Темрюковны создал специальное опричное войско из малых людей, которое стало одновременно и тайной полицией, подчиненной непосредственно царю и наводившей в стране нужный ему порядок. Изначально корпус опричников состоял из 1000 человек под командованием худородного дворянина Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского по прозвищу «Малюта».

Опричники — в черных одеждах, на вороних конях — вершили правосудие по своему произволу. К седлам были привязаны собачьи головы и мёлы, символизировавшие выслеживание изменников и выметание из Руси всякой скверны.

Опричники в боярском дворе

Малюта регулярно доносил царю о боярских неправдах и заговорах, расплая его гнев. О таких доносах и их последствиях писал в своей «Истории о великом княжестве Московском» шведский дипломат и историк Петр Петрей де Ерлезунда. «У него

были свои согладаты и вестовщики, тщательно разведававшие между женщинами, что говорят они про Великого Князя: если же откроют и поймают такую, у которой очень длинен язык и изысканную недовольствия на злодеяства Великого Князя, ее тотчас же связывали, выводили на двор и без пощады и сожаления либо вешали, либо рубили на куски. Замужние женщины, в чем-нибудь согрешившие и провинившиеся перед ним, вешались над столами, за которыми обедали их мужья: эти последние не должны были обедать нигде в другом месте, пока висят над столами их жены, нарушители того наказывались самою позорную смертью. Женщины должны были там висеть до тех пор, пока мужья не вымолят у Государя великими просьбами и ходатайством позволения похоронить смердящие тела»³.

Будучи человеком эмоционально неуравновешенным, с ярко выраженным психическим расстройством, царь имел патологическую склонность к сексуальным извращениям и женоненавистничеству. «Когда во время разных поездок его по стране, из города в город, попадались ему надороге женщины и девицы, он приказывал раздевать их донага: так и должны были они стоять совсем нагие в снегу на дороге, пока не проедет он мимо их со всею своею челядью, потому что у него было в обычае потешать и забавлять такую картинную зрение его придворных»⁴.

В Москве он порой целые дни проводил в пыточных палатах, изуверски мучая своих супротивников. Вечерами он разгульно и непотребно пировал со своими опричниками, а ночью клал земные поклоны перед святыми иконами, моля Бога о прощении его многогрешной души.

Подобным образом вели себя и его приближенные дворяне, служившие в опричном войске. Они нападали на земские имения, разоряя дома, убивая хозяев, насилая жен и растлевая детей. Именно со времен опричнины стали распространяться по русской земле связанные с развращенностью нравов венерические болезни.

³ Ерлезунда де П. П. История о великом княжестве Московском. М., 1867. С. 136–137.

⁴ Там же. С. 137.

Секретарь шлезвиг-голштинского посольства Адам Олеарий, свидетельствуя о значительных масштабах разврата среди русского народа, писал: «Они так преданы плотским удовольствиям и разврату, что некоторые оскверняются гнусным пороком, именуемым у нас содомиею; при этом употребляют и мужчин, и лошадей. Это обстоятельство доставляет им потом тему для разговоров на пиршествах. Захваченные в таких преступлениях не наказываются у них серьезно. Подобные гнусные вещи распеваются кабацкими музыкантами на открытых улицах или же показываются молодежи и детям в кукольных театрах за деньги»⁷.

В сентябре 1569 года умерла вторая жена царя Мария Темрюковна, что значительно обострило и без того неустойчивое и болезненное психическое состояние Ивана Грозного. Вследствие очередного доноса о якобы готовящейся измене опричники, по его указу, в начале 1570 года «примерно наказали» Новгород. Эта карательная экспедиция была ужасной и кровавой. У городских стен выставили войсковой заслон и убили новгородских монахов. Влиятельных горожан поролли до тех пор, пока у тех не обнажались кости. Людям вырывали ребра клещами, варили их в котлах, сдирали кожу с еще живых, поджаривали, сажали на кол и топили в реке. В результате этого «примерного наказания» погибло около шестидесяти тысяч мужчин, женщин и детей. Подобные зверства творились и в других городах земщины.

Для укрепления своегодинастического положения Ивану IV необходимо было вновь обзавестись семьей и сочетаться третьим браком. Для этого со всей Руси в Москву было собрано около двух тысяч самых красивых девиц. Отбор в жены царя был чрезвычайным строгим — помимо красоты и ручкольных навыков, особое внимание уделялось состоянию здоровья молодых девушек. Выбор Ивана Васильевича пал на красавицу Марфу — дочь небогатого дворянина из Коломны Василия Степановича Собакина.

26 июня 1571 года сорокадвухлетний царь объявил о своей помолвке с двадцатилетней Марфой. Через некоторое время

⁷ Олеарий А. Описание путешествия в Московию / пер. с нем. А. М. Ловягина. Смоленск, 2003. С. 177.

молодая невеста неожиданно для всех начала хворать. Здоровый мурянец спал с лица, а тело будто начало «высыхать». Но, несмотря на физическое состояние молодой невесты, 28 октября Иван Грозный сыграл в Александровской слободе пышную свадьбу. Причины столь внезапного изменения состояния царской невесты остались неизвестны. Подозревали, что Марфу Васильевну отравили родственники бывших жен царя. После женитьбы самочувствие Марфы только ухудшалось, и вскоре, 13 ноября, она скончалась. Царицу похоронили в Москве, в Вознесенском соборе, а перед царем вновь встала прежняя задача создания семьи. Задача эта осложнялась тем, что четвертый брак не допускался православной церковью, и Ивану IV пришлось уговорить духовных иерархов разрешить ему жениться. Решением специального церковного собора такое разрешение царю было дано, и весной 1572 года он был обвенчан с Анной Алексеевной Колтовской, дочерью служилого дворянина Алексея Игнатьевича Горяинова-Колтовского. Впоследствии царь был женат еще четыре раза⁸.

Сломив насильем и беспредельным террором сопротивление родового боярства, Иван Грозный возманился подчинить себе и власть духовную. Церковь же, в лице митрополита Филиппа Колычева, открыто осуждала опричнину и ее кровавые дела. Царь этим был недоволен, но понимал, что в борьбе с духовенством явный неприкрытый террор невозможен. Для достижения своей цели он предпринял хитрый политический маневр.

Осенью 1575 года царь Иван Васильевич «отрекся» от престола и возвел на него верного ему Симеона Бекбулатовича. Летописи сообщали: «В то же время произволил царь Иван Васильевич и посадил царем на Москве Симеона Бекбулатовича (крещеного татарина, касимовского хана) и царским венцом его венчал, а сам назвал Иваном Московским и вышел из города, жил на Петровке; весь свой чин царский отдал Симеону, а сам ездил просто, как

⁸ Жены Ивана IV: Анастасия Захарына-Юрьева (1547–1560), Мария Темрюковна (Кученец) (1561–1569), Марфа Васильевна Собакина (28.10–13.11.1570), Анна Алексеевна Колтовская (05–09.1572), Мария Долгорукая (1573), Анна Григорьевна Васильчикова (1575–1576), Василиса Мелентьева (1577), Мария Федоровна Ныгал (1580–1584).

боярин, в оглоблях, и как приедет к царю Симеону, ссаживался от царя места далеко, вместе с боярами⁹. Симеон же председательствовал в думе земских бояр и издавал от своего имени правительственные указы. В свое недолгое царствование он по указу Ивана Грозного отобрал все грамоты, жалованные епископиям и монастырям, коими те пользовались уже несколько столетий, и все эти привилегии церковные уничтожил.

Спустя год Иван Васильевич, как бы недовольный таким поступком и дурным правлением нового царя, вернул себе престол, скипетр и державу и, будто бы защищая интересы церкви, изволил возобновить грамоты, которые стал раздавать уже от своего имени, удерживая и присоединяя к казне столько земель, сколько ему самому было угодно.

Однако столь напряженный образ жизни, изобилующий масовым террором, направленным на борьбу с родовым удельным боярством, личная жестокость и коварство царя в совокупности с хроническим психическим расстройством подрывали его силы. Сообщая о состоянии его физического и психического здоровья, Н. И. Костомаров писал: «В начале 1584 года открылась у него страшная болезнь: какое-то гниение внутри; от него исходил отвратительный запах. Иноземные врачи расточали над ним все свое искусство; по монастырям раздавались обильные милостыни, по церквам велено молиться за больного царя, и в то же время суеверный Иван приглашал к себе знахарей и знахарок. Их привозили из далекого севера; какие-то волхвы предрекли ему, как говорят, день смерти. Иван был в ужасе. ... Ему казалось, что его околдовали, потом он воображал, что это колдовство было уже уничтожено другими средствами. Он то собирался умирать, то с уверенностью говорил, что будет жив. Между тем тело его покрывалось волдырями и ранами. Вонь от него становилась невыносимее»¹⁰. 18 марта 1584 года царь умер, а вместе с ним прервался

⁹ Цит. по: Соловьев С. М. История России с древнейших времен: // Сочинения: в 23 кн. М., 1988–2000. Кн. 3, т. 6. 1989. С. 546–547.

¹⁰ Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 2 кн. Репринтное воспроизведение издания 1873–1888 гг. Кн. 1. М., 1990. С. 517–518.

и род Рюриковичей. Для России наступили смутные времена, продлившиеся до 1613 года.

После смерти Ивана Грозного официальным правителем стал его слабохарактерный и болезненный сын Федор. Он совершенно был не способен к управлению государством, и фактическая власть принадлежала его опекуну и шурину боярину Борису Годунову.

В 1591 году при загадочных обстоятельствах¹¹ в Угличе погиб восьмилетний брат Федора Дмитрий — младший сын Ивана IV от седьмой жены Марии Нагой. Через семь лет, в 1598-м, умер и сам царь Федор, не оставив после себя детей. Решением земского собора на царство был избран Борис Годунов. Его недолгое правление, отмеченное усилением борьбы боярства за власть, закончилось польской интервенцией, организованной в 1605 году белым монахом Григорием Отрепьевым, самозванно объявившим себя младшим сыном Ивана Грозного Дмитрием, чудом спасшимся от смерти в Угличе.

Григорий Отрепьев с польскими войсками занял Москву и короновался на царство в Успенском соборе Кремля. Несмотря на милости, которые он щедро раздавал всем обиженным прежними правителями, по Москве прокатилась волна недовольства из-за его расположения к иностранцам, обещания жениться на полячке и затеваемой войны с Турцией и Швецией. К тому же Дмитрий не соблюдал церковных постов и нарушал русские обычаи. В частности, одевался в иноземное платье, приказывал подавать к столу телятину, которую русские люди не употребляли. На свадьбе он и его невеста Марина Минших ели не руками, а вилкой, чем шокировали русское боярство и духовенство. В народе пошел слух: «Раз царь с царицей едят не руками, а какой-то рогатиной, значит, они не русские монархи, а порождение дьявола». Страх перед грядущим польским засильем и возможной сменой православной веры на католическую породил боярский заговор во главе с князем Василием Шуйским. 17 мая 1606 года его сторонники

¹¹ Царевич Дмитрий страдал эпилепсией и, по одной версии, сам наткнулся на нож в состоянии припадка. По другой версии, его зарезали приспешники Бориса Годунова, намеревавшегося занять царский трон.

подняли бунт, в результате которого самозванец был убит. Его тело несколько дней валялось в грязи на Красной площади, затем его сожгли, и прахом, смешанным с порохом, выстрелили из пушки в сторону Польши.

Несмотря на убийство Лжедмитрия, политическая обстановка в стране продолжала оставаться напряженной. Царя в Московской державе не было. 19 мая участники заговора провозгласили царем пожилого Василия Ивановича Шуйского, и 1 июня 1606 года он был коронован митрополитом Новгородским Исидором.

Правление нового государя было недолгим. В августе 1607 года появился новый претендент на престол — Лжедмитрий II, которому удалось разбить царские войска и осадить Москву. В подмосковном селе Тушине самозванец образовал альтернативную столицу со своим правительством.

Царь Василий Шуйский не был популярен в народе. Ключевский так писал о нем: «Царем Василием мало кто был доволен. Главными причинами недовольства были некорректный путь В. Шуйского к престолу и его зависимость от кружка бояр, его избравших и игравших им как ребенком»¹². К концу 1608 года Шуйский не контролировал многие регионы страны, а тем временем в Тушинский лагерь стекались правительственные войска, переходившие на сторону Лжедмитрия. В сентябре 1609-го положение усугубилось тем, что в пределы России вторгся польско-литовский король Сигизмунд III и осадил Смоленск.

17 июля 1610 года группой бояр и дворян царь Василий IV был свергнут с престола и насильственно пострижен в монахи. В сентябре того же года он был выдан польскому гетману Жолкевскому, который вывез его под Смоленск, а позднее в Польшу. Бывший царь умер в заключении в Гостынинском замке, в 130 верстах от Варшавы.

Власть в стране до выборов нового царя перешла в руки временного правительства — Семибоярской думы, в которой заседали четыре представителя старейших княжеских родов: князя Федор Мстиславский, Иван Воротынский — младший, Андрей Трубецкой

и Андрей Голицын, а также Борис Лыков вместе с боярами Иваном Романовым и Федором Шереметевым. Данное правительство призывало на русский престол польского королевича Владислава, который, правда, вследствие политических интриг при польском дворе так и не был коронован.

До 1612 года Московское царство разорялось польскими интервентами с еще тремя Лжедмитриями. В лесах и на дорогах разбойничали шиши¹³, сельское хозяйство пришло в упадок. Поляки сожгли Москву и заняли Смоленск, Великий Новгород захватили шведы. Доведенные до отчаяния люди бежали на окраины, где создавали вооруженные отряды сопротивления захватчикам. В феврале 1611 года в Рязани возникло Первое ополчение под предводительством дворянина Прокопия Ляпунова. Ополченцы создали правительство — Совет всей земли. В марте того же года войска Совета подошли к Москве, но освободить город им не удалось. На Волге, в Нижнем Новгороде, Кузьма Минин и князь Дмитрий Пожарский на народные деньги собрали Второе ополчение и в 1612 году выбили польских захватчиков из Московского Кремля. Длившаяся более десяти лет смута была окончена.

В январе 1613-го в освобожденной Москве состоялся самый представительный за всю средневековую историю России земский собор, который 21 февраля избрал нового царя — шестнадцатилетнего Михаила Романова. Михаил Федорович основал новую династию, правившую Россией более трехсот лет. При нем началось экономическое возрождение страны, была восстановлена торговля и создана централизованная система управления с назначением на места воевод и старост. В Россию стали приглашать иноземных специалистов, в Москве появилась Немецкая слобода.

При его приемнике государе Алексее Михайловиче Тишайшем в состав Московского царства вошли земли Украины, значительно расширился аппарат государственного управления. Были основаны новые центральные учреждения, в том числе приказы Таинных дел, Счетных дел, Хлебный, Рейтарский, Монастырский, Малороссийский и Литовский. Составлены и изданы новый свод

¹² Ключевский В. О. Курс русской истории: в 5 ч. 4. 3. М.: Пг, 1923. С. 47.

¹³ Шиши — разбойничьи объединения крестьян в период Смутного времени.

законов — Соборное уложение — и Воинский устав 1649 года. Проведена церковная реформа, расколовшая православную церковь на старообрядцев и никониан.

Централизация государственной власти, проводимая московскими государями в XIV—XVI веках, значительно укрепила и усилила дворянское сословие. Будучи государевыми людьми, дворяне получали поместья под условием военной и административной службы, что фактически делало их экономически зависимыми и лично преданными царю феодалами. Так же как и западноевропейские рыцари, они могли проживать в своих поместьях, но в любой момент по царскому указу были обязаны прибыть на службу «конными, людными и оружными». Выполнение этого условия обеспечивалось эксплуатацией крестьян, живущих и работающих на землях помещиков. По Судебнику 1497 года было ограничено право перехода крестьян от одного хозяина к другому, а Уложение 1649 года закрепило право дворян на вечное владение и бессрочный сыск беглых крестьян. В XVI—XVII веках в Московском царстве сформировалось крепостное право.

Все эти нововведения не могли не сказаться на состоянии семейных отношений. В частности, за сто лет, начиная с середины XVI века и в первой половине XVII столетия, кардинальным образом изменилось хозяйственно-экономическое положение крестьян и служилых дворян. Прежде всего, это коснулось вопросов собственности и ее наследования. Так, до 1649 года после смерти мужа дворянская вдова получала часть его вотчинных земельладений. При перераспределении поместных земельладений бывшего мужа вдова, имевшая детей, еще не готовых выйти на службу, получала прожиточное поместье¹⁴. В дальнейшем эти земли переходили ее детям, служившим государю, которые обязаны были содержать свою мать до ее смерти. При повторном замужестве вдова могла передать свое прожиточное поместье новому мужу, но при условии, что тот являлся служилым человеком. Таким же правом была наделена и дочь умершего землевладельца, полу-

¹⁴ Прожиточное поместье — часть прежнего владения, оставленная «на прожиток» служилым людям, выбывшим со службы, или их вдовам и детям.

чившая прожиточное поместье. После, по Уложению 1649 года, служилое дворянство превратилось в вотчинников, что уравнивало их в правах с родовым боярством, а крестьяне потеряли личную свободу и стали собственностью помещиков.

Московское царство укреплялось, но его тяжелый исторический опыт с прошлым ордынским наследием, санкционированным на государственном уровне разбоем времен правления Ивана Грозного и эпохи Смутного времени продолжали сказываться на отношениях между людьми, основанных на взаимном недоверии и вражде. Человеческое достоинство, честь, а порой и сама жизнь находились в постоянной опасности. В таких условиях в Русской земле, как и в странах Западной Европы, у людей возникало естественное желание жить сегодняшним днем и брать от жизни все те радости, которые казались им возможными.

Добрачные отношения

Добрачные отношения в Московском царстве, как и прежде, были нацелены на подготовку молодежи к семейной жизни. При жесткой регламентации образа жизни, сообразно своему социально-экономическому положению и сословной принадлежности, юноши и девушки имели весьма ограниченные возможности для выстраивания и проявления глубоких чувств по отношению друг к другу. Основным временем и местом для их знакомств были уходящие корнями в древность праздники годового цикла, которые под влиянием христианской культуры обрели в некоторой степени новое значение.

Глобального переосмысления содержания этих древних традиций, конечно, не происходило, но церковь пыталась вытеснить их посредством соотнесения игрищ и гуляний с временными рамками православных праздников. Так, прежняя Коляда получила название Святок, приуроченных к Рождеству Христову, Ярилов Праздник перешел в чествование Юрьева дня, однако в народе еще долго сохранялись древние традиции почитания солнечного бога

Праздник Рожаниц был замещен церковью на праздник Рождества Пресвятой Богородицы, и женщины в этот день стали обращаться к Пресвятой Богородице: «Матушка Богородица, заступница матерей, выйди из небесных дверей, укрепи dochь Божью (имя), плод чрева и чрев плода».

Прежняя радостная Комоедница превратилась в не менее веселую Масленицу. По одной из версий, это новое название возникло в связи с тем, что время праздников приходилось на последнюю неделю перед Великим постом, когда употребление мяса уже не допускалось, но были еще разрешены молочные продукты — сыр, сметана, молоко и масло. Несмотря на все старания служителей церкви, старые языческие обряды и традиции неизменно сохранялись и воспроизводились в эту веселую праздничную неделю. Люди пели срамные песни, обильно сквернословили, а молодежь устраивала гулянья с похабными эротическими играми.

Курва Масленица,
Блядь Растаканица,
С хуя кожу сдернула,
В проулок завела,
Заголила да дала¹⁴.

Древние летописи отмечают, что во все дни Масленицы люди безумствовали, — мужчины наряжались в женские одежды, а женщины — в мужские, — надевали на себя безобразные личины, предавались чревоугодию, пьянству и разгульному разврату. Во всех домах пекли круглые блины, чествуя бога Ярилу, и сходились большими компаниями в кулачных боях стенка на стенку.

Итальянский дворянин Александр Гваньини, служивший в Речи Посполитой, так описывал этот странный для него обычай: «Ежегодно по определенным дням соблюдается у всех русских и москвитов такой обычай: юноши и многие женатые мужчины выходят из городов и деревень на широкое и красивое поле. Вокруг собирается масса людей, а они по данному сигналу, со свистом и криками, как тоу них в обычае, сходятся врукопашную, безо всякого оружия, и устраивают сражение. Они со страшной силой колотят друг друга

¹⁴ Русский эротический фольклор... С. 310.

кулаками и ногами, попадая в лицо, грудь, живот и пах. Часто их выносят оттуда полуживыми, а нередко даже и мертвыми»¹⁴.

Надо отметить, что эти ритуальные драки происходили как между мужчинами, так и между женщинами. Смысл этих праздничных сражений заключался в борьбе за будущий урожай. Жители разных сел сходились деревня на деревню и отчаянно бились. Женщины — за то, чтобы уродился лен, а мужчины — за большой урожай жита. Та сторона, которая побеждала, могла ожидать и более богатого урожая, и обильного приплода скота. Соответственно, и «возможность смертельного исхода разыгравшихся состязаний скорее указывает на их жертвенный характер, который объясняет и влияние боев на повышение урожая»¹⁵.

Популярным было и качание на качелях, позволявшее девушкам мельком продемонстрировать свои «предести» возбужденным молодым людям.

Качальные радости

¹⁴ Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С. 89.

¹⁵ Грузнова Е. Б. На распутье Средневековья... С. 193.

Конечно, подобное поведение категорически осуждалось церковными властями. Борьба с языческими традициями этих народных гуляний была отражена в «Стоглаве»¹⁸ — сборнике решений церковного и земского собора 1551 года. Этот памятник древнерусской литературы состоит из 100 глав, посвященных соборным ответам на царские вопросы по религиозно-церковным и государственно-экономическим проблемам. Одной из обсуждаемых проблем как раз было неподобающее поведение христиан в святые праздники, которые были призваны вытеснить прежние языческие верования народа.

Наиболее ярко это обрядовое противостояние выражалось в купальские дни, которые соединились с праздником Рождества Иоанна Предтечи. В результате такого слияния в сознании людей образовалось абсурдное название Иван Купала, поскольку память великого святого аскета, постника и пустычника соединили с чувствованием богини-покровительницы сексуальных радостей и плодородия.

Не обращая внимания на столь противоречивое совмещение, русичи отмечали праздник по-старинному весело и с безудержным эротическим размахом. Недопустима в любое другое время свобода сексуальных отношений в иваново-купальскую ночь воспринималась людьми не только как возможная, но и как весьма желательная. Не случайно обряды этого праздника непременно были связаны с обнажением и сексуальными утехами. В народе этот праздник называли «любновым» и полагали, что именно в этот день сердца разжигаются на любовь, а тела готовы к лучшему зачатию. Это было время повышенной плодovitости растений, животных и людей. Вся природа — вода, огонь, трава и деревья — имела невероятную продуцирующую силу, потребность в которой заставляла наших предков отправляться к рекам и озерам, в леса и поля и творить осуждаемый церковью блуд. В Иванову ночь

¹⁸ Решения Стоглавого церковного и земского собора 1551 года, проходившего в Успенском соборе Московского Кремля. Решения состояли из 100 глав и определяли внутреннюю политику церкви и светских властей. Построение итоговых документов собора представляла собой волость царя Ивана IV к иерархам духовенства и боярам и их со вместию принятые ответы.

люди собирали и заготавливали впрок волшебные травы и коренья, а из специально подобранных цветов и трав девушки плели себе венки, символизирующие круг, совершенство и кольцо непрерывный любовный союз. Вместе с голыми мужчинами оставаясь лишь в этих венках, окунались они в воду, призывая живительную влагу дождя на поля для обилия будущего урожая.

О безудержном эротизме Иванова дня свидетельствуют многие исторические документы. Так, игумен псковского Елизаровского монастыря Памфил в 1505 году писал псковскому наместнику князю Дмитрию Владимировичу Ростовскому о необходимости прекратить «богомерзкое празднование» в канун Рождества Иоанна Предтечи. С великим возмущением описывал игумен развращения этого отвратительного гуляния: «На всяко лето кумиротслуженным обычаем сотона призывает во град сей, и тому, яко жертва, приносит всяка скверна и беззаконное богомерзкое празднование. Еда бо приходит великий праздник Рождества Предтечева и тогда, во святую ту ночь мало не весь град взмается и возбесится... стучат бубны и глас сопелий и гудуть струны, жанем же и девам плескание и плясание, и главам их наживание, устам их неприязнен клич и вопль, всесквернейшия песни, бесовская угодия свершашуся, и хребтом их вихляние, и ногам их скакание и топтание; ту жесть мужием же и отроком великое прелщение и падение, но яко на женское и девичье шатание блудное и взарение, также и жанем мужатым беззаконное осквернение и девам растление»¹⁹.

Стараниями этнографических экспедиций до нас дошли тексты и напевы тех самых «всесквернейших песен».

Брала девка лен-лен,
Брала, выбирала,
Брала, выбирала,
Землю выбивала.

Откуль взялася перенек,
Узял девуку поперек,
Узял девуку поперек,
Понес ее во лесок.

¹⁹ Цит. по: Прушлова Е. Б. На распутье Средневековья. С. 216—217.

понес девку у лесок.
За пень, за колоду,
За пень, за колоду.
За белу березу.

Постой, парень, не валяй,
Сарахваи не марай.
Сарахван мой синий,
Сама, девка, скину.

Сама, девка, скину,
Под себя подкину.
Ручки-ножки разложу,
Дороженьку покажу.

Дороженька торна,
Моя пизда черна.
Черна, как цыганка,
Ребьячья подманка.

А я ее блядю
На речку носила.
На речку носила,
Вальком колотила.

Суконками терла,
Чтобы была черна²⁰.

Понятно, что священнослужители не могли спокойно слушать и выносить подобную «срамоту», однако их осуждающее возмущение не приводило к сколько-нибудь желаемому результату. Спустя почти пятьдесят лет после выступления отца Панфила эта же проблема вновь рассматривалась церковным собором. В частности, в 24-м вопросе «Стоглава» сообщается: «Русалии о Иванове дни и в навечерии Рождества Христова и крещения сходятся мужи и жены и девицы на nocturne плещевание и на бесчинный говор и на бевские песни и на пляски и на скакания и на богомерзкие дела, и бывает отроком осквернение и девам растление, и егда мимо

²⁰ Русский эротический фольклор... С. 263–264.

ночь ходит, тогда отходят к реце с великим кричанием, аки бесни, и умываются водою, и егда начнут заутреню звонити, тогда отходят в дома своя и падают аки мертвые от великого клопотания»²¹.

Так, несмотря на все усилия, служители церкви не могли достичь своей цели — обуздание людской похоти. В какой-то степени им удалось вытеснить старые обряды новыми и заменить пантеон прежних богов и богинь на новых святых угодников, но изменить Богом данную природу человеческих потребностей им было не под силу. На прежних праздниках с новыми названиями молодежь забавлялась гуляньями, играми, песнями и плясками, позволявшими им устанавливать отношения, ведущие к браку и созданию семьи.

Создание семьи

В XVI–XVII веках брачно-семейное законодательство в Московском царстве находилось уже в полном ведении православной церкви. Основы этих законов, воспринятых еще несколько столетий назад от Византийской элоги, были изложены в Кормчей книге — сборнике греческих законов, постановлений и вселенских и поместных соборов и мнений святых отцов. В церковном представлении брак был союзом мужа и жены для рождения детей и избежания греховной жизни. Однако в народном сознании, сохранявшем древнее языческое понимание уклада семейной жизни, брак понимался несколько иначе. Слияние языческого и христианского вероучения о правилах семейной жизни породило ряд значительных противоречий, приводящих порой к серьезным противостояниям и столкновениям сторонников той и другой позиции.

Так, несмотря на то что в русских землях уже несколько столетий проповедовалось христианство, в сознании людей церковное

²¹ Стоглав. Собор бывших в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059). Лондон, 1860, С. 104.

понимание брака продолжало противоречить прежней языческой традиции, допускавшей свободу разводов и отоснительно независимое существование супругов. Это противоречие вызывало в среде простого народа недовольство, неприятие, а порой и энергичное сопротивление. Противодействие церковным установкам выражалось в вопиющем нежелании признавать необходимость таинства венчания. Браки нередко заключались по старым обычаям без участия церкви. Православное духовенство, опираясь на силу государственной власти, ожесточенно боролось с этим явлением. Сложность этой борьбы состояла в том, что брак до сих пор был заключаться с соблюдением многих ограничений и формальностей, обусловленных византийским законодательством. Эти предписания далеко не всегда понимались и, соответственно, редко принимались русским народом к исполнению.

Вопрос о создании семьи, как и в прежние времена, решался родителями жениха и невесты. В основе создания молодой семьи лежал хозяйственно-экономический или политический интерес. В соответствии с ним сваты и свахи подбирали нужные пары.

Дочерей почти никогда не спрашивали об их предпочтении в выборе жениха, желание сына учитывалось тоже не всегда, поскольку невеста должна была в первую очередь отвечать требованиям родителей. Не просватанных девушек, возраст которых превышал двадцать лет, считали «перестарками», «вековухами», и женихи избегали их, думая, что они с пороком. Такое же недоверие и подозрение вызывали засидевшиеся в холостяках молодые люди — «бобыли» и «перестарки». Неженатый мужчина не воспринимался как настоящий хозяин. На такого отчасти смотрели с сожалением, а отчасти с презрением, как на нечто неполноценное.

Сватовство, как и раньше, включало в себя сговоры — переговоры о возможности брачного союза и смотрины — оценку качеств невесты и жениха, их имущества и социальных возможностей. На смотрины царских невест свозили в Москву красавиц-претенденток со всех краев Русской земли.

После сватовства, сговора и смотрина при подготовке к обручению и венчанию решался вопрос о приданом, которое давали за

невестой ее родители или ближайшие родственники. Оно могло состоять из любого имущества, и передача его оформлялась посредством рядных или сговорных записей. В частности, невеста могла получить и часть земель от выслуженных вотчин, а жених должен был оформить приданое жены на себя, заплатив за это пошлину в государеву казну. При этом законом оговаривался особый порядок в праве распоряжения вотчиной жены. Если муж совершал преступление, за которое ему назначали наказание в виде изъятия имущества, то в его состав нельзя было включать приданое жены. В случае смерти мужа вдове возвращали ее приданое-поместье. Если же муж каким-либо образом утратил его, то жена получала из его собственности точный объем своего земельного надела.

При достижении согласия в сговоре о приданом стороны, решившие породниться, заявляли о готовности к заключению брака посредством обручения и помолвки. Древний обряд обручения состоял в том, что жених в присутствии родителей, родственников и близких с обеих сторон делал предложение невесте. В первую очередь, он обращался с просьбой выдать за него дочь к ее отцу, затем такая же просьба следовала к ее матери и, наконец, к самой невесте. После получения общего согласия жених дарил девушке обручальное кольцо, которое являлось символом его вечной любви. До свадьбы кольцо должно было оставаться на безымянном пальце будущей жены. Поскольку обручение всегда отмечалось с размахом в присутствии гостей, то оно одновременно являлось и помолвкой молодых. От обручения до свадьбы иногда проходило от трех до шести месяцев.

После окончания срока обручения начиналась подготовка к церковному таинству венчания, организовывал которую приходской священник. Он, получив известие от родителей о том, что их дети хотят вступить в брак, должен был провести оглашение, то есть оповестить во время воскресной или праздничной службы всех прихожан о предстоящем браке. Целью оглашения было заблаговременное получение священником сведений о возможных канонических препятствиях предстоящему браку. В случае отсутствия каких-либо обстоятельств, препятствующих

браку, священник назначал дату венчания, которое должно было совершаться в церкви и соединять супругов один раз и до конца жизни. «Брак есть мужеви и жене сочетание, и событие во всей жизни, божественная и человеческая правды общения»²².

По завершении оглашения священник составлял письменный акт, называемый «брачный обыск», в котором фиксировалось наличие или отсутствие препятствий к заключаемому браку. Документ этот являлся отчетным свидетельством приходского священника о соответствии совершенного им таинства всем каноническим правилам и предписаниям.

В сравнении с древними языческими традициями установления, прописанные в Кормчей книге, создавали массу препятствий для создания семьи. Эти условия предусматривали возрастные ограничения для создания семьи, допустимое количество повторных браков, религиозную идентификацию будущих супругов, их родственную связь и многое другое.

Кормчая книга, например, определяла минимальный возраст создания семьи в двенадцать лет для девушки и в пятнадцать лет для юноши. В 1551 году Стоглавый собор подтвердил эту византийскую норму о брачном возрасте: «А венчали бы отрока пятнадцать лет, отроковицу двенадцать лет; а меньше бы отрока пятнадцать лет, а отроковицу двенадцать лет не венчали»²³.

Однако на Руси издревле могли вступать в брачные отношения и в достаточно раннем возрасте — восемь лет для девиц и в десять лет для отроков. Вследствие такого несовпадения норм канонического права и народной традиции браки нередко заключались с явными нарушениями требований церкви. Понятно, что данные нарушения возникали, если в них была какая-либо практическая надобность.

Ярким примером такой надобности может служить потребность в создании крепкого политического союза между великим князем Московским Василием II Темным и князем тверским

Борисом для борьбы против князя Дмитрия Шемяки, захватившего московский престол. Ради этого союза, вопреки всем церковным правилам, был заключен брак сына князя Василия Ивана и дочери князя Бориса Марии. Жениху на момент обручения было лишь шесть лет, а невесте — пять. Причем совершался этот брак отнюдь не тайно, а открыто и громогласно. Обручение сопровождалось великими торжествами в присутствии тверского епископа Илии, и всех князей, и бояр, что были под властью князя Бориса. Со стороны жениха в Тверь прибыл великий князь-отец со множеством бояр. Летописец инок Фома в похвальном слове князю Борису писал: «И бысть радость велна... И мовичи жеродовашеся, яко учинися Москва Тферь, а тферичи радовашеся, яко тьферь Москва бысть, но и два государя воедино совокупишася»²⁴.

Венчание молодых произошло в Москве через пять лет, в 1452 году, когда невесте едва исполнилось десять лет, а Ивану III — одиннадцать. В 1458-м, когда Марии исполнилось 16 лет, она родила сына, будущего князя тверского Ивана Молодого²⁵. После рождения сына Мария прожила еще 9 лет и умерла от отравления ядом. Отравители так и не были найдены, возможно, причиной смерти стала ссора между женщинами в семье.

Спустя три года Иван III вторым браком женился на просвещенной греческой принцессе, племяннице и крестнице последнего императора Византии Константина XI семнадцатилетней Зое (Софье) Палеолог.

Нарушения канонических ограничений брачного возраста наиболее часто происходили в отдаленных от больших городов местах. Во-первых, там служение приходских священников было менее всего подвержено архиерейскому контролю. Во-вторых, эти русские священники были не менее своих прихожан подвержены языческим традициям. В-третьих, даже просвещенным пастырям трудно было идти против паствы, и они вынужденно

²² Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 32, 8.

²³ Иван Молодой — удельный князь тверской. Умер в 1490 году от «чломоты в ногах», не дожив до своего 30-летия.

²² Православная богословская энциклопедия: в 12 т. / под ред. А. П. Лопухина. Пг., 1900—1911. Т. 2. 1901. С. 1023.

²³ Стоглав... С. 58.

венчали малолетних, чтобы угодить приходу. Да к тому же как компенсацию за нарушение канонических правил они получали денежное вознаграждение за соучастие в выгодной сделке.

Относительно степеней кровного родства и свойства Кормчая книга устанавливала следующие ограничения: кровное родство запрещалось до седьмой степени включительно; свойство, возникающее посредством брака, в результате которого муж и его родственники считались в свойствах с родственниками жены и наоборот, запрещалось до шестой степени включительно. Если в установлении кровного родства трудностей обычно не возникало, то определение свойства было делом весьма нелегким. Сложность его состояла в том, что многие родственники могли не поддерживать каких-либо контактов между собой и не знать о браках их дальней родни.

Существовало еще и духовное родство, которое возникало путем крещения, когда один человек был крестным отцом или матерью, а другой крестником или крестницей. Духовное родство также запрещалось до седьмой степени включительно. Препятствием к вступлению в брачные отношения было еще усыновление или удочерение. Эти молодые люди не могли создавать семьи с родственниками своих приемных родителей.

Непременным формальным условием брака было совпадение вероисповедания жениха и невесты. Кормчая книга запрещала венчание лиц, исповедующих разные религиозные учения и принадлежащих к разным конфессиям. Данный запрет противоречил положениям Священного Писания, где в 1-м Послании апостола Павла прямо говорилось: «...если какой брат имеет жену неверующую, и она согласна жить с ним, то он не должен оставлять ее; и жена, которая имеет мужа неверующего, и он согласен жить с нею, не должна оставлять его. Ибо неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим» (1 Кор. 7:12-14).

Канонические правила церковного венчания предусматривали необходимость добровольного и обоюдного желания жениха и невесты заключить брак и согласие на то их родителей. Ну и кроме того, церковь признавала и допускала лишь трехкратную

возможность венчания. При этом первый брак считался единственно законным, второй допускался как прощительный. Правило Св. Василия Кесарийского устанавливало один год отлучения от церкви для тех, кто жаждет жениться во второй раз. Для тех, кто собирается вступить в брачные отношения в третий раз, полагалось отлучение в течение трех или четырех лет. Святой Григорий Богослов утверждал, что первый брак «является законным, второй — допустимым, третий — незаконным, а следующий — свинским»²⁶.

Для церковного признания второго и третьего брака требовались исполнение епитимьи и обряд венчания по особому чину, что особо оговаривалось в постановлениях Стоглавого собора: «А второму браку венчания несть, но токмо молитва по правилу, и третьему молитва под запрещением по священным правилом. Второму — 2 лета епитимьи, аще будет млад, то едино лето. А третьему пять лет от общения и ото всякия святыни. А четвертый бы брак от вас никогда же не именовался, четвертый же брак и законниц правила возбраняют, блудяй убо себе единому неправду сию имеет»²⁷.

Однако все эти правила не мешали священникам втихую венчать и четвертые, и пятые браки, причем с молитвами, которые допускались лишь в первом венчании. Для власть имущих церковь нередко делала и вполне легальные канонические исключения. Так, в 1572 году церковный собор признал законным четвертый брак Ивана IV.

Начиная с XVI столетия в Московском царстве таинство венчания происходило только по специальному письменному разрешению патриарха или правящего архиерея. Документ этот назывался «венечная память» и выдавался священнику на каждое венчание после уплаты церковной пошлины — «венечного сбора». Деньги на эту пошлину вносили жених и невеста. В венечную память записывали имена жениха и невесты, сведения о проведенном священником брачном обыске. Венчать без венечной

²⁶ Ивчк О. История сексуальных запретов и предписаний. С. 219.

²⁷ Стоглав... С. 64.

памяти строго запрещалось: в таком случае священник платил штраф. По постановлению церковного собора 1666–1667 годов в православных храмах появились метрические книги, в которых записывались сведения о заключенных браках.

В дни, предшествующие свадьбе, невеста несколько раз меняла одежду и головной убор, что означало перемены в ее состоянии.

Как правило, девушки сами шили себе одеяния к свадьбе, и обычно это были расшитые символическими оберегами рубахи и цветные сарафаны. Состоятельная невеста готовила себе три смены костюма. Первый был девический, обычный по крою и материалу, но самый лучший по исполнению — «девичий» сарафан розового, желтого, зеленого или голубого цвета. Второй, венчалный, — сарафан из дорогих тканей, как правило, красный, малиновый или бордовый. Его расшивали жемчугом, отделывали золотыми нитями, а в северных краях — дорогими мехами.

На второй день свадьбы в доме жениха девушка появлялась в третьем наряде — традиционно женском одеянии с соответствующим головным убором, символизирующем замужество, и с широким поясом на талии. При этом ткани для костюма брали горячих золотых, красных и коричневых оттенков и лишь изредка черного цвета — цвета земли, от которой непосредственно зависела жизнь.

От сватовства и до венца девушка называлась сговорённой и княгиней молодой, после венчания и брачной ночи обретала статус молодухи. У сговорёнки менялись образ жизни и внешний вид. Она почти не выходила из дома, плакала и причитала. Считалось, чем невеста больше плачет, тем легче ей будет жить в семье мужа. Со слезами и причитанием она занималась рукоделием — готовила жениху подарок, вышивала ему пояс-оберег, который должен был сохранить суженого от злых людей и приворота других женщин. Такой завязанный пояс становился символом нерушимой связи между будущими супругами.

Жизнь жениха в отличие от невесты не ограничивалась. Он также именовался молодым князем, а после свадьбы становился простым молодым, то есть мужем, но еще не отцом. Он не передевался, но носил цветок или букетик на головном уборе или

на груди и полотенце на плечах. За день до свадьбы отмечались девичник и молодечник.

На молодечнике жених прощался со своими товарищами и с холостой жизнью. На этой вечеринке друзья пили, веселились и пели песни, среди которых обязательно звучала подблюдная песня о прытком зайце, попавшем в западню. В древней русской традиции заяц символизировал собой обобщенный образ мужского сексуального начала. Ему отводилась одна из главных ролей в эротическом фольклоре. Этот лесной зверек часто фигурировал в народных песнях как соблазнитель девушек, с которой вступал в интимную связь. Соответственно, и песня о прытком зайце символизировала скорую потерю женихом своего холостяцкого статуса и начало супружества.

Заяшка леса обегает.
Серенький леса обегает;
Сватьюшка хмелем осыпает,
Гордая хмелем осыпает,
Дружилушко вслед ходит.
Хороброй кнутом порет!²⁸

Пока жених с друзьями пировал, его родня отправлялась с подарками в дом невесты. Затем туда ехал и он с гостями. Девичник, как правило, состоял из набора обрядовых действий. Невеста прощалась с вольной красотой и передавала ее подругам, готовила угощение для них и жениха. Подруги расплетали ей девичью косу и шли с ней в баню. Мыли невесту приговаривая: «Мойся, усок, промойвайся, усок, скоро, усок, тебе дадут мяса кусок»²⁹. Пот с невесты собирали в ковш, чтобы на свадьбе добавить его в питье жениху и его родне. Этим же потом вымачивалась вышитая невестой рубаха в подарок жениху. Это должно было способствовать соединению жизненных сил и укреплению отношений в будущей семье. В завершение банных обрядов невесту ставили в кадлушку

²⁸ Круглов Ю. Г. Русские обрядовые песни. М., 1989. С. 222.

²⁹ Варгацова В. В. Сексуальное в свадебном обряде // Русский эротический фольклор. М. 1995. С. 157.

и обмывали молоком с медом. Затем это молоко добавляли в тесто для свадебного пирога, которым угощали гостей.

Подружки обмывали невесту молоком с медом

Вернувшись домой, подружки наряжали невесту, а та, умывшись водкой или вином, садилась с ними ждать жениха, который привозил корзину с туалетными принадлежностями, головным убором, туфлями, обручальное кольцо, свечи, а иногда и подвенечное платье. Подругам он дарил ленты, и все садились за накрытый стол. Перед уходом жениха невесту прятали, и он искал ее среди подруг, а те подсовывали ему старух, пока он не давал им выкуп.

В день свадьбы, перед венчанием, в домах жениха и невесты совершались обряды приготовления молодых к бракосочетанию. Выражая свое согласие на брак, родители благословляли детей домашними иконами. За невестой приезжал дружка жениха,

которому родители передавали дочь. Дружка, выйдя во двор, три раза обходил его с иконой и спрашивал у всех присутствующих благословение жениху на брак, а сваха, с оя на повозке, рассеивала хмель. На прощание молодым желали: «Дай Бог под злат венец стать, дом нажить, детей водить». После этого все, кроме родителей, отправлялись в церковь. Жених и невеста сходили в храм Божий раздельно — жених верхом на аргамаке⁹⁰, а невеста в санях на облучке.

Перед венчанием, удалившись в ближайшую избу, женихbral невесту за руку, обводил ее три раза вокруг себя, слегка дергал за косу, как бы показывая, что невеста лишается своей воли и должна подчиниться воле мужа.

В храме Церковный чин венчания состоял из молитвословий, чтения текстов из Деяний апостолов и Евангелия от Иоанна. Во время венчания звучали песнопения Церковного хора, священник благословлял общую чашу, из которой молодые троекратно вкушали разбавленное водой вино.

Затем им на головы возлагались Священный покров и венцы, священник соединял их руки и троекратно обводил жениха и невесту вокруг аналоя. Затем молодые обменивались кольцами. После совершения православного обряда, когда руки новобрачных уже были соединены над алтарем, невеста падала жениху в ноги, прикасаясь головой к его обуви, а тот накрывал ее полой кафтана.

При венчании вдовцов вторым браком венцы не возлагались на голову, а держались на плечах. Третий брак заключался без возложения венцов, а церковный обряд состоял лишь из краткого молитвословия.

После венчания молодые муж и жена уезжали домой в месте на свадебном поезде, украшенном лентами, цветами и колокольчиками. Согласно поверью, лошади поезда обязательно должны были быть чужими, а число экипажей — нечетным. В некоторых землях жених и невеста из церкви уезжали порознь — каждый к своим родителям. Здесь их осыпали житом, и празднество как

⁹⁰ Аргамак — рослая и дорогая породистая азиатская лошадь для верховой езды.

бы начиналось сызнова: невеста пиновала со своими родичами, а жених со своими. Вечером невесту привозили в дом отца жениха, где продолжалось свадебное гулянье. Только по прошествии трех дней молодые супруги уезжали в свой собственный дом, если таковой у них был, и там устраивали общий заключительный пир.

Описания интересных моментов венчальных обрядов были обнаружены в отчетах и воспоминаниях иностранных послов и гостей. Так, некий англичанин, наблюдавший русскую свадьбу зимой 1557–1558 годов, рассказывал, что в церковь невеста шла с закрытым лицом и горько плакала, а обратно — открывшись и без слез. «При этом уличные мальчишки кричат и шумят бранными словами. По приходе домой жена садится за самый высокий конец стола, муж около нее; тогда начинается попойка, иногда при этом бывает певец или два, а двое приведшие новобрачную из церкви, голые, танцуют довольно долго перед компанией»³¹.

Свадьбы

В обрядах русской свадьбы весьма причудливо переплетались действия, связанные и с языческими верованиями, и с христианской церковной доктриной. Традиционные ритуалы должны были способствовать благополучию брачующихся, деторождению, приплоду скота и приумножению достатка в хозяйстве. Многие обряды были нацелены на оберегание участников свадьбы от враждебных сил. Так, например, желая сохранить от сглаза, невесту оборачивали рыболовной сетью, втыкали в ее одежду иголки без ушек, чтобы нечистая сила запуталась в сетях и напоролась на иголки.

В те времена традиционное русское бракосочетание состояло из двух отдельных частей — черной свадьбы и светлой, веселой. В первой части преобладают официально-серьезные интонации, когда жених и невеста восхваляются как драгоценные дети своих

³¹ Известия англичан о России XVI в., М., 1884, С. 27.

родителей, достойные друг друга и счастливой семейной жизни. Вторая, веселая, часть свадьбы была переполнена непристойными шутками, песнями и обильным срамословием. Последнее было отнюдь не вульгарной руганью, а призыванием живительной силы природы на помощь новобрачным.

Эта часть свадебных торжеств сопровождалась особым сексуальным разгулом и свободой отношений. Возлияния на них были столь обильными, а тематика застольных речей и шуток столь эротична, что большинство гостей к концу второго дня уже имели половые связи с тремя-четырьмя представителями противоположного пола.

Подобные безобразия в XVI веке приобрели столь обширное распространение, что о них ставился специальный вопрос на Стоглавом церковном соборе. В соборных документах сообщалось: «В мирских свадьбах играют глумотворцы и арганники, и смехотворцы, и гусельники и бесовские песни поют. И как к церкви венчаться проедут, священник со крестом едет, а перед ним со всеми теми играми бесовскими рыщут, а священницы им о том не возбраняют. И священником о том достоин запрещати. И о том ответ. К венчанию ко святым церквам скоморохом и глумцом пред свадьбою не ходити, и о том священником таким запрещати с великим запрещением, чтобы таковое безчиние никогда не именовалось»³².

Для борьбы с древними языческими традициями в XVI веке был создан специальный свадебный чин — детализированное описание брачного обряда от сватовства до окончания свадебного пира. Чин этот описан в известном литературном памятнике того времени — книге «Домострой», написанной духовником Ивана IV протополопом Сильвестром.

Согласно этим порядкам, брак заключался поговору сватов и родителей, молодые часто знакомились лишь после сватовства, на так называемых смотринах. До свадьбы они не видели друг друга и, соответственно, не могли общаться, а об их доброй любовной связи не могло быть и речи!

³² Стоглав... С. 100.

Чин включал в себя также правила приготовления места встречи молодоженов в доме родителей жениха: «Приготовить место, и место обить ковром, на месте положить подушку атласную или золоченого бархата. У места двум людям держать по сорок соболей. У места же поставить стол, на стол постелить две скатерти, да поставить на них посуду, положить пироги и калачи на блюде, выставить сыр да разложить пироги, какие уже нарезаны, а на другом блюде приготовить хмель для осыпания молодых, денежки золотые и новгородки золоченые, да девять соболей, да камки и тафты разные; а на третьем блюде положить платки, на четвертом блюде поставить кичу, да положить под кичкою назатыльник да подбрусник, да волосник, да покрывало положить, да поставить чарку золотую или серебряную, а в чарку меду налить чуть-чуть да с хмелюком, да две маковки, да гребешок положить у кики на блюде, а в стороне у места поставить две скамейки маленькие, на одной скамейке сидеть тысяцкою, на другой — свахе. Да у места стоять двум людям, держать поднос с караваем да с сыром, атласом накрыв или бархатом золоченым; а рукоятки подносов и шлейки обшить камкой или атласом. Третьему же человеку держать свечу в кошельке, кошелек атласный или золоченого бархату, а и шлейку его обшить атласом же. Двум же другим держать Фонарь. И все те люди — в кафтанах и в терликах в бархатных и в камчатых, и в золотных атласных да в шапках из черной лисы»³¹.

Детализация подобного рода распространялась на весь многодневный обряд. Все родственники и гости были расписаны строго по их чинам и сидели на местах, соответствующих их положению и свадебному статусу. Жених и невеста уподоблялись князю и княгине, сама свадьба — княжескому пиру, потому и многие свадебные чины именовались соответственно их роли.

Главным лицом на свадьбе, кроме молодого князя — жениха и молодой княгини — невесты, был тысяцкий — старший сват, большой боярин. Это был «свадебный генерал», которого выбирали из самых уважаемых и счастливых в браке мужчин. Он был

³¹ Домострой. Русский семейный устав. М., 2005. С. 264–265.

ответственным за общий порядок, являлся административным распорядителем всех свадебных торжеств. Как правило, он являлся представителем стороны жениха и проводил народные обряды соединения молодых. Сторону невесты представляла старшая сваха, на свадьбе она числилась женой тысяцкого.

Далее шли дружки жениха и невесты, которые были основными распорядителями всех свадебных обрядов. Владимир Иванович Даль так определял статус и роль дружки: «Женатый молодец, главный распорядитель, бойкий, знающий весь обряд, говорит, общий увеселитель и затейник; он же уводит и ночью стережет молодых; ему помощник подружье и третьяк. В Сибири дружка — самое почетное свадебное лицо, дока, знахарь, который отводит всякую порчу»³⁴. Отличительным знаком дружки часто были рупник, перевязанный через плечо, либо два рушника через плечо крест-накрест.

Следующими чинами были подружье — младший боярин, помощник распорядителя и магический заместитель жениха. Он мог участвовать в выкупе невесты. Друзья жениха, бояре, женихи — неженатые приятели новобрачного, одетые в красные рубахи, или одежда которых украшена красными лентами. Подруга невесты, большая боярка — главная помощница и магическая заместительница невесты. Обычно она расплетала косу невесте перед свадьбой. Она же вела торги на выкупе. Отличительным знаком боярки был большой венок из восковых цветов с красными лентами. Подруг невесты могло быть несколько. Кроме этих лиц почетными чинами были посаженные родители жениха и невесты. Обычно эту роль выполняли крестные молодых. Далее шли сторожа, глядельщики, певцы и музыканты.

Все свадебные чины, включая молодых князя и княгиню, исполняли свои роли в строгом соответствии со свадебным обрядом. Относительная свобода поведения допускалась лишь для молодоженов в брачной постели, где, как было предписано, «жених с невестой что хотят, то и делают». Однако и там свадебный чин

³⁴ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989–1991. Т. 1. 1989. С. 496.

предусматривал исполнение элементов обязательного ритуала. Так, например, на свадьбах по традиционным языческим обрядам новобрачным ради усиления их плодородной силы давали испить стакан спермы. О вкушении «скверны семенной» часто упоминается в трепниках XIV–XVI веков. Об этом же говорится в «Слове некоего христолюбца», относящемся к XV столетию. «И егда же у кого их будет брак, творять с бубны и с сопельми и с многыми чудесы бесовскими и ино же сего горее есть: устроивше срамоту мужскую и вкрадывающе в ведра и в чаше, пьютъ и, вынемше, осморкываютъ и облиываютъ и целуютъ»³⁵. Этот же ритуал упоминается и в «Слове Св. Григория»: «Словени же на свадьбах вкладывающе срамоту и чесновикот в ведра, пьютъ»³⁶.

Гости дружной толпой в соответствии со свадебными чинами провожали молодых в брачную опочивальню. «Как только войдут, новобрачному и новобрачной следует сесть на постели, и тысяцкий, тоже войдя, с новобрачной покрывало снимет и молвит обоим: «Дай Господи вам в добром здравье опочивать», а свечи и каравай поставят на нужных местах, колпак и кичу положат на место. И в это время станут служить вечерню, новобрачный снимает наряд, с новобрачной же всё снимают за занавеской. Тысяцкий со всеми поезжанами пойдет к свекру в комнаты, а в сенцах с новобрачными останутся двое дружек да две свахи, да постельничий; и каким ближним людям боярским и боярыням повелят, те и снимают с них платье. Новобрачный же на зипунок наденет шубу нагольную, а новобрачная в телогрее, да оба в шапках горлатных; потом они дружек и свах отпустят, оставив только тех, кто разует — а потом исполняет дело»³⁷.

Лишение новобрачной ее девичьей невинности было главным итогом свадебного торжества. «Дефлорация была столь значимым событием, что личные интересы и желания молодоженов отступали здесь на второй план. В том случае, если мужу не удавалось осуществить в свадебную ночь свои супружеские права, его мог

³⁵ Пальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2. С. 45.

³⁶ Там же. С. 23.

³⁷ Домострой. С. 285–286

заменить музыкант, заведомо чуждый обоим семействам, или кто-нибудь из родственников мужа»³⁸.

Во время, когда молодые удалились на брачное ложе, гости инсценировали песню про жену тысяцкого — сватью.

Потеха со сватьей

Ее сажали на ступу и давали ей в руки иголку с ниткой и рукавицы, символизирующие половые органы. Сватью начинали крутить на ступе и весело распевать:

Тысяцкого жена на ступе сидит,
На ступе сидит, да решето плетет.
Редко плетет, да редко мужик женку ебет
Почаще плети, да почаще. Мужик, женку еби
Тысяцкого жена на ступе сидит,
На ступе сидит — рукавицы шьет.

³⁸ Мороз Е. Веселая Эрдта. Секс и любовь в мире Русского Средневековья. С. 32.

Перва-то пизда — на накрощки,
Втора-то пизда — да на зажылочки,
Третья-то пизда — на долоночки,
Четверта пизда — на напалочки,
Пятая пизда — на темлячки³⁹.

Затем пели песню тысяцкому:

Тысяцкий, тысяцкий растеряха,
Потерял портки на дороге, на дороге.
А тут шли дружи по тропинке, по тропинке,
Да увидели черневинку, черневинку.
Они думали, черневинка,
А само край пизды половинка.
Они надвое не ломали,
А щеликом ее забирали,
Ее тысяцкому подавали,
Уж ты, тысяцкий, не ломайся,
А за целую принимайся⁴⁰.

Втечение пира, пока молодые «исполняли дело», гости танцевали и пели озорные частушки.

Из-под дубу, дубу, дубу Тятет хуй пизду за губу.

Как у наших у ворот
Хуй гордит огород,
Манда в красненьких сапожках
Ему колья подает⁴¹.

В южных землях на свадьбах гости плясали заячьи танцы, где каждый танцор держал в зубах стебли соломы, напоминавшие усы грызуна. Некоторые гости наряжались зайцами, жедая призвать природную неуемность сексуальной энергии и плодovitость этих зверьков на молодоженов. Из этих «заячьих» обрядов

³⁹ Иванова А. А., Клуш В. Л. Фрагменты пинжежской свадьбы // Русский эротический фольклор. С. 168.

⁴⁰ Квагилла А. В. Коридные песни // Там же. С. 175.

⁴¹ Гурский Т. Р. Эротический фольклор вятской свадьбы // Там же. С. 162–163.

происходили сохранившиеся до наших времен фразеологизмы о том, что «детей в капусте находят». Заяц (мужчина), любитель капусты (женщин), прятал в кочане ребенка.

После возвращения молодоженов от брачного ложа на свадебный пир появлялся мужик, изображавший мужской детородный орган. На голове у него был надет алый женский повойник, а в руке он держал кочергу с низзанными кольцами. Обращаясь к молодым и всем гостям, вопрошал их: «Был ли у вас Фома с красной шапочкой?». Те отвечали: «Был». Мужик начинал свое поучение: «Скок через порог, едва хуй переволок. Стук-юк, позвольте крюк. Позволили крюк, позвольте сказку сказать. Позвольте голос смазать, рюмочка вина да стаканчик пивца, тогда я буду говорить от сердца. Буду говорить и приговаривать, прошу меня не перебивать. Кто будет перебивать, тому пропашу кобылу ебать. Кобыла да корова, баба не здорова. Ехали бояре темными лесами, напали на куньи следы. Приехали они к боярскому дому, к молодому князю. Ты, молодой князь, свою молодужену береги на улицу не спускай! У нас ребята бравы, у них хуй упрямы, где стребут, там и ебут. А вы, молодцы, ходите, своими хуями углов не подпирайте. А вы, девицы, пирожны мастерицы, сметанный пакосницы, клетны выгузки! Вам кросна наводить да ребят подманивать. А вы, вдовушки, вдвоейте, пизды ребятам не жалите. А тебе, стряпуха, горшок да полотуха. Стряпка стряпала блины с заплатками, пироги с надставками: снизу подгорело, по краям заплело, в середине тесто, тут тебе ебена мать и место⁴².

Попытки церковных и светских властей каким-либо образом ограничить разгул сексуальных вольностей на свадебных пирах успеха не имели. В XVII веке царь Алексей Михайлович Тишайский решил личным примером образумить народ и показать, как подобает православному христианину справлять свадебный пир. Во время своего бракосочетания с Марией Милославской он повелел: «не быти в оно брачное время смеху никакому, ни же кощунам, ни бесовским игранням, ни песнем студным,

⁴² Варонова В. В. Сексуальное в свадебном обряде. С. 156.

ни сопельному, ни трубному козлогласованию»⁴³. Это государево решение вызвало общее удивление и непонимание. Желая взять под контроль процедуры бракосочетания, царь рассылал по городам указы, чтобы люди «на браках песней бесовских не пели и никаких срамных слов не говорили»⁴⁴.

Народ православный грамотам государевым внимал, греховность свою осознал, но исполнять царские повеления не торопился. Не понимали русские люди, как это можно гулять на веселой свадьбе и не плясать, не петь озорных частушек и не срамословить. Ведь все это делалось из самых добрых намерений, из сердечного желания счастья молодой семье, да таков был и древний обычай, который предписывал в определенное время брачного действия отпущать «острые соленые» шутки и всевозможно поминать акт плотского соития.

Иерархи православной церкви в своих посланиях и в XVI, и в XVII веках продолжали порицать все элементы народного свадебного обряда как явные признаки волхования, не имеющие ничего общего с христианской религией.

Люди же, невзирая на церковные запреты, свадьбы играли, как и прежде, на пирах zelo грешили, ну а потом, понятное дело, — калялись. Калялись столь же неистово, как и грешили. Однако грешили русские люди больше, чем калялись, ибо церковные власти настолько жестко карали кающихся, что те предпочитали не выдавать на исповеди всей правды о своих деяниях. Так и укоренилось с тех пор, что многие из православных с виду христиане, а по сути — язычники. Потому и внешне почитаемые и формально исполняемые официальные церковные и светские требования к организации и состоянию семейных отношений в реальной жизни зачастую нарушались.

⁴³ Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: в 2 т. Т. 1. М., 1996. С. 16.

⁴⁴ Харузин Н. Н. К вопросу о борьбе московского правительства с народными языческими обрядами и суевериями в половине XVII века // «А се грехи злые, смертные...». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX века: в 3 кн. Кн. 1. М., 2004. С. 279.

Семья и супружеские отношения

В России XVI—XVII веков основной формой существования семьи был двор, который в зависимости от состояния хозяина включал в себя одну или несколько жилых и хозяйственных построек. Численность людей, проживавших на дворе, колебалась от одного до нескольких десятков человек.

Семьи могли быть определены как отцовские, братские, вдовы или одиночные. Отцовская включала в себя родителей, их детей с супругами и детьми. Братская образовывалась несколькими братьями с их супругами и детьми. С вдовами проживали малые дети и незамужние дочери. Одиночная семья состояла из одного хозяина с супругой и детьми.

В конце XVI века дворы в основном были отцовскими, с патриархальным укладом отношений. В начале XVII столетия, вследствие изменения в податном законодательстве, налоги стали собирать исключительно с душ мужского пола, что привело к значительным изменениям в составе семей. Дворам с большим количеством мужских душ стало сложнее платить подати, и сыновья стали отделяться от отцовых семей. Это привело к увеличению братских семей, живущих общим двором. Количество вдовых семей было в те времена относительно стабильным. Одиночные семьи в XVI—XVII веках встречались крайне редко. Двор считался крепким, если в нем проживали несколько мужей с женами.

Семейные отношения, скрепленные церковным таинством венчания, считались законными и неразрывными. Муж был единовластным хозяином, жена отвечала за порядок на дворе и ведение домашнего хозяйства. Она следила за дворовой челядью, припасами и занималась рукоделием — ткала и стряпала.

Все жены, от крестьянки до царицы, должны были выполнять дневные работы, ибо безделье как источник неправедного поведения могло накликать на дом беду. К работе следовало приступать с молитвой и делать ее молча и с усердием. Считалось, что пать с молитвой и делать ее молча и с усердием. Считалось, что лишние женские разговоры могли привести к греховным домохам и склонить хозяйку к богопротивным делам. А надо «прежде

всего — иметь страх Божий и пребывать в телесной чистоте, как выше уже указано было. Поднявшись с постели, умывшись и помяв, слугам работу на весь день указать, каждому — свое: кому еду на день готовить, а кому хлебы печь ситные или решетные, — да и сама бы хозяйка знала, как сеять муку, как квашню затворить-замесить, и хлебы скатать да испечь, и кислые, и пышные, и выпечные, а также калачи и пироги: да знала бы, сколько при том муки возьмут, и сколько испекут, и сколько чего получится из четверти, из осьмины, из целого решета и сколько высевков отойдет, и сколько чего испекут, — меру и счет знать во всем»⁴⁵.

Следует отметить, что в те времена почти все иностранные гости отмечали отменное хлебопечение московитских хозяек. Для гостей и мужей жены пекли пироги-накрѣпки с кашей и соленой рыбой, векошники из остатков недоеденной рыбы или мяса, а еще калинники с ягодами, пряженые наливашники, борканики, губники, чапильги, курники и кулебьяки с десятками разных начинок. А к праздничному застолью подавали вымоченных в уксусе и пряностях лебедей, малиновые мед, пиво и вина заморские. При этом самой жене категорически запрещалось пить хмельное вино и общаться с посторонними людьми.

О содержании жен в Домострое говорилось следующее: «Следует мужьям воспитывать жен своих с любовью примерным наставлением: жены мужей своих вопрошают о всяком порядке, о том, какдущу спасти. Богу и мужу угодить и дом свой подобно устроить, и во всем покоряться мужу; а что муж накажет, с любовью и страхом внимать и исполнять по его наставлению»⁴⁶. Относительно запрета употребления алкоголя Сильвестр писал: «А у жены решительно никогда ником образом хмельного питья бы не было: ни вина, ни меда, ни пива, ни угощений. Питье находилось бы в погребѣ на леднике, а пила бы жена бесхмельную брагу и квас»⁴⁷. При этом в Домострое восхвалялись женские добродетели, которые сохранялись и пестовались мужем: «Доброй женою муж благоденств,

число дней его удвоится. Жена добрая, и трудолюбивая, и молчаливая — венец своему мужу. Благоденствен и муж такой жены, и года свои проживут они в добром мире. За жену хорошую мужу хвала и честь»⁴⁸. Хорошая жена должна была быть крепкой опорой мужу, вести хозяйство и блюсти дом. «Если подарит кому-то Бог жену хорошую — дороже это камня драгоценного. Такой жены и при пушей выгоде грех лишиться: валадит мужу своему благополучную жизнь. Собрав шерсть и лен, все, что нужно, исполнит руками своими, будет словно корабль торговый: отовсюду вбирает в себя все богатства. И встанет среди ночи, и даст пищу дому и дело служанкам. От плодов своих рук размножит богатство»⁴⁹.

Однако, судя по другим многочисленным документам того времени, таких «добрых жен» на святой Руси было явно недостаточно. О том свидетельствуют многие исторические документы. Так, например, до нашего времени сохранилось более ста списков в пяти редакциях сказания «Беседа отца с сыном о женской злобе» конца XVII века. В беседе чадолюбивый отец, опираясь на собственный опыт и писания богомудрых мужей и искусных философов, рекомендует возлюбленному сыну своему: «Аще хоцещи, сыне мой, без печали жити, то лучше не жениться и опосле не тужити»⁵⁰. Совет этот родитель подкрепляет множеством жизненных примеров. «Извыкли бо жены их в зерцало приизирати и вапами⁵¹ лица помазовати, и вежда⁵² свои возвышати, и черновидно лица вообразити, и многимъ себе уржением украшати; ... мужие же возлюбили на женах своих многая украшения, а сами восприли убогое одеяние на себе носити, все для жен своих украшения. Много бо сего бывает, еже в великия долги себе влагают и оттого вечно погибают, понеже своего не имут, а жен украшают. Аще же кто хотения ея не исполнит, тогда она зельне въздыхает, слезит и шепчет, ни худа, ни добра не глаголет, очи свои изменяет, нос

⁴⁵ Там же. С. 109.⁴⁶ Там же. С. 107–108.⁴⁷ Памятники литературы Древней Руси. XVII век: в 3 кн. М., 1988–1994. Кн. 1. 1988. С. 489.⁴⁸ Валпы — краски.⁴⁹ Вежда — глаза.⁴⁵ Домострой. С. 140.⁴⁶ Там же. С. 139–140.⁴⁷ Там же. С. 166–167.

потупит и зубы своими скрежет, и пред ним плачет день и ночь и мужу своему покоя не дает, гнев имеет, и муж ея от нея покоя не имат. И она глаголет: «Оных мужей жены ходят красно, и вси их чтут, аз же бедная, в женах возненавиденая, и всеми незнаема и от всех укоряема. Почто ты мне ныне муж? Дабы аз тебе не знала! Аз была дочь богатого отца и матери добрая и племяни славнаго и таковых бы родителей дщерь, а толко б аз была девицею, был бы мне муж отца богатого и была бы есмь госпожа добру и ногу, и везде бы чесна, и хвална, и почитаема от всех людей!»⁵¹

При этом злая жена «всегда хошет повелевати и всего хошет ведати, и поучати, и умети, аще и не умеет, и не знает, а глаголет: «Умею и знаю». Аще будет прекрасна и лепа, многи очи имут на ню зрети».

Сын же, не внимая родителю, вопрошает: «Отче, не могу разумети словес твоих, скажи ми известно». И отец отвечает неразумному чаду своему: «Слыши, сыне мой, про лстивую и пронырливую. Сия рукоделия делати не хошет, а как муж ея придет, и она лежит — шипит, стонет, востает — охает, и муж ея сия речет: «Жено, что и о чем скорбиши и ни о чем нерадиши?» И она хотя и здрава, а речет: «Не могу». Сия не строительница дому своему и мужу своему не помощница, и нужного одеяния не сотворит. Аще что муж ея припасет, и она пронырством все изнурит⁵². Слыши, сыне мой, про сварливую и злоязычную: имеет язык, яко бритву изощренну, на всякого человека наскочет, аки лев, всех злословит и укоряет, и осуждает, и на всех яд своего языка испушает. Слыши, сыне мой, про лукавую и крадливую. Лукавство женское сие: имеет умь остр, пред мужем своим показывает, и никако же муж ея не может лукавства женского разумети»⁵³. И далее он предлагает сыну своему «слышати» про жен «льстивых и блядливых», «облавниц⁵⁴ и еретич» в образе медведиц и львиц, змей и скорпионов, ехидн, василисок и аспидов⁵⁷.

⁵¹ Памятник литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1. С. 488–489.

⁵² Изнурит — исграбит.

⁵³ Памятник литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1. С. 490.

⁵⁴ Облавница — колдунья.

⁵⁷ Ехидны, василиски и аспиды — мифологические демонические существа.

В соответствии с подобными воззрениями на сущность жен супружеские отношения в семье носили ярко выраженный деспотический характер, а патриархальный уклад предоставлял мужу как хозяину двора неограниченную власть над женами и всеми домочадцами. Вся их жизнь протекала под его строгим надзором. По свидетельству Н. И. Костомарова: «Обращение мужев с женами было таково: по обыкновению, у мужа висела плеть, исключительно назначенная для жены и называемая дурак; за ничтожную вину муж таскал жену за волосы, раздевал донага; привязывал веревками, сек дураком до крови — это называлось учить жену; у иных мужев вместо плети играли ту же роль розги, и жену секли, как маленького ребенка, а у других, напротив, дубина — и жену били, как скотину»⁵⁸.

Почтение по Домострою

⁵⁸ Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М., 1992. С. 201.

Такое обращение с женами не считалось безнравственным и даже одобрялось предписаниями Домостроя: «Если муж сам жены не учит, и слуг своих, и дом свой не по-божески ведет, и о своей душе не радует и людей своих правилам этим не учит, — и сам себя погубит в этой жизни и в будущей, и дом свой, и всех остальных с собою»⁵⁹. Очевидно, поэтому побой со стороны мужа почитались женами как признаки его истинной любви и заботы.

При этом домостроевские наставления о необходимости «учить» жен сочетались с признанием их значимости и важности в ведении домашнего хозяйства. Жена не была совсем бесправным существом в доме: как и муж — глава семьи, она почиталась госпожой над детьми и слугами, распоряжалась по дому, поощряла и бранила домочадцев. Жена могла чувствовать себя хозяйкой только в пределах своего дома, да и то не везде, а преимущественно на своей половине.

С конца XVI века наиболее обеспеченные знатные семьи, начиная с царской, поселяли женщин в отдельные терема, где те вели замкнутую жизнь. Там, где этого позволить себе не могли, боярыни, дворянки и богатые купчихи жили в теремах вместе с мужьями, но на своей особой, «женской» половине. Как правило, подъезду «половину» отводили верхний, более светлый этаж, по соображениям безопасности и удобства труда. В крестьянских избах таким местом был бабий кут — печной угол. Это пространство отделялось занавеской или деревянной перегородкой. Там хранилась различная домашняя утварь, ставились жернова. Мужчине за печной столб ходу не было, это было только женское пространство. Женским местом также считалась и лавка под окнами, где обычно пряли, ткали и рукодельничали. Располагаться у окна дозволялось девицам, высматривающим женихов, а потому и сидеть на этой лавке мужчине считалось постыдным. Общими местами в доме были горница, стол и печь, на которой в холодное время располагалась на ночь вся семья. В богатых домах могли быть и отдельные спальни — ложницы с широкими

⁵⁹ Домострой. С. 125.

лавками и образами, которые во время интимной близости супругов закрывались специальной занавеской. Австрийский дипломат барон Август Мейерберг писал в своих путевых заметках о Московии: «Когда же муж захочет исполнить свой долг с женою, он обязан закрыть образа покрывалом»⁶⁰.

На Руси женщины, особенно из богатых и знатных семейств, были отгорожены от внешнего мира. Их существование напоминало жизнь в древнегреческом гинекее или в восточном гареме. Они могли общаться только с родней и слугами. В богатых домах мужчины и женщины даже ели раздельно — каждый на своей половине. Во многих крестьянских домах женщины и вовсе не садились за стол с мужем, только подавали еду, а сами доедали то, что останется.

Австрийский дипломат барон Сигизмунд фон Герберштейн, посетивший Россию в 1549 году, в своих «Записках о московитских делах» отмечал: «Положение женщин самое жалкое. Ибо они ни одну женщину не считают честною, если она не живет, заключившись дома, и, если ее не стерегут так, что она никогда не показывается в публику. Они почитают, говорю я, мало целомудренную ту женщину, которую видят чужие и посторонние. Заключенные дома, женщины занимаются только пряжей. ... Весьма редко пускают их в церковь и еще реже в общество друзей, разве только они очень стары и уже нет места никакому подозрению»⁶¹.

Но таково было положение женщин только в среде боярства и зажиточного купечества. В народной же массе царила эротическая свобода, основанная на древних сексуально-сакральных традициях, физиологических потребностях организма, бытовых нуждах и здравом жизненном смысле. Так, например, вследствие того, что дочерей отдавали замуж в раннем возрасте, когда те

⁶⁰ Путешествие в Московию барона Августа Мейерберга, члена императорского придворного совета, и Горашии Вильгельма Кальвауччи, кавалера и члена правительственного совета нижней Австрии, посланцев августейшего Римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майенбергом. М. 1874. С. 50

⁶¹ Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 68—69

еще не были готовы к полноценным сексуальным отношениям, их матери часто заменяли их собой и вступали в связь с зятьями, законно требовавшими половой жизни. Так им приходилось эротически убажывать и своих зятьев, и мужей. О том, прекращала ли теща эти отношения с зятем, когда он вступал в сексуальные отношения с повзрослевшей законной женой, неизвестно, но документы свидетельствуют, что церковь относилась к этому греху не очень строго. Если за добрачную связь накладывалась епитимья в пятнадцать лет покаяния, то за секс с тещей полагалось лишь пять лет ежедневного двухчасового покаяния в храме. Надо сказать, что от таких сердобольных матерей не отставали и их мужья, которые также «снохачили» молодых жен своих сыновей, невзирая на чьи-либо возражения.

Все эти безобразия творились внутри семей и наружу не выходили. Кроткие, покорные и тихие жены усердно заботились о сохранности супружеских отношений и пристально следили за тем, чтобы мужья «не смотрели на сторону».

Прежде всего, они старались сохранять свой привлекательный внешний вид. По утрам они прихорашивались, «измывали себя» отваром шиповника или ромашки. Чтобы лицо было «чисто и бело», умывались мыльной травой с корнем чистотела. А чтобы красота в течение дня не поблекла, прибегали и к магическим средствам. Над головным платком шептали особенный заговор, крестились, повязывали на голову и приступали к работе. Вечером, для восстановления привлекательности, следовало обязательно утереть лицо заговоренным платком.

Если эти ухищрения не помогали, жены прибегали к ворожке с особыми приворотными травами и корнями. В одном из траvníков XVII века рекомендовался приворотный корень травы куюос, который следовало класть за зеркало и каждый вечер произносить особенное заклинание, дабы муж смотрел на жену с восхищением и вожделением. Другой рецепт сохранения семейного счастья предполагал собрать в Петров день особенную траву, истолочь ее корень в порошок, смешать с воском свечей, собранных после молебна у икон Христа и Богородицы, и носить

это в натальном кресте. В воду была и ворожка на мыле, соли, белых и пепле. Ревнивой жене следовало умываться заговоренным мылом и щедро красить лицо белыми, в пищу и питье мужа, не экономя, добавлять соль, а также пепел от сожженного ворота рубахи. Можно предположить, что не все мужья могли благоклонно оценить подобное усердие своей супруги в ее борьбе за нерушимость семейных уз. Могли и поколотивать.

В реальной жизни семья скреплялась страхом Божиим, взаимной заботой, общим нажитым имуществом и детьми.

Родительские обязанности

Говоря о развращенности нравов того времени, следует отметить, что в супружеской постели люди русские не только руководствовались чувственными интересами, но и в соответствии с церковными наставлениями думали о продолжении рода. Исполняя заповедь Божию: «плодитесь и размножайтесь», они с помощью сексуальной магии старались влиять на природу, чтобы обеспечить зачатие ребенка нужного пола. Так, например, Е. Мороз сообщает: «...в Смоленской губернии считали, что "если мужчина в сидячем положении", будет зачат мальчик; той же цели предполагалось достичь, "когда после совершения супружеского акта муж перекатится через жену". В Пензенской губернии для рождения сына рекомендовали: "Сразу же после совокупления женщина должна съесть сырой петушиный гребень"; в Новгородской области: "Если после акта не отворачиваться друг от друга"; в Вятской губернии: "Ни тот ни другой во время акта не должны смеяться"⁶². В Малороссии полагали, что для зачатия мальчика «совокупление должно быть неожиданным для жены», и особенно важно, чтобы жена во время полового акта держала мужа

⁶² Мороз Е. Веселая Эрата. Секс и любовь в мире русского Средневековья. С. 14–15.

и долголетними пребудете на земле. За то простятся грехи ваши, и Бог вас помилует»⁷³. В противном случае гнев Божий падет на их неокрепшие головы. «Если же кто осуждает или оскорбляет своих родителей или клянет их, или ругает, тот перед Богом грешен и проклят людьми и родителем. Кто бьет отца или мать — тот отлучится от церкви и от святыни, пусть умрет он лютою смертью от гражданской казни, ибо сказано: "Отцовское проклятие иссушит, а материнское искоренит". Сын или дочь, не послушные отцу или матери, сами себя погубят и не доживут до конца своих дней, если прогневят отца или досадят матери»⁷⁴.

Дети находились в полной экономической и физической зависимости от родителей, и прежде всего от отца, который по своей воле мог продать их в рабство. Об этом сообщал в своих «Записках» барон Сигизмунд Герберштейн: «Если отец, как это у них в обычае, продаст сына, и этот последний каким бы то ни было образом станет свободным или будет отпущен на волю, то отец, по праву отцовской власти, может продать его еще и еще. После четвертой продажи он не имеет на сына более никакого права»⁷⁵.

При этом сыновья обязаны были заботиться о престарелых родителях до конца их жизни. Когда после смерти отца они, взрослые, уже служа государю, наследовали его поместье, то должны были содержать в нем свою мать до ее смерти.

Родители, в свою очередь, обязаны были обучать детей всем премудростям ремесла, службы и ведения хозяйства, которое они предадут им в наследство. Прежде всего, такая родительская забота распространялась на дочерей. Их предстояло выдать замуж и обеспечить при этом достойным приданым. «Если дочь у кого родится, благоразумный отец, который торговлей кормится — в городе ли торгует или за морем, — или в деревне пашет, такой от всякой прибыли откладывает на дочь (и в деревне также):

⁷³ Домострой // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. С. 89.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Герберштейн С. Записки о Московитских делах / пер. А. И. Малеина. СПб., 1908. С. 74.

или животинку растят ей с приплодом, или из доли ее, что там Бог пошлет, купит полотна и холстов, и куски ткани, и убрusy, и рубашка — и все эти годы ей в особый сундук кладут или в короб и платье, и уборы, и мониста, и утварь церковную, и посуду оловянную и медную и деревянную, добавляя всегда понемножку, каждый год, как сказано, а не все вдруг, себе в убыток. И всего, даст Бог, будет полно»⁷⁶. Сыновей же предстояло определить к делу сообразно их словесной принадлежности, имуществу и личным способностям.

Детей рано вводили во взрослый мир, учили жить в нем ответственно и самостоятельно. Им в любом возрасте находилось посильное дело. Они помогали взрослым по хозяйству и включались во взрослую жизнь со всеми ее житейскими проблемами. Подростающее поколение учили доброте, миролюбию и отзывчивости. Эти черты, прежде всего, необходимо было проявлять по отношению к бедным и больным. Подавать им милостыню и по возможности иногда накормить, напоить и согреть. Хорошо никого ни в чем не осуждать и молиться за врагов своих. Учили также: «не делай другому, чего сам не любишь, возненавидь хмельное питье, отвергни от себя пьянство: от него рождаются все злые обычаи»⁷⁷. Детям запрещалось играть в кости и карты. Рекомендовалось бережно охранять мальчиков-подростков от совместных игр с девочками, «чтобы по дьявольскому наваждению не впади в искушение»⁷⁸.

Расширение русских земель и укрепление централизованной государственной власти в Московском царстве требовали немало количества разумных и грамотных служивых людей. Выход на международную арену и участие в европейской политике вызвали необходимость немалых внутренних государственных реформ в сфере образования.

⁷⁶ Там же. С. 87.

⁷⁷ Благословение от благовещенского попа Сильвестра возлюбленному моему единокровному сыну Анфиму. Цит. по: Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV-XVII вв. С. 227.

⁷⁸ Хрестоматия по истории педагогики... С. 490.

После двухсот пятидесяти лет татарского ига и разорения во время смуты и польско-шведской интервенции в стране почти не осталось образованных людей. Книжной ученостью обладали лишь некоторая часть духовенства да отдельные представители боярской знати из ближайшего царского окружения. К началу XVI века в Новгородской епархии, бывшей когда-то центром просвещения, почти половина священников была совершенно неграмотна. Еще хуже обстояли дела в других регионах страны. Факт повсеместной неграмотности подтвердил Стоглавый собор 1551 года.

При этом, однако, большинство церковных иерархов высказывали отрицательное отношение к западноевропейской образованности, которую они рассматривали как угрозу чистоте православной веры. Таким образом, обосновывалась идея культурной самоизоляции Московского государства.

В 1524 году монах псковского Елеазарова монастыря Филофей в послании великому князю Московскому Василию III отписал, что Москва должна стать преемницей роли «Рима земного» и духовной наследницей Западной и Восточной Римских империй. Основываясь на том, что «первые два Рима погибли, третий не погибнет, а четвертому не бывать», Филофей предложил самопровозгласить Москву центром христианского мира, закрепив за ней звание «Москва — Третий Рим». Несмотря на всю абсурдность этого предложения, идея понравилась и была принята. К тому же она была подкреплена браком Ивана III и племянницы последнего византийского императора Софии Палеолог с принятием царского титула и византийского герба.

Однако в «новом Риме» намерения продолжить традиции античной и византийской образованности не возникло. Русская православная церковь полагала, что должно изжить культурно-образовательную греко-византийскую традицию и одновременно оградиться от западной культуры и образованности, погрязших в ереси. Она объявила себя единственным хранителем подлинной веры, культуры и образованности. Так, вплоть до второй половины XVI века в стране не изучались латынь и греческий язык.

Царские планы Ивана Грозного и Бориса Годунова об открытии латинских школ не были реализованы вследствие противодействия православного духовенства. «Латинская ученость» вызывала у них крайне негативное отношение. По свидетельству жившего в 1600–1612 годах в Москве француза Маржерета, народ ненавидел науки иноземные, и особенно латинский язык.

Обучение детей грамоте в тех семьях, которые этого хотели и имели возможности, началось приблизительно с семи лет и осуществлялось древнерусским способом: «духовные лица или особые мастера брали детей на выучку за установленную плату»⁷⁹. Письму и чтению обучали по Псалтырю, Евангелию и часослову. Псалтырь был одним из важнейших средств не только обучения, но и нравственного воспитания.

Стационарных учебных учреждений в России не было, и дети всех сословий получали лишь весьма ограниченное начальное образование. Главное место в нем уделялось усвоению не научных знаний, а исключительно житейских правил, которые должны были помочь им в будущем праведно жить и трудиться. Основными направлениями в подготовке молодого поколения были учение о спасении души, знания о правилах общежития и ведении домашнего хозяйства. Те же, кто тянулся к книге и знаниям, должны были трудиться самостоятельно: «Аще кто хочет много знати, тому подобает мало спати, а мастеру угождати»⁸⁰.

Во второй половине XVI века отношение к организации обучения стало меняться. Стоглавый собор постановил «учинити училища» в домах священников, дьяконов и дьячков. В Москве и других исконно русских городах, а также во вновь завоеванных землях — Казани и Астрахани — при монастырях открывались школы грамоты. В них учились только «отроки мужеска пола». Они осваивали азбуку, заучивая буквы и слоги. Затем читали по букварю отдельные слова и предложения. После этого приступали

⁷⁹ Елачский В. О. Курс русской истории: в 5 ч. Ч. 3. М., 1923. С. 352.

⁸⁰ Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. С. 3.

к чтению часослова и Псалтыря. Такое образование требовало от учащихся большого внимания и усидчивости, которые прививались им не только словесным увещанием, но и розгами. Учителя имели право пороть своих подопечных, и потому нерадивых учеников постоянно призывали «блужать наказания Дидаскала».

Обучение грамоте, вниманию и усидчивости

В XVII столетии русские люди, понимавшие необходимость учения, стали активно проявлять частную инициативу в деле просвещения народа. Одним из таких ревнителей был окольничий царя Алексея Михайловича Федор Михайлович Ртищев. При Андреевском монастыре под Москвой в 1649 году он устроил училище для желающих обучаться греческой, латинской и славянской грамматике, риторике и философии. Для преподавания этих дисциплин он за свой счет пригласил тридцать ученых монахов из Киевской лавры и других малороссийских монастырей.

Ф. Ртищев сам стал студентом этой вольной школы и, пользуясь своим положением при дворе, заставлял некоторых из московских молодых служащих ходить к киевским старцам учиться по-латыни и по-гречески.

«В 1667 г. прихожане московской церкви Иоанна Богослова (в Китае-городе) задумали устроить при своем храме училище ... с преподаванием грамматической хитрости языков: славянского, греческого и латинского и прочих свободных учений. Они подали о том челобитную царю и при этом били еще некоему «честному и благоговейному мужу» быть ходатаем перед царем об их деле, просили благословения у патриархов московского и восточных»⁸¹. Спустя некоторое время, из уважения к непрестанным молитвам того благоговейного мужа (очевидно, Ф. М. Ртищева), патриарх московский дал свое благословение. В 1685 году в Боровске местный священник на свои деньги построил школу для обучения детей.

Однако подобное стремление к знанию большей частью наткалось на не менее активное сопротивление со стороны консервативного духовенства. К примеру, протопоп Аввакум резко осуждал изучение мирских наук, призывал отказаться от греко-латинского образования, ибо, по его мнению, следовало бы радеть об усвоении правды духовности и целомудрия.

Учение латинское и греческое отторгалось и в народе. Документы одного следственного дела 1650 года сообщали об осуждении молодыми людьми стремления к мирским знаниям: «Вот учится у киевлян, толковали они, Ф. Ртищев греческой грамоте, а в той грамоте и еретичество есть»⁸². Один из учеников вольной школы Андреевского монастыря Степан Алябьев на допросе показал: «...учиться перестал и азбуку изодрал, потому что начали ему говорить его родные да Лучка Голосов с Ивашкой Засецким: «Перестань учиться по-латыни, дурно это, а какое дурно, того не сказали!». Сам Голосов по властному приглашению Ртищева

⁸¹ Ключевский В. О. Курс русской истории: в 5 ч. 3. С. 353

⁸² Там же. С. 352.

должен был в Андреевском монастыре учиться пол-латыни же у киевских старцев; но он против их науки. ... "старцы они не добрые, в них добра не нашел, и доброго учения у них нет; теперь я пока уждаю Ф. М. Ртищеву из страха, а впредь у них учиться ни за что не хочу"⁸¹.

Так, тяжело и с большим трудом, в Московском царстве пробили себе дорогу образование и культура. Мало было достойных примеров того, что ученость может сделать жизнь человека лучше. Должностные назначения не зависели от личных качеств и способностей человека. Система местничества⁸², просуществовавшая до 1682 года, учитывала только знатность родового происхождения.

Самозолотившееся государство «Третьего Рима» впадало в социально-экономическую стагнацию и значительно отставало в развитии от других европейских стран. Понятно было, что прививать любовь к знаниям и наукам необходимо с самых «младых ногтей», ибо старшие поколения этих новшеств принимать не хотели.

Во второй половине XVII века Епифаний Славинецкий составил замечательное пособие по воспитанию детей — книгу «Гражданство обычаев детских». Это произведение представляло собой обширный свод правил поведения в обществе: среди сверстников и взрослых, дома и в церкви. Книга содержала различные обычаи, правила «благонравия» и «благочинного» поведения. Епифаний подробно описывал, каковы должны быть приличные манеры ребенка и подростка. С каким выражением лица и мимикой он должен разговаривать со взрослыми, как вести себя за столом во время еды, в гостях и в церкви, как ухаживать за зубами и заботиться о своем внешнем виде.

По этому пособию и воспитывались дети бояр, дворян и зажиточного купечества. Особенно большое значение придавалось

воспитанию и обучению царских детей. Сначала в их жизни главную роль играла кормилица, которая, как правило, до конца своих дней оставалась при дворе и получала помесячное вознаграждение. Так, кормилица царевича Федора Алексеевича — Анна Ивановна — всю оставшуюся жизнь имела прежний восьмирублевый годовой оклад жалованья и шесть «кормовых денег» по три копейки на день.

Кроме кормилицы для «досмотра» за царскими чадами до их пятилетнего возраста были «мамка», «нянька», «казначья», «постельница» и целый штат прислужниц. В этот период сыновей «тешили» игрушками, подобранными так, чтобы способствовать физическому и умственному развитию ребенка: приучать его к военному делу, к управлению людьми и будущей жизни государя большой державы. Физическое развитие царевичей заключалось в том, что летом они много времени проводили на свежем воздухе, качаясь на качелях и играя в мяч, зимой катались на санках и коньках.

С пяти лет начиналось обучение грамоте. Царские дети учили буквы и осваивали чтение по часослову и Апостолю. Писать их учили отдельно. Затем шло освоение церковного пения или военного дела. Так, цесаревича Алексея Михайловича в пять лет начали обучать грамоте под руководством «дядьки» Бориса Ивановича Морозова, который благодаря этой должности сразу же из стольника превратился в боярина. В семь лет, благодаря стараниям «дядьки», Алексей научился играть в шахматы. Игра эта очень соответствовала его спокойному, усидчивому характеру. В девятилетнем возрасте царевич начал обучаться церковному пению, которое тоже пришлось ему по душе. Он проявлял незаурядные способности и очень быстро выучил наизусть те части часослова и Псалтыри, которые полагалось знать по памяти, и перешел к чтению Деяний апостольских. Однако другим свободным наукам, общепринятым в школах Европы и включавшим грамматику, риторикку, диалектику, арифметику, геометрию, музыку, астрологию, царевича не обучали. Иностранные языки — греческий, латынь и польский — будущему царю преподавал Симеон Полоцкий.

⁸¹ Ключевский В. О. Курс русской истории: в 5 ч. Ч. 3. С. 357.

⁸² Местничество — сложная система распределения должностей в зависимости от древности и знатности рода, существовавшая в Русском государстве.

Цари и отдельные группы бояр, дворян, думных Дьяков и духовства понимали важность образования и стремились к знаниям, но основная масса русского народа оставалась неграмотной и темной.

Внебрачные отношения

Последствия пережитого в XIII–XVI веках татаро-монгольско-го нашествия, разорительной опричнины и Смутного времени не могли не сказаться самым деструктивным образом на жизни людей и их семейных отношениях. Измученные войнами и голодом, разоренные и запуганные, постоянно ожидавшие отовсюду опасности, они могли лишь мечтать и создавать образы счастливой жизни в своем воображении. Так рождались сказания о дальней земле, где людям живет хорошо и вольготно.

Земля эта была «меж рек и моря, подле гор и поля, меж дубов и садов и рощей избранных, озерь сладководных, рек многогорыбных, земель доброплодных. ... Да там же есть едина горка не добре велика, а около ея испоставлено преукрашенных столбов множество, со скатертми и с убрсами и с ручниками, и на них ключи имисы золотыя и сребренныя, хрустальныя и стеклянныя, и различных яств с мясными и с рыбными, с поеными и скоромными, ставцы, и сквороды, и сквородки, лошки и плошки. А на них колобы и колачи, пироги и блины, мясные части и кисель, рыбныя званы и уха, гуси жареныя и журавли, лебеди и чапли, и индейския куры, и курята и утята, кокоши и чирята, кулики и тетеревы, воробьи и чпылята, хлебы ситныя и пирожки, и соуды с разными напитками. Стоят велики чаны меду, сороковыя бочки вина, стоновыя дельвы ренскова и рамонеи, балсамов и тентинов, и иных заморских драгоценных питий множество много. И браги, и бузы, и квасу столь множество, что и глядеть не хочется. ... Да там же есть озеро не добре велико, исполненно вина двоинова. И кто хочет, испивай, не бойся, хотя в друг по две чаши.

Да тут же близко пруд меду. И тут всяк придет — хотя ковшем или ставцом, припадкою или горьстью, — бог в помощь, напивайся. Да близко ж тово целое болото пива. И ту всяк придет пей, да и на голову леи, коня своего мой, да и сам купайся, и ништо не оговорит, ни слова молвит. Там бо того много, а все самородно. Всяк там пей и ежь в свою волю, и спи довольно, и прохлаждайся любовно»⁸⁵.

Такое представление о счастливой жизни, конечно, могло зародиться только в сознании измученных и униженных людей, рвущихся к разгульной вольности и вседозволенности. Естественно, что первым этапом на пути к этому было безудержное пьянство, когда каждый «сам себе господин», «черт ему не брат» и «море по колено». Памятники русской литературы XVI–XVII столетий уделяли этой теме немалое внимание. В это время были созданы такие произведения, как «Служба кабаку», «Повесть о бражнике», «Послание о Хмеле» и другие. В них красочно описывалось состояние людей во времена «русского Ренессанса», когда люди, вышедшие из тяжелой и кровавой эпохи Средневековья, почувствовали зов брэнной плоти и устремились к разгульным «радостям» жизни. Понятно, что до добра эти «радости» людей не доводили.

«В три дня очистился еси донага, яко же есть написано: пьяницы царствия божия не наследят. Без воды на суше тонет; был со всем, а стал ни с чем. Перстни, человеце, на руке мешают, ногавицы⁸⁶ тяжело носить, портки на пиво меняет»⁸⁷. И часто бывало, так, что напрасно духовные пастыри призывали народ православный опомниться, внять голосу разума и подумать о спасении души. «Пьянство ражает блуд, прелюбодейство, гордость, превозношение, непокорство, кичение, прекословие, расколы, укорение, досады, брань, а во брани бой, а в бою смерть, а по смерти — мука вечная»⁸⁸.

⁸⁵ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. 1989. С. 190–191.

⁸⁶ Ногавицы — о буйе.

⁸⁷ Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. С. 196.

⁸⁸ Там же. С. 248.

Вслед за пьянством начиная с XVI века население русских земель в невиданных ранее масштабах оказалось подвержено разврату. Греховным сексуальным утехам люди предавались в своих домах, кабаках и на улицах. Эту особенность русского быта отмечали в своих отчетах и мемуарах иностранцы, посетившие Московию в те времена⁸⁹.

Так, иностранные послы и гости — англичане Джордж Турбервилль, Самуэль Коллинс, немцы Адам Олеарий, Августин Майерберг, французы Жак Маржерет, Франсуа де Бельфоре и другие — были чрезвычайно удивлены распространённостью плотских грехов в Московском государстве и той снисходительностью, которую проявляли к ним общественное мнение и власти. Иностранцы отмечали, что русские люди редко ходили к исповеди, а когда случалось им беседовать с исповедниками, не признавались в своих греховных проделках. Посетивший в 1661 году Москву австрийский посол А. Майерберг как-то высказал сопровождавшему его приставу свое мнение о том, что русские должны постоянно исполнять наложенные на них церковные епитимьи, поскольку большие охотники «подбираться к чужим женам». К своему удивлению, в ответ он услышал: «Вот еще дураков нашли!.. Разве мы говорим когда об этом попу?»⁹⁰.

Известный английский мореплаватель, положивший начало торговым отношениям России с Англией, Ричард Ченслер в своей книге «О великом и могущественном царе Московии» писал: «Нигде нет такого разврата и пьянства, а также и по насилиям своим это самый отвратительный народ в мире»⁹¹. Английский поэт и дипломат, сотрудник посольства Джордж Турбервилль в письме к другу, Эдварду Данси, в 1569 году сообщал: «Но все же они следуют плотским грехам, привычке к недостойной жизни.

Не видя стыда в сведении счетов в разврате с кем-то, они не забоятся скрыть свои безрассудства»⁹². Для примера Дж. Турбервилль приводит обвинения москвитов в содомском грехе: «Возможно, мужик имеет веселую, обходительную жену, которая служит его грубым прихотям, он все же ведет животную жизнь, предпочитая мальчика в постели женщине. Такие грязные грехи одолевают пьяную голову»⁹³. Британский купец Томас Смит в своих мемуарах «Путешествие и пребывание в Московии 1604–1605 гг.» утверждал, что «русские не только чудовищно бесстыдны, но как бы олицетворяют собою само бесстыдство»⁹⁴.

Секретарь шлезвиг-голлштинского посольства Адам Олеарий в своем труде о путешествиях в Московию и Персию писал: «Хотя греховная Венера игра у русских очень распространена, тем не менее у них не устраиваются публичные дома с блудницами, от которых, как то, например, к сожалению, водится в Персии и некоторых иных странах, власти получают известный доход. ... Прелюбодение у них не наказывается смертью, да и не изменяется у них прелюбодением, а просто блудом, если женатый пробудет ночь с женою другого. Прелюбодеем они называют лишь того, кто вступает в брак (имеет сексуальные отношения) с чужою женою»⁹⁵.

Осуждая все внебрачные сексуальные связи, церковь, однако, иногда делала исключение для мужей, покинутых своими женами. Согласно правилу Св. Василия Кесарийского, жена, изменявшая мужу и покинувшая его, обвинялась в грехе прелюбодения, а мужу дозволялся блуд в отношении с другой женщиной: «Жена, оставившая своего мужа, есть прелюбодейца, аще перешла к другому мужу. Муж же, ею оставленный, достоин снисхождения, равно и женщина, сожительствующая с ним, не виновна»⁹⁶. Допуская

⁸⁹ Горсей Дж. Записки о России. XVI — начало XVII в. / пер. А. А. Севастьяновой. М., 1990. С. 260.

⁹⁰ Там же. С. 259.

⁹¹ Сира Томаса Смита путешествие и пребывание в России / пер. И. М. Балдакова. СПб., 1893. С. 20.

⁹² Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 343, 352.

⁹³ Мильков В. В., Симонян Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. С. 423.

⁸⁸ См.: Московию с XV по XVII век. Нравы и обычаи москвитов, о которых не говорят. Разврат. Часть 3. URL: <https://rudy-ogon.livejournal.com/4495363.html> (дата обращения: 21.12.2019).

⁹⁰ Путешествие в Московию барона Августа Мейерберга... С. 101.

⁹¹ Ченслер Р. Книга о великом и могущественном царе русском. М., 2011. С. 29–30.

подобную внебрачную связь, священнослужители настаивали на скорейшем заключении повторного брака, скрепленного церковным венчанием. Однако здесь следует отметить, что мужья, получившие таким образом свободу от брачных уз, не всегда торопились связать себя новыми супружескими обязанностями. Их нравственные устои не всегда оказывались на должной высоте.

В 1570 году известный историк и переводчик Франсуа де Бельфорэ издал «Всеобщую историю мира», где весьма неприглядно определял моральный облик москвитов как воинственных дикарей, пьяниц, развратников, плохо образованных, приверженцев относящихся к женщинам, обманщиков, взяточников, дурно относящихся к женщинам, заблуждавшихся христиан. Французский наемник-капитан Жак Маржерет в труде «Состояние Великого княжества Московия» весьма нелицеприятно характеризовал русский народ: «их нравы и образ жизни, так как они грубы и необразованны, без всякой учтивости, народ лживый, без веры, без закона, без совести, содомиты и запятнаны бесчисленными другими пороками и скотскими страстями»⁹⁷.

О распространенности содомского греха среди и народа православного ставился вопрос и на Стоглавом соборе. Ему была посвящена отдельная 33-я глава: «Нецзи же к тому злу, забыв страх божий, скверное беззаконие творят, иже не подобает творити православным, реку же, содомскую пагубу многим людям на смятение ина соблазн и погильель. А от множества народа и от иноверных поношение и укоризна нащей православной вере хрестьянстей»⁹⁸.

Основным местом удовлетворения похоти во внебрачных отношениях были питейные заведения и городские общественные бани, где мужчины и женщины мылись совместно. О запрете совместного мытья как нарушения правил святых отцов ставился вопрос на Стоглавом соборе. «Да во Пскове граде моются в банях мужи и жены, и черницы и черницы в одном месте без зазору. Достойт о том запретити, чтобы престали от того безчиния, а по

правилом святых отец не подобает мыться мужу с женою в бани в одном месте. И о том ответ. По священным правилом не подобает в банях мужем с женами в одном месте мыться; также иноком и инокиням възбраниша и запретища в баню ходити. Аще ли внидут, да под запрещением будут священных правил»⁹⁹.

фактически бани функционировали как нелегальные публичные дома, с тем лишь отличием, что люди могли там еще заодно и помыться. Об особенностях русских бань писал Адам Олеарий: «У них в городах и деревнях много открытых и тайных бань... Когда они совершены о покраснеют и ослабнут от жары до того, что не могут более вынести в бане, то и женщины, и мужчины голые выбегают, окаживаются холодной водой, а зимою валяются в снегу и тругим, точно мылом, свою кожу, а потом опять бегут в горячую баню»¹⁰⁰.

Городская баня

⁹⁷ Там же. С. 101.¹⁰⁰ Олеарий А. Описание путешествия в Московию // Россия XV—XVII вв глазами иностранцев. С. 344—345.⁹⁸ Маржерет Ж. Состояние Российской империи. М., 2007. С. 182.⁹⁹ Стоглав... С. 80.

О том, что в банях, скорее всего, творились всякие сексуальные непотребства, секретарь Голштинского посольства Догадывался исходя из собственных наблюдений.

«Мы сами несколько раз видели в Москве, как мужчины и женщины выходили прохладиться из простых бань, и голые, как их Бог создал, подходили к нам и обращались к нашей молодежи на ломаном немецком языке с безнравственными речами. К подобной распутной наглости побуждают их сильно и праздность; ежедневно многие сотни их можно видеть стоящими праздно или гуляющими на рынке или в Кремле. Ведь и пьянство они преданы более, чем какой-либо народ в мире. "Брюхо, налитое вином, быстро устремляется на вождение", — сказал Иероним. Напившись вина паче меры, они, как необузданные животные, устремляются туда, куда их увлекает распутная страсть. Я припоминаю по этому поводу, что рассказывал мне великокняжеский переводчик в Великом Новгороде: "Ежегодно в Новгороде устраивается паломничество. В это время кабатчик, основываясь на полученном им за деньги разрешении митрополита, устраивает перед кабаком несколько палаток, к которым немедленно же, с самого рассвета, собираются чужие паломники и паломницы, а также и местные жители, чтобы до богослужения перехватить несколько чарок водки. Многие из них остаются и в течение всего дня и топят в вине свое паломническое благочестивое настроение. В один из подобных дней случилось, что пьяная женщина вышла из кабака, упала на улицу и заснула. Другой пьяный русский, проходя мимо и увидя женщину, которая лежала оголенная, распалился распутною страстью и прилег к ней, не глядя на то, что это было среди бела дня и на людной улице. Он и остался лежать с нею и тут же заснул. Много молодежи собралось в кружок у этой пары животных и долгое время смеялись и забавлялись по поводу их, пока не подошел старик, накинувший на них кафтан и прикрывший этим их срам"¹⁰¹.

¹⁰¹ Олгарий А. Описание путешествия в Московию, С. 177.

Внебрачные отношения в Московском царстве были широко представлены и в форме нелегальной проституции. Явно неудовлетворительное хозяйственно-экономическое положение народа, периодически усугублявшееся голодом и нищетой, провоцировало незамужних женщин на поиск торговли своим телом. «Женщины низших сословий, или, как тогда выражались, подлого рода, пользовались почти безграничной свободой, отличались бесстыдством, безнравственностью и предавались самому необузданному разврату. ... Молодые вдовы без рода и племени, непожелавшие уединиться в монастырь, нередко держали притоны "для добрых молодцев", и эти притоны, в сущности, были не чем иным, как домами непотребства, хотя разврат происходил в них тайно. Такими же притонами разврата были дзезжие, или постоялые, дворы, питейные дома или кабаки"¹⁰². Так, честная жена могла превратиться в непотребную срамную бабу, чтобы помочь мужу-пьянице отдать долги.

Согласно церковным предписаниям и официальному общественному мнению, любые попытки внебрачных сексуальных отношений жестко осуждались и подлежали наказанию. Однако эти осуждения и реальные репрессии, как правило, применялись только к неверным женам. Так, по правилам Василия Великого, лежавшим в основе семейного законодательства XVII века, осквернившаяся изменой жена должна была изгоняться из дома без какого-либо содержания. При этом супружеские измены со стороны мужей порицались только на словах и иных последствий не имели. Этот грех со стороны мужа жена по закону должна была простить и продолжить жить с ним «в счастливом браке».

О жестоких расправах с женами писал Адам Олеарий: «Если женщиною, состоящею в браке, совершен будет блуд, и она будет обвинена и уличена, то ей за это полагается наказание кнутом.

¹⁰² Дабиков К. И. Проституция в России // «А се грехи злые, смертныя...». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, лингвистов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX века. В 3 кн. Кн. 3. М., 2004. С. 517–518.

Винноватая должна несколько дней провести в монастыре, питаясь водою и хлебом, затем ее вновь отсылают домой, где вторично ее бьет кнутом хозяин дома за запущенную дома работу»¹⁰³.

О тяжелом положении русских жен и лицемерной набожности их мужей писал в своих заметках «Путешествие по Московии» нидерландский путешественник Ян Янсен Стрейс: «Жизнь женщин неспокойна, их держат взаперти, почти как турчанок; мужья по малейшему подозрению бьют их, обвиняют их, оскорбляют, однако сами похотливы и невосдержаны как в семейной жизни, так и вне ее, хотя внешне пристойны и крайне суеверны и только в редких случаях лягут с посторонней женщиной, не сняв с себя креста. Они не станут распутствовать там, где висят иконы, а ежели, кроме того, негде, то завешивают их, считая противоположное большим грехом и осквернением, нежели самый блуд. Как будто всевидящее око бога менее страшно, нежели слепообраз»¹⁰⁴.

Осуждением блудного греха были преисполнены и наставления протопопа Сильвестра, который угрожал адскими муками и проклятием всем, кто «непотребные дела совершит: блуд и распутство, и сквернословие, и срамные речи, клятвopеступление, гнев и ярость, и злопамятство, с женщиной живет не в законе или на стороне блудит, в содомский впадает грех»¹⁰⁵. Но, несмотря на то что Домострой активно пропагандировал православной церковью, эти предписания и запугивания не имели сколько-нибудь значительного успеха. Люди не допускали излишний контроль в свои интимные отношения, а в случае попытки навязчивого вторжения в их личную жизнь оказывался достойный отпор. Так, например, когда протопоп Аввакум с небольшой группой священнослужителей — «ревнителей благочестия» вознамерился воспитать русский народ, заставить его жить по строгим

христианским семейным правилами, дело окончилось страшным конфузом. Аввакум попытался осуществить свое намерение в одной из подмосковных деревенских церквей. Обращаясь к народу, проповедник стал «нимать от блудни» местных прихожанок, за что возмущенные его речью мужики, подстрекаемые бабами, изрядно побили его. Народ в ярости кричал: «Убить вора, блядина сына, да и тело собакам в ров!». От гибели Аввакума спасли вовремя поспешившие к месту происшествия стрельцы, под защитой которых прославившийся своей бескомпромиссностью протопоп бежал в Москву.

В те времена к вопросам интимной близости относились проще, свободнее и одновременно строже, полагая это делом сугубо внутрисемейным и относя к личной совести каждого человека. За поведение домохозяев отвечал глава семьи, а вольный человек был сам по себе. Внешний контроль и поучительные вмешательства в чужие отношения не допускались. Семья жила в своем доме, как в крепости, и старалась всеми доступными способами оградить себя от пагубных воздействий внешнего мира. Нередко в такой борьбе домохозядам приходилось сталкиваться, а порой и самим прибегать к магическим колдовским чарам. Так, например, одинокие женщины прибегали к магическим средствам и использовали различные виды любовных заговоров, приворотных и отворотных средств, направленных на организацию любовных отношений. С одной стороны, эти средства использовались «блуда для и похоти ради», а с другой — для сохранения и укрепления семейных отношений. Решение этой последней проблемы было в то время весьма актуально, поскольку супружеские измены при всеобщем падении нравов воспринимались как самые обычные события.

До наших времен сохранились документы судебных разбирательств XVII столетия. В частности, в 1638 году московская колдунья Дарья Ламанова на допросе показала, что занималась приворотами-присушками и произнесла тексты своих заговоров. Так, например, чтобы муж был добрым: «Как смотреть в зеркало, так бы муж на жену не насмотрелся; как соль любят, так бы муж

¹⁰³ Омарий А. Описание путешествия в Московию. С. 201.

¹⁰⁴ Стрейс Я. Я. Три путешествия / пер. Э. Бородиной. М., 1935. С. 175.

¹⁰⁵ Домострой // Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. С. 103.

жену любил; какова рубашка бела на теле, таков бы муж до жены был; сколь скоро мыло льнет к лицу, столь бы скоро муж жену любил»¹⁰⁸. А вот заговор-заклинание колдуна Афоньки Науменко для приворота женок: «Сколь тошно лягушкам в муравейнике, столь бы тошно было женщине по имяреку»¹⁰⁷.

Колдовали не только в Москве, но и по всем городам и весям. Этнографические фольклорные экспедиции собрали обширный материал подобных пространственных колдовских присушек. Для присушки девичьего сердца обращались к нечистой силе и использовали такой заговор: «Лягу я (имя) не благословясь, и используясь, пойду я из избы не во дверь, со двора не в ворота, а под западиу сторону, в чисто поле. Там стоит шатер, в том шатре двенадцать дверей. Пойду я к шатру, пну я первые двери — откроются все двенадцать дверей. Захожу я в шатер, сидит Сатанаил Сатанаилович со своими с малыми детьми. Пошлю я Сатану: "Поди ты, Сатана, зайдиты, Сатана, в крытый дом и некрытый дом, возьми же ты из того дому (имя девицы), распали ее, разожги ее на все четыре части, вложи ты ее тоски-тоскушей, плакоты-плакотушей в ретивое сердце, в белое легко, в черную печь, в подъебную кость". Казался бы я (имя) ей (ее имя) днем при беседе. Где бы она (ее имя) не ходила, где бы она (ее имя) ни гуляла, все бы меня (имя) на уме держала»¹⁰⁸. Произносить этот заговор надо на соль и постараться, чтобы присушиваемая девица эту соль съела.

Бывало, что и девицы или одинокие женщины прибегали к чародейству для привороживания мужчины с помощью заговора: «Милый мой, родимый мой (имярек), тоскую я, горюю я, раба Божия. Поди, тоска-кручинушка, в буйну головушку, в русые волосы, в черные брови, в ясны очи, в красны губы, в белы зубы, в лёгку,

¹⁰⁸ Колдовство в Московской Руси XVII-го столетия (приложение) // Н. Я. Номбергский. Слово и дело государевы: в 2 т. Т. II. М., 2004. С. 121.

¹⁰⁷ Дробицкий А. Н. К материалам о ворожбе в Древней Руси. Сыскное дело 1642–1643 гг. о намерении испортить царницу Евдокию Лукьяновну. М., 1895. С. II.

¹⁰⁸ Русский эротический фольклор... С. 348

в печень, в горячую кровь, в ретивое сердце, поди в стальну кость, чтобы тосковал, горевал бы, ел — не заедал, пил — не запивал бы на всяку минуту, на всяку секунду, во веки веков, отныне и до века»¹⁰⁹. Этот заговор следовало произносить на питье, которое затем дать нужному мужчине.

Были и явно деструктивные колдовские ритуалы на причинение вреда своему обидчику. Вот магический обряд на лишение мужчины его сексуальной силы: «Взять суровую нитку и завязать ею тенето»¹¹⁰ в три узла и на каждом узле говорить: «У раба Божия (имярек) 77 жил и 77 суставов — все бы они на рабу Божию (имярек) не действовали и все бы они не владели и впрямь бы хуй не стоял. Аминь, аминь, аминь! Будь у него как нитка, а у ней как тенето!» После этого бросить тенето на такое место, чтобы он мог перешагнуть»¹¹¹.

Для защиты от таких магических воздействий существовали и специальные защитные заговоры. Например, на оборону естества: «Во имя Отца, Сына и Святаго Духа. Стану я раб Божий (имярек) благословясь и пойду перекрестясь на утренней заре или на вечерней, выйду на широкий двор. Как стоят столбы дубовые верей, ясеновые, и так бы стояли у сего раба Божия (имярек) семьдесят жил, семьдесят составов и становая жила, белые муди румяные и ярые яйца, шли бы всякое в полое место, в жену или девку, в парня, в гузно и в пизду, во всякий день и во всякий час, в денных и в ночных, по утру и вечерью. Во веки веком. Аминь»¹¹².

Кроме защитных заговоров от злобных разрушительных чародейств люди использовали и различные средства, способные оздоровить и укрепить их брачные узы. В лечебниках того времени в качестве противодействия изменам рекомендовались сложные магические средства: «Аще хошь, чтобы жена от мужа на

¹⁰⁹ Там же. С. 350.

¹¹⁰ Тенёта — охотничья сеть для ловли некрупных животных или пауца лагутина.

¹¹¹ Русский эротический фольклор. С. 357.

¹¹² Там же. С. 353.

сторону не блядила, возми с озера пены и помажь михерьь свой, пребуди с нею, не будет блястись с чужим, а ис того б озера исток не было *никуда*¹³. Или: «Аще жена у кого блядит от мужа, ков не было *никуда*». Или: «Аще жена у кого блядит от мужа, выими из жабы язык и свяжи с ежевою кожею, напиши на ней: «Измаил, Вавилон», и заложу под главу или под левую пазуху, все ти исповесть»¹⁴. Или «Аще жена от мужа бежит, дай ей воробьево сердце съести и кровь, и она учнет любить и мужа»¹⁵.

Судя по различным историческим документам, подобные магические средства не были достаточно эффективными для реального укрепления семейных отношений.

Развод

Разводы, или «ропусы», в Московской Руси были явлением крайне редким. Среди царских особ, знатного боярства и зажиточного купечества практиковалось насильственное пострижение неугодных жен в монашество. Брак мог распастись и при добровольном решении жены или мужа принять на себя подвиг монашеского служения. Правда, в этом случае обязательно требовалось согласие второго супруга. Церковь допускала такой «ропус» исходя из того, что если человек уходил из этого мира в монастырь, того вторая половина освобождалась от своих обязательств. Муж или жена в этом случае считались как бы вдовами и могли снова вступать в брачные отношения. Однако такое обоюдное решение могло быть лишь формальной маскировкой насилия.

Так, государь и великий князь Московский Василий III после двадцати лет счастливого, но бесплодного брака решил развестись со своей женой Соломонией Сабуровой и заключить новый брак. Этому неслыханному делу воспротивились духовные отцы — преподобный Максим Грек, инок Вассиан Патрикеев и митрополит

Варлаам. Все трое попали в опалу. Патрикеев с Греком были сосланы в отдаленные монастыри, а Варлаам, впервые за всю историю православной церкви, был лишен сана. Княгиня Соломония была обвинена в колдовстве и пострижена в московском Богородицком Рождественском монастыре. Государству нужен был наследник, и новый митрополит Даниил не противился решению князя о разводе. Народу было объявлено, что, «видя неплотство из чрева своего», великая княгиня Соломония решила принять на себя чин ангельский и постричься. Однако на деле все было не совсем так. Когда митрополит, несмотря на слезы и рыдания Соломонии, обрезал ей волосы и возложил на нее монашеский куколь, она сорвала его, бросила на землю и растоптала ногами. Присутствовавший при этом думный дворянин Иван Юрьевич Шигоня-Поджогин ударил великую княгиню плетью, после чего она уразумела бесполезность своего протеста и приняла постриг под именем София. В молитвах она просила Господа покарать ее обидчиков.

Постриг царицы Соломонии Сабуровой

¹³ Мороз Е. Веселая Эрата. Секс и любовь в мире русского Средневековья. С. 10.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

Через два месяца после насильственного пострижения Соломона — 21 января 1526 года — состоялась свадьба сорокашестилетнего великого князя Василия с двадцатилетней красавицей — княжной Еленой Васильевной Глинской. От этого брака родился сын Иван — будущий «грозный» царь Иван Васильевич IV. Когда позже Иван Грозный разорил и залил страну кровью, довел государство до катастрофы Смутного времени, многие посчитали это карой Господней за греховный развод и нечестивый брак его отца.

Развод через насильственное заточение жен в монастырь порождал еще и проблему нелегальной проституции, поскольку от женщины, подвергшихся насильственному заточению в монастырь, трудно ожидать благочестивого поведения. Об этом писал в своей книге «Путешествие в Московию...» барон Августин Майерберг: «Монастыри для них в Московии очень многочисленны, но девицы там редки, много вдов, а всего больше жен, разведенных с мужьями; однако ж в этих монастырях не очень-то процветает неуклонное соблюдение священных уставов. Потому что по извращенному тамошнему порядку комнаты замужних женщин охраняются если не стыдливостью, то, по крайней мере, несокрушимую крепостью решеток. А ограды монахинь не запираются никакой решеткой, ни запором. Следовательно, этот любопытный пол, не сдерживаемый никаким законом затворничества, принимает к себе мужчин и, отстояв свою службу на клиросе еще до рассвета, своевольно шатается по городу везде. Да и без стража своей стыдливости, который внушал бы страх к себе и, заслоняя чувственностью доступ к душе честным предостережениям, ослабляет поведы своей соблазненной воле, которая и мчит его по заповедным, для него неприступным и глухим, местам до тех пор, пока не сбросит его в пропасть, а опрокинутый туда, он делается соблазном для всех добрых людей и позором своего священного покрывала»¹¹⁶.

Для добровольного расторжения брака через пострижение одного из супругов в монашеский чин церковь требовала специальную «разводную запись», где муж и жена расписывались

в своем взаимном согласии на данное решение. «Так, в 1675 году некая Меланья, жена посадского человека Ивана Землянкина, дала мужу отпись, что «добровольно своей охотою, а не от мужни изгонки изволила пострица в иноческое житие по упрощению и по совету с мужем своим для своей немощи и скорбности». Парасковья, жена крестьянина Григория Тиханова, принявшая постриг в 1697 году, письменно разрешила «мужу повольно на иной жене законным браком ожениваться»¹¹⁷. Уговорами или силой мужа «подводили жень под монастырь», но бывали и случаи ухода в постриг мужей от злых и невыносимых жен.

Кроме монашеского пострижения церковь, как и в Средние века, давала согласие на «ропуст» супружеских отношений в случаях прелюбодеяния жены, ее самовольного ухода на игрища, умысления «зелием или иным чем на живот мужа своего» или если, ведая, не сказала ему о какой-либо угрозе. При этом развод сам по себе всячески порицался церковью, поскольку способствовал распространению блудного греха. Особую озабоченность у духовных пастырей вызывала женская склонность к блудливости. Разведенная жена была явным соблазном для введения во грех более праведных и богобоязненных людей. На игрищах и «плясаниях бесовских» такие женки могли нанести тяжкий вред делу спасения души какого-либо нестойкого мужа, ибо «пляшущая бо жена всем мужем жена есть»¹¹⁸. Оттого-то и вопрошали их отцы духовные на исповеди: «Тонцев не водишь ли, не пляшешь ли, и в том другим соблазн бывает»¹¹⁹; «Или плясала да ступила на ногу кому блуда ради»¹²⁰.

Для того чтобы мужу развестись с неугодной женой, необходимо живущей во грехе, он должен был получить разрешение на «ропуст», скрепленное «разводной грамотой» от правящего архиерея. Понятно, что многие жители отдаленных деревень

¹¹⁷ Иван Ю. История разводов. С. 198.

¹¹⁸ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2. С. 188.

¹¹⁹ Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX веках. СПб., 2006. С. 160.

¹²⁰ Там же. С. 471.

¹¹⁶ Путешествие в Московию барона Августина Майерберга. С. 60.

не имели возможности добраться до своего епископа и потому разводились по древнему языческому обряду, а именно рвали полотенец над текущей водой или на перекрестке. Об этом свидетельствовали мемуары флорентийского аристократа Рафаэля Барберини «Путешествие в Московию»: «Когда случится, что муж и жена оба согласны развестись и покинуть друг друга, в таком случае соблюдается у них следующий обычай: оба идут к текущей воде, муж становится по одну сторону, жена по другую, и, взяв с собою кусок тонкого холста, тут ташат его к себе, каждый за свой конец, и раздирают пополам, так, что у каждого в руках остается по куску, после чего расходятся оба в разные стороны, куда кому вздумается, и остаются свободными»¹²¹.

Сколько на святой Руси происходило таких неучтенных разводов — истории неизвестно, а по официальным данным, подтвержденным документами, можно заключить, что разводы были крайне редким явлением. Не случайно, что именно в XVII веке появилась народная поговорка «Женитьба есть — а разженитьбы нет»¹²².

Заключение

В XVI–XVII столетиях официальная регуляция вопросов брака и семейных отношений была сосредоточена в руках православной церкви, которая в это время интенсивно срачивалась с государственной властью. Еще в XV веке великие князья Московские в союзе с ханами Золотой Орды подминали под себя соседние и окраинные удельные земли. Приняв за образец восточноазиатскую систему управления и культуру отношений, они формировали на Руси новый тип деспотической государственности и новый тип человека, прошедшего азиатскую школу рабства.

¹²¹ Сказания иностранцев о России в XVI и XVII века х. СПб., 1843. С. 17.

¹²² Пруцкая И. Л. Женщины Древней Руси и Московского царства X–XVII вв. С. 428.

От великих князей, укреплявших отношения с Ордой, не отставали и церковные иерархи. Православные митрополиты, одаривая ханов богатыми дарами, получали от них ярлыки, закреплявшие привилегии церкви. Именно там, в Золотой Орде, и зарождался нерушимый союз духовной и светской власти. С одной стороны, государству нужна была сильная церковь, являющаяся не только воплощением христианской идеи, но и политическим институтом, поддерживающим и укрепляющим власть. С другой стороны, церковь, в обмен на сохранение в неприкосновенности ее земельных преимуществ, признавала верховенство светской власти. Уже к XVI веку она превратилась в и крупнейшего земельного собственника. Ее владения составляли около трети всех феодальных земельных площадей. К тому же церковь нуждалась в союзе с государством для дальнейшей силовой «христианизации» народа и борьбы с его языческим наследием.

Тоталитарный союз духовной и светской власти стремился взять под свой тщательный контроль все разнообразие жизни людей, вплоть до форм их интимной жизни. Любой тоталитаризм по сути своей всегда асексуален и лицемерен. Так, в конце 1640-х годов вокруг духовника царя Алексея Михайловича протопопа Стефана Вонифатьева сформировался кружок «ревнителей древнего благочестия». Он ставил перед собой цель упорядочить церковную и семейную жизнь путем восстановления древних традиций христианства, которые не имели прочных оснований в сознании русского народа. При этом неизбежно возникало логическое противоречие, поскольку предполагалось вести борьбу за древние традиции насильно внедренной религиозной идеи с древними традициями естественной и природосообразной религии народа.

Духовное лицемерие разрасталось, церковь утрачивала в себе сущность христианства и превращалась в особую корпорацию и государственный институт, далекий от реальных народных нужд. Самопровозглашение себя «Третьим Римом», обладающим абсолютной монополией на «истинную веру», последовательно приводило страну к самозолотации и культурной и интеллектуальной деградации. Православие объявлялось «русским», а русское

государство — единственным и подлинно христианским и в этом смысле вселенским царством. При этом необразованный народ не понимал и, соответственно, не принимал то, о чем толкуют на службах попы. Сами священники были в массе своей малограмотны и не знали Священного Писания.

В союзе с государственной властью, уверовав в свое «величие» и исключительность, православная церковь, вместо любящего Христа, создала для народа страшный образ Бога-судьи, пристального следящего и карающего людей за их грехи. Неудивительно, что в таком положении запуганный, задавленный и униженный народ предавался безудержному пьянству и разврату, а семейные отношения людей приобрели свойства жесточайшего патриархального деспотизма.

Эта корневая проблема эпохи, на мой взгляд, прекрасно выражена в стихотворении Александра Галича «Псалом»:

Я вышел на поиски Бога.
В предгорье уже рассвело.
А нужно мне было немного —
Две пригоршни глины всего.

И с гор я спустился в долину,
Развел над рекою костер,
И красную вязкую глину
В ладонях размял и растер.

Что знала я в ту пору о Боге,
На тихой заре бытия?
Я вылепил руки и ноги,
И голову вылепил я.

И, полон предчувствием смутным,
Мечтал я, при свете огня,
Что будет Он добрым и мудрым,
Что Он пожалует меня!

Когда ж он померк, этот длинный
День страхов, надежд и скорбей, —
Мой бог, сотворенный из глины,
Сказал мне:
— Иди и убей!..

И канули годы. И снова —
Все так же, но только грубей,
Мой бог, сотворенный из слова,
Твердил мне:
— Иди и убей!

И шел я дорогою праха,
Мне в платье впивался репей,
И бог, сотворенный из страха,
Шептал мне:
— Иди и убей!

Но вновь я печально и строго
С утра выхожу за порог —
На поиски доброго Бога,
И — ах, да поможет мне Бог!

Список литературы

1. Аль-Кахтани. Крепость мусульманина / Аль-Кахтани / пер. с араб. А. Нирша. — М.: «Умма», 2006.¹
2. Ан-Навави. Сады праведных / Ан-Навави / пер. с араб. А. Нирша. — М.: «Умма», 2007.
3. Аничков Е. В. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян: в 2 ч. / Е. В. Аничков. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1903—1905. — Ч. 1. — 1903.
4. Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV—XVII вв. — М.: Педагогика, 1985.
5. Аракеян А. А. Курды Персии / А. А. Аракеян // Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. — Т. XVII, № 1. — Тифлис, 1904.
6. Арапов О. В. Общая характеристика процесса воспитания детей в период Киевской Руси / О. В. Арапов // Актуальные вопросы современной педагогики: материалы V Междунар. науч. конф. — Уфа: «Лето», 2014.
7. Афанасьев А. Н. Славянская мифология / А. Н. Афанасьев. — М.: СПб.: «Эксмо», 2008.
8. Бабиков К. И. Проституция в России / К. И. Бабиков // «А се грехи злые, смертные...». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX—начала XX века: в 3 кн. — Кн. 3. — М.: «Ладомир», 2004. — С. 507—541.
9. Бальхаус А. Любовь и секс в Средние века / А. Бальхаус. — М.: «Клуб 36°», 2012.
10. Баранов Д. А. Образ ребенка в народной эмбриологии / Д. А. Баранов // Материалы по этнографии. — Т. 1. — СПб.: «ЭГО», 2002.

¹ Данный источник включен в федеральный список экстремистских материалов Минюста.

11. Бернштам Т. А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX— начале XX в. / Т. А. Бернштам // Русский народный свадебный обряд: исследования и материалы. — Л.: Наука, 1978.
12. Блуд на Руси. Свидетельские показания и литературные версии / сост. А. Манаков. — М.: «Колокол-пресс», 1997.
13. Боккаччо Дж. Декамерон / Дж. Боккаччо. — М.: Правда, 1989.
14. Болотов В. В. Лекции по истории древней церкви: в 4 т. / В. В. Болотов. — СПб. (Петроград): Тип. Меркушева; Третий гос. тип., 1907—1918. — Т. III — 1913.
15. Бордовская Н. В. Педагогика: учебное пособие / Н. В. Бордовская, А. А. Реан. — СПб.: «Питер», 2006.
16. Велесова книга / пер. и коммент. Ю. В. Гнатюк, В. С. Гнатюка. — М.: «Амрита-Русь», 2006.
17. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: в 2 т. / Н. М. Гальковский. — Т. 2. — М.: Печать А. И. Снегиревой, 1913.
18. Гваньини А. Описание Московии / А. Гваньини. — М.: «Греко-Латинский кабинет», 1997.
19. Герберштейн С. Записки о Московитских делах / С. Герберштейн; пер. А. И. Малеина. — СПб.: Изд. А. И. Суворина, 1908.
20. Гисф. и Дж. Брак и семья в Средние века / Ф. и Дж. Гис. — М.: «РОС-СПЭН», 2002.
21. Горей Дж. Записки о России. XVI— начало XVII в. / Дж. Горей; пер. А. А. Севастьяновой. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990.
22. Григорий Турский. История франков / Григорий Турский. — М.: Наука, 1987.
23. Гривац Е. Н. Популярная история медицины / Е. Н. Гривац. — М.: «Вече», 2003.
24. Грузнова Е. Б. На распутье Средневековья: языческие традиции в русском простонародном быту (конец XV — XVI вв.) / Е. Б. Грузнова. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013.
25. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. — М.: Русский язык, 1989—1991. — Т. 1. — 1989.
26. Дмитриева О. Тайная жизнь гаремов / О. Дмитриева. — Ростов-на-Дону; Краснодар: «Феникс», 2010.
27. Добряков А. В. Русская женщина в домонгольский период / А. В. Добряков. — СПб.: Тип. Безобразова и Ко., 1864.
28. Долгов В. В. Потаенная жизнь Древней Руси / В. В. Долгов. — М.: «Ярус», 2009.
29. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. — М.: Наука, 1976.

30. Жизнеописания достопамятных людей земли русской X–XX вв. — М.: Московский рабочий, 1929.
31. Западноевропейский сонет XIII–XVII веков: поэтическая антология. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
32. Задзняк А. А. Древненовгородский диалект / А. А. Задзняк. — Изд. 2-е, дораб. с учетом материала находок 1995–2003 гг. — М.: «Языки славянской культуры», 2004.
33. Зерцалов А. Н. К материалам о воровбе в Древней Руси. Сыское дело 1642–1643 гг. о намерении испортить царицу Евдокию Лукьяновну / А. Н. Зерцалов. — М.: Университетская типография, 1895.
34. Ивк О. История разводов / О. Ивк. — М.: «Текст», 2010.
35. Ивк О. История сексуальных запретов и предписаний / О. Ивк. — М.: «Ломоносов», 2011.
36. Изборник Святослава 1073 г.: сб. статей. — М.: Наука, 1977.
37. Известия англичан о России XVI в. — М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск.-ун-те, 1884.
38. Имамал-Мунизри. Мухтасар Саких Муслим: в 2 т. / Имам аль-Мунизри. — Алматы: ТОО «Кэусар-саяхат», 2013.
39. Инстоун-Брюер Д. Развод и повторный брак в Библии / Д. Инстоун-Брюер. — Черкассы: «Коллоквиум», 2016.
40. Иоани Златоуст. Книга о девстве / Иоани Златоуст // Полное собрание творений: в 12 т. — Т. 1, кн. 1. — М.: «Православная книга», 1991.
41. История государственно-конфессиональных отношений в России (X — начало XXI века): хрестоматия в 2 ч. — М.: «МедиаПром», 2010.
42. История женщины на Западе: в 5 т. — СПб.: «Адетейя», 2005–2015.
43. История культуры Древней Руси: в 2 т. — Т. 2. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951.
44. Карамзин Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. — М.: «Эксмо», 2002.
45. Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: в 2 т. / Н. Ф. Каптерев. — Т. 1. — М.: «Православный паломник», 1996.
46. Ключевский В. О. Курс русской истории: в 5 ч. / В. О. Ключевский. — М.: Пг.: Тип. «Печатный двор», 1923.
47. Ключевский В. О. Неопубликованные произведения / В. О. Ключевский. — М.: Наука, 1983.
48. Колдовство в Московской Руси XVII-го столетия (Приложение) // Н. Я. Новомбергский. Слово и делогосударевы: в 2 т. — Т. II. — М.: «Языки славянской культуры», 2004.
49. Коран / пер. И. Ю. Крачковского. — М.: «Вектор СПб», 1991.

50. Корогодина М. В. Исповедь в России в XIV–XIX веках / М. В. Корогодина. — СПб.: «Дмитрий Буланин», 2006.
51. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях / Н. И. Костомаров. — М.: «Республика», 1992.
52. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: в 3 кн. / Н. И. Костомаров. — Репринтное воспроизведение издания 1873–1888 гг. — М.: Книга, 1990.
53. Кружков Ю. Г. Русские обрядовые песни / Ю. Г. Кружков. — М.: Высшая школа, 1989.
54. Лев Диакон. История / Лев Диакон. — М.: Наука, 1988.
55. Левина Е. Секс и общество в мире православных славян, 900–1700 гг. / Е. Левина // «А се грехизлые, смертныя...»: любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X — первая половина XIX века) / отв. ред. Н. Л. Пушкарева. — М.: «Ладомир», 1999. — С. 239–491.
56. Ли А. Безобразный Ренессанс. Секс, жестокость, разврат в век красоты / А. Ли. — М.: «Кучково поле», 2016.
57. Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонезья / К. К. Логинов. — Петрозаводск: «КНЦ РАН», 1993.
58. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения / А. Ф. Лосев. — М.: Мысль, 1998.
59. Лурье Я. С. Феодосий Бывальцев / Я. С. Лурье // Словарь книжников и книжности Древней Руси. — Вып. 2, ч. 2. — Л.: Наука, 1989.
60. Маневич И. А. Гарем. Красота, любовь, тайна / И. А. Маневич. — М.: «Белый город», 2012.
61. Маржерет Ж. Состояние Российской империи / Ж. Маржерет. — М.: «Языки славянских культур», 2007.
62. Мильков В. В. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель / В. В. Мильков, Р. А. Симонов. — М.: «Круг», 2011.
63. Митрополит Макарий. История русской церкви: в 3 кн. / Митрополит Макарий. — М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1996. — Кн. 2. — 1995.
64. Моление Даниила Заточника / пер. с древнерус. Д. С. Лихачева // Повести древней Руси XI–XII веков. — Л.: Лениздат, 1983.
65. Мороз Е. Веселая Эрата. Секс и любовь в мире русского Средневековья / Е. Мороз. — М.: «Новое литературное обозрение», 2011.
66. Мусульманка. Особое благоговение. — М.: «Эксмо», «Умма», 2016.
67. Оларий А. Описание путешествия в Московию / А. Оларий / пер. с нем. А. М. Ловгина // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. — Л.: Лениздат, 1986. — С. 287–470.

68. *Опыры А.* Описание путешествия в Московию / А. Олеарий ; пер. с нем. А. М. Львагина. — Смоленск : «Русич», 2003.
69. *Омельяничук С. В.* Брак и семья в Древней Руси IX—XIII веков / С. В. Омельяничук. — Владимир : Изд-во Влад. гос. ун-та, 2010.
70. *Осинский А. В.* История семьи и брака. Т. 1 : Становление и развитие института семьи и брака в доисторические времена и в Древнем мире / А. В. Осинский. — СПб. : «ТМДОГИСТИК», 2018.
71. *Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв.* : в 2 ч. — Ч. 2 : XIV—XV вв. — М. : Изд-во АН СССР, 1953.
72. *Ланков В. Ф.* Жизнь Мухаммеда / В. Ф. Панова, Б. Б. Вахтин. — М. : Политиздат, 1990.
73. *Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI—начало XII века.* — М. : Художественная литература, 1978.
74. *Памятники литературы Древней Руси. XIII век.* — М. : Художественная литература, 1981.
75. *Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века.* — М. : Художественная литература, 1982.
76. *Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI — начало XVII века.* — М. : Художественная литература, 1987.
77. *Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века.* — М. : Художественная литература, 1985.
78. *Памятники литературы Древней Руси. XVII век : в 3 кн.* — М. : Художественная литература, 1988—1994. — Кн. 1, 2. — 1988—1989.
79. *Перфильев О.* Жены Синей Бороды. В спальне Генриха VIII / О. Перфильев. — М. : «ОЛМА-Пресс», 1999.
80. *Петрарка Ф.* Лирика / Ф. Петрарка. — М. : Художественная литература, 1980.
81. *Повесть временных лет* / пер. Д. С. Лихачева. — Петрозаводск : «Карелия», 1991.
82. *Повесть временных лет* / РАН. — СПб. : Наука, 2007.
83. *Полное собрание русских летописей.* — Т. 1 : Лаврентьевская летопись. — Л. : Изд-во АН СССР, 1926—1928.
84. *Правила Святых Апостолов и Вселенских соборов с толкованиями.* — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikodim_Milash/pravila-svjatyh-apostolov-i-vselenskikh-soborov-s-tolkovanijami/ (дата обращения: 28.01.2020).
85. *Правила Святых Отец с толкованиями.* — М. : Изд-во Московского общества любителей духовного просвещения, 1884.
86. *Православная богословская энциклопедия* : в 12 т. / под ред. А. П. Лопухина. — Пг., 1900—1911. — Т. 2. — 1901. — С. 1023.
87. *Протт В. Я.* Русские аграрные праздники : (опыт историко-этнографического исследования) / В. Я. Протт. — М. : «Лабиринт», 2000.
88. *Псковская судная грамота (1397—1467).* — Псков : Изд. Псковского археологического общества ; Типогр. Губернского правления, 1896.
89. *Псковская судная грамота и российская правовая традиция : Труды межрегиональной научной конференции, посвященной 600-летию юбилею Псковской судной грамоты* — Псков : Псковский вольный университет ; Псковский государственный педагогический институт, 1997.
90. *Путешествие в Московию барона Августина Майенберга, члена императорского придворного совета, и Горация Вильгельма Кальвуччи, кавалера и члена правительственного совета и южной Австрии, послов Августейшего Римского императора Леопольда к царю и великому князю Алексею Михайловичу в 1661 году, описанное самим бароном Майенбергом.* — М. : Изд. Имп. о-ва истории и древностей российских при Московском университете, 1874.
91. *Путешествие ибн-Фадлана на Волгу* / пер. и коммент. А. П. Ковалевского ; под ред. И. Ю. Крачковского. — М. : Л. : Изд-во АН СССР, 1939.
92. *Пушкарёв Л. Н.* Раннерусские пословицы и поговорки эротического содержания // «А се грехи злые, смертные...»: любовь, эротика и сексуальная этика в доиндустриальной России (X—первая половина XIX века) / отв. ред. Н. Л. Пушкарева. — М. : «Ладомир», 1999. — С. 631—640.
93. *Пушкарева Н. Л.* Женщины Древней Руси и Московского царства X—XVII вв. / Н. Л. Пушкарева. — СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2017.
94. *Раимова К. И.* Хадисы о женщинах / К. И. Раимова. — М. : СПб. : «Диля», 2017.
95. *Раимова К. И.* Хадисы о почитании родителей / К. И. Раимова. — М. : СПб. : «Диля», 2017.
96. *Российское законодательство X—XX веков* : в 9 т. — М. : Юридическая литература, 1984—1994. — Т. 1. — 1984.
97. *Россия XV—XVII вв. глазами иностранцев.* — Л. : Лениздат, 1986.
98. *Русский эротический фольклор. Песни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки / сост. и науч. ред. А. Л. Топорков. — М. : «Ладомир», 1995.*
99. *Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках.* — СПб. : Тип. Штаба воен.-учеб. заведения, 1843.
100. *Соловьев С. М.* Сочинения : в 23 кн. / С. М. Соловьев. — М. : Мысль, 1988—2000.

101. Стоглав. Собор бывший в Москве при великом государе царе и великом князе Иване Васильевиче (в лето 7059). — Лондон: Trübner & Co., 1860.
102. Стрейс Я. Я. Три путешествия / Я. Я. Стрейс; пер. Э. Бородинной. — М.: ОГИЗ-СОЦЭКГИЗ, 1935.
103. Сэра Томаса Смита путешествие и пребывание в России / пер. И. М. Болдакова. — СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко., 1893.
104. Татищев В. Н. История Российская (1055—1378 гг.) / В. Н. Татищев. — Рязань: «Александрия», 2015.
105. Татищев В. Н. История Российская: в 3 т. / В. Н. Татищев. — М.: АСТ, 2003.
106. Татищев В. Н. Русь Домосковская. История Российская во всей ее полноте / В. Н. Татищев. — М.: «Алгоритм», 2013.
107. Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского: в 2 т. — Т. 1. — СПб.: Изд. П. П. Сойкина, 1912.
108. Тогоева О. И. Дела плоти. Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве судебной полемики / О. И. Тогоева. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018.
109. Толстой Н. И. Очерки славянского язычества / Н. И. Толстой. — М.: «Индрик», 2003.
110. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер. — Т. 2. — М.: «Астрель»; АСТ, 2003.
111. Фукс Э. Иллюстрированная история нравов. Эпоха Ренессанса / Э. Фукс. — М.: «Республика», 1993.
112. Фукс Э. Иллюстрированная история эротического искусства / Э. Фукс. — М.: «Республика», 1995.
113. Хадисы. Высказывания пророка Мухаммада / богосл. пер. и комм. Ш. Алжудинова. — М.; СПб.: «Диля», 2017.
114. Харузин Н. Н. К вопросу о борьбе московского правительства с нарочными языческими обрядами и суевериями в половине XVII века / Н. Н. Харузин // «А се грехи злые, смертные...». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литературоведов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XX века: в 3 кн. — Ки. 1. — М.: «Ладомир», 2004. — С. 272—282.
115. Хрестоматия по истории педагогики: в 3 т. / сост. А. И. Пискунов. — Т. 1: Античность. Средневековье. — М.: «Сфера», 2006.
116. Хрестоматия по истории СССР: в 3 т. / под ред. В. И. Лебедева. — Т. 1. — М.: Учпедгиз, 1949.
117. Чемслер Р. Книга о великом и могущественном царе русском / Р. Чемслер. — М.: «Директ-Медиа», 2011.

118. Цатурова М. К. Русское семейное право XVI—XVIII вв. / М. К. Цатурова. — М.: Юридическая литература, 1991.
119. Шейх Нефзауи. Сад благоустроенный. Из наставлений по арабской эротологии / Шейх Нефзауи. — СПб.: «Еликон Плюс», 2010.
120. Шекспир В. Гамлет, принц Датский / В. Шекспир; пер. Б. Пастернака. — М.: «Азбука-классика», 2013.
121. Шпренгер Я. Молот ведьм / Я. Шпренгер, Г. Инститорис. — М.: «Интербук», 1990.
122. Эклога: византийский законодательный свод VIII века. Византийская Книга Эпарха. — Рязань: «Александрия», 2006.
123. Юшков С. В. Русская Правда. Происхождение, источники, ее значение / С. В. Юшков. — М.: «Зерцало-М», 2002.
124. Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1997—2000 гг. / В. Л. Янин, А. А. Зализняк, А. А. Гиппиус. — М.: «Русские словари», 2004.
125. Ясное изложение хадисов «Достоверного свода»: «Сахих» аль-Бухари (краткое изложение) / пер. с араб. А. Нирша. — М.: «Эксмо»; «Умма», 2017.
126. Ярхо В. Как учили и учились в Древней Руси / В. Ярхо // Наука и жизнь. — 2002. — № 7. — С. 54—59.
127. Antonio Panormita. Hermaproditus / Antonio Panormita; translated with an introduction and notes by Eugene O'Connor. — New York; Oxford: Lexington Books, 2001.

Оглавление

Отзывы читателей	6
------------------------	---

Часть I

Семейные отношения эпохи Средневековья в странах Западной Европы

Меровинги, Каролинги, Капетинги	11
Утверждение христианской церковной идеи	22
Утверждение celibата	29
Борьба с ересями и плотскими грехами	37
Брак и создание семьи	47
Семейные отношения	61
Рыцарские нравы и куртуазная любовь	66
Супружеские обязанности	74
Внебрачные отношения	80
Развод	92
Заключение	104

Часть II

Развитие института брака и семейных отношений в эпоху Ренессанса

Новая эпоха	109
Возрождение гедонистических ценностей	111
Добрачные отношения	123
Создание семьи	140
Семейные отношения	151
Внебрачные отношения	161
Развод и повторный брак	168
Заключение	174

Часть III

Семейные отношения в странах Ближнего Востока

Образование ислама	177
Арабская семья в доисламский период	183
Влияние ислама на семейные отношения	189
Создание семьи	198
Супружеские отношения	208
Гарем	215
Интриги и коварство	224
Родительские обязанности	233
Внебрачные отношения	238
Развод	246
Заключение	253

Часть IV

Семейные отношения эпохи Средневековья в Древней Руси

Социальная структура	257
Добрачные отношения в Древней Руси	270
Создание семьи и брачные отношения в дохристианский период	288
Влияние христианства на брачные отношения в Киевской Руси	301
Создание семьи в Киевской Руси	306
Бытовой уклад семейной жизни	318
Воспитание детей	327
Внебрачные отношения	337
Развод	343
Заключение	351

Часть V

Семья в Московском царстве

Становление царства Московского в XVI-XVII столетиях	355
Добрачные отношения	369
Создание семьи	375
Свадьбы	386
Семья и супружеские отношения	395
Родительские обязанности	403
Внебрачные отношения	416
Развод	428
Заключение	432
Список литературы	436

Отзывы направляйте по эл. адресу:
science.psy@gmail.com

Сайт www.in-synergy.ru

 YouTube Анатолий Осницкий / психология отношений

Научное издание

Анатолий Викторович Осницкий

ИСТОРИЯ СЕМЬИ И БРАКА

Опыт исследования состояния института семьи
в историческом и современном аспектах

Том 2

Состояние института семьи и брака
в эпоху Средневековья и Возрождения

Художник-иллюстратор Е. А. Крикленко

Технический редактор А. Б. Левкина

Корректор Д. А. Гаврилов

Подготовка оригинал-макета

С. В. Крайневич, Л. А. Брисовская

Подписано в печать 24.02.2020. Формат 60 × 90 1/4.
Параметры A4recto. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28.
Тираж 5 00 экз. Заказ № 051P.

Отпечатано в типографии издательско-полиграфической фирмы «Реноме».
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66. E-mail: book@renomespb.ru
В контакте: http://vk.com/renome_spb
www.renomespb.ru

Новый издательский проект кандидата психологических наук
А. В. Осницкого «ИСТОРИЯ СЕМЬИ И БРАКА» посвящен
анализу развития межличностных отношений при формиро-
вании основ института семьи и брака в разные исторические
периоды с древнейших времен до наших дней.

Том первый

Становление и развитие института семьи и брака
в доисторические времена и в Древнем мире. —
СПб.: Издательство «Союз», 2018. — 432 с.

Художник-оформитель: Елена Ивановна Чернышова

Книга посвящена анализу развития межличностных отно-
шений при формировании основ института семьи и брака
в доисторические времена и в эпоху Древнего мира. В ней
освещаются проблемы зарождения и развития супружеских
отношений, воспитания детей, формы добрых и извращенных
связей в различных формах становления человеческой цивили-
зации и государствах Древнего мира средиземноморского
и причерноморского бассейна.

Продолжение к изданию

Том третий

Развитие и состояние института семьи и брака
в XVIII и XIX веках

В третьем томе предполагается рассмотреть особенности развития семейных отношений в период XVIII и XIX веков в странах Европы и в Российской империи. Также будут освещены различные формы добрачных, семейных и внебрачных отношений, системы воспитания и образования детей, причины процедуры и последствия разводов, дана общая характеристика быта и нравов людей той эпохи.

Том четвертый

Развитие и состояние института семьи и брака
в XX и XXI веках

Четвертый том будет посвящен анализу развития семейных отношений и состояния института брака с начала XX века и заканчивая первым двадцатилетием XXI столетия. В книге будет уделено внимание динамике развертывания кризисных социальных явлений и их влиянию на состояние добрачных, семейных и внебрачных отношений. Планируется публикация обширных статистических данных о состоянии института семьи в прошлом веке и в настоящее время.

2019626359

Анатолий Викторович ОСНИЦКИЙ — кандидат психологических наук, доцент. Руководит Санкт-Петербургским научно-исследовательским центром интегрально-синергетической психологии и психотерапии. Имеет базовое историческое, психологическое образование, специалист в области культурологии и богословия. Занимается исследованиями и практической психокоррекционной деятельностью в сфере межличностных отношений, психотерапией обсессивных расстройств и эмоционально-психических зависимостей.

Основной научный интерес сосредоточен в области изучения программ жизненного пути личности. Автор «Метода интегрально-синергетической психотерапии» и «Способа анализа формирования психических особенностей личности».

Данная работа автора посвящена анализу состояния межличностных отношений и развитию института семьи и брака в Средние века и в эпоху Ренессанса.

Изначально человек как биосоциальный вид Homo sapiens сформировался благодаря изменению природной среды, возникновению религиозных убеждений и образованию института семьи и брака. Всё последующее развитие человеческой цивилизации зависело от этих факторов, на которые активно воздействовали и сами люди. Приняв на себя гордое звание венца природы и обязанности владыки мира, род людской далеко не всегда соответствовал им. В настоящее время мы пожинаем плоды прошлых ошибок. Экологическое состояние планеты критично, религиозное мировоззрение сведено к церковным догмам, а институт семьи разрушается. Наверное, пришло время трезво оценить наш исторический опыт, взглянуть на него реально без прикрас и цензурных купирований. Из этого прошлого выросло наше настоящее, и от верного понимания его зависит наше будущее.

Давайте же попробуем разобраться в нашем прошлом, пока не поздно.

Анатолий Осницкий

ISBN 978-5-00125-268-9

9 785001 252689